СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

А. Н. БОРИСОВ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ИМПЕРИИ

История Заграничной агентуры российских спецслужб

Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»
Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
2001

ББК 66.61(2)
Б 82

Исключительное право публикации книги принадлежит «Издательскому Дому „Нева“». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Борисов А.

Б 82 Особый отдел империи. — СПб.: «Издательский Дом „Нева“»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС». 2001. — 480 с. (Серия «Досье»).

ISBN 5-7654-0918-0
ISBN 5-224-01443-3

Книга известного петербургского журналиста А. Борисова рассказывает о дореволюционном политическом сыске за пределами России. Автор приводит сенсационные факты о работе агентов III Отделения и Департамента полиции за рубежом на протяжении всего XIX и начала XX века. Повествует об акциях и провокациях российских спецслужб в Европе. Знакомит с руководителями и секретными сотрудниками Заграничной агентуры.

В данном издании впервые представлена полная история Заграничной агентуры русской полиции. Все события основаны на документальных материалах. Хотя автор старался держаться в рамках исторической темы, книга как никогда актуальна сегодня, когда проблемы политического терроризма и борьбы с ним стоят особенно остро.

ББК 66.61(2)

© А. Н. Борисов, 2001
© Оформление «ОЛМА-ПРЕСС», 2001
© «Издательский Дом „Нева“», 2001
© «ОЛМА-ПРЕСС», 2001

ISBN 5-7654-0918-0
ISBN 5-224-01443-3

ЭКСКУРСИЯ В ЦВЕТНОЙ ТУМАН

...Но в этой сумятице взорванных лет
Мне все ж не хватало знакомых примет:
Я думал, что вижу, не видя ни зги,
А между друзьями сновали враги,
И были они среди наших колонн
Подчас знаменосцами наших знамен.

Наум Коржавин

Перепутано все.
Все слова получили сто смыслов.

Наум Коржавин

Мой добрый приятель, в прошлом петербургский, а ныне симферопольский литературовед Виктор Мещеряков, как-то признался, что в излюбленные свои XVIII — XIX века погрузился исключительно по той причине, что свершившаяся история лишена раздражающих незавершенности и хаотизма настоящего, все в ней уже окончательно сотворено и очевидно. Хотя позиция эта помогла ему написать, например, прекрасное исследование о Грибоедове, увы! самовнушения здесь куда больше, чем истины... Ибо при попытке взглянуть на события минувшего, так сказать, с птичьего полета, чтобы увидеть не отдельный факт или событийную линию, а общую динамику и логику происходящего, картина представляется зачастую настолько запутанной, непостижимой и сюрреалистичной, что куда там Полю Дельво, Максу Эрнсту и Сальватору Дали вместе взятым! Впрочем, должен признаться, меня это не столько раздражает, сколько разжигает аппетит как следует призадуматься, взыскуя смысла. И если даже непонятное

остается порой непонятым, а загадка нерешенной, что в том дурного? Это лишь означает, что в который раз совершенно по-блоковски

...мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.

И сейчас я предлагаю вам вместе поблуждать в этой радужной дымке, размывающей и причудливо окрашивающей, казалось бы, столь хорошо знакомые очертания. Подобная экскурсия тем интереснее, что всевозможной конкретики фактов, свидетельств, описаний в предлагаемой вашему вниманию книге более чем достаточно.

Читая эту книгу, я никак не мог избавиться от ощущения, будто передо мной не документальное повествование, а парадоксалистский роман в духе «Человека, который был Четвергом» с детских лет почитаемого мною Гилберта Кийта Честертона. Причем масштабы взаимопроникновения и срастания подрывной и охранной структур столь непредставимы, что писательское воображение перед ними, надо признать, откровенно бледнеет: порою попросту невозможно разобраться в невероятных хитросплетениях судеб представителей двух противостоящих (по идее) лагерей революционеров и полиции.

Дивны, воистину дивны дела Твои, Господи!

Кем были они все, эти рачковские, дегаевы и азефы вкупе с иными прочими, коим несть числа? Кем были «благородные богатыри русского политического сыска»?

Кем почитали все они себя, нам никогда уже не узнать, тем более что их собственным, зафиксированным современниками обмолвкам и мемуарно-эпистолярным признаниям верить ни в коей мере нельзя: и личины в этих случайных ли, намеренных ли словах слишком отчетливо проступали, и естественного желания предстать граду и миру краше, чем есть, со счетов не скинешь. Что же до фактов...

Судите сами.

За время захлестнувшего империю в первое десятилетие нашего века разгула терроризма, провозглашенного в свое время достославным Морозовым-шлиссельбуржцем первейшим оружием революционера («...мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом»), погибли и получили ранения до семнадцати тысяч человек, две трети из них были, естественно, теми щепками, что летят, как известно, при рубке леса. Главную же треть составили, согласно «Истории терроризма в России» О. В. Будницкого, великий князь, два министра, тридцать три генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, двое депутатов Государственной думы, шестнадцать градоначальников, начальников окружных отделений, полицмейстеров, прокуроров, их помощников и начальников сыскных отделений, семеро генералов и адмиралов, полтора десятка полковников, восемь присяжных поверенных, двадцать шесть агентов полиции, и так вплоть до чиновников четырнадцатого разряда.

Но!

Петербуржский инспектор секретной полиции, жандармский подполковник Георгий Порфирьевич Судейкин, пал от руки отставного штабс-капитана Сергея Дегаева — не только народовольца, но и собственного, заметим, агента.

15 июля 1904 года министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов Вячеслав Константинович Плеве был убит Егором Сергеевичем Сазоновым, а 4 февраля 1905 года московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович погиб от бомбы, брошенной Иваном Платоновичем Каляевым. Подготовкой обоих терактов руководил глава Боевой организации эсеров Евно Фишелевич Азеф, секретный сотрудник Департамента полиции.

1 сентября 1911 года в Киеве анархист Д. Г. Богров умудрился получить именной пропуск в строго охраняемый оперный театр и во время антракта выстрелами в упор смертельно ранил премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина. Нечего и говорить, что Богров являлся секретным сотрудником охранки.

В 1914 году охранка получила два преподробнейших отчета о встрече видных социал-демократов: ленинца «товарища Георгия» и «примиренца» «товарища Маракушева» — встрече, на которой присутствовали только двое. Sapienti sat!*

Но!

---

* Умный поймет *(лат.)*.

Судейкин, в свою очередь, намеревался, как утверждают, «поручить Дегаеву под своей рукой сформировать отряд террористов, совершенно законспирированный от тайной полиции; <...> устроить фактическое покушение на собственную жизнь, причем должен был получить рану и выйти в отставку по болезни». Вслед за тем Дегаеву надлежало разгуляться вовсю: ликвидировать министра внутренних дел графа Толстого, великого князя Владимира, совершив попутно целую серию терактов помельче. «Ужас должен был охватить царя, необходимость Судейкина должна была стать очевидной, и к нему обязательно должны были обратиться как к единственному спасителю. И тут Судейкин мог запросить что душе угодно...»

Когда через своих осведомителей Охранному отделению стало известно о готовящемся покушении на великого князя Сергея Александровича, оно обратилось к директору Департамента полиции Алексею Александровичу Лопухину с просьбой выделить тридцать тысяч рублей на усиление охраны. Однако ввиду острой недостаточности фондов своего ведомства Лопухин отказал, заметив, что террористы «не посмели бы напасть на члена императорской фамилии» (!). К чему это привело, смотрите выше. Впоследствии тот же Лопухин, будучи уже отставным директором Департамента, по позыву совести ознакомил со списками секретных агентов в рядах революционеров знаменитого «охотника за провокаторами» Владимира Львовича Бурцева. Впрочем, аналогичными сведениями делились с «борцами против деспотического режима» и другие высокопоставленные и высокоосведомленные лица, например сотрудник Особого отдела Департамента полиции Л. П. Менщиков и отставной чиновник особых поручений Варшавского охранного отделения Михаил Ефимович Бакай.

Товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов генерал-майор Владимир Федорович Джунковский приказал Департаменту полиции прервать всяческие отношения со своим агентом Романом Вацлавовичем Малиновским, уже успевшим к тому времени стать членом ЦК РСДРП и депутатом IV Государственной думы. Более того, Джунковский даже вынудил последнего сложить депутатские полномочия и податься в эмиграцию.

Но!

Тот же Евно Азеф ради укрепления собственных позиций в руководстве партии с легкой душой «засвечивал» своих коллег по секретной службе в охранке.

Как явствует из некоторых свидетельств, невинно убиенный В. К. Плеве в бытность свою директором Департамента полиции питал в отношении тогдашнего министра внутренних дел графа Толстого примерно такие же планы, что и поминавшийся выше Судейкин.

Так кто же с кем боролся? Охранка с режимом? Полиция со своими агентами? Революционеры друг с другом? Даром, что ли, начальник Киевского жандармского управления генерал В. Д. Новицкий уверял: хитроумные интриги возглавляемой Петром Ивановичем Рачковским Заграничной агентуры направлены исключительно на ослабление царской власти... Чистейший сюрреализм! Где вы, Дельво и Дали от Клио? Туман, цветной туман!

Однако сыскать ариаднину нить все-таки можно.

Позволю себе маленькое отступление, лирическое в самом прямом смысле слова. Один из наших петербуржских литераторов, ныне покойный уже литературовед, на склоне лет решился предать гласности грех всей жизни и выпустил книгу стихов, в разные годы выходивших из-под его пера, но копившихся исключительно в дальнем ящике стола. Безобиднейшее, казалось бы, дело. Ан нет! Было это, замечу, на заре Перестройки, когда все и вся горели страстями общественно-политическими, и немалое число коллег перестало подавать руку несчастному старику: он, видите ли, посмел в стихотворении, датированном ни много ни мало тридцать седьмым годом, писать о счастье и прелестях жизни... Да о чем же еще было и писать молодому, здоровому и без памяти влюбленному человеку? Но нельзя; в годину террора либо о тюрьмах, лагерях да расстрелах, либо молчи вообще. Распространенная, между прочим, точка зрения: в тяжелые времена никто не имеет права ни на какие чувства, кроме скорби и праведного гнева...

«К чему ж твоя баллада?»—
Иная спросит дева.
«О жизнь моя, о лада,
Ей-ей, не для припева!»

Все мы с младых ногтей воспитаны в некоей парадигме обобщения, где судьба подменяется биографией, психология — социологией, а человеческие борения — классовой борьбой. Но ведь в реальности все не так. Люди руководствуются всяк своими страстями, стремлениями и чаяниями, совершают благородные поступки и предают, рвутся к сияющим карьерным вершинам и низвергаются с них. По отношению к героям и многочисленным персонажам этого тома вышесказанное особенно справедливо: ведь обе противоборствующие и, как мы выяснили, взаимопроникающие сферы, где они действовали, привлекали к себе натуры чаще всего отнюдь не заурядные, тех, кому в будничных рамках оказывалось неуютно и тесно.

Вот и выходит, что цветной туман, в клубы которого я приглашаю вас теперь погрузиться, рождается в тот момент, когда в грудах сухих исторических фактов пробуждается человеческая жизнь.

А. Балабуха

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ИМПЕРИИ

История — это политика, обращенная в прошлое.

М. Покровский

Часть 1

III ОТДЕЛЕНИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

«НЕ В НРАВАХ РОССИЙСКИХ СЕЙ УМЫСЕЛ...»

Создание европейской монархической коалиции в первой четверти XIX века. — Тайные объединения российских дворян. — Предатель декабристов Шервуд-Верный. — Запрет тайных обществ Александром I. — Учреждение жандармерии. — Проблемы престолонаследия. — Воцарение Николая I. — Подавление восстания декабристов. — Письмо декабриста Бестужева царю Николаю I. — Царский манифест о заговоре декабристов. — Централизация политического сыска в России. — Назначение А. Х. Бенкендорфа шефом жандармов. — Петр I о предназначении полиции. — Л. В. Дубельт во главе Корпуса жандармов. — Главная задача российской жандармерии. — Соборное уложение о доносительстве. — Петровский фискалитет. — Эмиграция после подавления польского восстания. — Разоружение польского корпуса Меттернихом. — Регулярная полиция как инструмент тотального контроля в России.

XIX век начался с трагедий целых народов. Он ворвался в старую добрую Европу в мундире кровопролитных наполеоновских войн под флагами революционных потрясений века предыдущего. Европейским царствующим домам понадобилось целых 15 лет, чтобы справиться с военным деспотизмом Наполеона, порожденным французской революцией, и осознать необходимость коалиции монархий для восстановления абсолютистских принципов. На Венском конгрессе в 1815 году коронованные особы всех, кроме Турции, европейских стран

сочли общим делом закрепление монархических порядков, возвращение прежних династий в государства, завоеванные Наполеоном, уничтожение последствий французской революции и совместную борьбу с любыми революционными движениями. Священный союз, законнорожденное дитя Венского конгресса, еще прочнее скрепил взаимные обязательства европейских монархов «во всяком случае и во всяком месте подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь».

Монархическая коалиция была с энтузиазмом поддержана европейскими народами, только что освободившимися от наполеоновского порабощения. Ненависть к владычеству «императора французов» в странах Европы порождала невиданный ранее национально-патриотический подъем, укрепляла у населения веру в монархов-освободителей и всенародную любовь к ним. Однако народно-освободительное движение, возникавшее поначалу как антинаполеоновское, тут же приобретало либерально-демократическое направление. Чуть ли не от каждой короны ждали конституционных свобод. Прецедент создал новый король Франции. Возвратившийся из эмиграции Людовик XVIII 3 мая 1814 года торжественно въехал в Париж, а уже 4 июня «даровал» французскому народу так называемую «конституционную хартию».

Российские передовые умы с надеждой ожидали от своего царя-победителя «высочайшей конституции». Не дождавшись, стали тайно объединяться для освобождения от абсолютизма. С 1816 года одна за другой по России возникают дворянские организации: Союз спасения, Союз благоденствия, Северное и Южное тайные общества, Общество соединенных славян. В них разрабатываются проекты нового российского устройства: конституционная монархия, федерация областей, гражданское равноправие, свобода слова, печати, вероисповедания, освобождение крепостных крестьян.

Участие в тайных обществах стало в двух столицах чуть ли не поветрием. Это «модное увлечение» подметил А. С. Грибоедов в комедии «Горе от ума». Ветреник Репетилов объявляет на балу:

> «У нас есть общество и тайные собранья
> По четвергам... Секретнейший союз!..»

Если само существование «секретнейших союзов» становилось для властей «тайной полишинеля», то неудивительно, что в среду заговорщиков проникали доносчики. К примеру, декабристы опрометчиво допустили в свои общества некоего Шервуда, который подал докладную записку об их секретных замыслах Александру I. В награду «докладчик» получил право именоваться Шервудом-Верным, а несколько лет спустя, несмотря на все заслуги, был приговорен к тюремному заключению за различные мелкие мошенничества.

Несомненно, и помимо доноса Шервуда Александру I было известно о декабристских организациях. Хотя он и запретил в 1822 году деятельность всех тайных обществ, но не предпринял других мер против них, считая, что они разделяют заблуждения его собственной молодости. Ведь и сам Александр поначалу намеревался осуществить реформу власти посредством конституции, которая дала бы всем подданным личную свободу и гражданские права. Осознавая при этом, что подобная «революция сверху» приведет фактически к ликвидации самодержавия, он даже был готов в случае успеха удалиться от трона.

С другой стороны, именно при Александре была учреждена жандармерия — полиция, имеющая военную организацию и выполняющая охрану царского режима внутри армии и страны в целом. Создавая военную жандармерию, Александр следовал за венценосным родителем: Павел Петрович еще в 1792 году сформировал в составе гатчинских армейских подразделений первый в России жандармский полк. Затем Павел I включил гатчинскую жандармерию в состав лейб-гвардии Конного полка. Александр в 1815 году реорганизовал Борисоглебский драгунский полк в жандармский и распределил его по армейским частям для несения полицейской службы. Отдельный корпус жандармов с функциями политической полиции просуществовал в России вплоть до 1917 года.

Александровские жандармы не смогли раскрыть кружки будущих декабристов, несмотря на то что жандармерии с самого начала были вменены осведомительские обязанности: меры по созданию военной полиции, принятые Александром I, явились его реакцией на

участившиеся донесения о вольнодумстве офицеров и нижних армейских чинов после триумфального возвращения из Европы.

Следует заметить, что Александр I первым широко распахнул дверь в Европу. Он первым решительно шагнул в эту дверь, не удовлетворяясь более только смотреть в Европу через окно, прорубленное его предком-реформатором Петром I. Но тут любимый внук и воспитанник Екатерины Великой, «продолжатель передовых просветительских деяний Золотого века России», первым столкнулся с яростным сопротивлением консервативных монархических кругов, в первую очередь вотчинных крепостников. Те сразу почувствовали разрушительную опасность идейных ветров, подувших из конституционно-монархической и местами уже буржуазной Европы. Европейский либеральный «сквозняк» грозил заразить духом карбонарства феодально-монархический российский уклад. Но закрыть эту дверь сил у Александра уже не было. Слишком длинен был шлейф конституционно-романтических мечтаний юности. Слишком крепок венец победителя Буонапарта. Слишком тяжела булава главы Тройственного союза.

Уже через три года после Венского конгресса, в 1818 году, Александр I пытается сдать дела брату Константину. Однако великий князь, большой поклонник искусств, меценат и душа общества, являясь наместником русского престола в Польше, живет по ту сторону двери — в европейской Варшаве, имеет польскую конституцию, собственную надежную охрану и охранку. Константину приходится чуть ли не вальсировать, чтобы на протяжении семи лет уворачиваться от «закабаления на престол». Ведь что-то же надо делать «с этой дверью»? Ну, так закрывайте ее сами!

Неожиданное известие о смерти царя-победителя 17 ноября 1825 в Таганроге выявило двусмысленность династической ситуации. Когда спустя десять дней весть об этом достигла столицы, войска и население были немедленно приведены к присяге императору Константину I. Первым присягнул наследнику престола его младший брат Николай Павлович. Однако Константин не желал признавать себя императором. Николаю пришлось обнаружить недюжинные политические способности, лавируя между недоброжелательно настроенной к нему столичной верхушкой и братом, ведущим себя крайне уклончиво. Получение известия о существовании в армии разветвленного военного заговора заставило его взять инициативу в свои руки и решиться объявить себя императором на основании документов, подписанных Александром тайно в его пользу еще в 1823 году.

В день присяги Николаю 14 декабря 1825 года под лозунгом незаконности переприсяги вспыхивает вооруженный мятеж части гвардии, названный восстанием декабристов. Судьба Николая висит на волоске. Но он справляется с ситуацией, проявив решительность и беспощадность, свойственные ему в минуту опасности. Бунтовщики расстреляны из пушек. Порядок в столице восстановлен. В начале января 1826 года подавлено восстание Черниговского полка. Россия присягнула Николаю I. Члены тайных обществ преданы суду. Пятеро «зачинщиков» казнены 13 июля 1826 года. Россия, в которой смертная казнь была отменена 70 лет назад, потрясена.

«Уверенный, что вы, государь, любите истину, я беру дерзновение изложить перед вами исторический ход свободомыслия в России и вообще многих понятий, составивших нравственную и политическую часть предприятия 14 декабря». Так начиналось письмо декабриста Александра Бестужева, заключенного в Петропавловскую крепость, к Николаю I. Верноподданный революционер делился с царем, против которого выступил, концепцией свободомыслия в России. Письмо содержало прекрасное начало царствования Александра I, национальный подъем во время Отечественной войны 1812 года, пробудившей «во всех сердцах чувство независимости, сначала политической, а потом и народной», последствия знакомства российских офицеров-дворян с «чужими землями» в заграничных походах. Красочно описывались Бестужевым горестные картины крепостного бесправия по возвращении на родину. Автор письма откровенно поверял самодержцу и новые надежды на либерализацию, вызванные обещанием Александра I даровать стране конституцию, и новые разочарования по мере восстановления в Европе и России монархического «статус-кво». Десятилетие шла подспудная работа

тайных обществ, финалом которой стал «глоток свободы» на Сенатской площади Санкт-Петербурга.

Однако с тем, что происходило в России с 1815 по 1825 год, о чем писали царю и говорили на следствии декабристы, Николай I не желал считаться: «Не в свойствах, не в нравах российских сей умысел. Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество». Такая оценка была дана заговору декабристов царским манифестом 13 июля 1826 года. До конца жизни царь был убежден, что ему удалось выявить лишь верхушку заговора. Отсюда его пристальный и преувеличенный интерес к мнимым связям декабристов с иностранными дипломатами, возможным видам членов тайного сообщества на крупных российских сановников и генералов. Николаю I легче было поверить в могущественный аристократический заговор, поддержанный из-за границы и способный возродиться в любой момент, чем в действительное «состояние умов» российского общества. Верноподданный А. Х. Бенкендорф вторил своему царю и, говоря о людях, «склонных к злоумышлениям», указывал и корень зла: «Число последних выросло до ужасающей степени с тех пор, как множество французских искателей приключений, овладев у нас воспитанием юношества, занесли в Россию революционные начала своего отечества, и еще более со времен последней войны, через сближение наших молодых офицеров с либералами тех стран Европы, куда заводили нас наши победы». Царь же продолжал наблюдать за сосланными декабристами. Его мнительность простиралась на всех их родственников, друзей, знакомых, чуть ли не весь высший аристократический свет внутри империи и за рубежом.

Поэтому, сев на трон, Николай I незамедлительно приступил к реорганизации старых органов политического сыска и созданию новых. Так прежде делали и его коронованные предшественники. В первую очередь Николай решил возродить утраченную Александром централизованную систему политического сыска. И начал с жандармерии. 25 июня 1826 года был подписан указ о назначении генерал-адъютанта графа А. Х. Бенкендорфа шефом жандармов и командиром всех жандармских подразделений империи, которых в ту пору насчитывалось

59 частей общей численностью более 4000 человек. В апреле 1827 года вышел указ о создании Корпуса жандармов с правами армии. Бенкендорф стал его командиром. По этому поводу в российском высшем обществе ходил анекдот о платке для утирания слез обездоленным, который Николай I вручил Бенкендорфу в качестве жандармской инструкции.

Еще Петр I, формулируя определение полиции в начале XVIII века, указывал, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности». Когда в 1830 году в Корпус жандармов решил поступить отставной армейский полковник Л. В. Дубельт, он на новой службе искренне надеялся стать «опорой бедных, защитою несчастных»: «Ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжким делам прямое и справедливое направление... не буду ли я тогда достоин уважения, не будет ли место мое самым отличным, самым благородным?.. Вот цель, с которой я вступаю в Корпус жандармов; от этой цели никто не свернет меня». Правда, новое поле деятельности вызывало у Леонтия Васильевича и самые серьезные опасения: «Ежели я, вступая в Корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе имя мое будет, конечно, запятнано».

Ф. М. Лурье в книге «Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649—1917» отметил, что всю самую грязную и отвратительную работу в николаевской жандармерии именно Дубельт взвалил на свои плечи и благодаря этому в 1835 году получил в Корпусе жандармов должность начальника штаба и чин генерал-майора: «На него легла вся нагрузка по реорганизации Корпуса жандармов и фактическое выполнение обязанностей за своего вельможного шефа».

С первых шагов преобразований жандармских частей Николай I внушил Бенкендорфу, что главная задача его подчиненных — наблюдать и доносить. И в этом не было ничего нового. Доносы в России издавна поощрялись всеми возможными средствами, в том числе и законодательными, как путем регламентации вознаграждений, так и угрозами применения жесточайших кар за

недоносительство. Так, статьи 18 и 19 Соборного уложения 1649 года требовали доносить о заговорах и других преступлениях. В случаях сокрытия преступников предусматривалась смертная казнь:

«18. А кто Московского государьства всяких чинов люди сведают или услышат на царьское величество и каких людей скоп и заговор или какой иной злой умысел, и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, или его государевым боярам и ближним людям, или в городех воеводам и приказным людем.

19. А буде кто сведав или услышав на царьское величество в каких людях скоп и заговор или иной какой злой умысел, а государю и его государевым боярам и ближним людем, и в городех воеводам и приказным людем про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертию безо всякия пощады».

К примеру, политический сыск при царе Алексее Михайловиче сводился к выслушиванию доносчиков, их поощрению и ловле предполагаемых преступников, то есть тех, на кого поступил извет. Петр I издал закон «О донесении на тех, кто запершись пишет, кроме учителей церковных, и о наказании тем, кто знал, кто запершись пишет, и о том не донесли». Лиц, писавших запершись, квалифицировали как политических преступников независимо от того, что они писали. Внедренный в российскую жизнь Петром I фискалитет, по замечанию Ф. М. Лурье, сплошь опутал своей паутиной всю империю. Глава фискалов генерал-фискал А. Мякинин подчинялся непосредственно царю, хотя по положению входил в состав Сената. Сотрудники его ведомства в исключительных случаях обращались с доносами также прямо к Петру I, минуя все промежуточные инстанции. В «Указе о фискалах и о их должности и действии» от 14 марта 1714 года статья 5 гласила: «Буде же на кого и не докажет всего, то ему в вину не ставить». Доносить было выгодно: за подтвердившийся донос фискал получал до половины конфискованного имущества виновного. Так на протяжении веков власти внедряли в души своих подданных потребность доносительства.

Жандармы очень скоро отошли от роли чисто военной полиции, превратившись в полицию политическую, распространив свои действия на все население России. Политический сыск Николая I, питаемый царской подозрительностью, пристально следил и за русской эмиграцией. Ее первая в XIX веке волна выплеснула в Европу лишь небольшую часть лиц, связанных с «декабрьскими бунтовщиками» и открыто им сочувствовавших. Собственно, из декабристов «скрылся» за границу один только Н. И. Тургенев, которого декабрьские события застали вне России.

Мощная волна эмиграции была поднята польским восстанием 1830—1831 годов, когда Варшавский сейм объявил российского императора низложенным с престола Царства Польского. Революционная «зараза», которую Николай I стремился не допустить в Россию, вновь стояла на ее пороге. Положение в Польше сложилось столь опасное, что оттуда были выведены все русские войска, а царский наместник Константин бежал из Варшавы. Восстание было жестоко подавлено, причем Варшава капитулировала лишь после мощных и повторных штурмов царских войск 6 и 7 сентября. Относительная самостоятельность Польши была ликвидирована, конституция 1815 года отменена и имперский порядок в Царстве Польском восстановлен. Однако эхо польского восстания прокатилось по всей Европе. Одна только фраза французского министра иностранных дел Себастиане «Порядок царствует в Варшаве» возбудила среди революционно настроенных французов-республиканцев яростное возмущение. 16, 17 и 18 сентября в Париже продолжались бурные уличные манифестации. Даже официальные круги Англии и Франции вынуждены были обратиться с протестом к канцлеру Австрии князю Меттерниху по поводу того, что польский корпус, перешедший на австрийскую территорию, спасаясь от русских, не только был разоружен, но и его оружие было выдано русским. На это Меттерних ответил, что, во-первых, польское оружие принадлежит королю польскому, которым является Николай, а не мятежным его подданным; во-вторых, пусть поляки будут благодарны за то, что он, Меттерних, выдал Николаю только оружие, а не польских солдат и офицеров вместе с оружием. Именно

Меттерних помог наместнику в Царстве Польском великому князю Константину Павловичу организовать по всей Европе слежку за уцелевшими участниками польского восстания.

Поскольку основной целью своего царствования Николай считал борьбу «с повсеместно распространившимся революционным духом», постольку Россия становилась объектом страха, ненависти и насмешек в глазах либеральной части европейского общественного мнения, а ее царь приобретал репутацию жандарма Европы. Той самой Европы, через которую прошел победителем Александр I, оставив дверь открытой. Хотел или не хотел Николай I, он стал пограничником у этой двери.

Царь твердо верил, что государство всесильно. Николай видел в государстве единственный инструмент, который был бы способен обеспечить мир. Для достижения идеального устройства он считал необходимым и достаточным создание такого бюрократического аппарата, который позволил бы регулировать и держать под постоянным контролем жизнь всего российского общества. Главной частью такого аппарата Николай I называл регулярную полицию, к созданию которой он приступил незамедлительно, тем более что образцы ее уже существовали. В той же Европе.

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Возникновение политической полиции в Европе в XVII веке. — Задачи политической полиции. — Роль политической полиции в борьбе за власть. — Создание полиции во Франции. — Укрепление французской короны с помощью полиции. — Беспомощность полиции против преступных группировок во Франции и Англии. — Создание королевской полиции в Германии и Австрии. — Политическая полиция в конце XVIII века. — Полиция как зеркало правительства. — Полицейские реформы Александра I. — Полицейский карнавал. — Российский сыск по французской системе.

История современной политической полиции берет свое начало в XVII веке, когда при европейских абсолютных монархиях создается централизованный административный аппарат просвещенного абсолютизма. Полиция вообще и политическая полиция в особенности возникла на самой вершине монархическо-бюрократической вертикали. И если английская буржуазия, оберегаясь от реставрации абсолютизма, приспосабливала охранные структуры к нуждам местного самоуправления, то континентальная Европа стремилась с помощью полиции установить тотальный контроль над всеми своими подданными. При царствующих домах возникали учреждения, исполнявшие зачастую одновременно несколько функций: политической полиции, разведки, контрразведки, однако задачи деятельности четко разграничивались.

Е. Б. Черняк в своей книге «Судебная петля: Секретная история политических процессов на Западе» выделяет две задачи политической полиции: главная — удержание в узде, подавление народной массы, и неглавная — подавление противников правительства среди

господствующих (или — шире — собственнических) классов. Однако когда народные массы еще не пробудились к политической активности или недавно уже потерпели поражение, временно лишающее их такой активности, на первый план выдвигалась вторая задача. Когда же в определенные периоды участники придворной борьбы в верхах сводили свои счеты без непосредственного привлечения к ней политической полиции, возникали мнения о ликвидации этой полиции вообще. Такие утверждения возникали потому, что учреждения с функциями полиции фигурировали под самыми разными вывесками. Хотя при этом политическая полиция существовала относительно автономно, особенно когда контроль над ней захватывала одна из правительственных группировок. В придворной борьбе важную роль играло личное соперничество, которое, при определенных условиях, давало возможность не только изымать политическую полицию из подчинения верховной власти, но и направлять ее против конкурентов в добывании места на троне или около него. Политическая полиция могла заигрывать с заговорщиками, смотреть сквозь пальцы на их активность, инфильтровать своими агентами противоправительственные организации и в свою очередь быть инфильтрованной врагами режима, который она была призвана защищать. Она могла быть даже разделена между несколькими соперничавшими организациями, следящими друг за другом. «Политическая полиция была тайной полицией — официально или фактически. По своему характеру она неизменно претендовала на то, что ее действия не подлежат никакой критике, кроме как со стороны носителя высшей власти», — отмечает Е. Б. Черняк и в доказательство приводит слова Энгельса: «Непогрешимость папы — детская игрушка по сравнению с непогрешимостью политической полиции».

Почин создания полиции современного образца, как пишет Е. Б. Черняк, был сделан во Франции в 60-е годы XVII века. В Париже, насчитывавшем в то время не менее полумиллиона жителей, по словам писателя Буало, по вечерам «воры овладевали городом. По сравнению с Парижем самый дикий и пустынный лес казался безопасным местом». В 1667 году был создан пост

генерал-лейтенанта полиции, на который Людовик XIV назначил Николя де ля Рейни, выходца из низов «дворянства мантии», не знакомого широким кругам. Рейни вскоре стал одним из самых важных лиц французской короны. Его влияние базировалось не только на созданном им полицейском аппарате, но и на широте его полномочий, границы которых были едва очерчены. Как отмечает Е. Б. Черняк, любознательность и отеческая забота просвещенных абсолютистских правительств о своих подопечных, стремление быть осведомленными о всех сторонах их жизни, казалось, не знали границ и с годами все возрастали. При Людовике XV даже содержательницы французских домов терпимости обязаны были ежедневно сообщать в полицию списки и различные сведения о своих клиентах. Особое внимание уделялось придворным, духовным лицам и иностранным дипломатам. Однако полиция не могла помешать возникновению крупных преступных группировок. Например, в Париже долго и беспрепятственно действовала шайка Картуша, ликвидацией которой смогло заняться лишь правительство Филиппа Орлеанского.

Примерно тогда же в Англии действала многочисленная организованная группа преступников, сумевшая поделить всю страну на округа, каждый из которых отдавался на откуп отдельным бандам, включавшим специализированные отряды для ограбления церквей, разбоя на дорогах, воровства на ярмарках, подделки драгоценностей, хранения награбленного на специальных складах и контрабанды. Английские шайки имели даже собственные корабли для вывоза добычи на продажу в Голландию. Все эти подробности выявились лишь на процессе одного из главарей бандитов Джонатана Уальда в 1725 году.

В Берлине директор королевской полиции был впервые назначен в 1742 году. Во владениях австрийских Габсбургов централизация полиции началась с 1749 года. В 1751 году был создан пост полицейского комиссара Вены и Нижней Австрии, при этом был частично использован французский опыт. В феврале 1789 года Иосиф II, проводя реформы в духе просвещеного абсолютизма, создал Министерство полиции во главе с графом Пергеном.

В конце XVIII века политическая полиция заметно усиливает свою роль в системе государственных учреждений по всей Европе. По замечанию Энгельса, французы в этом веке «говорили не о народах цивилизованных, а о народах полицизированных». Е. Б. Черняк отмечает, что роль политической полиции во Франции многократно возросла в ожесточенных политических сражениях революционных лет. Более того, борющиеся партии, в частности роялисты, еще до 10 августа 1792 года пытались создавать свои собственные полиции в противовес официальной, правительственной.

Автор специального исследования о политической полиции П. Мануэль писал в 1794 году: «Полицию Парижа можно счесть за одно из чудес моего времени. Следовательно, один англичанин имел основание заявлять, что, если чума могла бы раздавать должности, высшие чины, почести, доходы и крупные пенсии, она тотчас бы заимела теологов, утверждавших, что этой чумой является сопротивление причиняемым ею опустошениям».

Среди многих невидимых сражений, которые происходили во французском государственном и административном аппарате в годы революции, особое внимание, по мнению Е. Б. Черняка, заслуживает роль политической полиции, а также столкновения в ее собственных рядах и воздействие этих столкновений на общий ход событий. История политической полиции лежит непосредственно в контексте политической борьбы; облик политической полиции является неизменно зеркальным отражением лица правительства, орудием которого она была. Политическая полиция, в сущности, везде и всюду, как правило, не была «умнее» своего правительства, разделяла его неумение составить объективное представление о своих противниках, об их идеологии, планах и расчетах и особенно о взаимоотношениях между различными группами этих противников. Следует заметить, что наш, отечественный Департамент полиции, устанавливая наблюдение за плодившимися в конце XIX века, как грибы после дождя, политическими партиями, различия между ними был вынужден вдалбливать в головы своим агентам, чтобы, идя к нигилистам, те не попали бы к анархистам или марксистам.

Александр I в России, торжественно и громогласно ликвидировав Тайную экспедицию своей бабки, 8 сентября 1802 года распорядился образовать Министерство внутренних дел, вторая экспедиция которого стала заведовать политическим сыском и цензурой. В тех же целях он учредил Тайную полицейскую экспедицию при военном губернаторе Петербурга:

«Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению самодержавной власти и безопасности правления, как-то: словесные и письменные возмущения, заговоры, дерзкие или возжигательные речи, измены, тайные скопища толкователей законов, учреждениев, как мер, принимаемых правительством, разглашателей новостей важных, как предосудительных правительству и управляющим, осмеяний, пасквилесочинителей, вообще все то, что относиться может до государя лично, как правление его. Тайная полицейская экспедиция должна ведать о всех приезжих иностранных людях, где они жительствуют, их связи, дела, сообщества, образ жизни, и бдение иметь о поведении оных».

5 сентября 1805 года император образовал межведомственный орган, собиравший сведения о слухах, настроениях людей, подозрительных иностранцах, скопищах народа, тайных собраниях, — Комитет высшей полиции. На смену этому Комитету 13 января 1807 года Александр I учредил Комитет «для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общественного спокойствия» — Комитет охранения общественной безопасности с задачами «предусматривать все то, что могут произвести враги государства, принимать сообразные меры к открытию лиц, посредством коих могут они завести внутри государства вредные связи». Последний комитет занимал место главного следственного органа империи по политическим делам, а также руководил слежкой за иностранцами и перлюстрацией их переписки. Основными осведомителями обоих комитетов являлись обер-полицмейстеры, директора почт и министры.

В Москве существовала Особая секретная полиция с обязанностью производить политический сыск, выведывать и доносить начальству «все распространяющиеся в народе слухи, молвы, вольнодумства, нерасположение

и ропот, проникать в секретные сходбища, при этом допускать к сему делу людей разного состояния и разных наций, но сколько возможно благонадежнейших, обязывая их при вступлении в должность строжайшими, значимость гражданской и духовной присяги имеющими реверсами о беспристрастном донесении самой истины и охранении в высшей степени тайны, хотя бы кто впоследствии времени и выбыл из сего рода службы». В предписании агентам Особой секретной полиции, в частности, говорилось: «Они должны будут, одеваясь по приличию и надобностям, находиться во всех стечениях народных между крестьян и господских слуг; в питейных и кофейных домах, трактирах, клубах, на рынках, на горах, на гуляньях, на карточных играх, где и сами играть могут, также между читающими газеты — словом, везде, где примечания делать, поступки видеть, слушать, выведывать и в образ мыслей проникать возможно». Ф. М. Лурье отмечает, что наивные карнавальные переодевания полицейских не прекращались вплоть до Февральской революции. Они лишь переместились из столицы в глубь империи. Так, по определению Лурье, «рыцари славного ордена политического сыска в порыве верноподданнической страсти переодевались в женские платья и, не сбрив рыжих прокуренных богатырских усов, не снимая жандармских брюк с кроваво-красными лампасами, рыскали по злачным местам сонных городков в поисках крамолы».

Военный историк генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский писал: «В Петербурге была тайная полиция: одна в Министерстве внутренних дел, другая у военного генерал-губернатора, а третья у графа Аракчеева». Превосходно осведомленный чиновник декабрист Г. С. Батеньков писал о профессиональных сотрудниках политического сыска: «Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуметь под словами карбонарии и либералы, и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, их доносы обрабатывали, как приходило в голову».

При Александре I появились тайные полицейские агенты. Их было немного, отмечает Лурье, но они внесли свой вклад в дело раскрытия политических преступлений. Доносчики потеснились и отошли в тень. Политическая полиция получила возможность действовать более уверенно. Благодаря хотя и единичным случаям использования провокаторов, в недрах служб политического сыска зародилось моральное разложение его сотрудников от прикосновения к недозволенным методам борьбы с оппозиционерами царскому трону, методам, влекущим за собой нескончаемую цепь беззаконий.

Продолжая попытки реформирования и централизации политического сыска, Александр I в 1810 году учредил Министерство полиции, которое было создано ближайшим советником императора М. М. Сперанским, во многом по французскому образцу. Именно при Александре I, считает Лурье, проявилось тяготение русского политического сыска к французской системе его организации. В 1810 году министр полиции А. Д. Балашов писал русскому посланнику в Пруссии:

«Что же касается до устава высшей секретной полиции во Франции, то на доклад мой Его Императорское Величество изъявить изволил Высочайшее Соизволение на употребление вашим сиятельством нужной для приобретения сего манускрипта суммы, хотя б она и ту превосходила, которую австрийское правительство заплатило, лишь бы только удалось вам сделать сие, теперь весьма нужное, приобретение, в чем особенно Его Величество изволил интересоваться».

ШПИОНЫ КОРОЛЕЙ И КОРОЛИ ШПИОНОВ

Русский посол о французском правительстве. — Из инструкции Александра I Кутузову. — Политический сыск во Франции XVIII века. — Полиция во времена французских Реставраций. — Покушение на герцогиню Беррийскую. — Борьба полиции Луи Филиппа с правительственными заговорами. — Разоблачение осведомителя Делагода. — Полиция Второй империи. — Провокации Лагранжа. — «Заговор 25 тысяч адресов». — «Заговор с биноклем».

Франция по праву считалась колыбелью европейской политической полиции. Та самая Франция, революционного духа которой боялись на российском троне, давала самодержавию николаевского и будущих времен полезные примеры собственной борьбы с внутренними антиправительственными силами. Не случайно российский политический сыск неоднократно обращался за помощью к французской полиции на протяжении всего XIX века. Как отмечают исследователи революционного террора и полицейских провокаций Ж. Лонге и Г. Зильбер в книге «Террористы и охранка», система сыска и провокации расцвела во Франции с чрезвычайной пышностью и быстротой. Этому способствовали особые условия общественно-политического развития после французской буржуазной революции 1789—1799 годов.

Парижский посол России граф Морков в 1804 году доносил Александру I о французском правительстве следующее: «С прискорбием, но и с правдивостью я должен сказать вашему императорскому величеству, что все бумаги и все поступки отдают навсегда ненавистными вре-

менами Робеспьера и Директории и стремятся пробудить повсюду идеи мятежа и переворота, от которых — как льстили себя некоторое время мыслью — это правительство будто бы совершенно отказалось». При всем своем либерализме и даже республиканизме Александр I был достаточно государем старого порядка, чтобы не питать никакого сочувствия к якобинской эпохе французской истории. Под маской борьбы с «идеями мятежа и переворота» контрреволюция во Франции все более и более становится одной из главнейших задач европейской монархической коалиции, а в ее составе — и российского императорского дома. Пункт № 6 инструкции, данной Александром Кутузову, гласил: «Учредить сношения с недовольными во Франции, ибо когда там сделается известна цель, с какою ведем мы войну, то, вероятно, бóльшая часть жителей присоединится к нам для низвержения Наполеонова правительства». Эта нелепость, как замечает М. Н. Покровский в своей книге «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», усердно внушавшаяся реакционным правительствам Европы эмигрантами еще с первых лет революции, была настолько популярна среди вождей антинаполеоновской коалиции, контрреволюция во Франции настолько являлась последним якорем спасения для союзников, что слухами о восстании французов против Наполеона определялись даже союзные операционные планы — к прямой выгоде французского императора, который и создавал эти слухи через своих шпионов.

Крайняя обостренность внутренних конфликтов во Франции на протяжении XIX века, нарушенное равновесие общественных сил, находившихся в состоянии постоянного брожения, неустойчивость политических режимов, быстрая смена правительств создавали благоприятную почву для усиления полицейских основ в государстве. Шаткость положения, сознание недолговечности, чувство страха перед революционной стихией, политическая беспринципность, отличающая временную власть, вынуждали ее не быть разборчивыми в средствах борьбы с противниками.

Сам начальник сыскной полиции Франции Канлер в своих записках опубликовал богатый перечень полицейских провокаций, имевших место во времена фран-

цузских Реставраций 1814—1830 годов. Провокация, как писал главный сыщик Франции, была возведена в постоянную систему и преследовала две цели: придать видимую законность репрессивным мерам и обнаруживать, подвергая наказанию за преступные мнения, отдельные лица и группы. Эта система активно разжигала дурные инстинкты. Привлечь внимание полицейского начальства можно было только раскрытием какого-нибудь заговора. Если усердный розыск ни к чему не приводил, оставалось самому изобрести какую-нибудь подлую махинацию, вовлечь в нее какого-нибудь благочестивого отца семейства, никогда не помышлявшего ни о каких конспирациях, выдумать сообщников, наметить на эту роль людей невинных и затем выдать всех полиции.

Провокаторы, которыми тогда кишела Франция, действовали во всех слоях общества, среди рабочих, купцов и в особенности среди военных, подозреваемых в приверженности Наполеону I. Наиболее известным фактом провокации этого периода является дело генерала Бертона и подполковника Карона, которые поплатились жизнью за слишком доверчивое отношение к темным проходимцам. Примером того, к каким приемам прибегала тогда полиция, вдохновляемая свыше, может служить «подвиг» полицейского провокатора, который организовал покушение с бомбами против герцогини Беррийской. Взрыв бомбы должен был смертельно перепугать беременную герцогиню и вызвать у нее выкидыш. Таким образом, по расчету провокаторов, старшая линия Бурбонов временно прекратилась бы.

Провокационные приемы применялись тайной полицией французской Реставрации к массовым движениям, уличным демонстрациям, всякого рода оппозиционным выступлениям. Переодетые шпионы своим подстрекательством старались превратить массовые выступления в бунтарские беспорядки, чтобы оправдать и узаконить последующие расправы над толпой. В царствование Луи Филиппа (1830—1848) полиции больше не приходилось выдумывать заговоры. Она еле-еле справлялась с настоящими и подлинными заговорами, грозившими самому существованию «мещанской монархии». Барбес, Бланки, Коссидьер и другие революционные деятели той

эпохи многие годы заставляли дрожать французское правительство. Для провокаций создавалось самое широкое поле действий.

Успешная борьба с заговорщиками была почти немыслима без проникновения в самый центр тайных организаций. Правительство поддерживало с ними постоянную связь через посредство многочисленных предателей и провокаторов, самым знаменитым из которых был Делагод. Он участвовал одновременно в большинстве тайных обществ и был одним из деятельнейших помощников «главных революционеров Франции» Бланки и Барбеса. В продолжение десяти лет он осведомлял полицию обо всех планах и замыслах карбонариев, предавал полиции своих товарищей и расстраивал решительно все их действия. Его измена была раскрыта чисто случайно. После февральского восстания 1848 года один из его вождей Коссидьер прямо с баррикады отправился в парижскую префектуру и занял ее «именем самодержавного народа». Там один из чиновников назвал ему революционное имя предателя, наносившего страшный вред революционному движению в последние годы. Разоблачение Делагода произвело ошеломляющее впечатление. Немедленно был созван суд из наиболее известных вождей тайных обществ. Ничего не подозревавший Делагод явился туда в числе других. Вначале он пытался отпираться, ссылаясь на свои прежние заслуги, и отрицал принадлежность ему доносов, подписанных не его именем. Но когда Коссидьер предъявил ему собственноручное письмо, в котором он предлагал в 1838 году свои услуги полиции, предатель, уничтоженный, бледный, дрожащий, во всем признался. Ему протянули сначала пистолет, потом яд, предлагая самому покончить с собой, но предатель отказался искупить своей смертью совершенные им преступления. От страха он еле держался на ногах и наконец повалился на диван. Кто-то бросился на него с криком: «Негодяй! Если ты не покончишь с собой, то я убью тебя собственными руками!» Но исполнить угрозу не дали. Провокатора отправили в тюрьму Консьержери. Впоследствии, однако, Делагоду удалось освободиться из заключения. Он пытался продолжать свою полицейскую карьеру. Но уже безуспешно.

Золотым веком тайной политической полиции стал во Франции период царствования Наполеона III в 1852—1870 годах. По свидетельству современников, полиция Второй империи была специально приспособлена к шпионству и провокации. Тайный агент, доносчик, предатель, вездесущие и невидимые, стали оккультной силой, внушающей непреодолимый страх и отвращение всему населению. В глазах французского общества конспирация и провокация выступали тождественными понятиями — до того многочисленны и обычны стали подстраиваемые полицией политические заговоры. Французский журналист Шарль Вирметр характеризовал современную ему эпоху заговоров так: «Тинтимарр советовал строить пушку по следующему способу: возьмите дыру и окружите ее затем бронзой. Составить заговор еще легче: возьмите шпиона, окружите его десяткой-другим дураков, прибавьте к ним парочку болтунов, привлеките несколько недовольных, одержанных честолюбием и враждою к правительству, каково бы оно ни было, — и у вас будет ключ ко всем заговорам».

Даже редкие заговоры настоящих революционеров не обходились в эту эпоху без участия наполеоновской полиции. Государственный переворот 1854 года предварительно ознаменовался провокаторским трюком. Марсельская полиция искусно состряпала «обширный» заговор против жизни президента Республики Луи Бонапарта. «Глава» заговора Гайар был, конечно, арестован, взяты были и вещественные доказательства мнимого покушения: «страшная адская машина». Вся страна заволновалась. Пресса подняла мощную кампанию против «опасности слева», настаивая на необходимости беспощадной расправы с врагами народа. Все было пущено в ход, чтобы напугать уставших от пестрого калейдоскопа политических событий последних десятилетий крестьян и буржуа, создав благоприятную атмосферу для плебисцита об избрании нового главы государства. Когда же ничтожный племянник великого дяди «единодушной волей народа» стал императором французов, о заговоре пресловутого Гайара как-то сразу позабыли. «Забыла» прежде всего полиция: «мавр сделал свое дело».

Наполеон III, сделавшийся, по свидетельству начальника его же охраны Клода, «главным шпионом над своими возлюбленными подданными», умел окружать себя «достойными помощниками». Главным провокационных дел мастером был при нем Лагранж, бывший рабочий, разоблаченный как предатель еще после 1848 года. Лагранж имел в своем распоряжении около сорока тысяч списков с именами, биографиями, характеристиками и всякого рода «нужными» сведениями о наиболее неблагонадежных в империи лицах. Приемы сыска и провокационные трюки были доведены им до крайней степени совершенства, до утонченного искусства. Лагранж каждую неделю докладывал своему императору обо всех важнейших делах и получал от него подробные инструкции. Влияние Лагранжа на коронованного властителя и его окружение было громадным. Наполеон III очень дорожил им и всецело доверял, поручив ему фактическое руководство всей политической полицией. Лагранж при этом располагал весьма значительными денежными средствами и громадным штатом тайных агентов и провокаторов. Его деятельность не ограничивалась территорией Франции. У него были «свои люди» в главнейших городах Европы: Лондоне, Берлине, Турине и других. Многие из его сотрудников впоследствии, во времена Парижской Коммуны, были расстреляны. Его знаменитая «шпионская энциклопедия» была публично сожжена в первые дни восстания.

Из многочисленных дел Лагранжа наиболее громкими стали «заговор четырнадцати», а также так называемый «заговор 25 тысяч адресов» — его участникам предполагалось разослать 25 тысяч прокламаций по адресам, взятым из справочника «Весь Париж». В «заговор адресов» провокаторам удалось втянуть даже Бланки, уже наученного ранее горьким опытом предательства. За участие в этой провокации революционер был приговорен к четырем годам тюрьмы. После неудачных заигрываний Наполеона III с возникшим во Франции отделом Международного товарищества рабочих Лагранж обратил свое усиленное внимание на это опасное сообщество и попытался ввести туда своих провокаторов. Это ему отчасти удалось. В рядах Интернационала были впоследствии обнаружены несколько лагранжевских предателей:

Шуто, Вальтер Ван-Эдегем, Сварм-Дантрег. Двое последних играли довольно заметную роль в деятельности революционного сообщества и характеризовались своими же коллегами по тайной полиции как «подлые и грязные негодяи».

Но самым интересным эпизодом из провокационной деятельности Лагранжа является, без сомнения, «история с биноклем». Ее подробности стали известны благодаря префекту французской полиции Андрие. Эта хитроумная и запутаннейшая интрига представляет наиболее типичный образчик полицейского творчества, в котором отразились нравы, обычаи, приемы и психология охранников.

В Париже в те времена появилась известная европейская авантюристка Флориани. Перед этим она прославилась своим шумным успехом в Петербурге, откуда была выслана за слишком громкую связь с одним важным чиновником-царедворцем, супруга которого не на шутку переполошилась и приняла меры к удалению соперницы из российской столицы. Продолжив вояж по Европе, в Лондоне Флориани познакомилась с французскими эмигрантами и близко сошлась с революционером Симоном Бернаром. Об этом стало известно Лагранжу. Чутье сыщика тут же подсказало ему, что Флориани сможет оказаться настоящим кладом в руках умелого провокатора. Он «случайно» познакомился в парижском театре с интересующей его авантюристкой, которая сразу же сдалась на его ухаживания. Но за любовными объяснениями Лагранж не забывал, конечно, о своих профессиональных целях. Он, между прочим, сообщил своей новой знакомой, что всеми силами души ненавидит Бонапарта и, являясь богатым провинциальным коммерсантом, готов пожертвовать половиной своего большого состояния, чтобы избавить родину от тирана.

Ничего не подозревающая Флориани обрадовалась тому, что провидение столкнуло ее с человеком, который сможет оказаться полезным ее лондонским друзьям. Она тотчас же написала Симону Бернару, что нашла в Париже «богатого сочувствующего». Бернар ответил благодарно радостным письмом, в котором сообщил, что среди эмигрантов в последнее время поднимается вопрос о покушении на императора, но главным препятствием, тормозящим дело, является отсутствие денег на подготовку теракта. Содержание этого письма Флориани тут же изложила Лагранжу, который немедленно вручил Флориани крупную сумму денег и поскорее отправил ее в Лондон с тем, чтобы там она приступила к осуществлению «проекта». Флориани обязалась подробнейшим образом осведомлять своего нового покровителя о ходе дела.

В Лондоне Флориани была встречена единомышленниками Бернара с большой радостью. Питавшие к ней полное доверие конспираторы посвятили ее во все подробности своего тайного заговора. Флориани узнала, что ими изготовляется своеобразная и весьма оригинальная смертоносная машина, имеющая вид бинокля. На императорском представлении в парижском театре заговорщик должен был направить этот «бинокль» на особу императора и при помощи особого механизма метнуть в него скрытый в одном из окуляров разрывной снаряд. Но изготовление бинокля-бомбомета продвигалось очень медленно: после каждого опыта требовалось что-нибудь изменять и усовершенствовать. Все это время революционеры широко пользовались помощью мнимого коммерсанта. Наконец бинокль был готов, и Флориани отправилась в Париж.

Но в дело тут вмешался неожиданный случай и спутал все карты. Хитросплетенная интрига разрешилась злым и веселым фарсом в духе Мольера, в котором обманывающий оказался обманутым, и искусившийся в «сих делах» обер-охранник, жестоко одураченный и общипанный, вместо ожидаемых лавров очутился в глупейшем положении. Дело происходило следующим образом. Известный «революционный деятель» Феликс Та, разыгрывавший в Лондоне «второго Бланки», с которым, однако, у него не было ни капли сходства, — «революционный балагур и буйный фельетонист», по характеристике Герцена, — поручил уезжавшей Флориани передать письмо своей возлюбленной, госпоже Люэнь. Приехав в Париж, Флориани немедленно отправилась к мамзель Люэнь, которая ее радушно приняла. Люэнь познакомила Флориани со своим свежим поклонником Саблонье. Тот играл видную роль в революционных

клубах Парижа. Одновременно Саблонье тайно состоял на службе у Лагранжа, о чем, естественно, обе дамы и не подозревали. В милой дружеской беседе Флориани выболтала все тайны лондонских заговорщиков и их французского «покровителя-мецената». По ее описанию Саблонье догадался о том, кто являлся «таинственным провинциальным покровителем».

— Да знаете ли вы, в чьи лапы попали? Ваш пресловутый богач-революционер не кто иной, как сам начальник сыскной полиции, — объявил он ошарашенной собеседнице. — Впрочем, дела не следует прекращать. Нужно использовать этого мерзавца до конца. Обирайте его немилосердно, затягивая и откладывая покушение. А потом, в последнюю минуту, уезжайте в Лондон.

План Саблонье привел в восторг обеих женщин. В их глазах он неимоверно вырос как опытный революционер, сумевший не только спасти своих товарищей, но и извлечь для них пользу из козней врагов. Однако Саблонье не забыл и себя. Он в тот же день сообщил Лагранжу, что ему удалось напасть на след крупного заговора. Но это сообщение не очень-то обрадовало шефа полиции. Ему не особенно улыбалось вмешательство в затеянную им провокаторскую махинацию такого ловкого пройдохи, как Саблонье. Но делать уже было нечего. Пришлось против своей воли щедро наградить своего тайного агента и поощрить его к дальнейшим действиям. И Саблонье продолжал действовать. В своих личных интересах. Он сообразил, что сумеет извлечь для себя еще бóльшую выгоду, если предложит свои услуги соперничавшему с Лагранжем начальнику частной императорской охраны Ирвуа. Его расчет оказался верным, и в «историю с биноклем» попал также Ирвуа.

Тем временем Флориани мастерски исполняла план Саблонье. Она каждый день выдумывала новые препятствия, выманивая у главного французского сыщика крупные суммы денег. Наконец терпение Лагранжа дошло до крайних пределов. Он заявил, что дела требуют его немедленного возвращения «в провинцию» и с покушением необходимо поторопиться. Флориани поняла, что далее тянуть с развязкой становится опасно, и назначила день покушения. Лагранж тут же донес об этом своему начальнику Пьетри, уверив его, что все меры приняты, а преступники будут взяты на месте покушения с уличающим их снарядом.

Наступил день покушения. Император со своей семьей прибыл в театр. Вся полиция была на ногах. Но спектакль прошел спокойно. Заговорщика с биноклем в зале не оказалось. Огорченный Лагранж бросился в гостиницу, где остановилась Флориани. Но там ему заявили, что эта особа накануне покинула свой номер с маленьким чемоданчиком и больше туда не возвращалась. Стало известно, что перед уходом Флориани на ее имя был получен тяжелый ящик, оставленный в комнате. Лагранж приказал вскрыть его — в ящике оказались камни и солома. Одураченному сыщику пришлось еще, в довершение всех неудач, заплатить в гостинице по счетам своей пассии. Дело, конечно, замяли. Но эта история обошлась казне очень дорого. Лагранж «на раскрытие заговора» истратил сорок тысяч, а Ирвуа — десять тысяч франков. Однако эта неудача не отразилась на дальнейшей карьере доверенного шпика Наполеона III. Лагранж с бóльшим или меньшим успехом продолжал свою сыскную и провокационную деятельность вплоть до падения Второй империи.

Это всего лишь несколько показательных эпизодов из деятельности политической полиции во Франции, послужившей в свое время прототипом всех полицейских учреждений в Европе и России.

«НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО ОСТАВЛЯТЬ БЕЗ ВНИМАНИЯ...»

Учреждение III Отделения. — Структура III Отделения. — Проект тайной полиции А. Х. Бенкендорфа. — Проект «Вышнего благочиния» П. И. Пестеля. — Появление Заграничной агентуры в III Отделении. — Дипломатический шпионаж России. — Агентурная сеть Польского наместника. — Деятельность III Отделения в Польше. — Первые сотрудники Заграничной агентуры. — Отношение III Отделения к польским событиям. — Первые заграничные командировки чиновников III Отделения. — Поддержка российского политического сыска Меттернихом. — Первые агенты III Отделения в Австрии, Пруссии и Германии. — Русская эмиграция в 50-х годах XIX века. — Агенты-иностранцы. — Ложный донос Луковского.

III Отделение собственной его императорского величества канцелярии — «око государево» — было создано в России царским указом 3 июля 1826 года. Его главными задачами провозглашались охрана существующих порядков и пресечение попыток изменить самодержавный строй. Сфера деятельности министерства «тайной полиции» была огромной. В нее входили наблюдение за всеми политически неблагонадежными, поиск раскольников и сектантов, расследование случаев появления фальшивых денег. III Отделение ведало местами высылки «вредных» людей, было обязано следить за иностранцами, сообщать «о всех без исключения происшествиях», представлять ежегодные нравственно-политические отчеты о состоянии страны и т.п. В III Отделение вошли особенная канцелярия Министерства внутренних дел, жандармерия и тайная агентура. Секретные агенты делились на штучников («стукачей»), осведомителей и

провокаторов. Россия была разделена на восемь округов, во главе которых стояли высшие жандармские чины. С этого момента необыкновенно выросла роль царской политической полиции. Вся страна оказалась под ее надзором, и ничто не должно было ускользнуть от ее бдительного ока.

Будущий шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, направляя Николаю I проект новой организации, отмечал, что «события 14 декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение». Бенкендорф сформулировал главный принцип тайной полиции: «Полиция должна существовать открыто, а работать тайно». Однако план создания новой российской полиции к тому времени уже существовал и, несомненно, был известен Бенкендорфу. План этот был опубликован в «Русской правде» его автором, идеологом декабризма П. И. Пестелем. В «Записке о государственном управлении» Пестель наметил полицейскую систему будущего государства, по плану «Записки», еще монархического:

«Вышнее благочиние охраняет правительство, государя и государственные сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества или государства, и по важности сей цели именуется оно вышним». Оно «требует непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственно государственному главе сего приказа, который может оное устраивать посредством канцелярии, особенно для сего предмета при нем находящейся». Имена чиновников «не должны быть никому известны, исключая Государя и главы благочиния». Рассматривая функции благочиния, «главный бунтовщик» Пестель включает в них наблюдение за правильным ходом деятельности государственного аппарата, преследование противоправительственных учений и обществ и иностранный шпионаж. «Для исполнения всех сих обязанностей имеет вышнее благочиние непременную надобность в многоразличных сведениях, из коих некоторые могут быть доставляемы обыкновенным

благочинием и посторонними отраслями правления, между тем как другие могут быть получаемы единственно посредством тайных розысков. Тайные розыски или шпионство суть посему не только позволительное и законное, но даже надежнейшее и почти, можно сказать, единственное средство, коим вышнее благочиние поставляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели». Любопытно, что именно в этом плане и было построено III Отделение.

Появление в Западной Европе русской и польской политической эмиграции способствовало зарождению и развитию Заграничной агентурной сети III Отделения. В 30-е годы оно уже имело небольшую Заграничную агентуру во Франции и Швейцарии в целях информирования российского политического сыска о настроениях и деятельности русских и польских политических эмигрантов и приезжающих в Европу русских общественных деятелей, их связях с революционным движением западноевропейских стран. Политические обзоры внутреннего состояния западноевропейских государств, особенно Франции, посылаемые русскими агентами III Отделения, содержали сведения даже чисто разведывательного характера.

Дипломатический шпионаж в России существовал и ранее. Агентами становились в основном иностранцы. Их вербовка и руководство ими осуществлялись различными имперскими ведомствами, и только III Отделение — «центральная шпионская контора», по выражению Герцена, — объединило тайную Заграничную агентуру под своим началом. Непосредственным толчком к этому стало польское восстание и появление в Европе польской эмиграции в самом начале 30-х годов.

В самой Польше III Отделение в первые годы своего существования не имело силы. Там действовала, хотя в значительной степени лишь на бумаге, конституция, данная Польше Александром I. Наместник Польский, великий князь Константин Павлович, относился к жандармам довольно скептически, в польские губернии их не допускал, управлял по собственному разумению и создал с помощью Меттерниха собственную агентурную сеть.

Варшавские волнения 1830—1831 годов мгновенно изменили ситуацию. Уже в самом начале восстания шеф III Отделения граф Бенкендорф почуял, какую получает обильную пищу для питания своего учреждения: «У нас эта война будет войной национальной, — писал он Константину 29 декабря 1830 года, — тем не менее она большое для нас несчастие. Она послужит поощрением для негодяев всяких национальностей и бросит на весы, и без того уже наклоняющиеся в другую сторону, большую тяжесть в пользу мятежа против законной власти». После подавления восстания польская конституция была уничтожена. Жандармские «узы» III Отделения охватили и Польшу. Именно здесь бурно развилась деятельность охранки, уже перекатившаяся через границу и приведшая к созданию Заграничной агентуры. Ее сотрудниками стали вскоре и некоторые польские агенты князя Константина, например Сагтынский, Швейцер, Декен, Мейер, Миллер.

Когда доносчик и провокатор Шервуд-Верный, выдававший декабристов, обратился в III Отделение с очередным доносом — теперь уже на участников польского освободительного движения, — жандармская контора констатировала, что «к несчастью, происки и злоумышления польских выходцев, находящихся за границею, справедливы, но III Отделение собственной Его Величества канцелярии, через своих агентов и через переписку с посольствами, неусыпно следит за всеми действиями злоумышленников, доселе предупреждало даже их намерения и поставляло преграды им при самом начале их действий, так что эмиссары польской пропаганды не могли ни единожды нарушить спокойствия в России».

Списки III Отделения заполнялись именами поляков, отправленных на каторгу, в ссылку, бежавших оттуда и вновь попавшихся в лапы жандармов. Показательно свидетельство жандарма Ломачевского, характеризующее отношение III Отделения к польским событиям. Председатель виленской следственной комиссии 1841 года по делу участников польского восстания спросил одного из ее членов, полковника Н., поразившись его рвению:

— Скажите, полковник, что, по вашему мнению, лучше для государя: не раскрыть вполне преступления или, напутав небылиц, обвинить невинного?

Полковник ответил не раздумывая:

— Лучше обвинить невинного, потому что они здесь все виноваты, ракальи!..

Уже с 1832 года начинаются систематические командировки чиновников III Отделения за границу «как для изучения на месте положения дел, так и для приискания надежных агентов и организации правильного наблюдения в важнейших пунктах». Еще более усиливается наблюдение за всеми приезжающими в Россию иностранцами. Не только жизнь польской эмиграции, но и деятельность самых разных политических кругов и партий, внутренние ситуации в европейских государствах и их отношение к России становятся известны правительству Николая I благодаря регулярной энергичной деятельности русской тайной полиции. Ее действия в Европе обеспечивались санкциями Священного союза и дополнительными соглашениями по взаимному сотрудничеству в сборе сведений о политических эмигрантах, заключенными в 1834 году между Россией, Пруссией и Австрией. Это давало основания рассчитывать на помощь со стороны органов политического сыска союзных государств.

Делая первые шаги в создании Заграничной агентурной сети, III Отделение пыталось использовать опыт секретных полиций других стран, и в частности Австрии. Особенно благожелательно воспринимал эти попытки руководитель австрийской политики князь К. Меттерних, связанный с главным российским жандармом графом А. Х. Бенкендорфом многолетней дружбой. В их переписке постоянно затрагивались вопросы политического сыска. Во время одной из встреч Бенкендорфа и Меттерниха в Теплице шеф жандармов сообщил, что III Отделение, в «противодействие революционному духу, овладевшему журналистикой», отрядило в Германию одного из своих чинов, жандармского подполковника Н. Н. Озерецковского. Заинтересованный Меттерних попросил прислать этого чиновника в Вену, чтобы работать «соединенными силами на пользу России и Австрии и на распространение добрых монархических начал», а также «согласовать наши обоюдные меры против поляков». Бенкендорф писал по этому поводу: «...князь Меттерних, постоянно обращавший особенное внимание на дела высшей и тайной полиции, предложил мне прислать в

Вену одного из наших жандармских офицеров, чтобы ознакомить его со всем движением этой части в Австрии, вводя его во все подробности ее механизма». Вскоре Озерецковский оказался в Вене, где был очень хорошо принят. От него сразу же стали поступать регулярные донесения в Петербург, высоко оценивавшиеся III Отделением.

В Вене же «на пользу двух монархических начал» действовал и бывший агент великого князя Константина барон К. Ф. Швейцер. Почти одновременно, в феврале 1835 года, от Министерства иностранных дел в Вену был также послан некто Г. Струве с особо секретным поручением: изучить организацию и работу секретной канцелярии и шифровального отдела австрийского Министерства иностранных дел.

Русская Заграничная агентура и позже пользовалась доброжелательной помощью или «молчаливым невоспрепятствованием своей деятельности» в европейских государствах. Так, например, Бисмарк отдал распоряжение руководителю прусской тайной полиции Штиберту помогать агентам III Отделения, действовавшим в Пруссии. При этом Штиберт имел свои виды на немецко-русское сотрудничество в политическом сыске, так как получал возможность знать всех русских агентов, контролировать, а при необходимости направлять их действия на борьбу с собственными революционерами.

Безусловно, эти первые робкие попытки ознакомиться с устройством политической полиции других стран способствовали формированию системы политического сыска в России. Однако они не привели к сколько-нибудь существенным изменениям в организации тайной агентуры внутри страны и за ее пределами. Царской политической полиции в Австрии и Пруссии приходилось больше рассчитывать на содействие местных полицейских учреждений, чем на свои силы. Тем не менее регулярные агентурные сведения из-за рубежа к тому времени начали поступать в Петербург и от собственных агентов III Отделения. Из Германии донесения шли от агентов Кашинцева, Швейцера и Шнейдера. Информацией из Бухареста снабжал агент Кобервейн.

Через 10 лет после варшавских волнений польскую эмиграцию в Европе дополнила эмиграция русская.

III Отделение отчитывалось, что «еще в 1843 году обратило внимание на деятельность первых русских выходцев: князя Петра Долгорукого и Ивана Головина во Франции и Бакунина в Швейцарии. В 1848 году к числу русских выходцев присоединился и Герцен».

Слежка за эмиграцией, впрочем, была организована довольно кустарно. Первый глава российского политического сыска за рубежом барон К. Ф. Швейцер в 1840-х годах создал группу агентов-иностранцев. Однако скоро выяснилось, что большинство из них занимается в основном мистификациями. Пользуясь различными слухами, они сочиняли по возможности правдоподобные донесения и отчеты, отправляли их в Россию и получали за свои небылицы весомые вознаграждения. В конце концов обман раскрылся. Русская охранка, отказавшись от услуг местных «помощников», начала засылать в Европу своих уже проверенных агентов. А все денежные расчеты с заграничными агентами взяло на себя Министерство внутренних дел.

Тем не менее жандармы III Отделения хватались за каждое сообщение, каждый слух о тайном заграничном обществе или заговоре, а ловкие авантюристы-провокаторы использовали и жандармское рвение, и маниакальные поиски потенциальной угрозы революции царем в каждом темном углу. Николай I не оставлял без внимания ни одного политического доноса, особенно связанного с декабристами или поляками, каким бы нелепым этот донос ни выглядел.

Советский историк И. М. Троцкий в монографии «III Отделение при Николае I» приводит случай, когда в 1835 году в III Отделение явился некий Луковский, приехавший в Петербург из Лондона. Он сообщил, что в Англии существуют два тайных общества: одно — русское, образовавшееся после 14 декабря, а другое — польское, возникшее после восстания 1831 года. Он, Луковский, состоит членом этих тайных обществ. Оба они действуют в контакте и предполагают начать широкую пропаганду в России. Для этого массовым тиражом уже печатается соответствующая литература, полная ненависти к России и русскому престолу. Эту литературу собираются переправлять в Россию по маршруту: Англия—Индия—Персия—Грузия—Астрахань. При всем том Луковский ни одной фамилии не называл и, как полагалось в таких случаях, просил дать ему денег «для раскрытия злого умысла». Нелепость доноса была очевидна. После 14 декабря неоткуда было взяться в Англии тайному обществу, а невозможный в ту пору и выдуманный лишь для большего эффекта маршрут сразу же обнаруживал мнимость предприятия Луковского. Николай, как ему ни грезился призрак революции, догадался, что его хотят обмануть и выманить деньги. На докладе по доносу Луковского он начертал резолюцию: «Все это очень неясно, нет ни одного положительного указания; во всем этом правда — только ненависть к нам англичан». Однако Николай тут же смутился — не проворонит ли он таким манером заговор — и приписал: «Впрочем, в наш век нельзя ничего оставлять без внимания».

ЛИТЕРАТОРЫ, ДИПЛОМАТЫ И ПРОЧИЕ АГЕНТЫ

Введение III Отделением тотальной цензуры. — Литераторы в роли заграничных агентов III Отделения. — К. Швейцер и Я. Толстой во главе заграничных филиалов охранки. — Охранительское и доносительское творчество Я. Толстого. — Просьба принца Наполеона о материальной поддержке. — Сотрудничество русских дипломатов с III Отделением. — Агентурная деятельность княгини Д. Ливен. — Герцен о дипломатической агентуре. — «Дипломатические» попытки III Отделения вернуть в Россию эмигрантов П. Долгорукова и И. Головина. — Специальные чиновники по особым поручениям при III Отделении. — Трактат агента Н. Кашинцева о пользе шпионства. — Агенты III Отделения в «Месяцесловах» и «Адрес-календарях». — Создание опорных пунктов Заграничной агентуры. — Иностранцы на службе в заграничной сети III Отделения. — Первые итоги работы III Отделения за границей. — Кадровые проблемы заграничной охранки. — Агент-новатор Ю. Балашевич.

III Отделение прикладывало решительные усилия к обузданию либеральной русской литературы и революционной журналистики, демократически настроенной отечественной и зарубежной прессы, против проникновения в Россию крамольных иностранных книг. Недаром любивший «шипенье пенистых бокалов» Пушкин сравнивал жженку с Бенкендорфом, «потому что она, подобно ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок». Внутри страны была введена тотальная цензура. В первый же визит министра народного просвещения А. С. Шишкова к новому государю Николай распорядился составить обновленный цензурный устав взамен старого, сравнительно либерального. Окончательно цензурный устав был утвержден в 1828 году. Цензура, формально оставаясь в ведении Министерства просвещения, фактически была поставлена под контроль III Отделения. Цензоры не только должны были преследовать все казавшееся им подозрительным, но и сами становились прямыми агентами политического сыска. Литературную агентуру возглавили известные журналисты Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин.

За границей охранка привлекала к сотрудничеству самих издателей и редакторов западных журналов и газет. Завербованные журналисты были обязаны следить за появляющимися в иностранных журналах статьями о России и опровергать ложные и неприятные правительству известия. Агентами тайной полиции стали некоторые довольно известные в ту пору литераторы: Ш. Дюран, К. Ф. Швейцер, Я. Н. Толстой. Швейцер и Толстой представляли своеобразные заграничные «филиалы» III Отделения.

Швейцер в Германии, Пруссии и Австрии выполнял поручения Бенкендорфа, связанные преимущественно с «обузданием излишнего либерализма западноевропейской прессы». Яков Толстой во Франции стал наиболее ценным приобретением охранки. Друг молодого А. С. Пушкина, участник собраний «Зеленой лампы», член Союза благоденствия, человек образованный, наблюдательный и умный, Толстой оказался самым плодовитым агентом-литератором.

В момент выступления декабристов на Сенатской площади Я. Н. Толстой находился за границей. Он решил не возвращаться в Россию после подавления декабрьского восстания, но вдруг вскоре принялся вымаливать у царя прощение и каяться в вольнодумстве юных лет. Его простили, завербовав. Теперь, сидя в Париже, Толстой составлял для А. Х. Бенкендорфа, а затем для А. Ф. Орлова доклады «о состоянии умов» западного общества и защищал николаевскую Россию своими публикациями в различных журналах. Известны его статьи, восхвалявшие царскую политику. Толстой, в частности, распространял в европейской печати опровержения на книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», содержащую резкую критику николаевского режима и многократно

переиздаваемую в Европе. Французский литератор-монархист по личному приглашению императора Николая I посетил Россию и описал ее как страну варваров и рабов, государство всеобщего страха и бюрократической тирании.

Кроме того, Толстой представлял III Отделению сведения о русских эмигрантах и вообще «обо всем, касающемся до высшей политики Европы». Он вращался в соответствующем ему кругу. В министерские кабинеты его не пускали, но зато с ним говорили о вещах, о которых с дипломатом говорить не станут. Кроме того, он лучше видел настроения улицы, чем не высовывавшие носа из русского посольства дипломаты. Донесения Толстого были ярки и колоритны. Это своего рода «записки очевидца» о февральской революции во Франции. В предвидении грядущих политических событий он проявлял незаурядную прозорливость. «Все крупные города, — размышлял этот агент-литератор в одном из донесений 1848 года, — в которых правительство имело неосторожность допускать открытие многочисленных фабрик, являются, особенно в дни, когда работа не производится, ареной шумных сборищ, обычно предшествующих бунтам. Вообще фабричные рабочие составляют самую беспокойную и самую безнравственную часть городского населения...»

В Петербурге узнали о демонстрации 15 мая в Париже и получили ее самое яркое и подробное описание от того же Якова Толстого. По его донесениям в российской столице могли изо дня в день следить за подготовкой июньских дней, и самые эти дни дали еще одну яркую страницу в писаниях «собственного корреспондента» николаевской тайной полиции.

«В моей последней депеше, — писал 19 октября 1848 года Яков Толстой на французском языке — конечно, агенты III Отделения, если они оперировали за границей, тоже обязаны были пользоваться „дипломатическим диалектом“, — я обращал внимание на многочисленные шансы Луи Бонапарта сделаться президентом республики. Это предвидение оправдывается все более и более с каждым днем, и сегодня относительно его успеха нет никаких сомнений. Одно особенное обстоятельство дало мне возможность собрать сведения насчет

намерений принца Луи Наполеона в этом отношении. Один из моих английских друзей, м-р Форбс Кемпбелль, человек выдающегося ума, мой близкий приятель в течение уже нескольких лет, приехал на три дня в Париж. Он сотрудничает в „Таймсе“, „Морнинг Кроникль“ и других газетах и имел случай оказать большие услуги Луи Бонапарту, когда тот жил в Англии. Он знаком также с г. Тьером, так как перевел на английский язык книгу Тьера о „Консульстве и Империи“. В течение трех дней, которые г. Кемпбелль провел в Париже, 16/28, 17/29, 18/30 октября, он каждое утро в 11 часов отправлялся к принцу Луи и оставался у него часа два; потом он отправлялся к г. Тьеру и совещался с ним несколько часов; остаток дня он проводил со мной, обедал у меня со мною вместе, таким путем я узнавал от него о политических разговорах, которые он имел в течение дня с этими двумя личностями. Я тщательно их запоминал и спешу воспроизвести ниже.

Во-первых, г. Кемпбелю, который является директором Колониального банка, по-видимому, было поручено вести переговоры о займе в 40 тысяч фунтов стерлингов. Принц изложил ему трудности своего положения, так как он должен бороться против партии Насиональ, т.е. Кавеньяка, редакторы которого захватили все высшие места в республике, а также против красных республиканцев (Ледрю-Роллен), которые располагают огромными суммами (!) и делают все, что можно себе представить, чтобы помешать избранию Луи Бонапарта. Он очень боится, что до 10 декабря, дня, назначенного для выборов, его враги устроят восстание против его кандидатуры. Г. Кемпбелль должен был изложить ему все трудности заключения займа на лондонской бирже, где капиталисты дают деньги только под солидные гарантии, а не под авантюры. Сообщив мне об этих переговорах, он спросил меня, не было ли бы расположено русское правительство снабдить принца этой суммой и не могу ли я его связать с нашим посланником г. Киселевым? Я решительно восстал против этого предположения, обратив его внимание на то, что русское посольство никоим образом не может вмешиваться во внутренние дела Франции и помогать какой бы то ни было партийной интриге.

После этого мне стало ясно, что г. Кемпбелль является некоторого рода эмиссаром принца Луи, и чтобы отвлечь его внимание и покончить этот разговор, я обратил все дело в шутку. Я спросил его, что же Луи Бонапарт мог бы дать России в обмен на миллион, который он от нее требует? „Все возможные уступки", — с жаром ответил г. Кемпбелль. „Россия может, таким образом, купить главу республики?" — спросил я. „И всего только за один миллион франков, что, разделенное на четыре года президентства, дает 250 тыс. в год. Согласитесь, что это не дорого! Я вам гарантирую, что за эту цену он будет в вашем полном распоряжении", — ответил мой собеседник. „Обяжется ли он, по крайней мере, употребить весь свой авторитет на то, чтобы почистить Францию от польских и русских эмигрантов?" — „Я отвечаю, что он примет на этот счет формальное обязательство: так как он находится в самом трудном положении, в каком человек может находиться; с деньгами он победитель, без денег он погиб; словом, это для него быть или не быть!"»

Комментируя в книге «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» это послание Якова Толстого, М. Н. Покровский отмечает, что в Петербурге просто испугались. И так как Кемпбелль мог болтать о преступных покушениях принца Наполеона на русское казначейство еще кому-нибудь и это могло дойти дойти до слуха честного Кавеньяка в превратном виде, то русскому посланнику в Париже Киселеву было предписано авансом категорически опровергнуть всякие слухи о какой бы то ни было материальной поддержке Россией принца Наполеона. Последний добыл деньги на избирательную агитацию у парижского банкира Фульда — всего уже только полмиллиона — под обещание сделать Фульда министром финансов, что и было исполнено честно: Фульд действительно стал министром президента Луи Наполеона Бонапарта.

А всего за 250 тысяч рублей серебром — таков был тогда курс франка — Николай мог бы откупиться от Крымской войны. Русский царь пропустил великолепный случай посадить в февральскую республику своего президента.

Яков Толстой продолжал служить III Отделению многие годы. Он был «литературным агентом» III Отделения в Париже почти 30 лет (1837—1866; хотя, по некоторым сведениям, был разоблачен уже в 1848 году). Толстой отправил в Петербург в общей сложности около двухсот пятидесяти донесений, более всего о настроениях русской политической эмиграции. Доподлинно известно, что только за 1837—1855 годы он послал 58 донесений А. Х. Бенкендорфу, 188 — А. Ф. Орлову, десятки писем Л. В. Дубельту и А. А. Сагтынскому. Судя по отчетам III Отделения, Толстой играл наиболее значительную роль среди заграничных агентов политического сыска николаевской России. По высочайшему повелению 29 января 1837 года деятельность Толстого была наконец «узаконена»: его назначили на должность корреспондента Министерства народного просвещения в Париже с жалованьем 3800 рублей в год, выплачиваемым из фондов III Отделения.

В разное время с III Отделением сотрудничали некоторые русские дипломаты. Охранка поддерживала постоянные контакты с министром иностранных дел, впоследствии государственным канцлером, графом К. В. Нессельроде. Агентами становились видные российские посланники: граф П. П. Пален в Париже, Д. П. Татищев в Вене, граф Ф. И. Бруннов в Лондоне, затем в Париже и Берлине, а его помощник Д. Н. Лонгинов в Штутгарте. Лондонские дипломаты особенно усиленно следили за А. И. Герценом и его кружком, пытались вскрыть почтовые каналы Герцена и перехватывать его почту. Русский консул в Лейпциге открыто давал взятки местным типографиям, чтобы те отказывались печатать антиправительственную газету «Листок», издаваемую П. В. Долгоруковым.

Граф Урби, русский посол в Берлине, пытался обнаружить связи «каракозовцев» Н. А. Ишутина, Д. А. Юрасова, И. А. Худякова и других из России с тайными сообществами Германии и Европы, в том числе «Европейским революционным комитетом». Он, возможно, имел в виду I Интернационал или «Интернациональное братство» М. А. Бакунина. Во всяком случае, о чем бы ни шла речь, в донесениях посла-жандарма этот таинственный комитет представлялся террористической организацией. Ее целью была революция в России, а «средства для возбуждения революции» — гремучая ртуть, «орси-

ниевские» бомбы и цареубийство. «Орсиниевских» бомб боялись на русском престоле с полным основанием. 14 января 1858 года в Париже итальянский революционер Ф. Орсини бросил бомбу в карету императора Наполеона III, «надеясь его убийством разбудить революционные силы Европы». Покушение закончилось неудачей. Орсини был казнен.

Ярким примером активности дипломатических кругов в вопросах политического сыска является деятельность княгини Д. Х. Ливен (урожденной Бенкендорф), жены князя Х. А. Ливена, русского посла в Англии в 1812—1834 годах. Агентурная практика Дарьи Христофоровны Ливен вот уже почти два века интересует многих исследователей внешней политики Западной Европы XIX века. Княгиня была принята царствующими дворами России, Австрии и Англии. Она водила короткую дружбу со многими известными политическими деятелями. В ее друзьях числились такие вершители европейских судеб, как канцлер Австрии князь Клеменс Меттерних, глава английского кабинета министров Эдуард Грей, министр иностранных дел и премьер-министр Англии Джордж Каннинг, статс-секретарь по иностранным делам, в дальнейшем премьер Англии лорд Эбердин, руководящий министр иностранных дел, затем глава правительства Франции Франсуа Гизо. Вхожая в высшее английское, а в 1839—1848 годах и во французское общество, Дарья Ливен была для царского правительства источником важнейшей информации о политике ряда европейских государств, особенно Англии и Франции. Французский историк середины XIX века П. Лакруа утверждал, правда без ссылки на источники, что княгиня была представлена Николаю I ее братом А. Х. Бенкендорфом именно как ценный осведомитель.

В Лондоне у княгини Ливен был свой салон, весьма популярный в высшем обществе. Там, к примеру, в 1825 году по поручению Александра I она в частной беседе передала главе «форин офиса» Джорджу Каннингу мнение о том, что Россия и Англия должны между собой сговориться касательно греко-турецких дел. Княгиня встретила «полное понимание и принципиальное сочувствие» со стороны своего собеседника, о чем тут же поспешила информировать русский двор.

С помощью княгини Ливен в 1828 году Николай I пошел в тайный контакт с Каннингом. Новому самодержцу это было необходимо, чтобы избавиться от слишком назойливых стремлений Меттерниха демонстрировать перед всей Европой, что перемена, происшедшая на русском престоле, будто бы всецело выгодна для Австрии и особенно радостна лично для Меттерниха. Николай, несомненно, знал о начавшемся сближении его покойного брата с Каннингом и о резком охлаждении Александра к Меттерниху благодаря усилиям все той же Дарьи Ливен. И если была какая-нибудь идея, унаследованная Николаем от его брата и прочно, до самой Крымской войны, засевшая в его голове, то это была именно мысль, переданная Каннингу от Александра через посредство княгини Ливен: Англия и Россия должны вдвоем сговориться относительно турецких дел. Александр подразумевал прежде всего греческое восстание. Николай ставил вопрос шире и откровеннее, чем Александр, который, впрочем, тоже, говоря о греках, явно думал о Черноморских и Средиземноморских проливах. Каннинг, при непосредственном участии госпожи Ливен, тотчас же пошел навстречу намечающемуся стремлению царя сблизиться с Англией в обход Австрии и Франции.

Когда же в 1832 году Николай проведал от Дарьи Ливен об антирусских тенденциях одного молодого английского дипломата, Чарлза Стрэтфорда Каннинга, двоюродного брата Джорджа Каннинга, то он снова обратился за помощью к княгине. Именно ей министр иностранных дел России граф Карл Нессельроде по поручению царя написал частное письмо с тем, чтобы она дала как-нибудь знать руководителям английской политики Грею и Пальмерстону о нежелательности посылки Стрэтфорда Каннинга послом Англии в Россию. Тайная миссия Ливен поначалу шла успешно. Она сумела уговорить премьер-министра Грея, и тот счел, что дело на этом окончено. Но Пальмерстон решил опубликовать в газетах, что назначение Стрэтфорда уже состоялось. Предварительно он дал на подпись королю Вильгельму IV указ о назначении Стрэтфорда послом в Петербург. Когда сообщение появилось в прессе, Пальмерстон послал обычный запрос об «агремане» русскому

правительству, рассчитывая, что Николай не решится отказать. Однако, подстрекаемый Дарьей Ливен, Николай решился. Он приказал Нессельроде объявить Пальмерстону, что не примет Стрэтфорда. Пальмерстон настаивал. Николай оставался непоколебим. Пальмерстону, не без влияния княгини Ливен, пришлось признать, что коса нашла на камень, и подчиниться. Ливен постоянно информировала своего брата, шефа жандармов Бенкендорфа, и Николая I также и о настроениях русской эмиграции в Англии, немногочисленной в то время.

Возложение сыщицких обязанностей на русских дипломатов не всегда приводило к желанным результатам. Как писал в 1858 году Герцен, «все дельные русские дипломаты ясно понимают, что ничего нет общего между сношениями России с другими державами и вертепом III Отделения. Делать жандармов из послов — изобретение Николая». Однако в прямые обязанности русских дипломатов за границей входило возвращение в Россию политических эмигрантов, в первую очередь П. В. Долгорукова, И. Г. Головина, М. А. Бакунина, Н. П. Огарева. И тут дипломатическому корпусу уже по роду службы приходилось сотрудничать с III Отделением. Такое «сотрудничество» было замечено Герценом. Им были преданы гласности провокационные попытки заполучить «вреднейшего эмигранта» князя П. В. Долгорукова. В «Колоколе» появилась переписка князя с русским правительством:

«Российское Генеральное консульство в Великобритании, № 497.

10/22 мая 1860 года.

Нижеподписавшийся, управляющий Генеральным консульством, имея сообщить князю Долгорукову официальную бумагу, просит сделать ему честь пожаловать в консульство послезавтра в четверг, во втором или третьем часу пополудни.

Ф. Грот».

«Лондон, 10/22 мая 1860 года.

Если господин управляющий Генеральным консульством имеет сообщить мне бумагу, то прошу его сделать

[illegible]не честь пожаловать ко мне в отель Кларидж, в пятницу 13/25 мая, во втором часу пополудни.

Петр Долгоруков».

«Российское Генеральное консульство в Великобритании, № 498.

12/24 мая 1860 года.

Нижеподписавшийся, управляющий Генеральным консульством, имеет поручение пригласить князя Долгорукова немедленно возвратиться в Россию вследствие Высочайшего о том повеления. Нижеподписавшийся просит князя Долгорукова почтить его уведомлением о получении сего сообщения.

Ф. Грот».

«Письмо к начальнику III Отделения. Лондон. 17/29 мая 1860 г.

Князю В. А. Долгорукову.

Почтеннейший князь Василий Андреевич, вы требуете меня в Россию, но мне кажется, что, зная меня с детства, вы могли бы догадаться, что я не так глуп, чтобы явиться на это востребование? Впрочем, желая доставить вам удовольствие видеть меня, посылаю при сем мою фотографию, весьма похожую. Можете фотографию эту сослать в Вятку или в Нерчинск, по вашему выбору, а сам я — уж извините — в руки вашей полиции не попадусь, и ей меня не поймать!

Князь Петр Долгоруков».

В «Колоколе» были также опубликованы пояснения П. В. Долгорукова по поводу этой переписки с консулом Гротом и своим родственником князем В. А. Долгоруковым, бывшим с 1856 года начальником III Отделения: «В нашем веке неоднократно видели, как политические эмигранты возвращались на родину, а члены правительства, их дотоле преследовавшие, обрекались на изгнание. Искренно желаю, чтобы дом принцев Голштейн-Готторпских, ныне восседающий на престоле Российском, понял наконец, где находятся его истинные выгоды; желаю, чтобы он снял наконец с себя опеку царедворцев жадных и неспособных (мнимая к нему преданность коих не переживет годов его могущества);

желаю, чтобы он учредил в России порядок правления дельный и прочный, даровал бы конституцию и через то отклонил от себя в будущем неприятную, но весьма возможную случайность промена Всероссийского престола на вечное изгнание».

В мае 1860 года лондонские дипломаты не без злорадства пересылают П. В. Долгорукому высочайший указ «О запрете на имение», а позднее — о лишении титула, об объявлении изменником, изгнанником.

Другой русский эмигрант, Иван Гаврилович Головин, несмотря на все дипломатические уговоры по распоряжению III Отделения, также отказался вернуться на родину и в 1845 году перешел в английское подданство. Головин выпустил в Париже книгу «Дух политической экономии», которую при дворе сочли «памфлетом против Николая I». Вызванный в Россию «памфлетист», не исполнивший «дипломатических» требований Бенкендорфа, был заочно предан суду, который приговорил, «лишив Головина чинов и дворянства, сослать его, в случае явки в Россию, в Сибирь в каторжную работу». Прощенный Александром II, Головин тем не менее в Россию не вернулся и в 1859—1862 годах издал за границей длинный ряд брошюр по острейшим общественным вопросам, стоявшим в то время на очереди в России. Им были выпущены два номера журнала «Стрела» и 12 книжек журнала «Благонамеренный», содержавших критику царского режима. Замечательную характеристику Головину дал Герцен в статье, специально ему посвященной. Не вошедшая в «Былое и думы» глава эта была напечатана в майской книжке «Былого» за 1907 год.

Когда в очередной раз российские эмигранты заявляли о своем нежелании вернуться на родину, охранное ведомство начинало засылать своих агентов в места их расселения — Париж, Лондон, Ниццу и далее. Там секретные сотрудники III Отделения стремились выяснить связи политэмигрантов с революционными демократами и либералами в России и, в частности, всячески воспрепятствовать их издательской деятельности. Одной из особенностей развития политического сыска в 30—60-е годы XIX века было наличие при III Отделении специальных чиновников по особым поручениям, которые вполне легально, в большей или меньшей степени, за-

нались агентурной деятельностью. Впервые их имена официально упоминаются в указе от 17 апреля 1841 года: «О новом штате III Отделения». Это М. М. Попов, Н. А. Кашинцев и К. Ф. Швейцер, А. А. Сагтынский.

А. А. Сагтынский был определен на службу в III Отделение 25 ноября 1832 года из Главного штаба великого князя Константина Павловича. Став первым, после Л. В. Дубельта, лицом в III Отделении, он в основном специализировался на политическом сыске за границей и выполнял секретные поручения начальства. С секретными миссиями за границу Сагтынского посылали трижды: 1838 год — Париж, 1840—1841 годы — Берлин, сентябрь 1841 года — Палермо.

Близко к чиновникам примыкала группа лиц, «причисленных к III Отделению», заметную роль среди которых играли Я. Н. Толстой и О. В. Кобервейн. Не являясь тайными агентами в прямом смысле слова, эти лица пользовались особым доверием III Отделения. Слишком хорошо известные в правительственных и литературных кругах, они, как правило, были причастны не только к журналистике и издательской деятельности, но и к организации агентурной деятельности за границей. Вокруг таких лиц формировались своеобразные агентурные «центры».

Не лишено интереса то, как сами чиновники особых поручений оценивали характер своей деятельности и свое место в системе политического сыска. В этом отношении заслуживает внимания отчет Н. А. Кашинцева от 12 февраля 1840 года, составленный им после восьми лет «службы по наблюдательной полиции». Это своеобразный трактат-рассуждение чиновника о целях и задачах политической полиции и методах работы ее агентов.

«Вопреки толкам многих в публике, — пишет Кашинцев, — наблюдение благородное никогда не унизится до шпионства: тут все доводится до света, там — мрак сомнения, пристрастия, пороков. Наблюдение необходимо, а шпионство — верное зло: это подкуп, следственно, порча нравов, поколебание правил, шаткость обязанностей...» Тем не менее автор не отрицает и значение «шпионства»: «В крайности и оно может принести пользу, но разве случайную и только косвенную». В заключение он про-

возгласил своеобразное кредо: «Постигая возвышенное значение полезных наблюдений, готов с усердием продолжать оное, сообщать все до меня доходящее, докладывая, как и всегда, искренно: что мое — мое, что сообщено — чужое; что правда — правда, что слух — слух. За чужое и за слух не могу отвечать, но если написал, что верно, то верьте, что это верно по происшествию...» Так в несколько примитивной форме Кашинцев показал свое отношение к методам «надзора» и отмежевался от когорты шпионов и доносчиков.

К середине 40-х годов XIX века число чиновников по особым поручениям и лиц, причисленных к III Отделению, не превышало 10 человек. Вполне вероятно, что не все имена этой категории агентов стали известны. Неполный перечень их можно найти в «Месяцесловах» и «Адрес-календарях» за 1840—1844 годы. Позднее фамилии таких сотрудников III Отделения в справочники не включались. Основная масса агентов была представлена осведомителями «широкого профиля», собиравшими всевозможные слухи и толки. Чины корпуса жандармов также нередко использовались и в качестве тайных агентов.

Действуя под лозунгом борьбы против «враждебной России прессы», за «поддержание в Европе престижа русского правительства», III Отделение начало создавать «опорные пункты» своей агентуры. Первые из них возникли в Пруссии и Австрии в 1832—1833 годах при активном участии опытного агента Швейцера и содействии главного редактора «Journal de Francfort» Шарля Дюрана. За свои труды в этом консервативно-монархическом журнале Дюран получал значительные субсидии одновременно от трех правительств: русского, прусского и австрийского. Впоследствии подобные пункты были созданы во Франции, где с осени 1837 года начал свою деятельность Я. Н. Толстой, а также в Швейцарии, Бельгии и других странах.

Как показывают архивные материалы, русская Заграничная агентура все же почти целиком состояла из иностранцев, которые в большинстве своем были связаны с III Отделением через особо доверенных лиц. Например, по представлениям барона К. Ф. Швейцера с июля 1833 года III Отделение стало отпускать денежные

мы своим агентам в Пруссии Гутману, Декену, ейеру, Гартману, а с конца 1836 года и агенту Берли. о рекомендации небезызвестного Н. И. Греча около 0 лет выполнял задания III Отделения французский урналист де Кардонн, который характеризовался своим окровителем как «человек честный, благородный и искренне преданный России».

Первые итоги заграничной деятельности агентов III Отделения были подведены в 1839 году. В частности, в «нравственно-политическом» обзоре III Отделения отмечалось, что главное внимание оно уделяло польским эмиссарам и развитию революционной пропаганды на Западе. Основываясь на донесениях агентов Толстого, Дюрана, де Кардонна, Бакье, Вернера, Швейцера, Биндера и на сообщениях русских послов в Париже, Вене, Риме и Берлине, III Отделение представило Николаю I обширную информацию. В обзоре речь шла, главным образом, о польской политической эмиграции, ее планах на будущее, отношении иностранных кругов к «польскому вопросу». Эта информация перепроверялась и подтверждалась сообщениями от Меттерниха, а также киевского и виленского военных губернаторов.

На первый взгляд, получалась довольно благополучная, с точки зрения III Отделения, картина. Однако в действительности все было значительно сложнее. Многие заграничные агенты не оправдали возлагавшихся на них надежд. С начала 1844 года III Отделение перестало субсидировать почти всех агентов, представленных десять лет назад Швейцером Бенкендорфу. Оно признало «недействительными» их заслуги перед «высшей» полицией. В числе «неудачников» оказался, в частности, Дюран. Он был гласно разоблачен как агент русского правительства, и III Отделение поспешило прервать с ним всяческие отношения. Невысокой репутацией у руководства III Отделения пользовался и де Кардонн. Донесения этого агента, по словам А. Ф. Орлова, были чересчур «многословны и длинны», содержали «старые сведения», в основном «слухи парижских газет и журналов».

На отсутствие хорошо организованной Заграничной агентурной сети указывает и то обстоятельство, что руководство III Отделения, испытывая «недостаток» в агентах,

широко использовало в своих целях служебные поездки чиновников других ведомств. Например, князь Э. П. Мещерский, находясь в 1838—1839 годах за границей, выполнял не только поручения Министерства народного просвещения, которым был командирован, но и задания, полученные лично от начальника III Отделения. Охранка не чуждалась сотрудничества с людьми довольно сомнительной репутации и щедро субсидировала их. Так, иностранцам Г. Зиберу и Г. Стенишу (он же Ф. Манн) III Отделение выплатило через Нессельроде соответственно 2200 талеров и 2500 франков. Однако их сообщения о существовании мифических обществ в России и Западной Европе III Отделение встретило неодобрительно и отнесло этих агентов в разряд ложных доносителей.

В целом во второй четверти XIX века результаты заграничной агентурной деятельности III Отделения были незначительными. Охранка не имела больших агентурных штатов. По мнению советского историка и писателя Н. Я. Эйдельмана, III Отделение было организацией сравнительно примитивной. Заведующий секретной агентурой Филиппеус жаловался своему начальству, что при вступлении в должность обнаружил в штатах агентов весьма сомнительных: «Один — убогий писака, которого обязанность заключалась в ежедневном сообщении городских происшествий и сплетен. Первые он зауряд выписывал из газет, а последние сам выдумывал. Кроме того, ко мне явились: один граф, идиот и безграмотный, один сапожник с Выборгской стороны — писать он не умел вовсе, а что говорил, того никто не понимал... двое пьяниц, одна замужняя женщина, не столько агентша сама по себе, сколько любовница и сотрудница одного из агентов, одна вдовствующая, хронически беременная полковница из Кронштадта и только два действительно юрких агента». Историк и библиограф П. А. Ефремов в декабре 1861 года отмечал, что «в четверг в Знаменской гостинице собралось на обед все Третье отделение. Не знаю, что праздновали, но кричали „ура“ и выпили, кроме других питий, 35 бутылок шампанского на 32 человека».

Во Франции, например, с ее буржуазными свободами и либерально-демократическими учреждениями, аппарат тайной полиции был куда более развит, дисциплинирован и многочислен. Отсюда, однако, вовсе не следовало, что III Отделение слабее французских коллег. Наоборот, влияние его было большим, власть — громадной и долгое время достаточной. Эффект объяснялся страхом, темнотой, пассивностью большей части населения России, отсутствием каких-либо политических учреждений, действовавших в «ином плане». В России, до поры до времени, для всеобщего устрашения и усмирения достаточно было нескольких десятков сотрудников, сидевших в знаменитом доме у Цепного моста, и нескольких сотен вспомогательных персон: ведь по их приказу и министры, и губернаторы, и генералы были обязаны «всячески содействовать». Другое дело, когда работа переносилась за границу. Тут приходилось труднее, нужны были специальные (хотя бы знающие французский язык) кадры. Это признавало и само руководство III Отделения. Пытаясь перестроить работу охранки за рубежом, ее идеологи искали и новых агентов, и новые методы политического сыска. Во второй половине XIX века деятельность заграничных агентов охранки приобретает отчасти уже характер «персональной опеки».

По-своему выдающимся агентом III Отделения, действовавшим за границей в 60—70-х годах, был Юлиус (Александр) Фабианович Балашевич. Агентурная карьера Балашевича началась своеобразно. В мае 1861 года он посетил московского митрополита Филарета в целях исповеди и передал митрополиту прокламации и брошюры антиправительственного содержания. Филарет нарушил тайну исповеди, и вскоре Балашевича вызвали в Петербург для беседы в III Отделение. Там он, по всей вероятности, и был завербован в агенты. Уже в июне Балашевич прибыл в Париж под непосредственное начало Толстого с секретной миссией — воспрепятствовать проникновению европейской заразы в Россию, следить за деятельностью Герцена и стараться подорвать его связи с польскими революционерами. Новый агент III Отделения с самого начала действовал в среде эмигрантов весьма решительно и выдавал себя за ярого революционера. Методы неприкрытой, наглой провокации были тогда новым словом в агентурной деятельности русской политической полиции за границей. Шеф

Балашевича Толстой неодобрительно отзывался о стиле работы своего подчиненного.

В Париже Балашевич находился всего около года. Следующей весной его внезапно отозвали в Петербург. Отставка Балашевича была вызвана происками против него в самой конторе III Отделения. Противники опасались, что Балашевич в дальнейшем может стать «диктатором агентуры». Агент А. Бутковский объяснял причину удаления Балашевича его необузданным тщеславием, претензиями на роль дипломатического агента при русском правительстве, а также «неспособностью к подобной должности по совершенному незнанию иностранных языков». Однако Балашевич прозябал в Петербурге недолго. В начале сентября 1862 года, получив заграничный паспорт на имя графа Альберта Потоцкого, он выехал в Париж. Сначала в Париже, а с декабря 1863 года в Лондоне Балашевич-Потоцкий развивает активную провокационную деятельность в польских эмигрантских организациях, направленную против наиболее радикальных представителей польского национально-освободительного движения, однако в начале 70-х годов умудряется даже занять почетный пост «председателя польских эмигрантов в Англии».

В ноябре 1865 года III Отделение решило перевести Балашевича в Женеву, где с середины 60-х годов развертывалась издательская деятельность Герцена и Огарева и складывался центр русской политической эмиграции. Однако Балашевич, став к тому времени владельцем антикварного магазина в Лондоне, категорически отказался. В наказание «за строптивость и непослушание» III Отделение сократило ему наполовину жалованье, но оставило в Лондоне. Анализ донесений Балашевича показывает, что он был лично знаком с такими выдающимися деятелями международного и русского революционного движения, как К. Маркс, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, и другими.

В начале 70-х годов III Отделение усиленно следит за участием польских и русских эмигрантов в деятельности I Интернационала. Балашевич, получив два коротких письма от Маркса, тотчас же пересылает их в III Отделение в качестве «вещественного доказательства своей успешной деятельности» в работе Интернационала. Однако вскоре Маркс отказался от услуг подозрительного «графа Потоцкого».

Тогда же в Лондоне Балашевич сумел познакомиться с Лавровым и понравиться ему. С марта 1874 года, когда Лавров переселился в Лондон для издания газеты «Вперед», «граф» установил с ним довольно тесные отношения. В 1871—1875 годах Балашевич-Потоцкий подробно информировал III Отделение о Лаврове и его окружении. Балашевич сотрудничал с III Отделением не менее 16 лет, пока не был разоблачен в 1876 году как агент и провокатор русской политической полиции.

«ШПИОНСТВО УСИЛИЛОСЬ ДО НАГЛОСТИ...»

Создание Герценым Вольной русской типографии и прессы. — Государственные тайны абсолютной монархии. — Борьба III Отделения с распространением в России изданий Герцена. — Попытки агентов охранки проникнуть к Герцену и раскрыть его корреспондентов. — Инспекция управляющего III Отделения А. Тимашева. — «Дело о лицах, обвиняемых в сношении с лондонскими пропагандистами».

После ряда лет скитаний, преследуемый царизмом и французскими властями, в Лондоне обосновался А. И. Герцен. Летом 1853 года он организовал в столице туманного Альбиона Вольную русскую типографию, которая начала выпускать революционные воззвания, направленные против реакционного режима Николая I и крепостного права в России. В 1855 году вышла в свет первая книжка «Полярной звезды», где публиковались острые, запретные в России политические сюжеты. С 1 июля 1857 года Герцен совместно с Огаревым начал издавать газету «Колокол». Герцен считал основание русской типографии в Лондоне «делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня предпринять в ожидании исполнения иных, лучших дел». Особое место в Вольных изданиях занимали добытые «из-под спуда» зловещие факты последних лет николаевского царствования. «Нашими устами говорит Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов, Русь Пестеля и Муравьева, Рылеева и Бестужева, — Русь, о которой мы свидетельствуем миру и для гласности которой мы оторвались от родины. Мы на чужбине начали открытую борьбу словом в ожидании дел», — писал Герцен.

Н. Я. Эйдельман в своей книге «Герцен против самодержавия» обращает внимание на то, что исторические материалы в Вольной печати Герцена и Огарева в среднем опережали примерно на 30 лет соответствующие публикации в России и долго являлись источником многих сведений, важных для общественной мысли.

«Расширительное толкование государственной тайны, безгласность, — пишет Эйдельман, — были органически свойственны в той или иной степени всякой абсолютной монархии. Признавая свои семейные тайны делом чести, не подлежащим стороннему обсуждению, вмешательству, самодержавие легко включало (поскольку „государство — это я") в систему семейных, интимных секретов общие проблемы, касающиеся экономики, политики, культуры. Поэтому с первой группой „табу-фактов", династических, придворных, касающихся смены властителей, дворцовых переворотов и т.п., обычно были связаны ограничения на правду о революции, восстаниях, конституционных движениях и других видах оппозиции властям. Постоянное вето накладывалось на многие литературные произведения или историю литературы (как часть революционной оппозиции или народного сопротивления)».

Издания Вольной русской типографии тайно переправлялись в Россию, широко распространялись в обеих столицах и провинции, проникали в барские усадьбы и чиновничьи канцелярии, гимназии и университеты и повсюду находили своего читателя. В те годы Герцену шли корреспонденции со всех концов страны. В Лондон, чтобы познакомиться с автором и издателем «Колокола», приезжали люди разных сословий и политических взглядов. В 1850-х годах во многих европейских странах активно действовал так называемый «Международный комитет» — организация, связывавшая революционеров между собой и, в частности, с вольными русскими издателями. «Как декабристы разбудили Герцена, — справедливо писал Ленин,— так Герцен и его „Колокол" помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству».

В отчете III Отделения за 1858 год указывалось, что общественное мнение «сильно раздражалось сочинениями Герцена». Несмотря на усиление таможенного надзора, обыски, секретное наблюдение, эти издания «проникали всевозможными путями в отечество, где производили вредное влияние». Отмечалось, что число этих изданий начинает быстро возрастать: «Многие парижские, лейпцигские и берлинские книгопродавцы принимаются за издание русских запрещенных сочинений. Русские типографии кроме Лондона открываются в Париже, Берлине, Карлсруэ, Гамбурге и особенно в Лейпциге. Их издания проникали в Россию, несмотря на неоднократные распоряжения к строжайшему наблюдению по границам, и распространялись в значительном числе сначала в столицах, а потом и внутри империи».

Обеспокоенное большим влиянием лондонских изданий на представителей различных слоев населения, царское правительство в 1857—1861 годах настойчиво и последовательно стремится пресечь их распространение в стране путем полицейского преследования, запретительных мер и специальных административных воздействий. Назначенный в 1856 году начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III Отделением генерал-адъютант А. Е. Тимашев запретил на всей территории России розничную продажу периодических изданий. Как сказано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «при Тимашеве некоторые вопросы были исключаемы из сферы обсуждения печати; изъятие из обращений сочинений, напечатанных без предварительной цензуры, предоставлено, вместо суда, комитету министров». Кроме того, со второй половины 1857 года в правительственных кругах специально обсуждается вопрос о создании печатного органа антигерценовского направления и внедрении секретных агентов политической полиции в среду революционной эмиграции. Тем не менее имена герценовских корреспондентов, пути доставки лондонских изданий оставались вне поля зрения политической полиции. Поэтому III Отделение решило обзавестись «своими людьми» в самой лондонской штаб-квартире Герцена.

Внимание III Отделения привлекла фирма лондонского книготорговца и издателя герценовской литературы Н. Трюбнера, на адрес которого поступала корреспонденция для Герцена. Охранка попыталась направить и внедрить туда своих эмиссаров. Однако уже осенью 1857 года один из служащих Трюбнера, некто Генрих Михайловский, проявлявший излишнюю «любознательность», был разоблачен Герценом как агент III Отделения. Главные же «почтовые ящики» издателей «Колокола» оставались хорошо засекреченными и были недоступны охранке. Как отмечает Н. Я. Эйдельман, «в целом корреспондентские связи Герцена были хорошо ограждены системой адресов и применяемой конспирацией». Так, III Отделение в течение 1856—1858 годов не знало о нелегальной издательской деятельности Огарева, пока он сам не открыл ее в девятом номере «Колокола».

Однако со временем III Отделению удалось раскрыть некоторых корреспондентов, посылавших Герцену материалы, обличавшие самодержавие, в том числе Г. И. Миклашевского и Ю. Н. Голицына. Их брали под надзор, а иногда высылали в «места не столь отдаленные». Хотя недостатка в уликах против них не было, в конце 50-х годов царское правительство не решилось пойти на «громкое дело», подобное процессу петрашевцев.

Ведя непрестанную борьбу с Герценом, III Отделение в конце 50-х годов предпринимает более активные меры для прекращения издания «Колокола» и посылает в Лондон лучших своих «специалистов»: А. К. Гедерштерна, В. О. Мейера, М. С. Хотинского, Г. Г. Перетца и других. Чиновник III Отделения статский советник Гедерштерн, очевидно, не справился с секретным поручением, так как по поводу его заграничной деятельности статс-секретарь В. П. Бутков писал В. А. Долгорукому 26 августа 1861 года: «Лучше было бы послать лицо частное, к III Отделению не принадлежавшее. Не так скоро узнали бы о цели командировки».

Управлявший III Отделением А. Е. Тимашев был всерьез озабочен распространением в России «Полярной звезды» и «Колокола». Он всеми силами пытался воспрепятствовать проникновению изданий Вольной русской типографии из Англии на континент и оттуда в Россию. В июне 1859 года сам Тимашев предпринял секретную инспекционную поездку по Европе для проверки надежности своей агентуры, так как Герцен

публично разоблачил некоторых заграничных агентов и написал по этому поводу: «Шпионство усилилось до наглости».

Миссия Тимашева в какой-то мере была успешной. В Париже ему удалось добиться от французских властей запрета на пятую книжку «Полярной звезды» и отдельные номера «Колокола», которые были задержаны «в закромах французских таможен». Уже в июне 1859 года Герцен писал: «В Париже гонение, и притом ожесточенное, на „Полярную звезду“ и „Колокол“, и все это происками Тимашева...», а в июле, жалуясь на случаи пропажи корреспонденции на почте, указывал, что это «Тимашев так намерзил». В статье «Второе занятие Парижа русскими» Герцен подчеркивал: «Мы уверены, что, как только Тимашев воротится в Петербург, кн. Долгорукий представит его к ордену Всеслышащего уха с надписью: „За взятие «Колокола» в Париже во время каникулярных жаров 1859 года“».

Летом 1859 года Герцен ожидал приезда Тимашева в Лондон и готовился встретить его во всеоружии. Но управляющий III Отделением тогда так и не доехал до Лондона. Столицу Англии Тимашев посетил зимой 1860—1861 года во время своего второго «полицейского» путешествия по Европе. В конце декабря 1860 года Герцен и Огарев писали издателю «Daily News»: «...английским читателям, быть может, небезынтересно узнать, что генерал-адъютант его императорского величества Тимашев, шеф русской тайной полиции, при содействии штата отборных шпионов выполняет в настоящее время в Лондоне специальное поручение. Мы имеем основание думать, что поручение это связано с попыткой раскрыть имена некоторых корреспондентов Колокола...» Однако Тимашеву не удалось добиться от английских властей запретительных мер в отношении издательской деятельности Герцена и Огарева, а также установить поименный состав корреспондентов «Колокола» в России. Герцен имел полное право заявить: «Тимашев, как ни езди в Лондон и каких мошенников III Отделение ни посылай, ничего не узнает — за это мы ручаемся». Издатели «Колокола» умели хорошо хранить редакционную тайну.

Находясь в Лондоне, Герцен постоянно испытывал к себе и своему окружению пристальное внимание со стороны III Отделения. Шпионы русской политической полиции бесцеремонно лезли не только в его типографию, но и в собственный дом. В отчете III Отделения отмечалось, что с начала 1862 года было организовано «самое близкое секретное наблюдение как за политическими выходцами, так и за их посетителями в Лондоне и Париже». Завоевать доверие Герцена пытался приехавший из Петербурга действительный статский советник «астроном» М. С. Хотинский. Но уже вскоре, в апреле 1863 года, Герцен разоблачил его как агента-осведомителя.

В архиве III Отделения сохранилось множество агентурных и жандармских донесений за те годы о Герцене и близких к нему лицах. Тяжелый удар делу «Колокола» и всему революционно-демократическому лагерю был нанесен летом 1862 года вследствие некоторой неосторожности самого Герцена и беспечности его окружения. Усиленная полицейская слежка за движением лондонских изданий и личными посетителями Герцена в конце концов увенчалась успехом. Охранке удалось установить связи Герцена с петербургскими радикалами. По доносу лондонского агента III Отделения Перетца на пароходе при возвращении в Петербург был арестован отставной коллежский секретарь П. А. Ветошников, у которого при обыске были найдены зашифрованные письма Герцена, Огарева и Бакунина к разным лицам, а также списки и адреса некоторых герценовских корреспондентов. Жандармы сумели разобраться в довольно примитивном шифре. Тогда и возникло известное «Дело о лицах, обвиняемых в сношении с лондонскими пропагандистами», которое явилось тяжелым ударом по русскому освободительному движению, потянув за собой многочисленные аресты и чудовищную провокацию, закончившуюся безаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского.

«ДОБЫТЬ И ДОСТАВИТЬ!»

Князь-эмигрант П. Долгоруков и его архив. — Заметки о главных фамилиях России «графа Альмагро». — Ссылка Долгорукова. — О пользе дворянских выступлений против деспотизма. — «Декабристский список» Долгорукова. — Политические прожекты князя-демократа. — Эмиграция Долгорукова и попытки его полицейского кузена вернуть князя в Россию. — Заграничные публикации Долгорукова. — «Петербургские очерки». — Война царских властей с заграничными изданиями Долгорукова. — Борьба Герцена и Долгорукова за рассекречивание прошлого. — Месть царского правительства князю-оппозиционеру. — Завещание Долгорукова. — Приказ Александра II об изъятии архива покойного князя. — Личная заинтересованность шефа жандармов П. Шувалова в получении долгоруковского архива. — Агент III Отделения Романн-Постников в поисках архива Долгорукова. — Умение Герцена распознавать агентов охранки. — Романн-Постников входит в доверие хранителей архива Долгорукова. — Список архива в руках агента охранки. — Сделка по купле-продаже архива. — Переговоры Романна-Постникова с Герценым. — Приложение к «Колоколу». — Рекомендации Романна-Постникова III Отделению.

В 1868 году охранка успешно провела поиски и пересылку в Россию ценнейших документов князя П. В. Долгорукого, умершего в эмиграции. При жизни Долгоруков имел теснейшие сношения с широкими либеральными и демократическими кругами в России, а с другой стороны, хорошо знал структуру III Отделения и лично его руководителей. Историю «долгоруковских бумаг» кропотливо изучал Н. Я. Эйдельман. В частности, в книге «Герцен против самодержавия» историк подробно касается этой темы.

Князь Петр Владимирович Долгоруков (1816—1868) — потомок знатнейшей княжеской фамилии, непосредственно происходившей от древнего князя Михаила Черниговского, причисленного к святым. После скорого и неудачного завершения придворной карьеры молодой князь, с высшего одобрения, в 1840 году начинает писать многотомную «Российскую родословную книгу». Для своего сочинения он узнает, собирает, систематизирует разнообразные секретные документы, рассказы, слухи. Однако, как выяснилось позже, эта работа позволяла отставному камер-пажу накапливать грозный заряд обиды, мстительности, честолюбия, своенравия и, наконец, свободомыслия.

Первый тревожный для власти сигнал о направлении долгоруковских занятий поступил уже в 1842 году, когда под псевдонимом «граф Альмагро» князь напечатал в Париже «Заметки о главных фамилиях России», вышедшие на французском языке. В этой книге он, между прочим, настаивал на том, что Романовы, воцаряясь в 1613 году, обещали советоваться с русским народом, но вскоре позабыли свои конституционные заверения. На российском троне усмотрели главную мысль сочинения Долгорукова в том, что свобода России присуща изначально, а деспотизм начался с царствующей ныне особы. Бенкендорф с трудом выманил Долгорукова из Парижа в Россию. Сразу по возвращении проштрафившийся литератор был арестован и отправлен на службу в Вятку. Бумаги, конфискованные у Долгорукова при аресте, осели в секретных государственных архивах. Из ссылки опальный князь написал Бенкендорфу, что смиренно принимает перемену местожительства, но, согласно закону о вольности дворянской, никто не может заставить его служить. Царь был так изумлен этой дерзостью, что велел «освидетельствовать умственные способности» Долгорукова, но все же от службы освободил, а вскоре и вернул из ссылки: «Слишком знатная фамилия и влиятельная родня!»

Князь продолжал свои генеалогические занятия, но после полученной встряски сделался много осторожнее. По замечанию Н. Я. Эйдельмана, «его сложные оппозиционные настроения не выветрились от вятских морозов. Уже в это время аристократический протест „боярина“

Рюриковича соединялся с мыслями о пользе различных дворянских выступлений против деспотизма. В частности, Долгоруков видел в своих действиях продолжение декабризма, претендуя на историческое наследство людей 14 декабря». Возможные репрессии только за одно упоминание о прежних русских свободах и свободолюбцах только усиливают интерес князя к этим предметам. В архиве Долгорукова, среди прочих, оказывается секретный документ о декабристах. Это список осужденных по делу 14 декабря, почти полный: 114 человек из 121, с точным указанием места ссылки, а также географии и хронологии последующих перемещений каждого по Сибири и Кавказу. Однако точные сведения о судьбе ссыльных были известны только III Отделению и исключительно ему одному, поскольку хранились в его секретном архиве. Вероятно, князь Петр Владимирович сумел при помощи своих связей заглянуть в секретные дела III Отделения — «всероссийской шпионницы», по его же определению. Возможно, Долгоруков смог это сделать через своего информатора или третьих лиц, по мнению Н. Я. Эйдельмана, «усиливая свою просьбу деньгами или заверениями о необходимости для собирателя дворянских родословных точно знать, в какой глухой волости содержатся бывшие князья Волконский, Трубецкой, Щепин-Ростовский и в каком монастыре оканчивается жизнь князя Шаховского».

Когда началась либеральная эра первых лет правления Александра II, Петр Долгоруков решил, что настал его час. Он обстреливал нового царя и министров различными проектами по крестьянскому и другим вопросам, не скрывая своих конституционных убеждений. Политическая активность князя становилась известной и популярной в широких кругах российского общества благодаря своей острой полемичности и открытой оппозиционности. В 1850-х годах и много позже возникали дискуссии о смысле долгоруковской оппозиции. Как пишет Н. Я. Эйдельман, «одни находили, что князь — „красный либерал", другие — что все дело в желании (которое он, кстати, не скрывал) попасть в статс-секретари или губернаторы, третьи видели во всем сведение счетов Долгорукова со старыми недругами. И по-видимому, все были правы: широкая и странная натура князя

вмещала „несколько формаций" — от древнейших феодальных традиций до новейших конституционных идей». В конце концов «князь-республиканец» напугал свое сословие: «наверх» его не взяли, и он в 1859 году отправился за границу с немалыми деньгами, кипами исторических бумаг и чемоданами компромата на здравствующих. Там вскоре выходит его труд «Правда о России», который настолько соответствовал своему названию, что «кузен Базиль», т.е. шеф жандармов Василий Долгоруков, приказал «кузену Пьеру» вернуться в Россию к ответу. Между обоими родственниками началась резкая полемика. И хотя ее вели весьма знатные персоны, политес здесь не соблюдался: «Что же касается до сволочи, составляющей в Петербурге царскую дворню, — писал Петр Долгоруков в III Отделение из Парижа, — пусть эта сволочь узнает, что значит не допускать до государя людей умных и способных. Этой сволочи я задам не только соли, но и перцу». Князь-эмигрант не только опубликовал свои угрозы в «Колоколе», но и начал приводить их в исполнение, сумев за семь лет нагнать страху на многих, по должности самых смелых подданных Российской империи.

Н. Я. Эйдельман составил перечень некоторых статей и очерков, напечатанных Долгоруковым за границей, иногда указывая в скобках значение атакуемого и компрометируемого лица:

Нынешнее положение дел при дворе. Взгляд назад. Император Александр Николаевич. Его характер и образ жизни. Его жена Мария Александровна.

Великий князь Константин Николаевич и константиновцы.

Карьера Мины Ивановны (всесильная фаворитка влиятельнейшего графа В. Адлерберга).

Граф В. Ф. Адлерберг и подрядчики. Граф А. В. Адлерберг. Их сестра графиня Баранова. Полудинастия Адлербергов и Барановых.

Гр. Блудов, В. П. Бутков. Кн. А. М. Горчаков (соответственно председатель Государственного совета, государственный секретарь и министр иностранных дел).

Александр Егорович Тимашев, А. Л. Потапов, семейство Шуваловых (в разное время начальники III Отделения).

Граф Александр Густавович Армфельд и князья Барятинские (влиятельные придворные; А. Барятинский — наместник Кавказа).

Князь Александр Федорович Голицын (председатель многих секретных следственных комитетов).

Михаил Николаевич Муравьев (министр, подавитель Польши в 1863—1864 годах).

Министр Ланской.

О том, что происходит в Министерстве финансов.

Генерал-губернатор Анненков.

Законодатель Войт.

Граф Киселев (министр, затем посол в Париже).

Многие важные интимные подробности об известных персонах сопровождались пояснениями автора: «я сам слышал...», «в беседе со мною...», «мне сообщили об этом...» — и далее следовали ссылки на весьма уважаемые имена. Долгоруков сделал своей мишенью именно те сферы, из которых он сам вышел. Наиболее интересные заграничные работы П. В. Долгорукова были собраны П. Е. Щеголевым и изданы в 1934 году в книге «Петербургские очерки» с введением и примечаниями С. В. Бахрушина. В предисловии к «Очеркам» Бахрушин, в частности, отмечал: «Сила Долгорукова-журналиста заключалась именно в том, что он знал хорошо ту правящую среду, против которой он направлял тяжеловесный огонь своих батарей, и не стеснялся вскрывать перед читателем ее реальную физиономию. На страницах его листков русский, попавший за границу, с захватывающим любопытством читал самые интимные подробности о таких людях, имена которых у себя дома, в России, он не дерзал произносить вслух; а в Петербурге ни один из самых блистательных сановников не мог быть уверен, что в очередном номере „Будущности“ или „Листка“ он не найдет свой портрет, облитый грязью. А поскольку всем было известно, что Долгоруков до своего отъезда был действительно близок к тем сферам, которые он теперь так жестоко разоблачал, то это придавало его разоблачениям особую пикантность, а его инвективам — особенную убийственность».

Войну с долгоруковскими публикациями петербургские власти вели без устали. Первую газету, «Будущность», выходившую в Париже, пришлось закрыть, так

как французские издатели потребовали переменить программу издания. Почувствовав тут руку российской полиции и дружественной к ней французской, князь решил следующую свою газету, «Правдивый», печатать уже в Лейпциге. Однако и тут, после посещения типографии русским консулом и последовавшей денежной сделки, пришлось менять почву — третья газета, «Листок», появилась в Брюсселе. Весной 1863 года, ожидая прямой атаки бельгийских властей, Долгоруков перенес свое издание в Лондон. Уже из «туманного Альбиона» князь послал своему «второму другу» Наполеону III пророчество, что вскоре и тот будет спасаться от французов за Ла-Маншем (все в точности сбылось через семь лет). Из Лондона Долгоруков позже перебрался в Женеву.

Князь старел, делался все нетерпимее и злее, устраивая сцены любому подвернувшемуся ему под руку русскому аристократу, а те, по замечанию Эйдельмана, «бегали от него в Швейцарии, как от прокаженного». По словам Герцена, он, «как неутомимый тореадор, дразнил без отдыха и пощады, точно быка, русское правительство и заставлял дрожать камарилью Зимнего дворца». Неоднократно «Колокол» и Долгоруков выступали по одним и тем же сюжетам. В борьбе за рассекречивание прошлого Герцен и Огарев часто, при всех разногласиях, блокировались с Долгоруковым. Случалось даже, что князь высказывался непримиримее, чем лондонские Вольные издания. В 1863 году в своем «Листке» он первым публикует отрывок из записок декабриста С. Г. Волконского «Три предателя», где Шервуд, Бошняк и Майборода были однозначно названы провокаторами, предававшими декабристов.

Вокруг давно прошедших событий, имен, текстов шли горячие, нервные споры. Слишком много и многие были задеты. Герцен и Долгоруков наносили ущерб противникам в прошлом и настоящем. Противники не оставались в долгу, и сражение не прекращалось. Правительство мстило оппозиционеру как могло, пускаясь на провокации, которые порой достигали своей цели и больно ранили душу Долгорукова. В 1863 году через печать в России было распространено мнение некоторых близких к Пушкину лиц, будто 3 ноября 1836 года именно 19-летний Петр Долгоруков совместно с 22-летним Иваном

Гагариным написали пресловутый анонимный пасквиль против Пушкина, приведший впоследствии поэта к смертельной дуэли. В ту пору многие, в том числе и Герцен, не поверили этой новости: очень уж «кстати» появилось обвинение против «князя-бунтаря». Однако тень от этой истории лежит по сей день на биографии П. В. Долгорукова.

Летом 1868 года 52-летний князь просит спешно приехать Герцена, с которым незадолго перед этим он прервал отношения. Герцен застает Долгорукова тяжело больным и крайне раздраженным. Раньше князь неоднократно угрожал властям, что сделает какие-то особые разоблачительные публикации сокрушительной силы, если в России тронут его сына. Теперь, когда единственный сын прибыл к умирающему отцу, он стал подозревать, и не без оснований, что наследник хочет увезти в Россию и сдать властям все его секретные бумаги. Приезду Герцена Долгоруков безмерно обрадовался и тут же распорядился своим архивом: все рукописи завещал своему другу и многолетнему сотруднику Герцена польскому эмигранту Станиславу Тхоржевскому, однако душеприказчиками, обязанными следить за сохранностью и последующим опубликованием архива, князь назначил Герцена и Огарева.

6/18 августа 1868 года П. В. Долгорукова не стало. О смерти его тут же было доложено Александру II. Новый шеф жандармов П. А. Шувалов, сменивший на посту «кузена» князя Василия Долгорукова, получил необычный царский приказ. Необходимо было добыть и доставить или уничтожить архив Петра Долгорукова. Ранее Александр II формально не опускался до «черной работы» своей охранки и даже делал вид, что ему «неприятны» доклады о перехваченных письмах: это дело жандармских чинов, а царь таких подробностей знать не должен. Однако в данном деле, в начале 1869 года, последовало недвусмысленное устное «добыть», что означало выкрасть.

Петр Андреевич Шувалов (Эйдельман замечает: у Тютчева — «Петр по прозвищу четвертый, Аракчеев же второй») ненавидел покойного за неоднократные публичные обличения его семьи и рода. Поэтому главный жандарм с радостью приступил к исполнению «деликатного» поручения. Шувалов тут же дал распоряжение своему помощнику Филиппеусу, заведующему секретной агентурой III Отделения, а тот доверил исполнить задание царя агенту Карлу-Арвиду Романну. По фактам расследования Эйдельмана, Филиппеус позже гордо писал своему начальству, что именно он привлек настоящих сотрудников, в том числе Романна.

В инструкции подчеркивалось, что особое внимание агент должен обратить на «частную переписку» покойного князя. Правительство также опасалось документов, которые Долгоруков грозился рассекретить, «если обидят сына».

Отставной коллежский асессор Карл-Арвид (Александр) Романн был удачливым заграничным агентом III Отделения. Охранка высоко оценивала его услуги. Романн получал ежемесячно 250 рублей, тогда как жалованье обычного квалифицированного агента не превышало 75—100 рублей. Он подвизался в жандармском ведомстве с начала 60-х годов, действовал в основном в эмигрантской среде и слыл большим знатоком своего дела. Для выполнения поручений охранки Романн переименовался в Николая Васильевича Постникова. Теперь ему предстояло стать «архивной крысой» и сыграть роль странствующего богатого либерала-мецената в ранге отставного подполковника.

Летом 1869 года Карл Романн, он же Николай Постников, выехал из Петербурга в Швейцарию, где находились многие русские эмигранты. Там он надеялся выполнить оба своих задания. В Женеве Постникову-Романну понадобился примерно месяц, чтобы войти в доверие к эмигрантам. Его задача, однако, облегчалась затруднительным положением, в котором тогда находились в Женеве Огарев, Бакунин и их друзья. Герцену в Париже жилось не лучше. Вольная печать выходила эпизодически, издание «Колокола» прекратилось. И вот в атмосферу апатии, эмигрантской нужды, бездеятельности вторгается энергичная личность, явно располагающая деньгами и стремящаяся «разумно их отдать общему делу». Огарев, Бакунин и Тхоржевский поверили «странствующему подполковнику». И до того агенты тайной полиции появлялись около эмигрантов, но их попытки проникнуть в эмигрантскую среду, особенно близкую к

Герцену, не раз кончались скандальными разоблачениями и провалами. Как отмечал Эйдельман, свои люди постоянно и вовремя предупреждали Герцена о прибытии того или иного «гуся». Среди агентов одно время даже ходили слухи, что у издателей «Колокола» имеются фотографии всех шпионов III Отделения. И тех, кто появляется поблизости от них, тут же узнают и с позором разоблачают. Правда, в 1862 году шпион III Отделения Перетц навел все же охранку на след одного из посетителей Герцена, у которого нашли важные бумаги, давшие повод к многочисленным арестам. Еще кое-каким агентам удавалось просачиваться в русское заграничное подполье, о чем стало известно лишь век спустя. Однако при всем том прежние агенты охранки не обладали тем сплавом опыта и нахальства, не располагали такими средствами и полномочиями, как Романн-Постников. Из его отчетов, между прочим, было видно, как он умел легко, даже талантливо настраиваться на либеральный или революционный лад. Возможно, замечает Эйдельман, агенту приходили на помощь воспоминания юности, когда эти убеждения ему были не чужды — недаром власть так ценила перебежчиков из противного лагеря. Романн, кажется, иногда до того входил в роль, что и впрямь — на минуты или часы — начинал мыслить как его противники и в те минуты-часы, когда беседовал с Бакуниным и Огаревым, искренне «не любил» самодержавие. Так или иначе, но мнимый подполковник быстро продвигался к цели. Ни Тхоржевский, ни Герцен, ни кто-либо другой из окружения покойного князя не мог в то время, при всем желании, издать рукописи Долгорукова. Постников же объявил им, что хочет за свой счет издать секретные бумаги Петра Владимировича и тем самым исполнить его завещание.

2/14 сентября 1869 года Тхоржевский передал Постникову тетрадь в красивом переплете, на обложке которой золотыми буквами было вырезано «Список бумагам князя П. В. Долгорукова». По описанию Эйдельмана, тетрадь заключала в себе 56 страниц, исписанных одними заглавиями. «Список, насколько память мне дозволила,— отмечал Романн в донесении,— сходен с нашим, только гораздо больше — многого у нас нет. Документы, доставшиеся Тхоржевскому после смерти

князя, разделяются на две категории: французские и русские. Вся первая комната, за отделением небольшого прохода, от полу до стены аршина на два была наполнена кипами перевязанных пачек бумаг». Среди них, следуя инструкции, Романн выделил переписку Долгорукова с Виктором Гюго, Кавуром, Тьером, Бисмарком, а также бумаги Карабанова, которые «касаются Екатерины II вообще, ее двора и господствовавших при ней партий», а также сочинения Долгорукова, направленные против Наполеона III. «Тхоржевский сказал мне,— докладывал Романн,— что в ненависти к Наполеону III покойный князь шел гораздо далее Рошфора. Да и сам Тхоржевский говорил, что давно пора бы сдохнуть этой скотине. Вот как паны чтут своего „благодетеля“. А может быть, поляки со смертью Наполеона питают какие-либо надежды?»

Эйдельман отмечает, что, кроме того, в отчете упоминались «бумаги по поводу положения о майоратах царства польского: Долгоруков сильно восстает против дарования сих майоратов генералам: Милютину, Ушакову, Бельгарду и другим», — имелось в виду стремление самодержавия усилить русское влияние в Польше после восстания 1863—1864 годов путем насаждения там русского наследственного неделимого землевладения. Среди бумаг оказались также «нотаты для записок о декабристах суть собрания биографий и записок Бестужева, Рылеева, Муравьева и других, письмо Тьера, в котором он объясняет причины, заставившие его быть высокого мнения о Каткове; письмо императора Александра I к Кочубею о предпочтении им жизни частного человека». Романн тут же оправдывался, что «больше просмотреть не успел: было уже поздно, и то на просмотр я употребил около двух часов». Агент сообщал: «Касательно писем Герцена Тхоржевский сказал мне, что из Брюсселя Герцен проехал в Лондон для заключения, между прочим, условия с Трюбнером по поводу издания „Записок Долгорукова“, но что он, Тхоржевский, завтра, т.е. сегодня, напишет Герцену, чтобы он условия пока не заключал ввиду моего намерения купить для издания бумаги, а чтобы Герцен сообщил ему, когда он будет в Париже, и тогда он сообщит ему, что я к нему явлюсь. Затем он вручил мне на конверте свой адрес».

Таким образом, высочайшее «добыть» реализовывалось агентурным «купить», поскольку Романн-Постников вознамерился выкупить архив Долгорукова за казенные деньги, и, надо полагать, немалые. Очевидно, в связи с наметившейся коммерческой сделкой купли-продажи, на полях этого агентурного отчета появилась пометка, судя по ее виду, самого шефа жандармов графа Шувалова: «Я прошу копию этого письма». Вполне возможно, доносом заинтересовались «на самом верху» и копия потребовалась Александру II.

Далее Романну предстояло самое трудное: Тхоржевский и Огарев были уже согласны на продажу архива, но требовалось «добро» на сделку от Герцена. Герцен же распознавал недругов много тоньше, чем его друзья. Однажды он написал Огареву, который пытался покровительствовать одному русскому эмигранту, что «таких господ» чувствует на расстоянии, и, хотя ни разу не видел этого господина, впоследствии оказался прав. Проницательность Герцена была известна руководству III Отделения и даже учтена в инструкции Романну. «Имея в виду Вашу инструкцию, — отчитывался агент Филиппеусу, — я воздерживался от свиданий с Герценом, пока не вынужден был к тому».

Необходимость встречи с Герценом усугублялась тем, что Романн боялся, как бы самые важные бумаги не ушли из архива Долгорукова в Вольную типографию и не были там опубликованы. Хотя «Колокол» в то время уже не выходил, Герценом выпускались французское и русское приложения к нему. Так, 15 февраля 1869 года вышло очередное Приложение к «Колоколу» на французском языке. III Отделение, как оказалось, не подозревало об этих изданиях-приложениях, и Романн-Постников осторожно намекнул на нерадивость своего ведомства в очередном донесении: «Вероятно, это не было известно по заграничному отделению, иначе оно было бы мне передано при отъезде». Из этого доноса следует отметить, что в структуре охранки уже существовало целое «заграничное отделение», на которое ссылается его агент. В указанном Романном «Приложении» были опубликованы некоторые исторические документы из «секретного архива» Долгорукова, в то время когда ни один из них еще не мог появиться в России. Среди публикаций в «Приложении» были: письмо Марии Федоровны Плещееву о гибели Павла I; свидетельство очевидца о страшных расправах над польскими бунтовщиками 1830—1831 годов; записки Карабанова о попытке Григория Орлова жениться на Екатерине II; несколько «сумасшедших» приказов Павла I; секретная переписка духовного ведомства; отказы декабристов Муравьева, Волконского и Трубецкого принять царскую «милость» — возвращение их детям прав при условии перемены ими декабристских фамилий. Эйдельман отмечает, что, готовясь к встрече с Герценом, Романн-Постников «внутренне перестраивался» и, видимо, для вхождения в роль первые отчеты из Парижа писал более развязно, чем прежние, и даже осмелился рекомендовать начальству реформу российской гвардейской жандармерии на манер французской. Тут он зарвался, потому что на полях его отчета Филиппеус пометил: «Его не спросили!»

В начале октября 1869 года Герцен принял Постникова в Париже.

«Я ПОСТИГ ЭТИХ ГОСПОД...»

Первая встреча Романна-Постникова с Герценым. — Условия приобретения архива Долгорукова. — План Романна-Постникова опубликовать часть долгоруковского архива. — Доставка купленного архива в III Отделение. — Запоздалое предупреждение эмигранта М. Элпидина. — Непоколебимое доверие Герцена агенту охранки.

Донесение К. А. Романна К. Ф. Филиппеусу от 3 октября 1869 года:

«...Не оставалось другого выхода, как идти к Герцену, ибо затянуть к нему визит значило бы избегать с ним свидания, и в этом отношении я не ошибся, ибо Герцен меня уже поджидал. Я постиг этих господ: с ними надобно быть как можно более простым и натуральным.

Я не знаю, родился ли я под счастливой звездой в отношении эмиграции, но начинаю верить в особое мое счастие с этими господами. Признаюсь, я почти трусил за успех, но, очутившись лицом к лицу с Герценом, все мое колебание исчезло. Я послал гарсона сперва с моей карточкой спросить, может ли г. Герцен меня принять. Через минуту он сам отворил двери номера, очень вежливо обратился ко мне со словами „покорнейше прошу". Следовало взаимное рукопожатие и приветствия, после чего Герцен сказал мне: „Я еще предупрежден был в Лондоне о вас, но, приехав сюда, я начал терять надежду вас видеть". Я ответил на это, что виною тому был Тхоржевский, выразившийся весьма неопределенно относительно права моего говорить с ним, Герценом, относительно бумаг.

Я был принят Герценом чрезвычайно хорошо и вежливо, и этот старик оставил на меня гораздо лучшее

впечатление, чем Огарев. Хотя он, когда вы говорите с ним, и морщит лоб, стараясь как будто просмотреть вас насквозь, но этот взгляд не есть диктаторский, судейский, а, скорее, есть дело привычки и имеет в себе что-то примирительное, прямое. К тому же он часто улыбается, а еще чаще смеется. Он не предлагал мне много вопросов, а спросил только, где я воспитывался и намерен ли всегда оставаться за границей. На последний вопрос я отвечал осторожно, что надеюсь. Взамен скудости вопросов Герцен, видимо, старался узнать меня из беседы со мною. Он сам тотчас заговорил о деле. Я ему показал второе письмо Тхоржевского, на которое, улыбаясь, он сделал следующие замечания: 1) нельзя заключить, чтобы оно было писано бывшим студентом русского университета, 2) о других покупателях ему ничего не известно, и 3) относительно того, чтобы ближе познакомиться, Герцен полагает достаточным нравственное убеждение, а не годы изучения человека. Есть нравственное убеждение, как он говорил, ну и достаточно.

Мы беседовали более двух часов и вот что постановили: он, Герцен, на продажу мне бумаг совершенно согласен, о чем он Тхоржевскому и напишет и попросит у него решительного ответа в отношении условий, ибо он, Герцен, не хочет взять на себя быть судьей в цене. Он напишет Тхоржевскому на днях весьма обстоятельно и подробно, чтобы избежать всякого дальнейшего недоразумения и предоставить ему, если он желает, самому приехать сюда и втроем решить дело. Во всяком случае, Герцен хотел или лично, или по городской почте дать мне ответ через неделю. При этом, когда я захотел написать свой адрес, то он проболтался и сказал, что его знает, назвал гостиницу. Адрес ему сообщил, конечно, Тхоржевский, и он уже справлялся.

После часовой беседы, исключительно посвященной намерению моему купить бумаги для издания, Герцен пригласил меня завтракать с ним. Я отказался, но он настоял. К завтраку вышли из другой комнаты жена и дочь — 11 лет. Первая из них женщина уже в летах, носит волосы с проседью, коротко остриженными. Она более серьезна, чем муж, и расспрашивала меня о развитии женщины в России и не будет ли, наконец, основан

женский университет. Дочь была одета очень опрятно и чисто, с гладко зачесанными и в косички заплетенными волосами, говорила с родителями по-французски. У Герцена лицо красноватое, губы черные, небольшая борода и назад зачесанные волосы, почти совершенно седые. Вообще я заметил, что как господин, так и госпожа Герцен в приемах своих люди обыкновенные смертные. За завтраком г-жа Герцен и дочь оставались недолго и ушли в свою комнату, причем дочь поцеловала отца...»

Судя по донесению, Романн-Постников чувствовал себя перед Герценом «как перед высшим начальством противной стороны», по выражению Эйдельмана, и даже в отчете III Отделению «по инерции» почтительно вежлив к самому Герцену, удивляясь совершенно «обыкновенному смертному». В этом доносе Герцен-личность становится для агента охранки куда более значительным, чем Герцен — объект провокации, что, впрочем, не мешает Романну выделять бюрократической нумерацией важнейшие пункты выполнения своего задания:

«Мы остались вдвоем и продолжали беседу, которую мне невозможно передать в мельчайших подробностях.

Но вот характерные ее черты:

1) Герцену очень понравилась выраженная мною ему мысль печатать бумаги отдельными брошюрами и выпусками, например, взяв какой-либо интересный исторический факт из жизни того или другого царствования. „Если вы так хорошо знакомы с делом издания, то бумаги не пропадут в ваших руках“, — сказал он. В доказательство он привел изданную им недавно брошюру, название которой я не припомню.

2) Печатать если я захочу, то удобнее всего в Женеве, ибо тогда Чернецкий не имеет права требовать возмездия за нарушения заключенного с ним условия. В противном случае Герцен советовал бы мне печатать в Брюсселе, где печать обходится недорого.

3) Бумаги покойного князя, хотя и не все, Герцену положительно известны как документы высокого интереса в историческом или политическом отношении — за это он формально ручается.

4) Если бы я последовал его совету, то он указал бы мне на такие бумаги, которые можно бы по-русски напечатать здесь и при участии какого-либо влиятельного

лица испросить разрешение на продажу такого издания в России, где оно имело бы громадный успех, а потому дало бы большую выгоду. Я поблагодарил его за совет, выразив все трудности исполнения такого плана.

5) Спросил меня, не желаю ли я избрать себе посредника в оценке бумаг. Я ответил, что позволю себе рассчитывать на его нравственный авторитет и собственную мою оценку. Герцен сожалел, что Касаткин умер, ибо он мог быть между нами отличным посредником.

6) Обещал мне составить черновой контракт. Для него, как он говорил, это не составит никакого труда, ибо у него теперь есть черновик контракта, который он теперь же заключает с книгопродавцем Франком на исправленное и дополненное им свое сочинение. Он показывал мне и книгу, и черновую контракта.

Не припомню всех остальных подробностей разговора моего с Герценом. Он рассказывал мне, смеясь, много анекдотов из собственной жизни покойного князя П. В. Долгорукова, с которым он, Герцен, в последнее время не был в хороших отношениях.

Вообще я крайне доволен первым свиданием с Герценом. Дал бы Бог скорее покончить благополучно; надобно вооружиться крайним терпением.

P.S. Герцен заверял меня, что он снова намеревается издавать „Колокол“».

На следующий день Герцен и «Постников» снова встретились, о чем агент также не замедлил подробно отчитаться своему начальству:

«Ровно в 12 час. Александр Иванович зашел ко мне, якобы с визитом, — я был почти уверен в его деликатности, которую я, конечно, понимаю по-своему — очень хорошо, а потому его посещение меня нисколько не удивило.

В полтора часа он ушел. Видно по всему, что и Тхоржевский согласен не только в действиях, но и во взглядах на предмет. Так, например, записки Карабанова, подобно Тхоржевскому, Герцен считает весьма важными и находит, что полнее их нигде нет. Из них-то Герцен советовал мне извлечь, напечатать и стараться о пропуске в Россию. На это, смеясь, я ему заметил, что он говорит так, как будто я уже купил бумаги. „Не беспокойтесь — уладимся“».

Романн-Постников продолжает сообщать о трудностях и успехах в окончательном отчете своему начальнику Филиппеусу:

«С этого визита начался снова род испытаний, веденных уже Герценом более искусно, чем Тхоржевским и Огаревым. Он старался, видимо, узнать меня по беседам со мною, продолжавшимся всегда долго. Я догадывался, что Тхоржевский, рекомендуя меня Герцену, хотел лишь знать его обо мне мнение. Результаты моих свиданий с Герценом были самые лучшие: внимание его ко мне, приемы, переписка — доказывали мне, что и тут роль моя шла хорошо. Наем квартиры, якобы на год, и некоторые к сему обстоятельства еще более закрепили доверие ко мне Герцена. Он стал между Тхоржевским и мною посредником, не принимая, однако ж, на себя оценку бумаг. Эта оценка наконец сделана была в Женеве каким-то археологом и выразилась цифрою 7000 руб., о чем Герцен мне сообщил, не будучи, однако ж, в состоянии сказать мне, по какому курсу Тхоржевский считает рубль. Вместе с тем Герцен составил черновую условия, для меня крайне странную. Я тотчас понял, что и это есть новый род испытания: я указал Герцену на пункты, которые при издании материально невозможны в своем исполнении, и на те, которые рушат всякое нравственное доверие и достоинство человека. Герцену это понравилось, и он поверил моей искренности.

На прощание Герцен не советовал мне целиком провозить бумаги во Францию, а по частям, ибо я рискую, что французская полиция отнимет. На то, чтобы бумаги печатать непременно в Женеве, он сильно настаивал.

Между прочим, Герцен сделал внезапно вопрос, где у меня деньги. Надобно было отвечать не задумываясь. Напомнить о каких-либо сношениях с Россией было опасно, а потому я смело ответил, что во Франции».

Подробно описывая процесс торговли, шедший между «Постниковым» и Герценом, Эйдельман отмечает, что агент охранки все же пытался сэкономить жандармские деньги. «На замечание мое, — жаловался Романн, — что цена чересчур высока, Герцен сказал, что по богатству материалов он ее не считает высокою, да об этом вообще я должен говорить с Тхоржевским. Конечно, я буду торговаться до последней возможности».

Торги проходили следующим образом: Тхоржевский назначал цену из Женевы; Герцен в Париже называл ее «покупателю»; Романн шифровкою запрашивал требуемую сумму в Петербург; оттуда запрос пересылался в Ливадию, где находились в то время царь и шеф жандармов. На запрос семи тысяч из Ливадии ответили: «Желательно не выше четырех, но можно и до пяти тысяч».

Герцен тем временем еще раз письменно подтвердил Постникову основное условие продажи, также переправленное агентом в III Отделение:

«Я полагаю, что Тхоржевский продает не безусловно в нашу собственность бумаги, а с определенным условием *все их издать*, и в особенности издать все относящееся к двум последним царствованиям. Вы, вероятно, ему дадите удостоверение в том, что начнете печатать через два месяца после покупки, и в обеспечение положите условленную сумму в какой-нибудь банк без права ее брать до окончания печати. Если из бумаг, относящихся к прошлому столетию, что-нибудь окажется негодным для печати или малоинтересным, то вы можете не печатать их — по взаимному соглашению с Тхоржевским.

Все бумаги и письма, относящиеся к семейным делам Долгорукова, исключаются».

Эйдельман замечает, что проще всего Постникову было бы получить бумаги ценой любых обещаний и скрыться. «Но агент оказался толков и честолюбив. Он не желает неприятностей своему правительству в случае огласки, экономит его финансы и к тому же предлагает обернуть все дело в пользу своих. Он-то сам достаточно умен, чтобы понять: многие исторические материалы из долгоруковского собрания можно опубликовать, особенно если подача материалов и комментарии будут легки и безобидны. На пороге 1870-х годов российская цензура сделалась сравнительно мягче и многое, совершенно немыслимое к опубликованию за 15—20 лет до того, теперь можно позволить (кстати, ведь все равно за границей уже опубликовано немало). Правда, если агент будет настаивать на этой мысли, начальство Постникова еще подумает, будто последний не считает архив Долгорукова опасным, что противоречит прежнему указанию

царя, или что шпион имеет какой-то особый личный интерес во всей истории». Поэтому Постников пишет начальству со всей возможной «деликатностью», предлагая издать лишь некоторую часть бумаг для сохранения сложившихся связей:

«Внутреннее содержание очень интересно, особенно то, что писал сам Долгоруков. В процессе Воронцова есть ненапечатанная часть, компрометирующая какого-то графа Петра Шувалова, письмо к государю заключает в себе объяснение Долгорукова по поводу конфискации имения и лишения его княжеского титула, наряду с этим идет резкое и дерзкое письмо Наполеону (оно у меня в списке не значится), указы Екатерины II и Павла I действительно подлинники. Письмо Кавура представляет Россию монгольским и варварским государством, Катков распинается похвалами Н. Ф. Краузе и либеральничает. Крайне интересны как придворные интриги и исторические документы — это бумаги Карабанова. Много исторических, политических и финансовых вопросов, касающихся России, находится в бумагах князя. Краткость письма не позволяет изложить подробно, ибо это вышло бы целое сочинение. Кроме того, Тхоржевский дает мне в придачу груду газет с заметками князя и обязывается не оставить у себя копий и не печатать их».

Тут Романн явно интригует, зная, чем и как заинтересовать начальство в важности своей персоны: «какой-то граф Петр Шувалов» — действующий шеф жандармов и высший начальник «Постникова» — разумеется, не остался равнодушным к судьбе долгоруковского архива, прочитав письмо своего провокатора. Чувствуя это, в следующем донесении Романн поднимает интригу на «самый верх»:

«По-моему, не столько важен для нас интерес самих бумаг, сколько лишение возможности их напечатания. Приведенные сколько-нибудь в порядок, бумаги составят, я думаю, предмет самого интересного чтения даже для государя. Например, времена Екатерины II, Петра I, Павла I и другие, как равно и документы новейшего времени, например Аракчеева».

Развивая тему, Романн предложил авантюрный план действительного опубликования хоть какой-то части архива, как того требует Герцен, с тем, чтобы сохранить к «Постникову» доверие эмигрантов, необходимое для

возможных дальнейших провокаций. Этот план был поддержан на «самом верху», и Романн, не прекращая торговли с Тхоржевским, продолжал активно развивать тему предстоящих публикаций с Герценом, на что вольный издатель даже начал жаловаться своему другу Огареву: «Этот Постников меня мучил, как кошмар. Брал бы Тхоржевский деньги, благо дают, и — баста». В итоге Романну-Постникову удалось приобрести архив князя Долгорукова за 6500 рублей, что составляло, по тем временам, 26 000 франков. Общий же расход царской охранки на приобретение долгоруковских бумаг вылился почти в 10 000 рублей. 1 ноября 1869 года Постников стал обладателем крамольных рукописей, о чем не преминул донести по инстанциям:

«Три дня с утра и вечером я просматривал груду бумаг по каталогу Тхоржевского, и просмотр убедил меня, что бумаги, за небольшим исключением, совершенно согласны с моим списком. Когда я приступил к просмотру бумаг, то заметил, что все они находились нетронутыми в запыленных пачках на том же месте, где я их видел летом. Из сего я мог заключить, что бумаги оставались нетронутыми, тем более что Тхоржевский сам часто по каталогу не мог найти той или другой бумаги и часто ошибался. Если же оказывалось лишнее против каталога, то он отдавал мне для прочтения и суждения, годится ли для меня. Совершенно пустые вещи я, конечно, возвращал».

По этому поводу Н. Я. Эйдельман замечает, что «пустое» с точки зрения шпиона может быть совсем не пустым с иной точки зрения. Видимо, некоторая часть материалов так и осталась в Швейцарии и либо где-нибудь сохранилась, либо затерялась.

Заполучив тяжелый сундук с долгоруковскими рукописями, Романн-Постников сразу же исчез и за границей появился лишь несколько недель спустя. За это время, понятно, сундук был доставлен «по адресу» — в III Отделение, с приложением полной описи его содержимого. Так, по выражению Эйдельмана, «круговорот долгоруковских бумаг: Россия—эмиграция—Россия был завершен за десять лет».

«Постников» спешил не напрасно. Эйдельман отмечает, что уже через несколько месяцев русский эмигрант

М. Элпидин писал другому известному изгнаннику — П. Л. Лаврову:

«Удалось мне напасть на одного Сахар Медыча и узнать, что III Отделение отрядило своих агентов купить во что бы то ни стало у Тхоржевского долгоруковские бумаги и что этот агент — некто подполковник Романн, живущий в Женеве под именем Постникова. И тут узнал, как гонялись последние четыре года за Герценом и как охотились за Нечаевым. Все эти вещи я вычитал в корреспонденциях III Отделения. До 1870 года письма из III Отделения писались к заграничным шпионам Филиппеусом. Вовсе мне не хотелось бы навязываться к Огареву со своим предупреждением, так как я не раз был вышучиваем за таковые».

Точность информации Элпидина поразительна.

Постников между тем старался загасить любые возможные слухи о своей принадлежности к III Отделению. В частности, узнав о болезни старшей дочери Герцена, он направил ему сочувственное письмо и получил благодарный ответ с надеждой на продолжение знакомства: «Как только устроюсь в Париже, поставлю за особое удовольствие Вас навестить. Усердно кланяюсь. А. Герцен». Проницательный издатель «Колокола» и добросовестный душеприказчик князя Долгорукова, Герцен до конца жизни наивно верил в честность «Постникова» и считал наветами поступавшие к нему сигналы о его неблагонадежности.

«ГДЕ ТАКОГО ВЗЯТЬ?»

Задание Романну-Постникову разыскать Нечаева. — Первый «успешный» российский теракт. — «Революционная» карьера Нечаева. — Достоевский о нечаевщине. — Погоня за Нечаевым. — Письмо Бакунина Нечаеву. — Российские провокаторы XIX века. — Царство провокации. — Двойная роль провокатора. — Провокация как основа заграничного сыска.

Герцен с компанией и архивом князя Долгорукова был не единственным «объектом» заграничной деятельности Романна-Постникова. Агент «всероссийской шпионницы» получил и другое не менее важное задание. Он должен был разыскать скрывшегося за границей революционера-анархиста Нечаева, убившего в Москве члена своей тайной организации Иванова, когда тот не согласился с нечаевскими методами.

Автор-составитель сборника «История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях» О. В. Будницкий подробно описывает эпизод расправы членов тайного революционного общества «Народная расправа» над своим сотоварищем, называя это преступление первым «успешным» террористическим актом в России. Мотивом убийства студента Ивана Иванова явились его «идейные» разногласия с организатором «Народной расправы» Сергеем Геннадиевичем Нечаевым. Соучастник убийства «нечаевец» Алексей Кузнецов свидетельствовал на суде, что главной причиной раздора стало приказание Нечаева «о том, чтобы Иванов наклеивал прокламации в столовых слушателей академии и библиотек. Иванов сказал, что после этого кухмистерские закроются и тогда негде будет обедать». Нечаев заявил, что «этот вопрос должен идти на обсуждение

комитета, Иванов, имея уже случай заметить, что комитет всегда решает в пользу Нечаева, отказался. Это сильно рассердило Нечаева». «Еще бы! — комментирует Будницкий. — Иванов затронул опасную тему. Ведь комитет и состоял из одного Нечаева».

Чуть ранее, будучи вольнослушателем Петербургского университета, Нечаев принял участие в студенческих волнениях зимой 1869 года. Уже тогда он пытался взять на себя роль революционного лидера, но потерпел неудачу. После этого Нечаев распустил слухи о своем аресте и бегстве из Петропавловской крепости. С тем этот великий мистификатор и объявился за границей. Нечаев сумел сблизиться с Михаилом Бакуниным и Николаем Огаревым и убедил их в том, что он посланец новой, многочисленной и активной когорты русских революционеров. Издав с помощью эмигрантов, при участии Бакунина, ряд ультрареволюционных прокламаций и заручившись бакунинским мандатом, что он является представителем «Всемирного революционного союза», Нечаев вернулся в Россию как «право имеющий». Здесь он начал формировать «пятерки», составившие костяк «Народной расправы». И тут на его пути оказался Иванов. Однако для Нечаева «устранение» Иванова было не только способом «наведения порядка» в организации. Это было осуществление на практике принципов, которые он считал «обязательными для революционера». Труп Иванова был обнаружен и опознан. Полиция установила его убийц — членов «Народной расправы». Начались аресты. 85 «нечаевцев» были привлечены к суду. Нечаев успел скрыться за границей. Эта история получила широчайший общественный резонанс.

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» под заголовком «Одна из современных фальшей» отмечал:

«Некоторые из наших критиков заметили, что я в моем последнем романе „Бесы“ воспользовался фабулой известного нечаевского дела; но тут же заявили, что собственно портретов или буквального воспроизведения нечаевской истории у меня нет; что взято явление и что я попытался лишь объяснить возможность его в нашем обществе, и уже в смысле общественного явления, а не в виде анекдотическом, не в виде лишь описания московского частного случая. Все это, скажу от себя, совер-

шенно справедливо. До известного Нечаева и жертвы его, Иванова, в романе моем лично не касаюсь. Лицо всего Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящего Нечаева. Я хотел поставить вопрос и, сколько возможно яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и удивительном современном обществе возможны — не Нечаев, а Нечаевы и каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе под конец нечаевцев?..

Чудовищное и отвратительное московское убийство Иванова, безо всякого сомнения, представлено было убийцей Нечаевым своим жертвам „нечаевцам“ как дело политическое и полезное для будущего „общего и великого дела“. Иначе понять нельзя, как несколько юношей (кто бы они ни были) могли согласиться на такое мрачное преступление. Опять-таки в моем романе „Бесы“ я попытался изобразить те многоразличные и разнообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению такого же чудовищного злодейства. Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем! Это и не у нас одних, а на всем свете так, всегда и с начала веков, во все времена переходные, во времена потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шаткости в основных общественных убеждениях. Но у нас это более чем где-нибудь возможно, и именно в наше время, и это черта есть самая болезненная и грустная черта нашего теперешнего времени. В возможности считать себя, и иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, — вот в чем наша современная беда!»

В 1870 году Романн-Постников предпринял за границей настоящую погоню за Нечаевым. Для этого агенту удалось сблизиться с «первым анархистом Бакуниным» и вместе с ним разъезжать по Европе. Осенью того же года, когда начались революционные события во Франции, Бакунин, разумеется, принял в них участие. Вместе со своим «русским коллегой» Постниковым он появляется в восставшем Лионе. Оттуда оба едва уносят ноги от французских жандармов. По замечанию Эйдельмана, «агент III Отделения нечаянно вошел в историю не по

своему ведомству». Новая афера Романну-Постникову не удалась, так как он не знал, что Бакунин уже порвал все отношения с прежним другом Нечаевым и на этом пути беглого террориста не найти. Постников, однако, не отчаивался. По пути он отправлял в Петербург разнообразные агентурные наблюдения, например из Парижа: «Здесь находится высланный на родину, потом бежавший за границу петербургский адвокат Вихерский, который ежедневно бывает после обеда в кафе „Ротонда". Он напечатал здесь свое письмо к Трепову, в котором бранит Колышкина, производя его от иудейского племени. Замечательнее всего, что Вихерский перепечатал целиком доклад Колышкина о его высылке». Не найдя Нечаева, на этот раз агент охранки вынужден был вернуться в Петербург ни с чем. В январе 1872 года Романн внезапно умер. Управляющий III Отделением А. Ф. Шульц тотчас распорядился «пересмотреть» оставшиеся после него бумаги, чтобы ничего «не оставлять в чужих руках».

Нечаев же, отвергнутый всей русской революционной эмиграцией, включая Бакунина, к которому организатор «Народной расправы» и автор «Катехизиса революционера» пытался также применить свой метод шантажа и угроз, скитался по Европе. В июне 1870 года раскусивший «теоретического» убийцу Бакунин с горечью писал Нечаеву:

«Вы же, мой милый друг, — в этом состоит ваша главная, громадная ошибка, — вы увлеклись системою Лойолы и Макиавелля, из которых первый предполагал обратить в рабство целое человечество, а другой — создать могущественное государство, все равно — монархическое или республиканское, следовательно — тоже народное рабство, — влюбившись в полицейски-иезуитские начала и приемы, вздумали основать на них свою собственную организацию, свою тайную коллективную силу, — вследствие чего поступаете с друзьями как с врагами, хитрите с ними, лжете, стараетесь их разрознить, даже поссорить между собою, дабы они не могли соединиться против вашей опеки, ищущей силы не в их соединении, а в разъединении, и, не доверяя им нисколько, стараетесь заручиться против них фактами, письмами, нередко вами без права прочтенными или

же уворованными, и вообще их всеми возможными способами опутать так, чтобы они были в рабской зависимости у вас».

На поиски Нечаева тем временем были брошены лучшие заграничные сотрудники III Отделения. В результате совместных усилий царской охранки и швейцарской полиции он был выслежен и депортирован в Россию. В 1872 году Швейцария выдала России Нечаева как уголовного преступника.

Бакунинская характеристика, данная Нечаеву, как в кривом зеркале отразила типичные черты агентов-провокаторов, которых история политической борьбы в России знает немалое число. Агенты-провокаторы в России являлись неизменными спутниками всякого революционного движения, направленного против самодержавной власти. Так, в деле декабристов фигурировали доносы предателей Майбороды, Бошняка и Шервуда, получившего за это приставку к фамилии «Верный». По оренбургскому делу 1827 года предателем был Ипполит Завалишин, брат декабриста. В результате предательств было раскрыто в 1847 году «Кирилло-Мефодиевское братство» в Киеве (дело Костомарова, Шевченко и других). Типичным провокатором в деле «петрашевцев» был П. Д. Антонелли. В деле Чернышевского в 1852 году провокатором, притом злостным, был Всеволод Костомаров. Провокатор Андрущенко создал в 1865 году процесс Мосолова, Шатилова и других. По делу «каракозовцев» в 1866 году было обнаружено два предателя — О. М. Мотков и Д. Л. Иванов. В деле «ста девяносто трех» — Горинович, А. В. Низовкин, М. А. Рабинович. В рядах «Северного рабочего Союза» в Петербурге был провокатор Н. В. Рейнштейн, убитый 26 февраля 1879 года. Предателями в деле Лизогуба, Виттенберга, Логовенко, Чубарова, казненных в Одессе в 1879 году, оказались А. М. Баломез и Ф. Курицын. По делу 16 народовольцев в 1880 году — И. Ф. Окладский и В. В. Дриго.

Потрясающее предательство было совершено террористом Гольденбергом, который поколебал своими показаниями самый центр партии «Народной воли». Однако даже своим самоубийством 17 июля 1880 года в Петропавловской крепости он не смыл, конечно, позора предательства, повлекшего за собою казни и страдания

на каторге его товарищей. Предательские показания дал по делу 1 марта 1881 года Рысаков, тем не менее казненный. В деле 20 народовольцев в 1882 году предателем был В. Меркулов. В 1883 году жандармский полковник Судейкин в результате предательства Дегаева овладел центром партии «Народной воли», арестовал Веру Фигнер, всех членов военной организации «Народной воли» и многих других. Партия «Народная воля» даровала провокатору Дегаеву жизнь под условием участия в убийстве Судейкина. Дегаев все же был убит в Америке в 1918 году. В 1885 году А. Остроумов предал таганрогскую типографию «Народной воли» и склад бомб. В 1886 году начал свою карьеру провокатора в Москве С. В. Зубатов. В процессе над 21 народовольцем (дело Германа Лопатина, П. Якубовича и других) предателями были П. А. Елько, Л. П. Ешин и И. И. Гейер. По делу 1 марта 1887 года (подготовка покушения на Александра III) предателями оказались Канер, Горкун и Волохов. Самым же крупным провокатором, какого когда-либо знала Россия и даже Западная Европа, бесспорно, является Евно Азеф.

С ростом революционного движения в конце 90-х годов XIX века усиливается вербовка охранкой секретных сотрудников из среды революционеров. Рассадником провокации и секретного сотрудничества в эти годы является Московское охранное отделение. В то время там работают полковник Бердяев и его помощник Зубатов. Главное внимание они уделяют зарождающемуся социал-демократическому движению. За границей идет такая же работа, но здесь агенты охранки более всего интересуются социалистами-революционерами. Особенно опасными кажутся полиции лица, склонные к террору или проповедующие террор. Охранке для внутреннего освещения революционных организаций нужно было иметь «своего человека» в самих организациях. Такие люди добывались политической полицией из среды революционеров различными путями: применялись угрозы самому арестованному или его близким (родным, партийному товарищу и так далее). Приобрести такого человека из революционных кругов значило на языке жандармов и охранников — «заагентурить» кого-либо. Часто эти лица были для полиции осведомителями, информа-

торами, а с точки зрения тех, кого они «освещали», — предателями. Другие же не только предавали своих сотрудников по политической полиции, но и участвовали в целом ряде революционных мероприятий; организовывали предприятия: типографии, склады, организации, съезды, покушения и так далее, и в нужный для полиции момент предавали в ее руки товарищей, сами же старались заблаговременно стушеваться, чтобы избежать ареста и снова начать свою предательскую работу. Эти люди были провокаторами. И предатели-осведомители, и провокаторы носили у жандармов общее название «секретных сотрудников». Разница между ними была только та, что провокаторам платили дороже.

На всем протяжении XIX столетия, вплоть до последних дней самодержавия, «царство провокации» не прекращалось в России. Власти беспрерывно осыпали своими милостями секретных сотрудников, казавшихся самыми надежными столпами самодержавия. Средства, употреблявшиеся на их содержание и на обеспечение их деятельности во всех сферах общественной жизни как внутри России, так и за ее пределами, поглощали бóльшую часть бюджета, ассигнованного на тайную полицию.

Следы провокаторов можно найти на каждой ступеньке российской бюрократической лестницы. К их помощи прибегали и министры, и простые начальники охранных отделений. Ими пользовались не для одних только государственных надобностей, их употребляли и для сведения личных счетов. Ж. Лонге и Г. Зильбер в книге «Террористы и охранка» отмечают:

«Роль провокатора двойная. С одной стороны, он является обыкновенным шпиком, на котором лежит обязанность присутствовать на всех собраниях революционеров, проникать на конспиративные квартиры, за всем следить, ко всему прислушиваться, обо всем докладывать; он должен, вкравшись в доверие товарищей, осторожно выпытывать обо всех готовящихся предприятиях и затем давать своим начальникам подробные отчеты о собранных им сведениях. Но это только часть и, если можно выразиться, наиболее почетная часть его темной работы. Власти требуют от него не только всестороннего внешнего осведомления о деятельности революционеров. Они

советуют ему вступать в партийные организации, где он, для того чтобы зарекомендовать себя, всегда является сторонником самых крайних мнений, самых опасных планов, самых рискованных действий. Он не ограничивается одним „освещением". Он искусно добивается преждевременной развязки (провокации) событий в условиях, благоприятных или предусмотренных правительством, которому эти внезапные выступления или покушения нужны для того, чтобы навести ужас на население и тем оправдать худшие репрессивные меры торжествующей реакции».

«Заграничная агентура занималась политическим сыском, а он без предательства, провокации немыслим, — отмечает Ф. М. Лурье в своей книге „Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649—1917". — Как могло III Отделение иметь серьезную информацию о революционной эмиграции без помощи провокаторов? Заслать агента? Но эмиграция могла принять человека, равного себе по знаниям и интеллекту, с неоспоримыми заслугами перед освободительным движением. Где ж полиции такого взять?»

«НЕ ОТКАЖИТЕ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ РОДИНЫ ПОМОЧЬ...»

Заграничная агентура в 60—70-е годы. — Разоблачение агентов народовольцем Клеточниковым. — Теракт Кравчинского. — Письмо шефа жандармов Н. Селивестрова в лондонское посольство. — Кравчинский в эмиграции. — Заграничная агентура во Франции; рекомендации русского посла Орлова. — Выводы историка Богучарского. — Иностранцы на службе в Заграничной агентуре. — Меры по усилению заграничного сыска. — Инспекция полковника Баранова. — Соглашение с французской полицией. — Реорганизация парижской агентуры. — Выводы Баранова. — Заграничным сыском поручено руководить дипломату. — Русская революционная эмиграция в Европе в конце XIX века. — Заграничные командировки агентов полиции.

Следует отметить, что вплоть до начала 80-х годов XIX века русская политическая полиция все же не располагала профессионально организованной сетью Заграничной агентуры. Деятельность большинства агентов была, как правило, дилетантской и малоэффективной. В делопроизводстве III Отделения сохранились лишь отдельные и весьма отрывочные сведения о количестве, местопребывании и деятельности заграничных агентов русской политической полиции в 60—70-е годы. По данным сохранившихся архивов, агентами III Отделения в то время числились С. Лихтенштейн и И. С. Капнист; в Тильзите обосновался некто Пиккар, в Швейцарии — П. Горлов. В конце 60-х годов агентом русской полиции являлся «профессор Джиованни Потацци», который передал III Отделению сведения о демократических и революционных организациях в Богемии. В марте 1871 года он направился в Петербург «для доставления правительству

переписки Интернационального общества», но не смог до конца выполнить свою миссию: в 1872 году заболел и внезапно умер. В том же году для выявления русских эмигрантов и надзора за их деятельностью в Женеве находился А. Бутковский, сотрудничавший с III Отделением с начала 60-х годов.

В 1877 году III Отделение увеличивает штат своих постоянных сотрудников в Европе, однако всего лишь до 15 человек, и размещает их в Париже, Лондоне, Женеве, Вене, Потсдаме, Мюнхене, Лейпциге, Бухаресте и Константинополе, так как именно в эти места перебирается из России большое число революционных деятелей. Наиболее крупным центром русской Заграничной агентуры становится Париж. В 1877 году здесь на службе III Отделения состояли уже три агента: де Кардонн, Воронович и Беллина. III Отделение платило им 20 400 франков в год. В Потсдаме ветеран агентурной службы Шнейдер получал за оказываемые III Отделению услуги 600 червонцев в год, а лондонский агент, тоже с большим стажем, А. Потоцкий (он же Ю. Балашевич) — ежемесячно по 30 фунтов стерлингов.

Уже через три года значительная часть Заграничной агентуры была разоблачена народовольцем Н. В. Клеточниковым, который добровольно поступил в охранное отделение, чтобы осведомлять своих товарищей обо всех полицейских махинациях, предупреждая их о готовящихся обысках и арестах. Он три года служил в самом центре политического сыска — сначала в III Отделении, а затем в Департаменте полиции — и регулярно передавал народовольцам сведения, услышанные от коллег и вычитанные в документах этих учреждений. Записки Клеточникова дошли до наших дней в виде копий, сделанных народовольцами Н. А. Морозовым, Л. А. Тихомировым, С. А. Ивановой и Е. Н. Фигнер. В них содержатся ценнейшие сведения о политическом сыске и его секретных агентах. На основе этих материалов известный борец с охранкой В. Л. Бурцев опубликовал обширные списки раскрытых Клеточниковым тайных сотрудников охранки с описанием 332 человек! В списки попали в основном осведомители и эпизодические доносчики, действовавшие большей частью на территории Российской империи, и лишь небольшое число

агентов относилось к провокаторам. Естественно, даже такой длинный список не мог претендовать на исчерпывающую полноту.

Благодаря сообщениям Н. В. Клеточникова удалось установить, что в конце 70-х — начале 80-х годов платными агентами III Отделения за границей были, в частности, Г. Гурский и Кара-Дикжан. По сведениям Клеточникова, в Лондоне обосновался агент-провокатор Трохгейм; в Париже активно действовали Калери, подписывавший свои донесения буквой S, и австрийский подданный Карл Войтиц; во Львове (Австро-Венгрия) резидентом охранки был В. Воронович (он же Марченко). После разоблачений Клеточникова руководство III Отделения сделало вывод, что его Заграничная агентура состоит из очень слабых сотрудников. Действительно, за границей III Отделение, по собственному признанию его руководства, «как правило, пользовалось услугами лиц, весьма посредственных, зачастую даже невежественных, или же откровенных авантюристов-вымогателей».

Несмотря на отдельные удачи, III Отделение было не в состоянии организовать даже постоянное наружное наблюдение за представителями революционной эмиграции. 4 августа 1878 года народоволец С. М. Кравчинский убил шефа жандармов Н. В. Мезенцева ударом кинжала на Михайловской площади в Петербурге и благополучно скрылся с места покушения. Генерал-лейтенант Н. Д. Селивестров, временно назначенный вместо убитого на эту должность, по такому случаю писал в русское посольство в Лондоне:

«Печальное событие 4 августа поставило меня в роли шефа жандармов, впредь до возвращения государя из Крыма. Его величеству угодно, чтобы я действовал как хозяин всего дела и приступил к некоторым преобразованиям. При существующей обстановке действовать успешно — дело невозможное, и я прошу Вашего содействия. Все то, что было заведено Шуваловым, запущено, а пресловутый Шульц — может быть, в свое время имевший способности — теперь никуда не годится, — он только сплетничает, жалуется. Агентов у нас вовсе нет ни единого добропорядочного, и я обращаюсь к Вам за помощью. Не можете ли Вы отыскать таких, кои хоть

по-польски говорят, — нельзя ли обратиться к знаменитому Друсквицу за указаниями? Благонадежному агенту я в состоянии платить до 20 тысяч франков, и при этом агент может работать непосредственно со мной, пока я шефом, или за сим с моим заместителем. Если бы возможно было нанять двоих, то было бы им, я полагаю, еще удобнее все дела направлять; второму агенту можно назначить 10 тысяч франков. Не откажите для пользы родины помочь. Шульц уверяет, что агентов-сыщиков и вообще агентов в России вовсе нельзя найти, что до известной степени справедливо. Извините за лаконизм: со дня убийства Мезенцева я работаю по 18 часов в сутки и боюсь свалиться с ног; я совершенно изнемогаю и проклинаю тот день, в который принял назначение товарища шефа жандармов. Ответ пришлите через Министерство внутренних дел, — иначе даже ко мне адресованные письма по почте приятель Шульца Шор все вскрывает».

Неизвестно, получил ли Селивестров на свое письмо положительный ответ, но, так или иначе, Кравчинского поймать не удалось. Террористу удалось бежать за границу. По поводу убийства Мезенцева Кравчинский выпустил за границей брошюру «Смерть за смерть!». Известно, что Кравчинский поддерживал связи с народовольцами. Так, в 1882 году он, пытаясь выставить себя в лучшем свете, писал членам Исполнительного комитета «Народной воли»: «Нужно, наконец, помирить Европу с кровавыми мерами русских революционеров, показать, с одной стороны, их неизбежность при русских условиях, с другой, выставив самих террористов такими, каковы они в действительности — т.е. не каннибалами, а людьми гуманными, высоконравственными, питающими глубокое отвращение ко всякому насилию, на которое только правительственные меры их вынуждают». Охранка, правда, обнаружила след Кравчинского в Лондоне в 1884 году, но тот в очередной раз сумел скрыться. Через восемь лет с ним произошел несчастный случай — он погиб в Лондоне под колесами поезда. Сам Селивестров был убит в Париже С. Падлевским. Слухи, в которые тогда многие верили, называли причастным к его гибели тогдашнего руководителя Заграничной агентуры, известного своими по-

литическими интригами и провокациями П. И. Рачковского.

Ненамного лучше обстояли дела с Заграничной агентурой и во Франции. Русский посол в Париже князь Н. А. Орлов крайне неодобрительно отзывался о деятельности давнишних агентов III Отделения Беллины и Войтица. В частности, в сентябре 1878 года в письме к жандармскому генералу Н. Д. Селивестрову, сетуя на примитивность методов русской Заграничной агентуры, он рекомендовал: «...III Отделение должно подражать Бердину, нужно войти в непосредственные сношения с префектурой парижской полиции. Тогда мы не будем зависеть от мошенников и дураков и сможем во всем разобраться... В общем, у нас здесь жалкие информаторы, и французская полиция могла бы и одна оказывать нам значительные услуги».

Как видно, в конце 70-х годов деятельность III Отделения по организации агентурного наблюдения и политического сыска была сопряжена с немалыми трудностями. Русский историк, участник революционного движения В. Я. Богучарский в статье «В 1878 году: Всеподданнейшие донесения шефа жандармов», написанной «на основании неоспоримых исторических документов», пытается анализировать провалы русской Заграничной агентуры: «Констатируем, на основании неоспоримых исторических документов, замечательный в истории русского освободительного движения семидесятых годов факт: среди деятелей этого движения до 1878 года не нашлось никого, кто бы пожелал, продавшись жандармам, сделаться их „агентом“ в среде русской эмиграции». Поясняя этот вывод, Богучарский далее пишет: «Отчего, казалось бы, всемогущему III Отделению пришлось обращаться к иностранным сыщикам и просить их „завербовать“ на службу жандармам лиц, знающих если не русский, то „хотя бы только польский язык“... Шеф жандармов говорит, что у него нет ни одного „добропорядочного“, то есть, конечно, даже не в смысле моральном (о какой морали тут может быть даже и речь!), а просто „толкового агента“».

К услугам иностранцев III Отделение было вынуждено прибегать и в последующие годы. Так, в июне 1879 года Клеточников сообщил землевольцам, что в Париже

некий капитан Купер изъявил желание «быть русским шпионом для раскрытия революционной организации и комитета за границей», и «кандидату в шпионы» было предложено немедленно приехать в Петербург для переговоров в III Отделении.

Осознавая, что политическая эмиграция неразрывно связана со всем российским революционным движением, в последние месяцы своего существования III Отделение сделало еще одну попытку реанимировать деятельность заграничной агентуры. Новый начальник III Отделения, бывший харьковский генерал-губернатор граф М. Т. Лорис-Меликов, занимавший с 9 февраля 1880 года также пост главного начальника Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, предпринимает ряд мер по усилению политического сыска за границей. Необходимость их диктовалась, по его мнению, во-первых, тем, что существовала связь «революционных заграничных кружков с действиями злоумышленников, живущих в России», а во-вторых, «крайней скудостью и нередко ложностью» сведений, которыми располагало «по этой части» III Отделение. Поэтому в апреле 1880 года для организации «внешней политической агентуры» в Румынию, Швейцарию и Францию был командирован состоявший при Верховной распорядительной комиссии эмиссар Лорис-Меликова полковник М. Н. Баранов, а в Пруссию — действительный статский советник камергер В. М. Юзефович.

Баранов, в частности, должен был собрать сведения о деятельности русской политической эмиграции, проверить работу тайных сотрудников заграничной агентурной сети III Отделения, по возможности укрепить эти отделения за рубежом, а также ознакомиться с деятельностью иностранных спецслужб и по итогам своей поездки составить проект перестройки Заграничной охранки. Во Франции Баранов, подробно ознакомившись с работой парижской политической сыскной агентуры и отметив «несомненное преимущество ее перед нашей», смог договориться с префектом Парижа о реорганизации русской Заграничной агентурной сети с помощью французских коллег при непосредственном участии помощника префекта господина Мерсье и других руководителей секретно-наблюдательной части парижской полиции.

Знакомство Баранова с практической деятельностью французской полиции по организации наблюдения за политической эмиграцией привело его к выводам о крайней убогости, примитивности и малоэффективности «работы» агентов собственного, русского политического сыска за границей. По его мнению, только в Румынии, где находился «способный агент», русская секретная агентура действовала вполне нормально. В Швейцарии он считал необходимым значительно улучшить агентурную деятельность. Уже летом 1880 года в Женеву был послан некто И. Савченко, которого Баранов охарактеризовал как очень способного агента.

Естественно, больше всего Баранова привлекал Париж — один из крупнейших центров русской политической эмиграции. В докладе Лорис-Меликову от 1 июня 1880 года он отмечал недостаточность агентурной деятельности III Отделения в Париже: «Надзор... производится посредством одиночных, часто случайных, малоизвестных агентов. Получаемые таким путем сведения весьма отрывочны, часто не верны, а иногда противоречат одно другому», — и констатировал: «Успешность одиночных розысков, особенно в чужой стране, одного или нескольких мелких агентов — без поддержки местной полиции и без руководства на самом месте действия развитого и разумного лица — почти невозможна». Баранов указывал, что «Париж — центр революции» и поэтому «главное наблюдение русской секретной политической агентуры должно быть сосредоточено там, т.е. в самой главной квартире общей крамолы».

Находясь в столице Франции, Баранов пытался опереться на «нужных людей» и, по его словам, «не найдя таковых среди русских», обратился за содействием к парижскому префекту — главе столичной полиции Луи Андрие, который был вполне «расположен к русскому правительству». Установив с ним доверительные отношения, Баранов создает русскую секретную агентурную сеть при парижской префектуре. Практическое руководство ею было возложено на ближайшего помощника префекта Мерсье, сотрудника секретно-наблюдательной части парижской полиции, который по совместительству

стал тайным агентом русской полиции и должен был обзавестись собственной агентурой. Он получил для этого от царского правительства около 20 300 франков. Общее руководство и наблюдение за деятельностью Мерсье взял на себя сам префект. «Андрие желает, — писал Баранов, — чтобы о характере организации русской агентуры в Париже и его участии в этом в России было известно лишь его императорскому величеству и главному начальнику Верховной распорядительной комиссии... Кроме того, Андрие желал бы, чтобы, если возможно, помимо проектируемой агентуры, в Париже не было агентов III Отделения...»

Глубина разочарования Баранова работой русской Заграничной агентуры была столь велика, что петербургский инспектор сделал наивную попытку наладить сыск с помощью людей, не говорящих по-русски и, естественно, не знавших российской революционной среды. Но эти препятствия не смутили Баранова. В помощь Андрие, Мерсье и другим «месье» был нанят переводчиком за 150 франков в месяц бывший судебный следователь, студент Парижского университета Мурашко. Однако в июне 1880 года Баранов писал Лорис-Меликову: «Сознаю, что Мурашко не вполне то, что было бы нужно, но взять неоткуда, да и было бы рискованно искать нового переводчика». В Петербург полетели многочисленные донесения. Но попытка создания русской секретной агентурной сети в Париже с помощью французской полиции большого успеха не имела. Уже в сентябре 1880 года Баранов доложил Лорис-Меликову, что сведения, которые поступали от Мерсье, содержат «в себе мало интересного с правительственной точки зрения».

Баранов пришел к выводу, что Мерсье «сообщает весьма много подробностей, наблюдений за интимной стороной жизни в Париже русских нигилистов и отношениях между ними, но, никем не руководимый в своих наблюдениях, впадает в агентурную сплетню, столь мало идущую к делу». Поэтому руководство русского политического сыска вынуждено было отказаться от дальнейших услуг своих французских коллег. Неудача с созданием русской секретной агентуры при парижской префектуре, несмотря на негласное содействие ее префекта

Андрие, объяснялась также реорганизацией самой французской полиции и отсутствием «частых сношений и руководства» деятельностью Заграничной агентуры из Петербурга.

В докладе Лорис-Меликову от 22 августа 1880 года Баранов пытался обосновать «нерациональность системы действий» в организации заграничного агентурного сыска. Эта «система», по его мнению, не способствовала успеху розыскных мероприятий русской политической полиции за границей. Баранов предложил создать за рубежом «центр, в котором сосредоточивались бы все данные, сообщаемые иностранной агентурой, а равно и направление и руководство ее действиями». В начале 80-х годов центр русской Заграничной агентуры в Париже переместился на улицу Гренель, где размещалось русское посольство. «Оказавшись в безвыходном положении, правительство решило, хотя и временно, пойти по пути совершенно недопустимому, — писал Лурье в книге „Полицейские и провокаторы...“, — оно поручило общее руководство политическим сыском во Франции дипломату — русскому посланнику в Париже князю Н. А. Орлову, сыну покойного главноуправляющего III Отделением и шефа жандармов А. Ф. Орлова».

Рост революционного движения в конце XIX века в России и усилившиеся в связи с этим преследования царским правительством революционных организаций ознаменовались значительным увеличением числа политических эмигрантов, бежавших из России в Западную Европу. По данным Департамента полиции, в различных странах Европы в это время насчитывалось до 20 тысяч политических эмигрантов самого различного толка, в том числе самых известных и самых активных теоретиков и практиков, сторонников и последователей терроризма.

За границей в 1869 году пребывал С. Г. Нечаев, который вскоре после убийства своего сотоварища Иванова вновь скрывался за рубежами России и только в 1872 году был выдан царским властям полицией Швейцарии.

Идеолог бланкистского направления в народничестве, давший первым теоретическое осмысление террора как средства политической борьбы, П. Н. Ткачев после выхода из тюрьмы по нечаевскому делу с места высылки

бежал за границу в 1873 году. Умер в психиатрической больнице в Париже.

С. М. Кравчинский эмигрировал из России в конце 1874 года, в 1875 году принял участие в восстании против турок в Герцеговине. За участие в восстании в Беневенто, организованном итальянскими анархистами, в апреле 1877 года был арестован, а в январе 1878 года амнистирован. В 1878 году вернулся в Россию и 4 августа того же года в Петербурге убил шефа жандармов Н. В. Мезенцева. В конце 1878 года покинул Россию навсегда. С 1884 года жил в Лондоне, где и погиб под колесами поезда.

Н. В. Чайковский, один из лидеров народнического кружка, получившего широкую известность под именем группы «чайковцев», в 1874 году эмигрировал в Европу, а затем в 1875 году перебрался в Америку. С 1880 года поселился в Лондоне, где стал одним из основателей Фонда вольной русской прессы.

Известный «чайковец» Н. А. Морозов в конце 1874 года уехал в Женеву, где сотрудничал в бакунинском «Работнике» и во «Вперед» П. Л. Лаврова, вступил в I Интернационал. При возвращении в Россию в 1875 году был арестован на границе. По окончании срока заключения вновь эмигрировал и вновь был арестован на границе при нелегальном возвращении в 1881 году. С 1918 года и до конца жизни — директор Научного института имени П.Ф.Лесгафта, почетный академик АН СССР.

Князь П. А. Кропоткин в 1876 году бежал за границу из мест заключения, во время перевода из Петропавловской крепости в Николаевский военный госпиталь. Жил в Англии, с 1877 года — в Швейцарии, где издавал газету «Le Revolte» («Бунтарь»), ставшую органом европейского анархизма. В 1881 году был вынужден перебраться во Францию. В 1883 году был осужден французским судом на 5 лет тюрьмы за пропаганду анархистских идей. В 1886 году амнистирован, поселился в Лондоне. Кропоткин являлся признанным теоретиком и идейным вождем русского и европейского анархизма.

Х. О. Житловский, один из организаторов народовольческой группы в Витебске, эмигрировал в 1887 году, в 1893 году стал инициатором создания и руководителем «Союза русских социалистов-революционеров».

Главный борец с агентами охранки В. Л. Бурцев, с места высылки за участие в народовольческих кружках бежал и эмигрировал в Швейцарию в 1888 году. Затем жил в Англии и Франции. В Россию вернулся с началом Первой мировой войны, однако был арестован на границе и после заключения в Петропавловской крепости сослан в Сибирь. Амнистирован по ходатайству французского правительства. Бурцев резко критиковал Временное правительство за нерешительность, поддержал генерала Л. Г. Корнилова. 25 октября 1917 года Бурцев стал первым «политическим», арестованным новой властью. После освобождения из Петропавловской крепости в феврале 1918 года бежал за границу. Умер в Париже от заражения крови в госпитале для бедных.

В 1890 году бежал из Сибири за границу Л. Э. Шишко, «чайковец», один из основателей «Фонда вольной русской прессы» и «Аграрно-социалистической лиги», видный деятель партии эсеров, историк и публицист неонароднического направления.

Член социал-демократической группы «Рабочее знамя» Б. В. Савинков уже в начале следующего века, в 1903 году, бежал из ссылки за границу, где вступил в партию эсеров и вошел в ее Боевую организацию, в которой занял пост заместителя ее главы Е. Ф. Азефа.

Организатор и руководитель Боевой организации партии социалистов-революционеров Г. А. Гершуни через три года после побега Савинкова, в октябре 1906 года, бежал в Европу через Китай и США.

В 1899 году выехал за границу В. М. Чернов, «народоправец», один из организаторов «Крестьянского братства», «Аграрно-социалистической лиги» и партии эсеров. Умер в США. Когда, подобно многим современникам, Чернов отправился за границу, он, как и другие, поставил себе целью «погрузиться целиком в происходящую там борьбу идей и теорий, впитать в себя и переработать все последние слова мировой социалистической — да и общефилософской — мысли» и одновременно найти за границей «всех ветеранов революционного движения, с Петром Лавровичем Лавровым во главе».

Только в одной Швейцарии в конце XIX — начале XX века учились сотни русских студентов. В частности, уже в 70-е годы многие из них (более 150 человек

одновременно) занимались в Цюрихском университете и Политехникуме, группируясь вокруг таких знаменитых революционеров, как М. А. Бакунин и П. Л. Лавров. Студенты были поглощены не столько учебой, сколько политической деятельностью. Такое положение побудило российское правительство в 1873 году запретить учебу в Цюрихе женщинам. Звания, полученные там, объявлялись недействительными.

Для наблюдения за деятельностью политических эмигрантов III Отделение, как и ранее, посылало за границу своих сотрудников. Однако эти эпизодические командировки отдельных агентов полиции за границу преследовали узкие цели: выяснение связей и образа действия как целых групп, так и отдельных эмигрантов, установление связей эмигрантов с революционными деятелями в России и тому подобное. Более или менее целостной картины о положении дел и состоянии духа русской революционной эмиграции у III Отделения не было.

Часть 2

НАСЛЕДНИКИ III ОТДЕЛЕНИЯ

БРАТ № 729

Преобразование III Отделения в Департамент полиции. — Заграничный политический сыск под руководством Особого отдела Департамента полиции. — Создание Заграничной агентуры Департамента полиции. — Бюджет царской охранки. — Заграничная деятельность «Священной дружины». — Русско-французские полицейские связи. — «Инцидент» Гартмана. — Амнистия князя Кропоткина. — Заграничные агенты «Дружины». — «Полицейский король Франции» Лагранж в роли «дружинника». — Литературные провокации «Священной дружины». — Брат № 729. — Эмиль Золя о первомартовцах. — Французские «газетные утки» «Священной дружины». — Провокационные органы печати. — Газеты «Правда» и «Вольное слово». — Ликвидация «Дружины». — Создание иностранного отдела в Департаменте полиции. — Переход заграничных агентов «Священной дружины» на службу в Департамент полиции. — Назначение П. Корвин-Круковского директором Заграничной агентуры Департамента полиции. — Послужной список Корвин-Круковского. — Кадровые перестановки в рядах заграничных агентов — Инспекция Г. Семякина. — Характеристика Семякиным лиц, осуществляющих наблюдение за эмигрантами. — Предложения Семякина по реорганизации заграничного сыска. — Увольнение Корвин-Круковского.

После убийства 1 марта 1881 года Александра II самодержавие принимает самые решительные меры борьбы с революционерами внутри страны и русскими политическими эмигрантами за границей. Для этого в 1881 году III Отделение было реорганизовано в Департамент полиции. Теперь политическим розыском в Российской империи занимался Особый отдел Департамента полиции. Ему были подчинены губернские жандармские

управления, охранные отделения и команды, охранные и пограничные пункты внутри империи, а за границей — так называемая Заграничная агентура Департамента полиции. Именно ей было поручено вести борьбу с многочисленными революционерами, которые в последнюю четверть XIX века перебрались из России в Западную Европу и там продолжали свою деятельность, безнаказанно организуя заговоры и обличая самодержавие в прессе. Кроме того, существовала дворцовая полиция, ведавшая личной охраной царя и имевшая своих сыщиков; она также время от времени вела самостоятельную работу по политическому сыску. Заграничный политический сыск проводился Особым отделом Департамента полиции в течение 35 лет, вплоть до Февральской революции 1917 года. Заграничная агентура Департамента полиции создавалась в 1881—1883 годах, практически одновременно с созданием новой царской охранки. Центр ее всегда был в Париже, главная контора долгое время размещалась в здании русского посольства, в доме 18 по улице Гренель.

Раньше в III Отделении работало несколько шпионов, по мере необходимости устанавливавших слежку за эмигрантами-революционерами. Чиновникам, которые стали ведать безопасностью при Александре III, этих мер показалось недостаточно. Нужна была более надежная защита, а именно единая, воинственно настроенная организация, способная разоблачить и подавить в любом месте Западной Европе любую группу, решившую бороться за свержение самодержавия. Заграничная агентура стала той организацией, через которую охранка намеревалась действовать во Франции и соседних странах. До 1883 года парижское отделение царской охранки состояло всего из пяти-шести агентов, работавших каждый по отдельному заданию. Лишь в 1883 году Департамент полиции официально принял на себя руководство Заграничной агентурой. Новая агентура стала официальным отделением Департамента полиции при Министерстве внутренних дел. Она финансировалась из государственной сметы секретных расходов.

Несколько сохранившихся документов, где приводятся цифры по бюджету с 1877 по 1883 год, показывают, что с появлением Заграничной агентуры расходы правительства значительно возросли. Ранее III Отделение получало все средства по смете секретных расходов. В 1877 году его денежный фонд составлял 186 877 рублей, в 1878 году — 251 877 рублей. К 1880 году, когда к Департаменту полиции перешло все имущество ликвидированного III Отделения, этот бюджет увеличился почти в два раза и достиг 558 957 рублей. В перечне расходов говорилось, что только за 1880 год почти 20% фондов (108 580 рублей) было выплачено тайным агентам внутри страны. На тайных агентов за границей было истрачено только 3,4% (19 тысяч рублей) — даже меньше той суммы, которая выделялась охранкой для обеспечения некоторого влияния в западной прессе (21 тысяча рублей). Цифра в 19 тысяч рублей приводится в статье финансовых расходов III Отделения за 1878 год. Таким образом, расходы на иностранных агентов до 1880 года составляли незначительную часть бюджета. Траты из секретных фондов за 1880 год распределялись следующим образом: 2900 рублей начальнику полиции в Петербурге, 7500 рублей начальнику полиции в Москве, 7080 рублей киевской жандармской администрации, 65 000 рублей на нужды «внутреннего агентства».

Следующая сохранившаяся смета расходов относится к 1883 году, когда была создана Заграничная агентура. К этому времени расходы снова удвоились и составили более одного миллиона рублей. Перераспределение ассигнований не зарегистрировано, но общее увеличение расходов совпадает по времени с неожиданным значительным ростом числа тайных агентов и в России, и за границей. Ту же сумму — около одного миллиона рублей — Александр III обещал в 1881 году «Священной дружине». Связь эта не случайна. За 20 месяцев своего существования «Священная дружина» (раннее название — «Святая дружина»), негласно стоявшая на страже государственной безопасности, истратила львиную долю своего бюджета на создание организации, позднее преобразованной в Заграничную агентуру.

В «Отчете Заграничной агентуры „Священной дружины“, составленном одним из ее организаторов И. И. Воронцовым-Дашковым в 1883 году, подводится итог работе этой агентуры за весь двухлетний период существования. Цель отчета, как говорится в его

преамбуле, — довести до сведения Центрального комитета «Дружины», каких результатов достигла агентура. Агенты «Дружины» находились в Париже, Женеве, Стамбуле, Филиппополе, Лондоне, Вене, а также в Румынии и Италии. Если все филиалы этой агентуры, кроме парижского и женевского, учредились в июне—октябре 1882 года, когда сама «Дружина» уже находилась на пороге ликвидации, Парижская агентура была учреждена в апреле 1881 года и считалась наиболее важной. «Действительно, — говорилось в отчете, — Париж представлял собой в последнее время один из центров, куда сосредоточивалась русская эмиграция и откуда она сносилась как с Россией, так и с другими заграничными городами, где пребывали эмигранты».

Дипломат Ю. С. Карцов впоследствии вспоминал: «„Дружинники“» не находили объекта деятельности и не знали, с чего начать: некоторые предлагали поехать в Париж, вызвать на дуэль или убить Рошфора». Далее Карцов, однако, пишет, что «деятели „Дружины“ более помышляли о чинах и придворных отличиях: взять на себя деяние кровавое они бы не решились». «Дружинник» Смельский записывал в своем дневнике в ноябре 1881 года: «Прочел № Berliner Zeitung о том, что члены нашей Дружины, получая громадные деньги, тратят их... на проституток и выпивку».

Историк С. Г. Беляев в сборнике «Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной жизни» отмечает, что у российских властей установились довольно тесные отношения с парижской полицией еще со времен «инцидента» Л. Гартмана — организатора одного из покушений на Александра II на Курской дороге в ноябре 1879 года и, по слухам, готовившего теракт против Александра III. Избегнув ареста, Гартман нашел себе убежище в Париже. Когда об этом узнала французская полиция, она, по взаимной солидарности, связывающей все полиции мира — как отмечает М. Н. Покровский в книге «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, — поспешила его арестовать. Но затем французское правительство задалось вопросом: что же делать с Гартманом дальше? Русский посол — тогда князь Орлов — потребовал выдачи Гартмана. Министерство Фрейсине отнюдь не хотело ссо-

риться с Россией, но выдача, несомненно, политического эмигранта настолько противоречила веками сложившемуся праву убежища, что французские министры заколебались. Несмотря на добросовестные усилия князя Орлова им помочь посредством сформулированого обвинения, как «покушения произвести крушение пассажирского поезда», Фрейсине и его коллеги не смогли принять русскую формулировку, ибо слишком очевидно было, что классификация преступления определяется его мотивами, а отнюдь не объектом. Гартман был освобожден из-под ареста. В Петербурге были очень раздосадованы этим делом и долго его помнили. Князь Орлов получил приказание уехать в отпуск — и уехал весьма демонстративно, не сделав ни одного официального визита.

В гораздо более деликатное положение попало министерство того же Фрейсине, когда в 1885 году амнистировало князя Кропоткина, в качестве анархиста отбывавшего наказание по приговору французского суда. Весьма возможно, что в Париже просто не отдавали себе ясного отчета относительно значения Кропоткина в русском революционном движении. В Париже были немало удивлены, когда узнали, что, по петербургским представлениям, этот акт французского правительства «затруднит дальнейшее развитие дружественных отношений России и Франции».

Префект парижской полиции Л. Андрие, помня об этом инциденте, а также имея в виду убийство Александра II, обращался к русскому правительству со словами о том, что «есть раны, которые требуют раскаленного железа, и нигилизм из числа таких ран... Для страшных болезней нужны страшные лекарства. Следует также прибегнуть к силе денег. Купленный продаст и сообщников... у нас, во Франции... сумма тайных расходов очень велика».

Под покровительством Андрие в качестве парижских агентов «Дружины» начали свою полицейскую карьеру Рачковский и Бинт. О поездке в 1881 году в Париж в связи с планами «Дружины» убить Гартмана говорит в своих воспоминаниях С. Ю. Витте. В Париже «под видом изучения рабочего вопроса, а между тем более сыщиком нигилистов» находился тогда же С. С. Татищев.

«Дружинниками» становились многие чиновники русского посольства в Париже. Таким образом, активность «Дружины» во французской столице была весьма велика и находила поддержку многих официальных французских лиц. Татищев, например, встречался в Париже с премьер-министром и министром иностранных дел Франции Гамбеттой. Следует, очевидно, иметь в виду, что у русско-французской дружбы, кроме политической стороны в общем смысле, была еще сторона политическая в том более специальном смысле, в каком говорят о политическом преступлении или о политической полиции. Позабыв об этой стороне, нельзя понять многое во взаимных отношениях французской дипломатии и русского двора.

«Отчет» указывает, что во главе парижской агентуры «Священной дружины» первоначально стоял Клеман Фабр де Лагранж, который характеризуется в нем как «один из известнейших полицейских чиновников времен Империи». Известный французский публицист Э. Кератри называл Лагранжа «наиболее опасным для общественного порядка человеком» во всей Франции. Очевидно, опыт Лагранжа по части различного рода политических провокаций и убийств привлек внимание «дружинников».

Кроме убийства Гартмана, «Дружина» замышляла убить П. А. Кропоткина и издателя газеты «Intransigeant» («Непримиримый») А. Рошфора, к которому в 1880 году обращалась «Народная воля». Как и план убить Гартмана, эта затея была полной авантюрой, помощь же Лагранжа была оценена «Дружиной» весьма критически. В «Отчете» говорится, что «он оказался совсем не подходящим для своей новой роли — раскрытия русской крамолы за границей... особые свойства русского революционного движения и русских эмигрантов были ему совершенно непонятны. К тому же он был стар и очень дорог». Поэтому от его услуг отказались. Однако такое объяснение со стороны составителей «Отчета» было явной попыткой выдать нужду за добродетель, поскольку на самом деле Лагранжу пришлось оставить службу в «Дружине» из-за разоблачений в «Intransigeant».

Если собственно «агентурная» деятельность «Дружины» и Лагранжа оценивалась в «Отчете» с определенной

долей «объективности», то не таково было отношение его составителей к степени успешности другой важной стороны деятельности «Дружины» — литературной провокации. В «соображениях» одного из «дружинников» о «газетной агентуре» говорится о необходимости «статьями влиять на иностранную печать в целях Святой Дружины». И здесь, как считали авторы «Отчета», в полной мере проявился «талант» оказавшегося в сентябре 1882 года во главе парижской агентуры «брата № 729». Все члены «Священной дружины» назывались «братьями», их имена скрывались за номерами. «Братья» группировались по «пятеркам», и каждый из них должен был знать только организатора своей «пятерки», которого называли «старшим братом». «Брат № 729» считался в «Дружине» человеком умным, образованным и крайне энергичным. «Ко всем его качествам необходимо еще прибавить, что он свой человек во французском литературном и журнальном мире; это представлялось крайне важным, так как делало для него более легким и удобным установление постоянных сношений с некоторыми органами прессы и даже как бы некоторое на них воздействие. Брат № 729 предложил поместить во французских газетах несколько статей, в которых нигилисты были бы представлены в их настоящем свете. Этим путем казалось возможным лишить их симпатий французского общества, не имеющего ясного понятия о русских революционерах и смотрящего на них как ни в чем не повинных жертв. Действительно, брат № 729 вошел в сношение с редакторами некоторых консервативных газет». При этом назывались «Figaro» и «Gaulois». Далее сообщалось, что «борьба, поднятая этими органами против русских нигилистов, служит лучшим доказательством успешности действий брата № 729». Так составители «Отчета» писали о П. В. Корвин-Круковском, соавторе А. Дюма-сына, а впоследствии — С. С. Татищева. Корвин-Круковский, живший в Париже с 1875 года, был там поверенным Татищева, и возможно, что последний привел его в «Дружину».

Следует отметить, что консервативная «Figaro» сразу же после 1 марта 1881 года негативно высказывалась о народовольцах и весьма положительно о новом русском царе. Эмиль Золя писал в «Figaro» о первомартовцах

в статье «Республика в России», что они «как дети, что кидают камни в осиное гнездо, не слишком зная, что от этого произойдет» Однако затем «русская тема» сходит с полос «Figaro». Что же касается «Gaulois», то еще В. Богучарский замечал, что публикации в этой газете о якобы самоубийстве М. Д. Скобелева из-за разоблачений его будто бы существовавших связей с «нигилистами», а также о том, что в придворных кругах великого князя Константина Николаевича называли «Великий князь Равенства», были инспирированы «дружинниками». На «вздорные сплетни и слухи», распространяемые «Gaulois», обращал внимание царя К. П. Победоносцев. Однако тогда Корвин-Круковский еще не стоял во главе парижской агентуры «Дружины» Усилия в этом направлении єледует отнести на счет Департамента полиции, агентом которого Корвин-Круковский стал после роспуска «Дружины», получив статус «официального» главы русского антиреволюционного шпионажа в Париже, до тех пор пока его в 1884 году не сменил Рачковский, явно предпочитавший литературной провокации разгром эмигрантских типографий и организацию похищения лидеров революционной эмиграции.

Если во Франции «Дружина» пользовалась для своих целей консервативной прессой, читателям которой нетрудно было доказывать «вред» «нигилизма», то в другом — центре русской революционной эмиграции — Женеве — «общество борьбы с крамолой» внедрялось в самую среду эмигрантского газетного мира, учредив там свои провокационные органы «Вольное слово» и «Правда». Возможно, мысль об этом была подсказана «дружинникам» Андрие, издававшим, по словам П. А. Кропоткина, «кровожадно-революционную» газету «sociale» и не стеснявшимся признаваться в этом в своих воспоминаниях. Кропоткин замечал, что «издание правительствами революционных газет было тогда в большом ходу». Если «Правда» носила «ультрареволюционный» характер, то «Вольное слово» держалось более «умеренно». Полемика, которую, по мысли организаторов этой затеи, должны вести газеты, призвана была разлагающе действовать на революционную эмиграцию.

В «Отчете» говорится лишь о газете «Правда», во главе которой был поставлен «бывший исправник»

Н. Климов. В эмигрантских кругах существовало мнение, что он агент не «Дружины», а Департамента полиции. А Департамент полиции весьма ревниво относился к своей монополии в области политического сыска, которую нарушала «Дружина». Однако существуют свидетельства, говорящие о «дружинном» происхождении «Правды», в частности А. С. Скандракова — известной креатуры В. К. Плеве. Скорее всего, между Департаментом полиции и «Дружиной» существовали в разное время отношения как соперничества, так и партнерства. Задачи, ставившиеся «Дружиной» перед газетой «Правда», были весьма широки. «Отчет» свидетельствует о том, что «имелось в виду привлечь к участию в газете в качестве сотрудников возможно большее число эмигрантов и таким образом приобрести их доверие, получать сведения о всех предположениях и замыслах их, так сказать, из первых рук». Отчасти Климову это удалось. Один из редакторов женевского «Общего дела» М. Элпидин писал, что Климов «удил своих сотрудников там, где голод и нужда были на пороге», и добавлял: «Конечно, когда предлагают работать за очень высокий гонорар, да еще не вмешиваются цензировать статьи, а предоставляют полную свободу пишущему, очевидно, никому в голову не придет задать вопрос: кто сей Климов? В особенности заочно, не видя его в глаза». Элпидин, не подозревавший о провокационной затее «двух газет», с некоторым удивлением сообщал о «войне» «Правды» с «Вольным словом», во главе которого был «Аркадий Мальшинский, крупная рука III Отделения. Словом, была война главного шпиона с уполномоченным сыщиком той же кухни, как ни странно, а факт». Вскоре «Правда» была разоблачена эмигрантской прессой, о чем, естественно, не говорится в «Отчете», но деятельность свою она прекратила лишь после роспуска «Дружины». Провокационная деятельность Климова, достаточно высоко оцениваемая «дружинниками», не способствовала, однако, его карьере — в 1883 году Департамент полиции распорядился арестовать Климова, если он пересечет русскую границу.

В декабре 1882 года Александр III, под влиянием Д. А. Толстого и К. П. Победоносцева и после появления в «Новом времени» статьи «Политическое шутовство,

Или не мытьем, так катаньем», распорядился ликвидировать «Дружину». Составленный в следующем, 1883 году «Отчет» ее Заграничной агентуры позволяет сделать вывод о том, что, будучи написан людьми, несомненно, знакомыми с западноевропейской прессой, он не содержит явной лжи, однако наполнен более или менее серьезными передержками, направленными на раздувание роли и значения Заграничной агентуры «Священной дружины».

Дела «Священной дружины» в 1883 году были переданы Департамену полиции, который взял в свои руки организацию Заграничной агентуры «для наблюдения за деятельностью политических эмигрантов». Департамент полиции в период реорганизации создал в своем Третьем делопроизводстве иностранный отдел, где работали три чиновника, которые собирали донесения и сведения, передаваемые заграничными агентами, координировали их деятельность, анализировали и обобщали информацию, выпускали для сугубо служебного пользования ежемесячные обзоры о положении дел в политической эмиграции, а также отпускали финансы заграничной охранке, чье содержание, к примеру, в 1884 году составило 58 тысяч рублей. Кроме сведений, получаемых через свою Заграничную агентуру, Департамент полиции пользовался информацией консулов в Париже, Вене, Берлине, Лондоне и Бухаресте, а также получал сведения от пограничных жандармских офицеров, имевших контакты с приграничными австрийскими и прусскими властями.

К Департаменту полиции перешли четыре заграничных агента «Священной дружины»: присяжный поверенный Волков, отставной надворный советник Климов и купеческие сыновья Гурин и Гордон. Бывший «дружинник» Волков отправился в Париж, имея полномочия от бывшего издателя «Московского телеграфа» Радзевича, «с целью выяснения условий предполагавшегося издания новой либеральной газеты» и связал с этой поездкой свою агентурную деятельность. Работа Волкова выразилась лишь в сообщении о том, что замыслы русской колонии в Париже в смысле издания газеты ввиду местных и внешних условий не могут быть осуществлены. Климов, уже скомпрометировавший себя среди эмигрантов изданием в Женеве провокаторского органа «Священной дружины» — газеты «Правда», должен был доставить подробный поименный список женевской эмиграции с характеристикой ее выдающихся вожаков. «Не успев в течение своего двухлетнего пребывания в Женеве ознакомиться с наличным составом эмиграции», он ограничился лишь сообщением ничтожных, на лету схваченных сведений. По мнению Плеве, Гурин в Париже и Гордон в Цюрихе «по своему развитию и пониманию дела» могли быть полезны, «подавая надежду сделаться в приведенных пунктах внутренними агентами, в каковых Департамент полиции встречает насущную потребность». Плеве оставил Гурина и Гордона на своих местах с сохранением прежнего жалованья по 200 рублей в месяц, а Климова и Волкова отозвал в Россию. У Департамента полиции были за границей и другие агенты, наблюдавшие за политическими эмигрантами: Анненский с жалованьем в 500 франков в месяц, Беллина — 400 франков, Николаидес — 200 франков, Стемковский — 200 франков.

Неудовлетворительное положение Заграничной агентуры, конечно, очень беспокоило тогдашних вождей русского политического сыска Оржевского и Плеве, и они начинают принимать целый ряд мер для постановки политической агентуры за границей на должную высоту. Местом пребывания заграничной агентуры был определен Париж. Туда для заведования Заграничной агентурой в июне — июле 1883 года директор Департамента полиции Плеве направляет своего доверенного, ранее завербованного польского эмигранта, надворного советника Корвин-Круковского. В удостоверении на имя Корвина, подписанного Плеве, указывалось, что он «облечен доверием Департамента полиции» и «дружественным России державам предлагается оказывать ему содействие при исполнении им своего поручения». О себе в Департамент полиции Корвин-Круковский сообщил, в частности, следующее:

«Нижеподписавшийся, участвуя в 1863 г. в польском восстании, после усмирения оного бежал за границу. С 1864 по 1866 г. проживал в Италии в Турине, Милане и Флоренции. В начале 1867 г. переехал в Париж, где оставался до 1873 г. В течение этого времени в течение

года посещал инженерное училище. Не имея средств дольше воспитываться, во время франзусско-прусской войны поступил в саперный батальон, в сражении под Седаном взят в плен, по заключении мира, возвратившись в Париж, занимался при железной дороге в качестве рисовальщика. В конце 1873 г. переехал в Швейцарию, жил в Женеве, Берне и Цюрихе, занимаясь также при железной дороге. В 1874 г., случайно познакомившись с бывшим чиновником бывшего III Отделения (*приехавшим в Цюрих*) *статским советником Перецом*, в течение двух лет помогал ему в обнаружении поддельщиков русских [вырвано] ...х билетов и неоднократно был... [вырвано] в Вену, Краков, Берлин, Бреславль, Данциг и Познань.

В 1876 году, отправившись в Сербию, поступил добровольцем, занимая должность старшего адъютанта Русско-болгарской бригады, участвуя в сражении против турок, награжден золотой и серебряной медалью „За храбрость“ и военным орденом Такова. После расформирования бригады в Румынии и по прибытии в город Плоешти, Главной Императорской квартиры, покойным генерал-адъютантом Мезенцевым 1 июня 1877 г. я принят на службу в качестве агента. Исполнял эту должность по 1 января 1879 г., сперва в Болгарии, а потом в Румынии, в Бухаресте. Находился в распоряжении генерал-адъютанта Дрентельна. В течение службы был командирован в секретные и опасные миссии: в Константинополь и в венгерские крепости, в Кронштадте и Германштадте.

В марте месяце того же года, получив Высочайшее помилование, возвратился на родину в г. Варшаву. Служил агентом при жандармском округе, исполнял неоднократно секретные поручения за границей. Владею французским и немецким языками. С.-Петербург, 30 марта 1883 г.»

Корвин-Круковский начал свою деятельность с увольнения скомпрометировавших себя сотрудников, в том числе своих бывших сотоварищей — агентов «Священной дружины», и найма новых, опять из французов. В помощь Корвин-Круковскому товарищ министра внутренних дел Оржевский предписал Плеве «пригласить на службу для заведования агентами центральной

парижской агентуры французского гражданина Александра Барлэ, заключив с ним контракт». Барлэ получал 500 франков жалованья в месяц и был подчинен Корвин-Круковскому. Для несения наружного наблюдения шеф Заграничной агентуры пригласил трех агентов-французов: Бинта, Риана и Росси.

Однако курировавший деятельность Заграничной агентуры помощник Плеве, заведующий Третьим делопроизводством Департамента полиции Г. К. Семякин, вскоре пришел к неутешительному выводу о способностях Корвин-Круковского: тот слабо разбирался в делах политического сыска, неудовлетворительно справлялся со своими обязанностями и злоупотреблял переводимыми ему из Петербурга на содержание агентов весьма значительными денежными средствами. По поручению Плеве Семякин был командирован в Париж, чтобы на месте проверить и оценить, как ведется борьба с государственными преступниками за границей. Докладная записка, поданная Департаменту полиции Семякиным 12 марта 1884 года после его заграничной командировки, свидетельствует о том, что в 1884 году политический сыск за границей должной высоты еще не достиг.

Наблюдение за деятельностью эмигрантов за границей, по данным Семякина, осуществляли:

1) консулы в Париже, Вене и Берлине, вице-консул Шафиров в румынском портовом городе Сулине;

2) пограничные жандармские офицеры с помощью приграничных прусских и австрийских полицейских служб;

3) краковский полицейский комиссар Костржевский;

4) «корреспонденты» Департамента полиции в Бухаресте, Вене, Женеве и Париже.

Семякин дал подробную характеристику этим учреждениям и лицам:

1. Консулы в Вене и Варшаве, поддерживая оживленные сношения с Департаментом, вполне обстоятельно исполняют все его требования и сообщают ценные сведения как о русских подданных, участвующих в революционной деятельности преступных сообществ в Австрии и Германии, так и о проявлениях социально-революционного движения в названных государствах. Генеральный консул в Париже, не имея, по-видимому,

связей с парижской префектурой, ограничивается формальным исполнением требований полиции. Расходы всех трех консулов на секретные надобности не более 2 (двух) тысяч рублей в год. Вице-консул в Сулине Шафиров доставляет сведения неравномерно. Департамент полиции даже не знает личного состава, деятельности и сношений эмигрантов в Румынии. Шафиров, однако, получает на это дело 3 тысячи рублей в год.

2. Сношения пограничных жандармских офицеров с соседними прусскими и австрийскими полицейскими властями не дали до сего времени, по новизне дела, ощутимых результатов. Лишь сношения капитана Массона с краковской полицией приносят значительную пользу для уяснения социально- и национально-революционных происков галицийских поляков. Майор Дедилль, имеющий сношения с галицийскими властями, и начальник Подольского губернского жандармского управления Мазур действуют неудовлетворительно. Экзальтированные сообщения Мазура представляются бессвязным лепетом нервно расстроенного человека. Впрочем, и расход на эти международные сношения крайне незначительный — 300 рублей Массону и 90 рублей пособия Мазуру.

3. Несомненное значение имеют обстоятельства и вполне верные сообщения Кострежевского, но, к сожалению, сношения эти совершенно не оформлены. Отсутствие какого-либо вознаграждения за них не дозволяет Департаменту злоупотреблять любезностью Кострежевского».

Следует заметить, что «любезность» краковского полицейского комиссара Кострежевского была вскоре вознаграждена: по представлению Семякина он получил орден Станислава 3-й степени.

«4. Корреспонденты Департамента: Милевский — человек добросовестный, исполнительный, получает 150 рублей, просит еще 200 ввиду дороговизны жизни в Бухаресте. Стемковский в Вене вполне бесполезен, пишет редко, дает ложные сведения, повторяется, а получает 200 рублей.

Гурин в Женеве — несомненно, внутренний агент и находится в сношениях с видными представителями эмиграции. Все сообщения Гурина до сего времени

представляли интерес, и многие из них подтвердились фактами. Судя по всему, Гурин — человек добросовестный и агент школы современной; на почве «воздействия и компромиссов, получает 275 рублей с разъездами».

Семякин не мыслил широких преобразований Заграничной агентуры, но все же планировал ее некоторую внутреннюю реорганизацию: увеличить суммы, отпускаемые на шпионскую деятельность консулам, прибавить жалованье Милевскому и предоставить в распоряжение Кострежевского 3 тысячи рублей ежегодно. Семякин предлагал также предоставить резиденту III Отделения в Париже А. Барлэ полную самостоятельность в организации агентуры и заведовании французскими агентами внешнего наблюдения, а также и в расходе ассигнованных ему на эту агентуру 5 тысяч франков в месяц.

Семякин дал весьма лестный отзыв о деятельности Барлэ и его бригады, но совершенно уничтожающий о Корвин-Круковском, который, по его мнению, делом не интересуется, не понимает его и даже не дает себе труда разбирать письма, доставляемые ему Барлэ, заваливая всяким хламом Департамент полиции. Из 4 тысяч рублей, отпускаемых ежемесячно Круковскому, он получает на свою долю не менее 1500 рублей, расписывая их по разным рубрикам отчета. Барлэ утверждает, пишет Семякин, что для ведения всего дела в Париже достаточно 6 тысяч франков в месяц, что составляло 2400 рублей. Из этой же записки видно, что содержание всех агентов Департамента полиции за границей обходилось в то время в 58 080 рублей в год.

Не забыл Семякин и самого себя. Он предлагал ассигновать в распоряжение делопроизводителя Третьего делопроизводства Департамента полиции, каковую должность он занимал в то время, 1500 рублей ежегодно на экстренные, случайные расходы и на награды заграничным агентам. К своему делопроизводству Семякин предлагал присоединить иностранный отдел из трех чиновников, который ведал бы не только сообщениями заграничных агентов, но и всеми сообщениями начальника Варшавского жандармского округа о сношениях польских революционеров с Галицией и Познанью, а также сообщениями консулов как агентурного характера,

так и о выдаче ими паспортов русским подданным за границей. Кроме того, этот иностранный отдел должен составить отсутствовавший ранее полный список эмигрантов и регистрировать всех лиц, состоящих под негласным надзором, но выбывших за границу.

По мнению Семякина, необходимо еженедельно представлять обзор наиболее важных сведений, полученных из поименованных выше источников, и ежемесячно выпускать сборник сведений:

а) о происходящих в течение месяца событиях;

б) о вновь установленных адресах и сношениях эмигрантов как за границей, так и с лицами, в империи проживающими;

в) о выбывших за границу поднадзорных или бежавших преступниках и задержанных при возвращении;

г) о вновь вышедших за границею революционных изданиях на русском языке или имеющих отношение к России.

В итоге Семякин вернулся домой со следующими рекомендациями: завербовать больше французов в качестве внешних агентов, укрепить связи с французской полицией и уволить Корвин-Круковского.

20 мая 1884 года проект Семякина получил одобрение директора Департамента полиции Плеве и товарища министра внутренних дел Оржевского. Для удаления Корвин-Круковского в Париж снова был послан все тот же Семякин. Он уладил дело, выдав уволенному 10 тысяч франков и взяв расписку об отсутствии претензий к Департаменту полиции. Правда, Корвин-Круковский не мог так легко утешиться и 20 июля 1884 года обратился с письмом к Семякину, в котором, жалуясь на свое тяжелое материальное положение, просил выдать ему за прежние услуги пособие в размере 3 тысяч франков или хоть ссуду в тысячу франков, угрожая в случае отказа обратиться к царю. Вместе с тем он подчеркнул, что, несмотря на свое стесненное материальное положение, отклонил выгодные предложения некоторых французских газет разоблачить в ряде статей устройство русской полиции в Париже. Очевидно, Корвин-Круковский был удовлетворен и на этот раз, так как угроза шантажом и разоблачениями всегда оказывала магическое действие на Департамент полиции.

СМЕРТЬ, ПОЛЕЗНАЯ ДЛЯ РОССИИ

Убийство Г. Судейкина как одна из причин отставки Корвина-Круковского. — Характеристика жандармского подполковника Судейкина. — Поручение Судейкину от директора Департамента полиции В. Плеве. — Полицейская система и тактика вербовки Судейкина. — Инициатива народовольца С. Дегаева казнить Судейкина. — Честолюбивые планы Дегаева. — Вербовка Дегаева Судейкиным. — Арест В. Фигнер по доносу Дегаева. — Признание Дегаева в провокаторской деятельности Л. Тихомирову. — Террористический план Судейкина и Дегаева. — Сотрудничество Дегаева и Судейкина. — Постановление народовольцев об убийстве Судейкина руками Дегаева. — Подробности покушения на Судейкина. — Бегство Дегаева. — Измена террориста Стародворского. — Воспоминания Ю. Мартова о суде народовольцев над Стародворским.

На скорую отставку Корвин-Круковского, кроме других причин, прямо повлияло подготовленное политическими эмигрантами за рубежом убийство заведующего агентурой Петербургского охранного отделения, инспектора секретной полиции жандармского подполковника Г. П. Судейкина и неспособность главы Заграничной агентуры поймать скрывшегося за границу главного участника этого теракта Сергея Дегаева.

Шеф секретных агентов столичной полиции Георгий Порфирьевич Судейкин был в то время человеком известным и влиятельным в правительственных кругах. Он происходил из мелкой дворянской семьи и добился крупного бюрократического поста благодаря своей личной энергии. Судейкин отличался всеми пороками выскочки. Бездушный и умный карьерист, он прекрасно

видел и умел преодолевать те препятствия, которые возникали на его пути, тот страх и зависть, которые вызывали в начальстве его способности. Он решил выдвинуться любой ценой. Пожираемый честолюбием, Судейкин мечтал о быстром повышении, но все время наталкивался на непреодолимые препятствия, выдвигаемые против него тогдашним первым царским министром графом Толстым. Судейкин всеми силами ненавидел этого министра, который всячески мешал карьере, не давая следующих чинов, и ограничивался тем, что за все исключительные заслуги лишь вознаграждал орденами или деньгами. Ненависть этого жандармского подполковника к высшему начальству представляла собой образчик нравов, царивших в полицейско-бюрократическом мире с его преступными традициями, безграничным произволом, безответственностью и разнузданностью всех чинов — от самых низших до самых высших. Для достижения личных целей все средства были хороши. Замечательным и значительным в этом отношении оказался разговор, происшедший между Судейкиным и его непосредственным начальником, директором Департамента полиции и будущим российским диктатором фон Плеве.

Плеве очень ценил своего высокоталантливого сыщика и никогда не упускал случая высказать лично ему свое восхищение. Однажды после делового разговора, проходившего с глазу на глаз, Вячеслав Константинович Плеве ласково сказал Георгию Порфирьевичу Судейкину:

— Вам следует быть очень осторожным, голубчик. Ваша жизнь самая драгоценная для России после жизни государя.

— Ваше превосходительство забывает, — ответил тонко Судейкин, — жизнь графа Толстого. Террористы его ненавидят еще больше, чем меня.

Плеве задумался, но через минуту ответил:

— Конечно, конечно, мне было бы очень жаль его как человека... Но, признаться, его смерть была бы полезной для России...

Плеве не отдавал приказания, но он ясно намекал на то, что убийство стоявшего у него поперек дороги министра ему будет полезно. Он хорошо знал Судейкина,

тот его понял с полуслова, решив исполнить поручение в подходящий момент...

Особое рвение Судейкин проявлял в борьбе с террористами, жестоко преследуя уцелевших и оставшихся на свободе народовольцев. Их наиболее видные представители после убийства Александра II окончили свою жизнь на виселицах, многие другие члены партии оказались или в тюрьмах, или в далекой Сибири.

Ж. Лонге и Г. Зильбер в книге «Террористы и охранка» характеризуют Судейкина не только предприимчивым, ловким и изобретательным сыщиком. По мнению историков, он сумел возвести провокацию в целую самодовлеющую полицейскую систему. Этот жандарм обладал неподражаемым искусством завязывать сношения с революционерами, перед которыми выдавал себя за либерала и даже радикала, которых, от уступки к уступке, завлекал все дальше и доводил наконец до безвыходного положения. Обыкновенная его тактика заключалась в следующем: он добивался от политических заключенных согласия принять без всяких условий деньги или предоставлял некоторым даже свободу, ничего не требуя взамен, создавая, таким образом, специфическую атмосферу недоверия, подозрительности и интриги вокруг своих жертв, чем вносил глубокую деморализацию в революционные ряды.

Народовольцы решили казнить Судейкина. С этой инициативой выступил революционер Сергей Дегаев, принимавший активное участие в деятельности «Народной воли» почти с самого начала ее возникновения. Оказанные им в свое время крупные услуги партии быстро выдвинули молодого активиста на видное место. Его имя стало известно даже Исполнительному комитету, боготворимому народовольцами. Его ценили, ему верили, ему давали самые важные поручения. Но самого Дегаева не удовлетворяло его положение в партии. Обладая чрезмерным честолюбием, он мечтал о высшей руководящей роли и все свои силы направлял на то, чтобы проникнуть в таинственный Исполнительный комитет, слава о котором гремела не только по России, но и по всей Европе, тем не менее точный состав его не был известен даже самым выдающимся и испытанным деятелям «Народной воли». Дегаеву приходилось много

раз доказывать свою преданность, прежде чем он заслужил полное доверие главных вождей своей партии. Однако предложенное Дегаевым покушение на Судейкина не удалось. Некоторое время спустя Дегаев попадает в одесскую тюрьму после ареста нелегальной типографии, где он был «пойман с поличным». Судейкин специально приезжает из Петербурга в Одессу, чтобы лично допросить Дегаева, и при первом же свидании открыто предлагает Дегаеву поступить к нему на службу.

Обстоятельства, побудившие Дегаева согласиться на предложение Судейкина, остались до сих пор до конца не выясненными. Намеревался ли он, как его брат Владимир, проникнуть в охранку с революционными целями — неизвестно. А ведь тогда такая идея не казалась ни «химерической», ни нравственно недопустимой. Наоборот, отдельные террористы-народовольцы мечтали об этом и признавали несомненную полезность такой деятельности на примере их товарища Клеточникова, который специально поступил в охранное отделение, чтобы осведомлять свою партию обо всех полицейских агентах и их махинациях, готовящихся обысках и арестах, и тем самым оказывал «Народной воле» неоценимые услуги. Соблазнила ли Дегаева роль Клеточникова, или он дал обольстить себя опытному вербовщику, нарисовавшему перед ним совсем иные, блестящие и заманчивые перспективы? Это осталось тайной Дегаева. Так или иначе, Дегаев стал послушным орудием в руках Судейкина. Через некоторое время ему подготавливают мнимый побег. Очутившись на свободе, он сразу принимается за новую работу и организует с помощью своего нового «учителя» многочисленные западни, в которые должны попасться его товарищи.

В Харькове революционеры, предупрежденные о приезде Дегаева, устраивают ему торжественную встречу, объясняя его побег смелостью и находчивостью. Ему поручают наиболее ответственные посты в партии, на него начинают смотреть как на своего вождя. Вера Фигнер, чуть ли не единственная оставшаяся на свободе из главных борцов «Народной воли» и успешно скрывавшаяся от властей, доверившись Дегаеву, имела неосторожность сообщить ему свое опасение, что единственный человек, который мог бы ее узнать и выдать, был

известный партии предатель Меркулов. Дегаев решил немедленно воспользоваться полученным сведением, которое давало ему легкую возможность устроить провал Веры Фигнер, не навлекая на себя при этом никаких подозрений. Он точно разузнал, в какие часы Фигнер выходит и возвращается к себе на квартиру, и все это сообщил Судейкину. Спустя несколько дней после разговора с Дегаевым Вера Фигнер лицом к лицу столкнулась с Меркуловым и тотчас же была арестована. Ее провал был сработан «чисто». Ни Фигнер, ни ее друзья поначалу не сомневались, что арест этот стал следствием несчастного стечения обстоятельств. Со временем, правда, у партийцев начали зарождаться смутные подозрения в двойной игре Дегаева. Но те, которые могли бы выдвинуть против него решительные обвинения, уже сидели по тюрьмам. Дегаев тем временем перебрался в Петербург, где стал особо близким доверенным Судейкина. Тогда же вместе они вырабатывают фантастический план, который только при российских условиях мог возникнуть в головах сыщика и предателя. Несмотря на всю свою фантастичность, этот план, как показали дальнейшие события, был довольно близок к осуществлению. Однако встревоженный расследованием, проводившимся, по некоторым данным, революционерами, Дегаев начинал чувствовать, как шатка почва под его ногами. Под предлогом усталости и необходимости укрепить свои связи за границей он испросил отпуск у Судейкина и отправился за рубеж.

Приехав в Париж, Дегаев немедленно вступил в сношения с наиболее известными и авторитетными политическими изгнанниками: Лавровым, Тарасовым, Полонской, Тихомировым. И вдруг Дегаев во всем повинился Тихомирову. Причины дегаевских откровений до сих пор до конца не ясны. Тем не менее исповедь его как гром поразила старых ветеранов революционного движения. Картины преступлений и предательств, совершенных провокатором, ярко нарисованные им самим, произвели потрясающее впечатление. Но еще более всех ошеломили подробности «грандиозного плана», составленного Дегаевым вместе с Судейкиным. Дегаев должен был сформировать террористический отряд, ближайшей целью которого стала бы казнь первого министра

царского правительства графа Толстого. По этому же плану Судейкин незадолго до покушения под предлогом переутомления или болезни уходил в отставку. В высших сферах убийство графа Толстого было бы объяснено, конечно, уходом Судейкина, на которого там смотрели как на самый верный оплот власти против террористов, и его, разумеется, призвали бы спасать трон и осыпали бы чинами и наградами. На этом, однако, макиавеллиевский план не заканчивался. Через некоторое время неудачное покушение на жизнь самого Судейкина должно было послужить ему предлогом снова подать в отставку. Дальнейшая цепь крупных террористических актов, следующих один за другим после отставки Судейкина, должна была бы вызвать панический ужас при дворе и до того перепугать Александра III, что тому не оставалось бы ничего другого, как вновь обратиться «к последней надежде и единственному спасению». Судейкин стал бы, таким образом, самым могущественным лицом в государстве, чем-то вроде полновластного диктатора, каким был в свое время при подобных же обстоятельствах Лорис-Меликов.

С другой стороны, Дегаев, благодаря блестящим успехам организованных им террористических актов — удача почти всех покушений была заранее гарантирована поддержкой Судейкина, — должен был неизбежно сделаться признанным главой партии. А в заключение его ожидал высокий пост: Судейкин намеревался назначить своего сообщника товарищем министра внутренних дел. Этот обширный план уже начал приводиться в исполнение, когда Дегаев, то ли из-за угрызений совести, то ли из страха перед местью товарищей-террористов, напавших на след его предательства, которое могло раскрыться ими с минуты на минуту, решил повиниться перед заслуженными революционерами. Между тем Судейкин успел сообщить Дегаеву целый ряд ценных сведений об образе жизни графа Толстого, позволивших провокатору установить при помощи террористов искусную слежку за первым министром правительства.

Из «исповеди» Дегаева вожди заграничной эмиграции также узнали, что Судейкин часто запросто приходил на квартиру к Дегаеву и был прекрасно осведомлен о существовании в Петербурге тайной типографии. Он не только отдавал приказы об арестах, но и самолично просматривал и редактировал статьи для «Народной воли». Не кто иной, как Судейкин снабжал настоящими паспортами нелегальных, а те, разумеется, в свою очередь, затем легко попадали в ловушки, расставленные охранным отделением.

Революционные вожди за границей сильно задумались над тем, какие меры принять по отношению к провокатору. После долгих и шумных прений они решили, что партия, «ввиду несомненной искренности его признаний», дарует Дегаеву жизнь, но только при одном условии: он должен немедленно вернуться в Россию и лично организовать убийство своего сообщника и покровителя Судейкина. Одновременно с этим за Дегаевым было установлено самое тщательное наблюдение: ни один его шаг, ни одно слово, ни одна встреча не должны были ускользнуть от внимания революционеров. Казнь Судейкина была подготовлена до мельчайших подробностей Германом Лопатиным. Все было предусмотрено. По мнению организаторов покушения, даже самый счастливый случай не смог бы спасти от смерти главного врага террористов.

Ж. Лонге и Г. Зильбер в книге «Террористы и охранка» приводят подробности этого покушения, которые стали известны им лично благодаря рассказу одного из участников этой драмы. Убийство было совершено 16 декабря 1883 года между четырьмя и пятью часами вечера на квартире Дегаева, в самом центре Петербурга, поблизости от Невского проспекта. Покушение в этой квартире давало большие преимущества: ничто из происходившего в ней не могло быть ни замечено, ни услышано соседями. За несколько дней до убийства революционеры нарочно производили стрельбу из револьвера, чтобы убедиться, насколько изолированность помещения пригодна для задуманного плана. Но, несмотря на это, оба террориста — Стародворский и Конашевич, — на которых пал выбор партии для приведения смертного приговора над Судейкиным, решили, во избежание лишнего шума, прибегнуть к холодному оружию. Роли были тщательно распределены. Дегаев должен был сам открыть двери Судейкину и впустить его в квартиру. Судейкинский шпион, находившийся в распоряжении Дегаева,

был предварительно отпущен. Участники теракта заранее разместились в различных комнатах: Стародворский в спальне, Конашевич на кухне.

После трех часов вечера в квартире Дегаева раздался звонок: это был Судейкин. Но он неожиданно явился не один, а в сопровождении одного из своих агентов, некоего Судовского, приходившегося ему родственником. Прошло несколько долгих минут, как вдруг раздался револьверный выстрел. Дегаев, находившийся позади Судейкина, нарочно выстрелил, как это было условлено заранее, для того чтобы заставить сыщика броситься в спальню, где он должен был лицом к лицу столкнуться со Стародворским. Однако вместо того, чтобы броситься вперед, Судейкин метнулся в сторону и попал в гостиную, куда за ним погнался Стародворский. В руках преследователя был тяжелый лом, которым тот нанес первый удар своему врагу, но Судейкин успел отскочить в сторону и удар только слегка задел его. С диким воплем, держась левой рукой за раненый бок, он пытался вернуться в приемную, где в это время Конашевич, тоже вооруженный тяжелым ломом, в свою очередь добивал Судовского. Между тем удары сыпались на Судейкина один за другим, пока, серьезно задетый одним из них, он наконец не свалился на пол. Его убийца счел уже дело законченным, но вдруг Судейкин вскочил и стремительно бросился в уборную. Сильно израненный и еле живой, Судейкин изо всех сил пытался закрыть изнутри дверь уборной, но Стародворскому все же удалось продеть ногу между дверью и стеной, и он не давал своей жертве укрыться. После упорной борьбы сопротивление Судейкина стало ослабевать. Дверь уступила под жестоким напором террориста и опрокинула навзничь раненого сыщика. Несколькими страшными ударами ломом в голову и затылок Стародворский покончил с не сопротивлявшимся больше врагом. Через две-три минуты Судейкин испустил дух в дегаевской уборной. В это же самое время другой террорист, Конашевич, окончательно расправился с Судовским, который уже лежал без сознания в приемной.

Дегаев еще в самом начале разыгравшейся драмы тихо убрался из собственного дома, оставив внутри своей квартиры всех ее участников. Убийцы же, преспокойно собрав некоторые необходимые вещи, скрылись, не возбудив ничьего подозрения. Спустя сутки Конашевич в последний раз прощался с Дегаевым, которому помог переправиться через границу. В высших правительственных кругах убийство Судейкина вызвало глубокое оцепенение. За голову Дегаева была назначена крупная сумма: 10 тысяч рублей было обещано за его поимку. На это Исполнительный комитет «Народной воли» ответил прокламацией, в которой извещалось, что всякого, кто будет способствовать аресту Дегаева, постигнет судьба Судейкина. Дегаев сам понял, что его песенка спета, и исчез навсегда из России. Были слухи, что он добрался до Америки, оттуда переселился в Австралию, где и умер. В печати появились беглые заметки о его смерти. Даже извещалось о скором напечатании воспоминаний Дегаева, в которых якобы им собраны данные, доказывающие, что он всегда верно служил делу революции, даже тогда, когда с усердием и в точности выполнял предписания Судейкина.

Убийца Судейкина Стародворский был вскоре изловлен. Просидев чуть ли не два десятка лет в Шлиссельбургской крепости, он после своего освобождения попал в Париж, где примкнул к партии социалистов-революционеров. В 1908 году в руки одного видного эсера попало покаянное прошение, поданное Стародворским во время заключения на высочайшее имя. Эсеры назначили суд над изменником, но за отсутствием веских улик дело было прекращено. Стародворского оправдали. И только после падения царского режима, при Временном правительстве, обнаружилось, что Стародворский не только подавал прошение, но и состоял на службе в полиции. Там он, правда, не получал постоянного жалованья, а урывал время от времени по 500—600 франков в обмен на случайные и отрывочные сведения, которые он поставлял охранке из-за границы. «В истории русской провокации это, может быть, самый темный и страшный случай, — отмечали Ж. Лонге и Г. Зильбер в 1924 году, в момент издания их книги „Террористы и охранка“. — Дело Стародворского хранят под спудом, точно из боязни, чтоб эта грязь не пристала к партии или революции. Это плохой расчет. В пользу укрываний этого партизана-провокатора не может быть выдвинуто ни одно вес-

кое соображение». Московское издательство «Прометей», выпустившее книгу, так прокомментировало это заявление авторов:

«От издательства. В только что вышедшей в издании „Красной нови“ книге „Записки социал-демократа“ недавно умершего лидера меньшевиков Ю. Мартова говорится: „Ирония судьбы захотела, чтобы через 21 год меня пригласили арбитром в третейский суд, который должен был в Париже разбирать дело между этим самым Стародворским и Бурцевым, обличавшим его в подаче из Шлиссельбургской крепости покаянного письма с оттенком доноса. Герой моих романтических грез предстал передо мной в виде весьма прозаическом, напоминающем, скорее дельца, чем общественного деятеля, и, во всяком случае, не сохранившим облик революционного борца. Увидел я тогда впервые и Г. А. Лопатина, выступившего формально в роли свидетеля, фактически — в роли обвинителя. За недоказанностью обвинения суд признал факт предательства Стародворского неустановленным, а к приемам, которыми Бурцев старался выполнить недостававший у него документальный материал против Стародворского, отнесся я неодобрительно. С облегченным сердцем я писал этот приговор, мне было больно собственными руками грязнить образ, с которым в детские годы сроднились романтические переживания. Увы! Через 10 лет сухая проза архивов, развороченных новой революцией, принесла неопровержимые доказательства того, что мой — тогда уже покойный — „подсудимый“ на деле не только совершил то, в чем обвинял его Бурцев, но и превратился после Шлиссельбурга в оплаченного агента“».

Часть 3

КОРЫСТОЛЮБИВЫЙ РЫЦАРЬ ПРОВОКАЦИИ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ-ПРОВИДЕЦ

Назначение П. Рачковского руководителем заграничной агентуры Департамента полиции. — Современники о Рачковском. — Послужной список Рачковского. — Арест и вербовка. — Рачковский в роли осведомителя. — Разоблачение Рачковского народовольцами. — Сведения о предателе, собранные Н. Клеточниковым. — Рачковский в Вильно под полицейским надзором. — Участие в «Священной дружине». — Служба у Г. Судейкина. — Опасения Рачковского в искренности Дегаева. — Служба у П. Корвин-Круковского. — Погоня за Дегаевым. — Слежка за Л. Тихомировым.

После отставки П. В. Корвин-Круковского на пост руководителя Заграничной агентуры был назначен дворянин П. И. Рачковский, который в то время уже состоял в распоряжении Департамента полиции и выполнял его отдельные поручения за границей. Деятельность Рачковского сделала его в итоге одной из самых заметных фигур российского политического сыска как внутри страны, так и за границей. Помимо официальных государственных наград, Рачковский получал от современников и историков разные, но всегда образные определения своей персоны: один из столпов политического сыска России; одна из самых ярких и в то же время темных личностей царской охранки; авантюрист в генеральском мундире; отец российской полицейской провокации; одна из самых крупных и мерзких фигур русской политической полиции; прирожденный интриган, любивший заниматься подделкой документов; ангел-хранитель царского

режима; дутая знаменитость; глубокая преданность интересам императорской России; тонкий ум и твердая воля; ни розыскных способностей, ни политического чутья, и т.д., и т.п. Уже только по набору ярких эпитетов фигура Рачковского заслуживает подробного описания.

Петр Иванович Рачковский родился в 1851 году и происходил из дворянской семьи почтмейстера Дубоссарского уезда Херсонской губернии. Родители Рачковского были поляками-католиками, но сам Петр Иванович был крещен по православному обряду и в этом смысле мог считать себя русским человеком. Поздняя версия еврейства Рачковского является несостоятельной, однако в свое время она распространялась на том основании, что он, хоть и непродолжительное время, заведовал одним еврейским журналом. Версию эту поддерживал, в частности, современник Рачковского, небезызвестный в то время журналист-чиновник И. Ф. Манасевич-Мануйлов, который, будучи сам евреем, вполне определенно характеризовал его в 1895 году как лицо «еврейского происхождения», ходившее в прежние годы «без сапог» и жившее мелким репортерством в «Новом времени». Другое дело — бедность Петра Ивановича в начале карьеры. Здесь Манасевич-Мануйлов был совершенно прав. Очевидно, по бедности своей Петр Рачковский не смог получить систематического образования и, как значится в его формулярном списке о службе, «обучался на дому у разных учителей и аттестата о науках не имеет». По некоторым сведениям, он учился в кишиневской гимназии, но среди ее выпускников фамилия Рачковского отсутствует.

В 1867 году в возрасте 16 лет он по следам отца поступает в почтовое ведомство и начинает службу младшим сортировщиком киевской почтовой конторы. В сентябре 1868 года П. И. Рачковский был переведен в пограничную почтовую контору Одессы. Однако карьера провинциального почтового чиновника не прельщала молодого человека. В январе 1869 года он оставляет почтовое ведомство. С апреля 1869 по март 1873 года Рачковский — уже чиновник канцелярии одесского градоначальника, прикомандированный в распоряжение одесского полицмейстера. Однако в марте 1873 года он увольняется со службы и уезжает в Варшаву. Не исключено, что этот шаг был связан с семейными неурядица-

ми Рачковского: его одесский брак с девицей Ксенией Шерле оказался неудачным. Молодой супруге, по словам самого Рачковского, «скоро наскучила бедность, и она завела себе любовника». Однако Петр Иванович на официальный развод не решился.

В Варшаве, куда он прибыл в апреле 1873 года, Рачковского ждало место «чиновника для письма» в канцелярии варшавского губернатора. Долго он здесь тоже не задержался и уже в августе 1874 года оказался в должности секретаря Калишского губернского правления с жалованьем 600 рублей в год. С марта 1875 года Рачковский поднялся еще выше, став секретарем Калишского губернского правления по крестьянским делам. Однако уже через год он подает прошение об увольнении от должности и переезжает в Ковно, чтобы стать помощником судебного следователя, кем он и проработал до апреля 1877 года. В отличие от предыдущих должностей Рачковского, эта требовала специального юридического образования. Точно неизвестно, получил ли его Петр Иванович. Существует версия, по которой в 1870-е годы Рачковский действительно учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, но этот факт не подтверждается архивными данными. Никакого «окна» в три или четыре года, которые можно было бы посвятить изучению юриспруденции, в его биографии нет. Да и в официальных документах Рачковского в графе «образовательный ценз» значится: «образование получил домашнее». Как бы то ни было, после непродолжительной работы в Ковно Рачковский причислен с мая 1877 года к Министерству юстиции и направлен в качестве временного судебного следователя в Пинегу — «медвежий край» Архангельской губернии. На новое место службы Рачковский привез некую особу, от которой он якобы имел впоследствии двух так и не усыновленных им детей. В Пинеге, по отзывам коллег, Рачковский вел себя крайне либерально, нажил немало врагов среди местного начальства и уже в конце сентября 1878 года был уволен, однако «с причислением к Министерству юстиции». Политические ссыльные в Пинеге устроили торжественные проводы «либералу и демократу следственного дела». В Петербург Петр Иванович явился с рекомендательными письмами от них, что позволило ему завести обширные знакомства

с социалистами. Но эти знакомства вскоре привели будущего главного заграничного сыщика российской полиции в тюрьму.

По возвращении в 1878 году из Архангельска Рачковский в Петербурге некоторое время был домашним воспитателем в семье генерал-майора И. В. Каханова. Весной 1879 года Рачковский был арестован из-за связи с революционером Семенским. Оба подозревались в укрывательстве террориста Л. Ф. Мирского после его покушения на шефа жандармов Д. Р. Дрентельна. Находясь под следствием, Рачковский выразил готовность оказать полиции агентурные услуги. Предложение было принято. Поскольку главным объектом внимания охранки были в это время народовольческие кружки, то, выйдя на свободу, Рачковский должен был внедриться в один из них, что он не без успеха и сделал. Рачковский стал агентом III Отделения, где поначалу служил мелким чиновником и играл роль осведомителя. Петр Иванович очень старался установить связи с революционерами. Он мечтал создать прецедент для своего скорого ареста по обвинению в политическом преступлении. Все эти действия, по мнению Рачковского, только увеличили бы его ценность в глазах III Отделения. Однако вскоре он был выявлен народовольцами как агент полиции.

Разоблачен Рачковский был случайно. Узнав о предстоящей поездке народовольца Н. К. Буха в Одессу и Киев по делам организации, он тут же изъявил желание помочь ему с паспортом и даже предложил воспользоваться своей форменной судейской фуражкой и вицмундиром. Рачковский рассчитывал, что в таком облачении народоволец окажется более заметным и шпикам легче будет за ним следить. Но Петр Иванович имел неосторожность рассказать об этой маленькой хитрости своему коллеге, секретарю III Отделения Н. В. Клеточникову, не подозревая, что имеет дело с тайным агентом «Народной воли».

Клеточников передал народовольцам сведения о предателе:

«Рачковский П. И. — М. Итальянская, 17/10. Высокого роста, брюнет. Черные большие усы, толстые, короткие. Бороду и баки бреет. Нос длинный, толстый. Глаза черные; цвет лица бледный; лет 26. Одевается в серое

пальто, твердую черную шляпу; ходит с тросточкой или зонтиком. Лицо интеллигентное. Знаком с Семенским, Морозовым, Луцкой, также с агентом князем Черкасским». Как человека «выше среднего роста, плотного, с темной шевелюрой волос, такого же цвета густыми усами и бритой бородой» описывал Рачковского и Н. К. Бух. По его свидетельству, Рачковский рассказывал о «преследованиях», которым он подвергался со стороны местной администрации, о своих приятелях — политических ссыльных в Архангельской губернии. Петр Иванович говорил Буху, что больше служить не будет, а думает заняться литературным трудом. «Я уже сотрудничаю в одной из газет», — заявил он и предложил, по словам Буха, взять ее в свои руки, чтобы превратить в нелегальный орган партии. Иначе говоря, речь шла о явной провокации, так как Рачковский, предлагая народовольцам «нелегальный орган», хотел сделать его легальным для полиции. Такая идея Рачковского была по тем временам нова, оригинальна и в будущем получила свое развитие. Правда, Бух не назвал этот «орган», но, возможно, речь шла о газете «Русский еврей», где Рачковский сотрудничал с апреля 1879 года, либо о петербургской газете «Новости», куда Рачковский посылал корреспонденции из Пинеги. Петр Иванович действительно много сил отдавал литературному труду. К этому времени, например, относится написание им популярной брошюры о Китае, напечатанной в 1880 году в типографии Бермана и Рабиновича.

20 августа 1879 года подпольная газета организации «Народная воля» разоблачила Рачковского как двойного агента. После того как провокаторство Рачковского раскрылось, оставаться ему в Санкт-Петербурге стало небезопасно. Его отправляют в июне 1879 года в качестве чиновника Министерства юстиции в Вильно, от греха подальше, установив за ним в то же время полицейский надзор. Это не укользнуло от внимания самого поднадзорного. В ответ он отправляет в III Отделение длинное письмо с уверениями в своей искренности и преданности правительству. Прочитав письмо, управляющий III Отделением Н. К. Шмидт распорядился назначить Рачковскому материальное обеспечение. Однако возвратиться в Петербург Рачковскому разрешили только в 1881 году.

В российскую столицу Рачковский вернулся под чужим именем. Здесь он принял участие в организации «Священной дружины», стал ее активным агентом. Вскоре новоявленный «дружинник» отправился в Париж, чтобы пополнить ряды агентуры тайного братства за границей. Там, по свидетельствам своих собратьев, Рачковский «прославился дерзкими операциями». Придавать этому факту слишком большое значение едва ли следует, так как в 1881—1882 годах Рачковский был еще слишком малозначительной фигурой, чтобы играть сколь-нибудь серьезную роль в «Священной дружине». Тем не менее его заслуги были по достоинству оценены. Еще до роспуска «Дружины» в конце 1882 года Рачковский вернулся в Москву и поступил на службу в реорганизованное Охранное отделение, подчинявшееся уже Департаменту полиции. С июня 1883 года он был зачислен в штат Министерства внутренних дел с откомандированием его «для занятий в Департаменте полиции» под руководством заведующего агентурой Петербургского охранного отделения, инспектора секретной полиции жандармского подполковника Г. П. Судейкина.

П. И. Рачковский был помощником Г. П. Судейкина, принимал участие в допросах задержанного революционера Сергея Дегаева, который неожиданно согласился доносить на своих товарищей-террористов и сотрудничать с охранкой. Рачковский имел определенные основания не доверять искренности Дегаева и поделился своими сомнениями непосредственно с директором Департамента полиции В. К. Плеве. Однако тот не разделил скептицизма своего нового сотрудника. Петр Иванович упорно защищал свое мнение, чем только рассердил своего начальника. Опасения Рачковского трагически подтвердились, когда 3 декабря 1883 года террористы во главе с Дегаевым убили Судейкина. Этот случай не только доказал правоту Рачковского, но и, по мнению многих, настроил опозоренного Плеве против «провидца».

Через месяц после убийства Судейкина, в январе 1884 года, Рачковский поступил на службу к тогдашнему заведующему Заграничной агентурой П. В. Корвин-Круковскому. Местопребывание Дегаева все еще не было известно, но, узнав, что во французской столице проживает жена Дегаева, Плеве послал Рачковского в русское посольство в Париже «с особым поручением Министерства внутренних дел», то есть как агента тайной Заграничной агентуры. Рачковский должен был организовать постоянную и тщательную слежку за Л. Н. Дегаевой, ее корреспонденцией и людьми, с которыми она общается, и тем самым попытаться выйти на ее мужа и его сообщников. Это была первая серьезная акция, порученная Рачковскому в новом качестве. На парижскую командировку Рачковскому была отпущена, по его словам, крайне незначительная сумма: ему же приходилось самому следить в Париже за революционерами. Но зато он завел парижские знакомства, которые впоследствии во многом помогли его удивительной карьере.

По поводу командировки Рачковского в Париж Корвин-Круковскому были посланы две телеграммы от заведующего Третьим делопроизводством Департамента полиции Семякина за подписью «Жорж». Обе телеграммы шифрованные.

Первая гласит следующее: «Известному Вам Рачковскому поручено специальное дело, о коем он Вам сообщит лично. Прошу Вас предоставить в его распоряжение одного и в случае необходимости нескольких агентов и ввиду важности дела оказать ему помощь и поддержку. Благоволите вручить ему в копии нижеследующее».

Другая телеграмма: «Сестра Сергея, девица, выезжает за границу. За ней едет Сераковский с компанией для личной передачи Вам. Ожидайте в Париже и, по получении телеграммы, подписанной Федор, немедленно выезжайте с Иваном в назначенное место, передав наблюдение, если уже начато по Парижу, Барлэ; не начатое временно оставьте. Телеграфируйте адрес».

К тому времени Рачковскому удалось раскрыть конспиративную квартиру Льва Тихомирова — товарища Дегаева по «Народной воле». Воспользовавшись своим новым положением, Рачковский снял квартиру неподалеку в качестве «наблюдательного пункта». Далее, желая утвердить свою независимость, финансовую в том числе, он сообщил в Петербург, что должен заплатить 1000 франков в качестве задатка одному «многообещающему» агенту. Поймать С. П. Дегаева не удалось. Тем не менее в Петербурге действиями Рачковского остались довольны.

GENERAL RUSSO

Рекомендация Г. Семякина о назначении Рачковского. — Парижская агентура до прихода Рачковского: наружное наблюдение и перлюстрация. — «Черный кабинет» Екатерины II. — Организация Рачковским внутреннего наблюдения. — Организация «правильных агентурных сил». — Установление контактов с парижской и женевской полицией. — Парижские журналисты на службе у Заграничной агентуры. — Доходы Рачковского. — Жизнь на широкую ногу. — Характеристика Рачковского Папюсом. — Вербовка секретной агентуры. — Агенты Рачковского. — Слежка за разоблачителем провокаторов Л Бурцевым. — Конкуренты Заграничной агентуры: слежка друг за другом. — Приемы Рачковского в борьбе с эмигрантами-революционерами.

В 1884 году Рачковский был назначен руководителем Заграничной агентуры Департамента полиции, по рекомендации заведующего Третьим делопроизводством Департамента полиции Г. К. Семякина, «как человек довольно способный и во многих отношениях соответствующий этому назначению». В Петербурге Семякин хлопотал о выплате Рачковскому сверх получаемого им содержания 250 рублей в месяц, еще столько же на разъезды в Женеву и другие места, телеграммы, почтовые и иные мелкие расходы. Кроме сего, отмечал Семякин, необходимо приобрести в Париже из местных эмигрантов внутреннего агента, который бы находился в непосредственных сношениях с Рачковским. Семякин специально приезжал в столицу Франции, чтобы официально назначить Рачковского начальником расширенной заграничной агентуры в Париже. Этой агентуре теперь, в частности, поручалось пристально следить и за собы-

тиями в Женеве, где в то время активизировались эмигранты, «желавшие свергнуть самодержавие».

До прихода Рачковского Заграничная агентура занималась исключительно наружным наблюдением, которое осуществляла группа из шести французских филеров во главе с А. Барлэ. Но как бы искусны ни были агенты наружного наблюдения, они могли установить только внешние факты: кто где живет, с кем знаком, куда ходит, как долго остается тут или там, кто чем занимается, откуда получает письма и так далее. Сведения эти шпики получали через местную полицию и от консьержей, швейцаров, дворников. Кроме того, агенты часто прибегали к краже писем или покупке их у почтальонов и консьержек, вскрывали, фотографировали, снимали на кальку и затем возвращали или же прилагали к рапорту. Но кража писем была рискованным занятием, так как за нее грозила тюрьма и агентам, и почтальонам. Тем не менее перлюстрация писем почти всех политических эмигрантов в Париже, Женеве, а несколько позже — и в Берлине была поставлена Рачковским «на широкую ногу».

Следует заметить, что перлюстрация переписки подозреваемых лиц и засылка лазутчиков в места скопления людей для подслушивания разговоров — «два очень важных новшества», по определению Ф. М. Лурье, которые внесла в политический сыск еще Екатерина II «в силу чисто женского любопытства». Письма ее подданных и к ним переправлялись теперь через почту в «черный кабинет» Тайной экспедиции. Там их вскрывали, переписывали, а оригиналы отправляли по назначению. Копии писем, в зависимости от содержания, попадали на столы чиновников Тайной экспедиции, а иногда и на просмотр самой императрице.

Рачковский продолжил практику наружного наблюдения, но также начал развивать и внутреннее наблюдение, постепенно вербуя себе секретных агентов из эмигрантской среды. Рачковский усиленно внедрял в круги эмигрантов своих людей, затем по их донесениям громил народовольческие типографии, создавал динамитные лаборатории, которые тут же выдавал французскому правительству, словом, во всем старался не отставать от своих российских коллег. «Время, переживаемое Россией, — отмечал он в своем письме от 28 сентября 1895 года на

имя директора Департамента полиции С. Э. Зволянского, — исполнено крайней неопределенности во взаимных отношениях многочисленных элементов, враждебных существующему политическому строю. Последнее обстоятельство представляет, по нашему разумению, как нельзя более благоприятный момент для организации правильных агентурных сил, которые сообразно представившимся условиям могли бы систематически и с полным вероятием на успех подавлять революционные происки, во всяком случае не допускать их развития до крайних пределов».

Официально представляя интересы самодержавия, Рачковский продолжал борьбу с врагами российской короны через завербованных французских чиновников. Он установил тесные контакты как с парижской, так и с женевской полицией. Парижские, цюрихские и женевские префекты, их помощники и рядовые полицейские за вознаграждение в несколько сотен франков в месяц, в зависимости от ранга, не только закрывали глаза на деятельность русской охранки в их префектурах, но и помогали ей всеми возможными средствами. В 1887 году Рачковский убеждал префекта французской полиции Фрагнона, что враги российского самодержавия во Франции не могут представлять интересы русских людей, как они утверждают, поскольку идеи свои почерпнули у западных радикалов, которых Фрагнон, конечно же, презирал, а все их сообщники — евреи, украинцы или поляки.

В 1886 году Рачковский ходатайствовал о награждении ряда чинов парижской префектуры во главе с префектом Гроньоном и указывал на необходимость тесного контакта в будущем. Он, в частности, писал: «При успешности названного ходатайства наши политические отношения с местной префектурой, как первенствующим полицейским учреждением в Париже, несомненно, должны стать на вполне прочные основания, укрепивши за мною возможность действовать без всяких внешних стеснений со стороны г. Гроньона и его подчиненных, а также и пользоваться их прямыми (хотя, конечно, негласными) услугами во всех потребных случаях».

В короткий срок Рачковский сумел завязать прочные связи с французской прессой, получив, таким образом, возможность влиять на общественное мнение не только

Франции, но и других европейских государств. Он всегда щедро платил французским журналистам за статьи и материалы прорусского толка. На службе у Рачковского находились крупные парижские журналисты того времени, с помощью которых он не только организовывал кампании против русских политэмигрантов, но и подготавливал французское общественное мнение к мысли о необходимости франко-русского союза. К примеру, завербованный им Жюль Гансен, родом датчанин, принявший французское подданство, бывший советник французского Министерства иностранных дел и влиятельнейший парижский журналист, за 400 франков в месяц снабжал все крупнейшие газеты Франции статьями, прошедшими предварительную редакцию Рачковского. Жюль Гансен был, между прочим, близок с русским послом в Париже, бароном Моренгеймом, с которым познакомился еще в Копенгагене, где Моренгейм был тогда посланником. Среди сотрудников Рачковского, кроме Гансена, были и другие, не слишком щепетильные в нравственном отношении французские журналисты: Калометт из «Фигаро» и Мора из «Пти Паризьен». Тот факт, что глава Заграничной агентуры сам дал конспиративное имя «Ратмир» писателю Раймонду Рекули, говорит о том, что для сбора информации были завербованы несколько литераторов. Весьма вероятно, что Рачковский умышленно преувеличивал роль своих фаворитов-журналистов, чтобы платить им хорошее жалованье.

Рачковский на посту шефа заграничной охранки чувствовал себя весьма свободно, действовал по собственному усмотрению, часто совершал экстравагантные поступки, с деньгами обращался весьма вольно, однако начальники оставались весьма довольны результатами его работы. К 1894 году он ежегодно получал из Петербурга 300 тысяч франков на свои нужды, сверх этого его жалованье составляло 12 тысяч франков. Рачковский любил роскошь и заработал на парижской фондовой бирже достаточно, чтобы купить виллу в столичном предместье Сен-Клу.

Шеф Заграничной агентуры установил дружеские контакты с политическими деятелями, депутатами, дельцами. Его особняк посещали самые высокие чины в

иерархии европейских правительств. Благодаря этому ему удавалось оказывать ощутимые услуги Министерству внутренних дел Российской империи, российскому внешнеполитическому ведомству и другим министерствам. Рачковский действительно поставил свою деятельность «на широкую ногу»: во всех фешенебельных ресторанах Парижа официанты знали «general russo» в лицо и оказывали должное уважение за щедрые чаевые.

«Если бы вы встретили его в обществе, — писал о Рачковском хорошо его знавший глава ордена мартинистов в Париже знаменитый Папюс (Жерар д'Анкосс), — я сомневаюсь, почувствовали бы вы хоть малейший испуг, ибо в его облике не было ничего, что бы говорило о его темных делах. Полный, суетливый, с постоянной улыбкой на губах, он напоминал скорее добродушного, веселого парня на пикнике; у него была одна приметная слабость — он страстно охотился за нашими маленькими парижанками, но он один из самых талантливых агентов во всех десяти европейских столицах». Сам себя Рачковский причислял к «чернорабочим», доставлявшим интригующим против Департамента полиции ведомствам «манну небесную» в виде результатов «тяжелой и неблагодарной возни с революционной средой». Что касается методов его деятельности, то они не были оригинальными. По свидетельству одного из чиновников Департамента полиции, «все сводилось у него к одному — деньгами нужно купить того-то и того-то; нужно дать тому-то и тому-то. Иногда пустить деньгами пыль в глаза через агента. Он, по-видимому, был убежден, что за деньги можно купить все и каждого».

Департамент полиции уделял большое внимание вербовке секретной агентуры из числа нелегальных противоправительственных партий. Особенно большая работа в этом направлении была проделана Рачковским. Ко времени его руководства политическим сыском относится разработка специальной инструкции по организации и ведению внутреннего агентурного наблюдения. Действие этой инструкции распространялось и на Заграничную агентуру.

С приходом Рачковского деятельность Заграничной агентуры значительно активизировалась во многом благодаря тому, что к сотрудничеству в охранку было при-

влечено несколько очень способных агентов. Одним из них был Бинт, которого еще Корвин-Круковский завербовал в 1883 году, другим — Абрам Геккельман (он же Ландезен-Гартинг, в полицейской переписке — сотрудник Л.), опытный агент, часто менявший имена и нигде не задерживавшийся надолго, — будущая звезда полицейской провокации и шеф Заграничной агентуры, «духовный» наследник Рачковского. Особо доверенными его агентами были поляк В. Милевский и еврей Л. Гольшман, рукой которого и написано большинство докладов Рачковского.

Активным агентом Рачковского был Л. Д. Бейтнер. Сын чиновника, будучи изгнан из Нижегородского кадетского корпуса в 1890 году за сбыт украденных у купца Коломнина денег, он отсидел по приговору владимирского окружного суда 7 месяцев в тюрьме, затем уехал за границу, поступил в Цюрихский университет в Швейцарии и в 1892 году сделался сотрудником Заграничной агентуры. С этого времени Лев Бейтнер начал играть значительную, но далеко еще не выясненную роль в деятельности Заграничной агентуры. Как провокатор он участвовал 16(28) января 1894 года в анархической демонстрации в Цюрихе, был арестован, но вызволен Рачковским. В конце 90-х — начале 900-х годов жил в Лондоне, следил за старыми народовольцами и Бурцевым. Кроме провокаторской деятельности Бейтнер занимался и шпионажем, постоянно разъезжая по Европе. Охранная кличка Бейтнера была «Москвич»; умер он в Копенгагене в 1907 году. Бейтнер освещал П. Э. Панкратьева, помогавшего Бурцеву отправлять его издания в Россию. Истинная роль Панкратьева Бейтнеру и Рачковскому была неизвестна. Между тем он являлся сотрудником Петербургского охранного отделения. Панкратьев был публично разоблачен в 1901 году социал-демократической газетой «Искра». Активная деятельность Бурцева как пламенного проповедника террористической борьбы с царизмом в это время становится серьезным препятствием и большой угрозой для российского полицейского начальства. «В. Бурцев, — пишет в „Минувшем" разоблачитель агентов охранки Менщиков, — в качестве адепта террора был под усиленным наблюдением заграничной агентуры. Рачковский знал, как Бурцев в разговорах объяснял тайную

цель издания „Былого“, что он говорил о Панкратьеве, кого рекомендовал в России. Корректуры издания Бурцева препровождались в Департамент полиции вместе с письмами от него — подлинными и в копиях — к нему». Связи Бурцева агентуре были более или менее известны; в особенности обращалось внимание на его знакомых из числа приезжей молодежи, которые по возвращении на родину подвергались наблюдению и преследованию (Лебедева, Ослопова, Замятин, Менкест, Краков, Мальцева, Пальчинская, выехавшая в Россию под присмотром филеров, и др.). В 1900—1912 годах Бурцев был под перекрестным огнем агентуры: с одной стороны, Бейтнер, пользовавшийся его доверием, с другой — Панкратьев, давнишний его знакомый, не спускали с него глаз. Нельзя ручаться, что не было и третьего осведомителя, доносившего на Бурцева. В Департаменте полиции все остерегались друг друга, никто никому не доверял. Часто заведующий Заграничной агентурой не знал, что рядом с его собственными провокаторами работают и другие секретные сотрудники Департамента полиции, петербургского, московского, дворцового или какого-нибудь другого охранного ведомства.

Не ограничиваясь наружным и внутренним наблюдением за эмигрантами-революционерами, Рачковский использовал в отношении них все известные охранке приемы борьбы и в первую очередь прибегал к провокациям и погромам.

ПОГРОМ В ЖЕНЕВЕ

Разгром народовольческой типографии. — Правительственные награды погромщикам. — Тайное полицейское сотрудничество. — Контрнаступление на революционеров и продолжение погромов.

Парижские дела не отнимали всего времени у Рачковского, он усиленно работал и в других местах, в том числе во французских провинциях. Рачковский распространил активную деятельность на те европейские государства, в которых пустила прочные корни русская политическая эмиграция, прежде всего в Швейцарии. Здесь его внимание поначалу было сосредоточено главным образом на народовольческой типографии в Женеве.

Переехав в начале ноября 1886 года из Парижа в Женеву, Рачковский с помощью своих сотрудников — Бинта, Милевского, Гурина и еще какого-то швейцарского гражданина — в ночь с 20 на 21 ноября произвел вооруженное нападение на типографию «Народной воли». Он сам принимал участие в разработке плана нападения на типографию, которая, по его словам, «до сих пор составляла главную основу революционной деятельности заграничного отдела „Народной воли“».

Женевская типография была за ночь разгромлена начисто. Налетчики разбили и выбросили несколько десятков пудов типографского набора. По улицам Женевы они раскидали более тысячи еще не сброшюрованных экземпляров пятой книжки «Вестника Народной воли», «Календаря Народной воли», сочинений Герцена. Наутро аккуратные женевцы с ужасом обнаружили, что их чистенький город замусорен громадным количеством свинцовых «чушек» и бумажных обрывков с текстами на

русском языке. Можно себе представить, что думали и говорили вслух чистоплотные швейцарцы об издателях этой литературы, клочки которой разлетелись по всей Женеве. Находившиеся в типографии несколько тысяч экземпляров других, уже отпечатанных изданий были уничтожены налетчиками на месте. Естественно, такой бандитский налет мог произойти только с молчаливого согласия женевской полиции.

Директор Департамента полиции Н. П. Дурново был чрезвычайно горд этой победой над заграничной крамолой, министр внутренних дел граф Д. А. Толстой тоже был чрезвычайно доволен и счел своим верноподданническим долгом доложить о подвиге Рачковского и его сотрудников царю. Рачковскому был высочайше пожалован орден св. Анны III степени, а сам он произведен в чин губернского секретаря. Дворянину Владиславу Милевскому пожалован чин коллежского регистратора. Товарищ министра внутренних дел Оржевский признал деятельность парижской агентуры «заслуживающей полного одобрения и поощрения». Он назначил большие денежные награды всем служащим агентуры: Рачковскому — 5000 франков, его сотруднику в Женеве Гурину — 3000 франков, Милевскому — 1500 франков, Бинту — 1500 франков, сотруднику Л. — 500 франков, Барлэ — 500 франков. Филерам Продеусу, Козину и Петрову было отпущено по 300 франков, Мельцеру — 250 франков, Росси, Амали и Лазару по 200 франков. 500 франков было выплачено филеру Риану, которого Рачковский аттестует весьма оригинально: «к сожалению, единственный способный и в высшей степени добросовестный агент французской организации».

Народовольческая типография в Женеве скоро возродилась, но Рачковский произвел на нее новый налет и опять уничтожил отпечатанные листы, книги и все шрифты. В набеге, по донесению Рачковского, участвовали «французский гражданин Бинт, швейцарский гражданин (тот же, что и в первый раз) и наблюдательный агент». За «новый подвиг» Бинт получил 5000 франков и золотую медаль на станиславской ленте, а швейцарский гражданин лишь 600 франков.

Проникновение политического сыска в европейские страны сопровождалось разрешениями правительств го-

сударств Европы на размещение у них представителей русской политической полиции и тайными соглашениями о полицейском сотрудничестве и взаимодействии с российским правительством. Поскольку русские революционеры предпочитали проводить опасные эксперименты со взрывчаткой в основном за границей, полиции европейских стран считали, что в их интересах помогать русской Заграничной агентуре в преследовании заговорщиков.

Тем временем в конце 1886 года русские радикалы во Франции публично обвинили русскую тайную полицию в том, что ее агенты, нарушив все законы, организовали диверсию в женевской типографии. Рачковский не мог прямо ответить своим врагам, но нашел способ им отомстить. Он заплатил хорошие деньги своему агенту-журналисту Ж. Гансену, чтобы тот в своих статьях и пропагандистских публикациях представил заговорщиков против царя отвратительными анархистами. В феврале 1887 года Рачковский дал задание своим подручным разгромить еще одну типографию «Народной воли», которую Заграничная агентура охранки незадолго до этого обнаружила в Париже.

«ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ...»

Попытки избавиться от Л Тихомирова. — Субсидии Рачковского Тихомирову за отказ от революционной деятельности — Отзыв Тихомирова о Рачковском — Выпуск Рачковским покаянного памфлета Тихомирова.

На протяжении нескольких лет Заграничная агентура в Париже пыталась каким-нибудь способом избавиться от Тихомирова, который уже тогда был выдающимся революционером, членом Исполнительного комитета партии «Народной воли», редактором «Вестника Народной воли» Считалось, что он оказывает большое влияние на революционное движение. Как сообщает редактор мемуаров Тихомирова, в 1884 году у Рачковского был план схватить Тихомирова и, привязанного к носилкам, доставить на железнодорожную станцию, выдавая его за сумасшедшего. Предполагалось сначала отправить его в Берлин, а потом в Россию. Русские дипломаты, однако, не согласились привести этот план в исполнение.

Летом 1888 года Рачковский через своих агентов-провокаторов узнал, что Тихомиров готов предать революционное движение и поступить на царскую службу, получив за это прощение императора и разрешение вернуться в Россию свободным человеком. Рачковский, сумевший за время руководства Заграничной агентурой оказать развращающее влияние на эмигрантскую среду, понимал, что подобного рода сделка дает ему материал для антиреволюционной пропаганды и, несомненно, вызовет похвалу начальства. Он способствовал тому, чтобы Тихомиров подал унизительное прошение о по-

ловании, с вымаливанием прощения, на высочайшее имя — Александру III. По этому поводу 16 ноября 1888 года Рачковский сообщал директору Департамента полиции Дурново: «Наконец, на отпечатание двух протестов против Тихомирова мною дано было из личных средств 300 франков, а на брошюру Тихомирова „Почему я перестал быть революционером“ доставлено было моим сотрудником Л. и вручено Тихомирову тоже 300 франков».

«Был в консульстве вчера. Там встретил так называемого Леонова Петра Ивановича. Был у него от двух до четырех с половиной. Оставил у него свое прошение. Сказал придти сегодня утром. Очень интересный и даже симпатичный человек», — записал Тихомиров в своем дневнике от 8 сентября 1888 года. Леонов Петр Иванович, как нетрудно догадаться — не кто иной, как Петр Иванович Рачковский. «Плотная» работа «Леонова» с Тихомировым закончилась его полным отречением от «грехов молодости». Кстати, под влиянием Рачковского аналогичное «покаяние» сделал Исаак Павловский, участник процесса «ста девяносто трех», который затем долгие годы работал в качестве парижского корреспондента «Нового времени», издаваемого Н. С. Сувориным.

Все же Тихомиров, судя по свидетельствам близко знавших его людей, принимал решение самостоятельно — он порвал с революцией, поскольку убедился в бессмысленности методов терроризма. Тихомиров был человеком строгих принципов, поэтому открыто объявил о перемене своих взглядов, но отказался выдать Рачковскому своих бывших товарищей. Тем не менее Рачковский утверждал, что лично встречался с Тихомировым с целью договориться, на каких условиях бывший революционер будет служить царю. Действительно, в результате именно этих встреч был составлен окончательный вариант прошения Тихомирова, поданного 12 сентября. Дополнительные переговоры затянулись более чем на год, и лишь 12 октября 1889 года Тихомиров записал, что встретился с русскими чиновниками и получил разрешение вернуться на Родину. По словам Тихомирова, Рачковский был главным организатором переговоров с русской стороны. Он показался Тихомирову человеком

весьма чутким. Так или иначе, Тихомиров написал прошение царю, Александр III его простил, а Рачковский использовал свои связи в прессе, чтобы история бывшего лидера «Народной воли», предавшего революцию и отвергшего такой метод борьбы, как террор, а также памфлет Тихомирова под названием «Почему я перестал быть революционером», публикация которого была субсидирована шефом Заграничной агентуры, стали широко известны.

ЩЕДРОТЫ ПО ОТЧЕТАМ

Расходы парижских агентов. — Отзывы полицейских инспекторов о деятельности Рачковского. — Выплаты Департамента полиции Заграничной агентуре. — Кадровые перестановки в парижской агентуре. — Финансовый отчет Рачковского. — Оплата Департаментом полиции долгов Рачковского.

В мае 1885 года парижская агентура в очередной раз подверглась некоторым изменениям. Они были сделаны по докладу директора Департамента полиции П. Н. Дурново товарищу министра внутренних дел Оржевскому. Шеф полиции ссылается на данные полицейского чиновника Зволянского, полученные при личных контактах с Рачковским и Барлэ. У Барлэ было шесть французских агентов, на которых он тратил 1560 франков в месяц, чиновнику парижской префектуры он платил 200 франков ежемесячно; у него были две конспиративные квартиры, на одной из которых производилась перлюстрация корреспонденции, на консьержей, занимавшихся перепиской, он расходовал 1070 франков ежемесячно. Траты самого Рачковского были значительно меньшими: от 1200 до 1500 франков в месяц. На оплату квартиры, в которой жил агент Продеус для наблюдения за Тихомировым, тратилось 65 франков ежемесячно; от 600 до 800 франков в месяц уходило на внутреннюю агентуру, временные наблюдательные квартиры, единовременные выдачи консьержам, полицейским чиновникам и другим лицам за разные сведения, на оплату мелких услуг, извозчика, кафе и пр. Таким образом, получался перерасход, достигающий 500 франков ежемесячно (Рачковскому отпускалось на расходы всего 1000 франков).

Превышение расходов Дурново объясняет затратами на выяснение личностей Сержиуса (Кайгера) и Славинского (Иванова), Алексея Николаевича (Тонконогова) и наблюдение за ними, а также расходами на устройство внутренней агентуры, поездку агента из Швейцарии в Париж по вызову эмигранта Русанова и другими нуждами. Полицейский чиновник Зволянский и его начальник Дурново склонялись к тому, чтобы усилить ассигнования Рачковскому за счет Барлэ, у которого, как выяснил Зволянский, «получается ежемесячно значительный остаток, обращаемый им в свою пользу». Предложения Дурново утвердил Оржевский. Рачковскому начали отпускать вторую тысячу франков в месяц.

Как ни доверяли высшие чины Департамента полиции Рачковскому, все же они не упускали случая лично проверить его деятельность. Этим отчасти объясняются их частые командировки за границу. В середине 1886 года директор Департамента полиции Дурново в очередной раз послал в Париж Зволянского, на этот раз уже с проверкой работы Рачковского в новой должности. Рачковский представил посланнику из Петербурга имевшиеся у него секретные документы и обсудил с ним все нюансы своей работы. В рапорте, поданном Дурново 6 октября, Зволянский весьма одобрительно отозвался о деятельности Заграничной агентуры и полностью оправдывал ее расходы. В этом же докладе Зволянский подчеркивает несовершенство политического сыска в Швейцарии, где у заведующего агентурой нет филеров: «Находящиеся ныне в Женеве агенты Милевский и Бинт специально заняты наблюдением за Галиной Чернявской и работами в народовольческой типографии». Затем Зволянский указывает: «так как бóльшая часть переписки эмигрантов с Россией идет именно через Швейцарию, вопрос о перлюстрации приобретает особенно важное значение и устройство таковой несомненно даст результаты».

Для реорганизации политической агентуры в Швейцарии Зволянский предлагает командировать на два-три месяца заведующего парижской агентурой Рачковского, просит департамент не утруждать последнего требованиями частых письменных рапортов и заканчивает свой доклад следующими словами:

«С полной справедливостью причисляя Заграничную агентуру к числу самых лучших (если не лучшая) русских политических агентур, заслуга организации которой принадлежит г. Рачковскому, я считаю нравственной своей обязанностью представить вниманию Вашего превосходительства служебную деятельность названного чиновника и просить благосклонного ходатайства Вашего превосходительства о предоставлении г. Рачковскому почетной награды, которая, несомненно, побудит его заняться порученным ему делом еще с бóльшим рвением и усердием. За время службы в департаменте г. Рачковский наград не получал, а производство в чин коллежского регистратора едва ли можно считать поощрением для лица, состоящего около 15 лет на службе».

И хотя автор доклада скромно промолчал о наградах и других высочайших милостях, ранее сыпавшихся на Рачковского, ходатайства Зволянского были удовлетворены с молниеносной быстротой. Всего через три дня после представления доклада Дурново пишет Рачковскому, что «ввиду успешной деятельности парижской агентуры, особенно проявившейся в обнаружении посредством искусных агентурных действий местопребывания Макаревского, разрешено:

1) уплатить долг Рачковского из 3 тысяч франков безвозвратно;

2) выдать Ландезену 900 франков на устройство квартиры;

3) отпускать с 1 ноября на агентурные расходы ежемесячно по 3 тысячи вместо 2 тысяч франков;

4) выдать единовременно на экстраординарные расходы 3 тысячи франков».

В этом письме Дурново очень озабочен сохранением в целости Ландезена в связи с вопросом об ассигновании последнему 250 франков ежемесячно на ссуды «товарищам революционерам». Дурново пишет Рачковскому: «Не могут ли безвозвратные траты Л. такой суммы возбудить какие-либо подозрения в эмигрантах и компрометировать его положение, едва восстановленное путем сложных комбинаций с Вашей стороны, и не будет ли осторожнее с Вашей стороны ограничить эти ссуды суммой, не превышающей 100 франков, которые Вы можете ему выдавать из увеличенной ныне агентурной суммы».

Однако через год Дурново уже потребовал от Рачковского, чтобы тот сократил свои расходы. Предполагая, что Рачковский занимается агентами внутреннего наблюдения Заграничной агентуры, а агентами внешнего наблюдения руководит французский детектив Барлэ, Дурново предложил Рачковскому взять под свою опеку и «силы наблюдения». На это Рачковский отвечал, что еще три года назад, вступив в должность, фактически взял на себя все обязанности Барлэ. Чтобы не устраивать «неприятностей», полностью отстраняя Барлэ от дел, Рачковский объявил, что отправляет его на пенсию и будет платить ему три тысячи франков в год, а некоторых компетентных сотрудников Барлэ он возьмет работать к себе. Большинство же агентов Барлэ Рачковский предлагает отпустить за полной их негодностью.

После этой реформы парижская внешняя агентура принимает следующий вид: заведующий наружной агентурой коллежский регистратор Милевский, четыре русских агента — Продеус, Козин, Петров и Мельцер — с прежним содержанием, четыре французских агента с содержанием: Риан и Бинт — 400 франков, Дюлэ и Дов — 250 франков. Кроме того, выплачивается пенсия Барлэ, идут расходы на французских агентов и консьержа в доме Юрьевской. Все эти издержки, по словам Рачковского, не будут превышать 1500 франков в месяц. Его предложения были приняты.

Несмотря на требование Дурново сократить расходы, 1 октября 1887 года осуществляется «мечта» Рачковского — ему начали отпускать ежемесячно 2000 франков на содержание и устройство агентуры в Швейцарии. В апреле 1888 года Рачковский представил ведомость в сумме 12 200 франков 20 сантимов «на наружное наблюдение в Цюрихе за проживающими там революционерами и поездки агентов». Таким образом, росло могущество, а также и денежные ресурсы Рачковского, ведь все его «сметные экономии» приводили, в конце концов, к значительному увеличению расходов Заграничной агентуры. Например, на январь и февраль 1887 года в его распоряжение ассигновано 20 050 франков, но и этих сумм ему оказывалось недостаточно, и он входил в долги, которые весьма умело заставлял оплачивать Департамент полиции.

Император Александр I

Великий князь
Константин Павлович,
Наместник Польский

Император Николай I

Генерал-майор
Л. В. Дубельт,
начальник штаба корпуса
жандармов

Генерал-адъютант граф
А. Х. Бенкендорф, шеф
жандармов

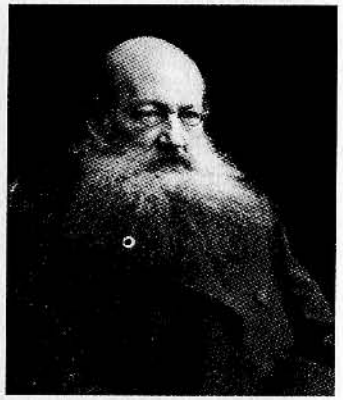
Тайный агент III отделения княгиня Д. Х. Ливен
(урожденная Бенкендорф)

Д. Х. Ливен
сорок лет спустя

М. А. Бакунин, создатель "Интернационального братства", политический эмигрант

Князь П. А. Кропоткин, революционер-анархист, политический эмигрант

А. И. Герцен, издатель вольной русской прессы, политический эмигрант

Император Александр II

Император Александр III

Здание Департамента полиции Министерства внутренних дел на набережной р. Фонтанки, 16 в Санкт-Петербурге

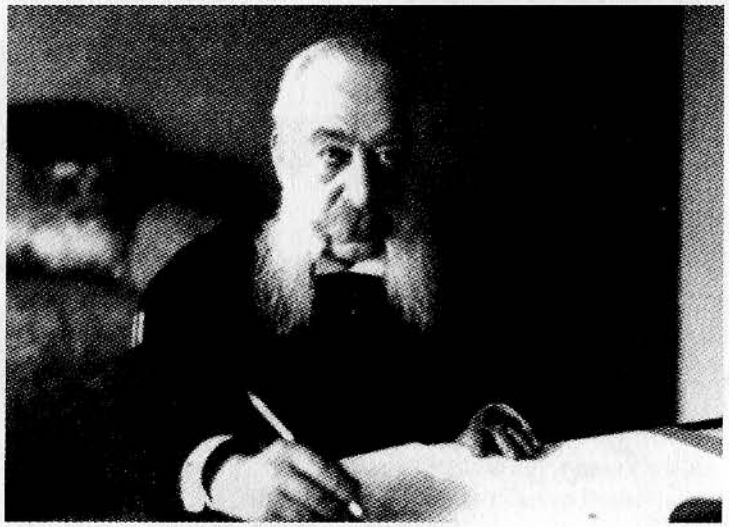
С. М. Кравчинский, народник-террорист, убийца шефа жандармов Н. В. Мезенцева

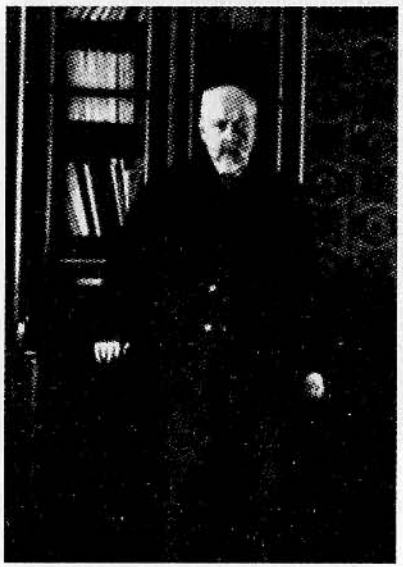
Граф С. Ю. Витте, Председатель Совета Министров

Император Николай II

И. Л. Горемыкин, министр внутренних дел в 1895—1899 гг., Председатель Совета Министров в 1914—1916 гг.

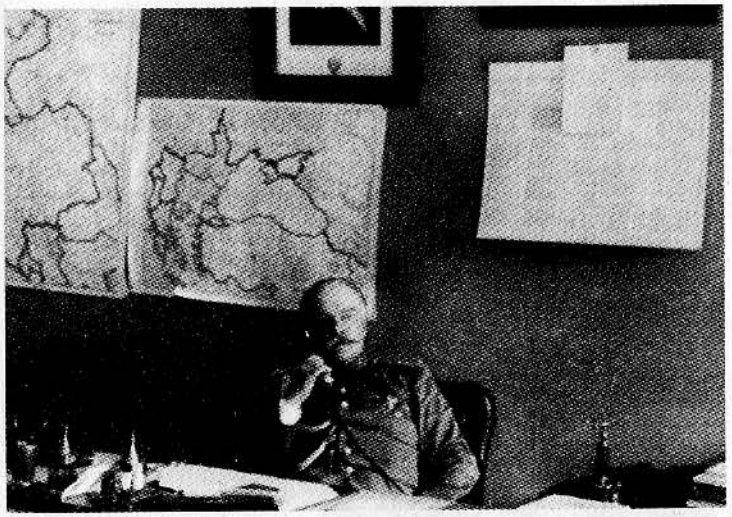
Князь В. П. Мещерский, издатель журнала "Гражданин"

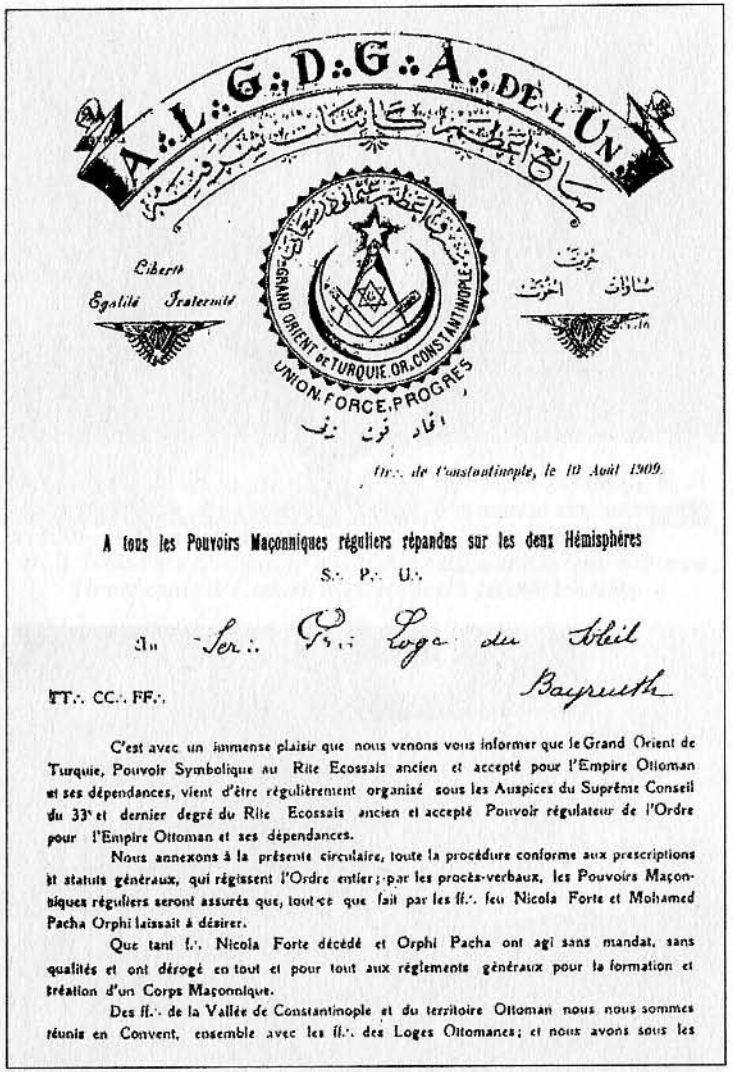
П. Н. Дурново, директор Департамента полиции в 1884—1893 гг., министр внутренних дел в 1905—1906 гг.

Генерал П. Д. Святополк-Мирский, министр внутренних дел в 1904—1905 гг.

Генерал-майор В. Ф. Джунковский, товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов в 1913—1915 гг.

A∴L∴G∴D∴G∴A∴DE L'UN

Liberté Egalité Fraternité

GRAND ORIENT de TURQUIE OR. CONSTANTINOPLE

UNION. FORCE. PROGRES

Or∴ de Constantinople, le 10 Août 1909.

A tous les Pouvoirs Maçonniques réguliers répandus sur les deux Hémisphères

S∴ P∴ U∴

Au Sér∴ G∴ Orig∴ Loge du Soleil

Bayreuth

TT∴ CC∴ FF∴

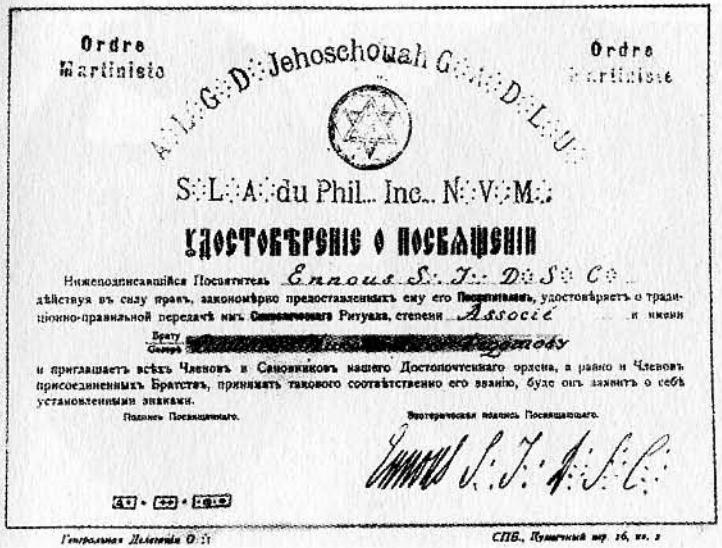
C'est avec un immense plaisir que nous venons vous informer que le Grand Orient de Turquie, Pouvoir Symbolique au Rite Ecossais ancien et accepté pour l'Empire Ottoman et ses dépendances, vient d'être régulièrement organisé sous les Auspices du Suprême Conseil du 33e et dernier degré du Rite Ecossais ancien et accepté Pouvoir régulateur de l'Ordre pour l'Empire Ottoman et ses dépendances.

Nous annexons à la présente circulaire, toute la procédure conforme aux prescriptions et statuts généraux, qui régissent l'Ordre entier; par les procès-verbaux, les Pouvoirs Maçonniques réguliers seront assurés que, tout ce que fait par les ff∴ feu Nicola Forte et Mohamed Pacha Orphi laissait à désirer.

Que tant ff∴ Nicola Forte décédé et Orphi Pacha ont agi sans mandat, sans qualités et ont dérogé en tout et pour tout aux réglements généraux pour la formation et création d'un Corps Maçonnique.

Des ff∴ de la Vallée de Constantinople et du territoire Ottoman nous nous sommes réunis en Convent, ensemble avec les ff∴ des Loges Ottomanes; et nous avons sous les

Циркуляр “Великого Востока” Турции о поддержке борьбы “за либеральный и конституционный режимы”. 1909 г.

Ordre Martiniste

A∴L∴G∴D∴ Jehoschouah G∴ D∴ L'U∴

Ordre Martiniste

S∴L∴A∴du Phil∴ Inc∴ N∴V∴M∴

УДОСТОВѢРЕНІЕ О ПОСВЯЩЕНІИ

Нижеподписавшійся Посвятитель Ennous S∴ I∴ D∴ S∴ C∴

дѣйствуя въ силу правъ, законномѣрно предоставленныхъ ему его Посвятителемъ, удостовѣряетъ о традиціонно-правильной передачѣ имъ Символическаго Ритуала, степени Associé и имени

Брату

и приглашаетъ всѣхъ Членовъ и Сановниковъ нашего Достопочтеннаго ордена, а равно и Членовъ присоединенныхъ Братствъ, принимать такового соотвѣтственно его званію, буде онъ заявитъ о себѣ установленными знаками.

Подпись Посвященнаго. Эзотерическая подпись Посвящающаго.

Jehoschouah S∴ I∴ D∴ S∴ C∴

Генеральная Делегація О∴

СПБ., Кушелевъ пер. 16, кв. 2

Диплом Ордена мартинистов

Е. Ф. Азеф, руководитель Боевой организации и член ЦК партии социалистов-революционеров и одновременно секретный сотрудник Департамента полиции, провокатор

Г. А. Лопатин, народоволец, социалист-революционер, политический эмигрант

А. Д. Михайлов, революционер-народоволец

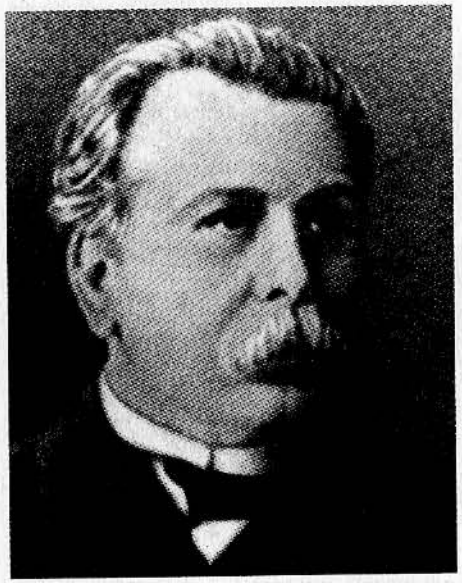
П. И. Рачковский, руководитель заграничной агентуры (в фуражке)

Н. В. Клеточников, "агент" народовольцев в Департаменте полиции

С. В. Зубатов, заведующий Особым отделом Департамента полиции

В. К. Плеве, министр внутренних дел

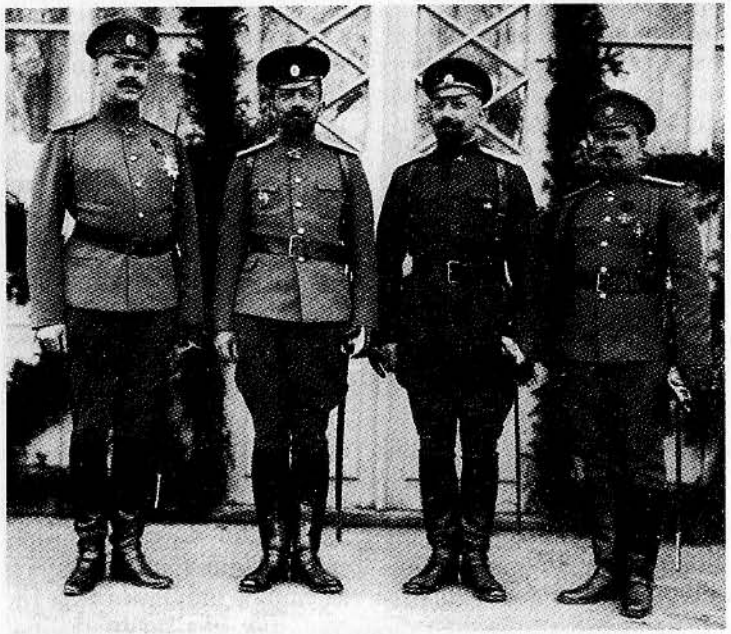
П. Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел

А. А. Лопухин, директор Департамента полиции

И. Ф. Манасевич-Мануйлов, чиновник Департамента полиции

Жандармский генерал А. И. Спиридович (первый слева) с группой офицеров

А. В. Герасимов, начальник Петербургского охранного отделения

Вот весьма характерное письмо Рачковского к Дурново от 4 ноября 1888 года:

«Вашему превосходительству благоугодно было истребовать от меня сведения, во что обошлась мне конспирация с Тихомировым. Позволяю себе изложить дело с полной откровенностью, на которую вызывает меня милостивое требование Вашего превосходительства.

После уничтожения народовольческой типографии эмигранты решили поднять тревогу в иностранной печати и воспользоваться означенным случаем, чтобы выступить перед Европой с ожесточенными нападками на русское правительство. Зная о таковом намерении, я решил не только противодействовать ему, но, вместе с сим, и деморализовать эмиграцию с помощью той же печати, на которую революционеры возлагали столько надежд. Между прочим, благодаря г. Гансену, о котором я уже имел честь докладывать Вашему превосходительству, результаты оказались самые блестящие: получая отповедь на каждую свою заметку в нескольких органах радикальной парижской печати, эмигранты скоро вынуждены были замолчать, и все дело кончилось лишь тем, что созданный Тихомировым в Париже террористический кружок потерял свой исключительный престиж, а самая эмиграция оказалась опозоренной. Однако, не считая себя вправе беспокоить Ваше превосходительство, г. Гансена я благодарил из своих личных средств. Вместе с тем для меня явилась очевидная необходимость в таком лице, которое имело бы доступ в разнородные органы местной печати. Необходимость эта выступала тем более, что Заграничная агентура, по самой своей сущности, не может пользоваться теми способами действий, которые без всяких затруднений практикуют в России. Г. Гансен отвечал всем нужным требованиям, и я счел его услуги необходимыми для осуществления тех агентурных целей, которые, по местным условиям, являлись достижимыми только с помощью печати.

Таким образом, не доводя до сведения Вашего превосходительства о щекотливом денежном вопросе, я в течение двух лет платил г. Гансену, сокращая свои личные потребности и даже войдя в долги, ежемесячно от 300 до 400 франков. Затем ход борьбы с Тихомировым

создал необходимость в брошюре, где под видом исповеди нигилиста разоблачались бы кружковые тайны и темные стороны эмигрантской жизни, тщательно скрывавшиеся от посторонних. Г. Гансен, выправив французский стиль брошюры, отыскал для издания фирму, а самое напечатание брошюры обошлось мне в 200 франков. Наконец, на отпечатание двух протестов против Тихомирова мною дано было из личных средств 300 франков, а на брошюру Тихомирова „Почему я перестал быть революционером" доставлено было моим сотрудником Л. и вручено Тихомирову тоже 300 франков. Все же остальные расходы происходили в пределах отпускаемых мне агентурных средств. Взявши на себя смелость доложить обо всем этом, я имел в виду единственно исполнить приказание Вашего превосходительства и никогда не дерзнул бы самостоятельно выступить с исчислением расходов, понесенных мною лично и без предварительного разрешения, по конспирациям с Тихомировым и его кружком. Примите, Ваше превосходительство, уверения в моем глубоком почтении и беспредельной преданности, Вашего превосходительства покорнейший слуга П. Рачковский».

Дурново согласился с доводами Рачковского и представил товарищу министра внутренних дел Оржевскому доклад, в котором, излагая заслуги Рачковского, просил выдать тому 9200 франков в качестве возмещения понесенных им расходов, но товарищ министра оказался более скупым и менее благосклонным и разрешил выдать лишь 7000 франков. Рачковский немедленно воспользовался этим и обратился в Департамент полиции с новым ходатайством о выдаче соответственных пособий его доблестным помощникам, которые, по его словам, «при различных фазисах борьбы с тихомировскими организациями, особенно внутренние агенты, руководимые сознанием долга, выказали так много энергии, терпения и выдержки». В ответ на это ходатайство Дурново прислал Рачковскому телеграмму от 16 декабря 1888 года: «Можете представить списки денежных и почетных наград, обозначив время получения последних».

ПАРТИОТЫ ДВУХ СТРАН

Установление Рачковским контактов с правительством Франции. — Французский журналист за союз с Россией. — Два патриота двух стран. — «Англо-русский синдикат». — С. Витте о коммерческой деятельности Рачковского и компании. — Протекционные комиссионные и другие источники благосостояния Рачковского. — «Ничего, кроме протертых штанов». — С. Витте о талантах и влиянии Рачковского. — Рачковский во главе царских телохранителей.

Рачковский устанавливает личные контакты с министром внутренних дел Французской Республики Констаном, затем с Э.-Ф. Лубэ — премьер-министром, а в дальнейшем и президентом Французской Республики. Считается, что в ходе этих встреч Рачковский дал согласие помочь в организации новых французских предприятий в России в обмен на часть их акций. Действительно в его переписке то и дело встречаются ссылки на различного рода проекты по организации совместных предприятий и привлечению иностранных капиталов в Россию. Известно также и о непосредственных контактах Рачковского с крупнейшими представителями европейского делового мира: бельгийцем Перло, греком Мицакисом, французом Ребюфеном.

В России и Франции было много сторонников установления более тесных отношений между двумя странами вплоть до создания союза. Корреспондент националистского «Gaulois» Луи Тест, бывший в России на коронации Александра III в 1883 году, больше всего был занят вопросом о возможности русско-французского союза. И если горячие речи и тосты в честь Франции на банкете, устроенном русскими журналистами своим

иностранным коллегам, оставили его, судя по статье, довольно холодным, то больше потому, что он хорошо осознавал все ничтожество русской прессы как политической силы. Он больше надеялся на русское правительство, чем на русское общественное мнение, а боялся более всего, как бы Россия не попала в руки «нигилистов». Это опасливое внимание к таинственной силе, одинаково враждебной как буржуазии, так и самодержавию, отнюдь не было личной особенностью французского журналиста. Именно «нигилистам», не без «помощи» русской полиции и ее заграничных филиалов, суждено было стать сначала яблоком раздора, а потом, в известном смысле, залогом согласия двух правительств.

Вкладывая свои капиталы в Россию, инвесторы требовали гарантий со стороны Министерства финансов и внутренних дел, в тесной связи с которыми протекала деятельность Рачковского в Париже Пройти сквозь «министерское сито» удавалось далеко не всем. Рачковский пользовался своей близостью к этим министерствам, чтобы подзаработать на «проталкивании» инвестиционных проектов. Для этих дел у Рачковского в Петербурге нашелся расторопный помощник М. М Лященко — по воспоминаниям Витте, «полулитератор, полуагент тайной полиции, который кончил свою карьеру в сумасшедшем доме».

В 1886 году с подачи Рачковского Лященко — «бойкий публицист, ухитрявшийся быть патриотом двух стран одновременно, и России, и Франции», — по замечанию историка М. Н. Покровского, уже прославлял финансовое могущество Франции на страницах «Московских Ведомостей» А чуть позже президент Французской Республики, отпуская с одним интимным поручением в Россию другого «патриота двух отечеств» — друга Рачковского журналиста Гансена, — в числе прочих аргументов желательности русско-французского сближения приводил и выгоды от той поддержки, какую могут оказать России французские капиталы. В то же самое время один мелкий банкирский дом Парижа, делавший свою карьеру на «добром согласии» самодержавной монархии и демократической республики, стал публиковать оплаченные Заграничной агентурой Рачковского особенно

подробные и тщательные отчеты о положении русских финансов. Из этих отчетов, предназначенных для французской публики, вытекало, разумеется, что в России все обстоит более чем благополучно.

Поскольку зверь бежал на ловца, Рачковский и Лященко предприняли авантюрную попытку создать также и «Англо-русский синдикат», который еще до своего появления на свет уже претендовал на строительство и последующую эксплуатацию железной дороги Петербург—Вятка и круговой железной дороги вокруг Петербурга. В свой проект они сумели вовлечь талантливого инженера Балинского и самого министра внутренних дел И. Л. Горемыкина. Несмотря на заинтересованность в этом проекте Горемыкина, активное противодействие ему со стороны министра финансов С. Ю. Витте развалило все дело. Сам Витте, давая яркие характеристики участникам этой истории, подробно ее описывает:

«Они все вместе поехали в Англию; путешествовали по Англии и входили там в какие-то соглашения с различными промышленными фирмами, между прочим, и в соглашение, касающееся сооружения на эстакадах круговой железной дороги вокруг Петербурга

В то время агентом Министерства финансов в Париже был известный Татищев. Вот этот Татищев мне как министру финансов рапортовал, что вот, мол, поехал Горемыкин с такой своей свитой, совершал путешествие по Англии и входил в такие-то соглашения, весьма неприличные, с промышленными фирмами, что он, Татищев, не смеет думать, что об этом знает сам Горемыкин, но несомненный факт (чему он представил доказательства), что вся его свита брала от этих промышленников различные промессы. Но из описания этого дела Татищевым было ясно, что если сам И. Л. Горемыкин во всех этих промессах и не участвовал, то, во всяком случае, ему о них было, безусловно, известно. Нужно сказать, что Горемыкин относился весьма симпатично к Рачковскому, как к своему агенту в Париже, и между ними были самые лучшие отношения. Так что когда впоследствии Горемыкин сделался председателем Совета министров, то он сейчас же снова приблизил к себе Рачковского; Рачковский даже поселился у председателя Совета министров, в доме Министерства внутренних дел на

Фонтанке. Это донесение Татищева я положил в архив Министерства финансов.

Когда Горемыкин совершал свое путешествие по Европе, последовало его увольнение и назначение вместо него Сипягина. После вступления в Министерство внутренних дел Сипягина, по-видимому, Горемыкин со своими сотрудниками по путешествию за границей вели против меня какие-то интриги, так как как-то Сипягин обратился ко мне с вопросом, знаю ли я М. М. Лященко. Я ему ответил, что знаю и знаю, что этот господин таков, что от него нужно держаться подальше, потому что это величайший негодяй. Он говорит сейчас одно и сейчас же отказывается от сказанного, делает одно и потом божится, что он никогда этого не делал Впрочем, я должен отметить, что потом, когда он в скором времени стал сумасшедшим, я отчасти мог объяснить себе поведение этого господина Я, между прочим, рассказал Сипягину всю историю путешествия Горемыкина с гг. Балинским, М. М. Лященко и Рачковским.

Тогда Сипягин просил меня дать ему на некоторое время то донесение, которое я получил по поводу поездки Горемыкина в Англию. Я дал Сипягину это донесение. Затем как-то он меня спросил нужно ли мне это донесение и можно ли его задержать на несколько недель? Я ответил, что мне это донесение не нужно, что оно находится в архиве Министерства финансов и я им ни в каком отношении не пользовался

Через несколько дней после этого события Сипягин был убит Балмашевым. Тогда у меня явилась мысль, между прочим, о том, чтобы получить обратно этот документ. Документы, оставшиеся после смерти Сипягина, были разобраны особой комиссией, во главе которой стоял, кажется, князь Святополк-Мирский, товарищ Сипягина, или Дурново, также один из товарищей Сипягина. Я обратился к этим лицам с вопросом, не нашли ли они там такого документа? Они мне сказали, что нашли этот документ, но, не зная, откуда он появился у Сипягина, передали его директору Департамента полиции Зволянскому. Но затем документ этот я от Зволянского получить не мог под тем предлогом, что документ этот был уничтожен. Между тем должен сказать, что Зволянский был интимный друг Горемыкина, потому что оба они, и Горемыкин и Зволянский, были ярые поклонники жены генерала Петрова, который одно время был директором Департамента полиции и начальником жандармов. По причинам труднообъяснимым они на этом поприще не только не рассорились, но близость к госпоже Петровой совершенно их между собой связала.

Я впоследствии очень жалел о том, что документ этот пропал, ибо если бы он находился в моем распоряжении, то, конечно, я бы положил предел всем тем интригам, которые делал Горемыкин».

За свои «протекционные хлопоты» Рачковский и его коллеги Ландезен, Гольшан, Лященко брали от западных инвесторов «комиссионные», однако и без них Рачковский получал хорошее жалованье — до 12 тысяч рублей в год — и имел в своем распоряжении крупные суммы на секретные расходы, доходившие в последние годы его пребывания во Франции до 90 тысяч рублей ежегодно. Этого было вполне достаточно, чтобы вести жизнь вполне обеспеченного и ни в чем не нуждающегося человека. Существует, впрочем, еще одна версия относительно состояния, которое якобы сделал Рачковский в Париже, — удачная игра на бирже. Доказать или опровергнуть ее не представляется возможным. Другое дело, хорошо оплачиваемая — 10 тысяч рублей в год — должность советника-консультанта по юридическим и административным вопросам в «Анонимном обществе железоделательного и сталепрокатного завода „Гута Банкова“», занятая им после первой отставки, что вполне могло рассматриваться как благодарность за оказанные им ранее услуги. Интересы П. И. Рачковского не остались в стороне и от предварительной подготовки важного для России займа 1906 года, чему в немалой степени способствовали его тесные связи с Делькассе и бывшим министром финансов, а позже — с премьер-министром Французской Республики Рувье.

Рачковский, этот «корыстолюбивый рыцарь провокации», по определению Л. А. Тихомирова, с присущим ему цинизмом писал своему подручному по финансовым махинациям Лященко: «Тебе известно, что я принадлежу к разряду людей, не имеющих ни акций, ни облигаций; ничего, кроме протертых штанов, у меня не имеется».

Правда, как видно из формулярного списка 1883 года, кроме «протертых штанов», у Рачковского все же имелось неизвестно как ему доставшееся родовое имение Марьяновка в 320 десятин в Переяславском уезде Полтавской губернии, а отсутствие сведений о нем в формулярных списках Рачковского более позднего времени показывает, что, скорее всего, это имение было продано.

Несмотря на уверенность Витте в том, что «Рачковский и компания» вели против него «какие-то интриги», он очень высоко оценивал этого «заведующего тайной полицией в Париже», и Рачковский занял почетное место в воспоминаниях бывшего председателя Совета министров:

«Когда мы сблизились с Францией и император Александр III вошел в соглашение с Французской Республикой, то параллельно с этим фактом значительно увеличилась и роль Рачковского в Париже. Во-первых, потому, что французы начали относиться совсем иначе к тем нашим революционерам, которые производили террористические акты в России и находили себе приют во Франции. Во-вторых, потому, что Рачковский, несомненно, был чрезвычайно умный человек и умел организовать дело полицейского надзора. Несомненно, как полицейский агент Рачковский был одним из самых умных и талантливых полицейских, с которыми мне приходилось встречаться. После него все эти Герасимовы, Комиссаровы, не говоря уже о таких негодяях, как Азеф и Гартинг, — все это мелочь и мелочь не только по таланту, но и мелочь в смысле порядочности, ибо Рачковский во всяком случае гораздо порядочнее, чем все эти господа.

Значению Рачковского содействовало и то, что он был в Париже при послах Моренгейме и затем Урусове, людях совершенно бесцветных и не могущих иметь никакого значения, так что Рачковский во многих случаях вследствие своих дарований мог оказывать большее внимание в сближении с Францией, нежели послы. Влияние это он оказывал или непосредственно через министра внутренних дел и дворцовых комендантов, или же при посредстве самих же этих послов.

Насколько Рачковский имел значение, можно видеть из того, что, как я помню, президент Французской Республики Лубэ говорил мне, что он так доверяет полицейскому таланту и таланту организации Рачковского, что когда ему пришлось ехать в Лион, где, как ему заранее угрожали, на него будет сделано нападение, то он доверил охрану своей личности Рачковскому и его агентам, веря больше полицейским способностям Рачковского, нежели поставленной около президента французской охране».

На пятом году службы, в 1890 году, Рачковский завоевал также и полное доверие российского императора и получил почти неограниченные полномочия по вопросам безопасности, решаемым Заграничной агентурой в Европе. В частности, ежегодно Рачковский возглавлял отряд царских телохранителей, когда император России гостил во Фреденборге, во дворце своей тещи, королевы Дании.

«ПРАВИТЕЛЬСТВА С НИМ СЧИТАЮТСЯ...»

Роль Рачковского в заключении российско-французского военного союза. — Подручный Рачковского журналист Ж. Гансен. — Создание отделений Заграничной агентуры в различных странах Европы. — Зарубежные награды Рачковского. — Известные эмигранты-революционеры под наблюдением Заграничной агентуры. — «Дело бомбистов». — Роль «сотрудника Л.» в провокации с динамитной мастерской. — «Доброе согласие» на основе провокации. — Хлопоты русского посланника Моренгейма. — Суд над бомбистами. — Правительственные награды Рачковскому за провокацию.

Своими провокациями, осуществляемыми зачастую с помощью «сотрудника Л.» — агента Ландезена, Рачковский, в конце концов, не только возвысил свой авторитет в Министерстве внутренних дел и избавился от многих беспокоивших его парижских эмигрантов, но и сумел завязать солидные связи в политических кругах Парижа. К этому времени, в частности, относится его знакомство, перешедшее позже в дружбу, с французским президентом Лубэ, который в своем президентском дворце предоставил Рачковскому особую комнату, где шеф заграничного политического сыска останавливался запросто, когда приезжал в Париж. Разумеется, французские министры и президент недаром завязали дружбу с руководителем русских сыщиков и провокаторов в Париже: она была нужна для того, чтобы повлиять на Александра III в сторону увеличения благожелательности к Франции. Суровый приговор французского суда 1890 года над русскими «террористами» смягчил сердце Александра III по отношению к Французской Республике, что выразилось в ускоренном заключении военного союза с Францией.

Для характеристики личности Рачковского и объяснения его дальнейшей судьбы небезынтересно отметить и другую сторону его деятельности в Париже. Как человек честолюбивый и склонный к авантюрам, он пытался построить на полицейской деятельности политическую карьеру. Будучи в курсе ведущихся переговоров о франко-русском союзе, Рачковский решил использовать эти переговоры в своих карьерных целях. Помощь в этом деле, в частности, оказал все тот же Жюль Гансен, который был постоянным сотрудником многих парижских газет и играл значительную роль в политических и журналистских кругах Парижа. Гансен состоял также корреспондентом петроградских «Новостей» Нотовича. Весьма вероятно, что в «Новости» его устроил Рачковский, который тоже в начале своей карьеры посылал корреспонденции Нотовичу из Архангельска. Гансен был очень близок с русским послом в Париже бароном Моренгеймом, с которым познакомился еще в Копенгагене, где ранее Моренгейм был посланником. Эти сведения проливают свет на некоторые моменты зарождения франко-русского союза. Гансен и Рачковский играли значительную закулисную роль в его заключении. В начале века Гансен даже выпустил книгу о первых шагах творцов этого альянса. В сентябре 1891 года Гансен прибыл к русскому двору с секретным письмом от премьер-министра Франции, в котором предлагалось заключить военный союз между Францией и Россией. Рачковский в этот момент был подле императора, готовый на любые услуги.

С. Ю. Витте особо отмечал роль Рачковского при заключении военного союза между Францией и Россией и утверждал, что Рачковский сыграл более значительную роль в создании Антанты, чем все русские дипломаты, вместе взятые. Возможно, Витте был пристрастен — после создания Антанты французские банки с готовностью предоставили займы России, но, так или иначе, он был благодарен именно Рачковскому за его активную деятельность по созданию франко-русского союза.

При Рачковском Заграничная агентура превратилась из заурядного «охранного отделения», занятого слежкой за проживавшими в Европе эмигрантами, в учреждение,

игравшее в европейской политике роль проводника русских национальных интересов. В 1896 году по его инициативе была организована уже самостоятельная русская агентура в Австрийской Галиции, которую возглавил М. И. Гурович, а затем и в Берлине во главе с М. А. Гартингом (Ландезеном). Благодаря своим связям в Германии, Франции, Италии, Австрии Рачковский незаметно становится «центральным лицом» в заграничной политике. «Правительства с ним считаются. К нему обращаются не только с ходатайствами о награждениях, но и по важным вопросам международной политики, одной из главных русских пружин которой он является. В известных случаях он ее и направляет из-за кулис», — отмечал один из чинов Департамента полиции. Рачковского, действительно, хорошо знали и ценили в политических кругах Европы. Французское правительство наградило его орденом Почетного легиона. Среди других иностранных наград Рачковского были германский королевский прусский орден Короны III степени (1899), командорский крест II класса шведского ордена Вазы (1892), датский командорский крест ордена Данеборга.

Полицейское начальство в Петербурге также недаром любило и награждало Рачковского: он проявлял поистине изумительную энергию и своеобразный талант в организации заграничного политического сыска. По мере развития революционного движения и колоссального роста заграничной эмиграции развивалась и деятельность Рачковского, росла его мощь: все революционные и заграничные группы, все выдающиеся эмигранты — Плеханов, Кашинцев, Лурье, Алисов, Кропоткин, Лопатин, Лавров, Сущинский, Бурцев и другие — были окутаны паутиной как внутреннего, так и внешнего наблюдения.

Разгром народовольческой типографии в Женеве положил начало полицейской карьере Рачковского, победа над Тихомировым создала незыблемое служебное положение ловкому организатору борьбы с революционерами, но только знаменитое дело с мастерской бомб в Париже открыло Рачковскому пути к несомненному, хотя и закулисному, влиянию на внешнюю политику Российской империи.

Рачковским было инспирировано одно из наиболее громких дел русской заграничной охранки 1880—1890

годов, известное как «дело бомбистов», или «дело динамитной мастерской». Это была тщательно спланированная им в 1889 году операция по созданию в Париже из числа русских эмигрантов террористической группы, целью которой являлась подготовка покушения на Александра III. Все задуманное осуществлялось под строгим контролем охранки. Центральная роль принадлежала агенту Рачковского «сотруднику Л.», бывшему студенту Санкт-Петербургского университета Абраму Геккельману (тогда известному как Ландезен, затем — Гартинг). Получив задание сформировать террористическую группу, он сумел вовлечь в нее радикально настроенных эмигрантов: князя Накашидзе, Е. Д. Степанова, П. Н. Кашинцева (он же — Ананьев), А. Л. Теплова и Б. Рейнштейна. С помощью двух пиротехников-французов, один из которых — Бинт — был агентом французской тайной полиции, другой — А. Виктор — революционным французским радикалом, в предместье Парижа было налажено производство бомб. Весь ход операции контролировался Рачковским и его агентами. Внимательно следили за ней и в Петербурге. О готовящемся покушении было сразу же доложено Александру III.

М. Н. Покровский в книге «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» теснейшим образом связывает всю эту операцию с развитием дипломатических отношений России и Франции и заключением в итоге союза двух стран. Весной 1890 года русский министр внутренних дел довел до сведения французского правительства, что в Париже, по полученной им информации, готовится заговор. Сведения были, безусловно, точны, и русские агенты во Франции скоро указали местной полиции тех лиц, которые принадлежали к террористической группе. Парижская полиция тут же начала усиленно, но осторожно следить за «нигилистами», поддерживая при этом тесную связь с «главой террористической организации», провокатором Ландезеном. Была ли эта подробность неизвестна русскому посланнику в Париже, барону Моренгейму, или он очень торопился закрепить русско-французское «доброе согласие» еще прочнее, чем это могли сделать займы, но только он потребовал от французского министра внутренних дел, известного своей энергией Констана, немедленного ареста нигилистов. Но французской

полиции — вернее всего, через Ландезена — известно было, по-видимому, что заговор еще весьма далек от полной зрелости, а декорум, который и в этом деле хотело сохранить республиканское правительство, требовал, чтобы виновные были захвачены непременно с поличным, с их «адскими машинами». Пока Ландезен не доставил куда следует эти «машины», все дело могло быть провалено из-за чрезмерной торопливости. Констан даже явно бравировал положением, собравшись уехать из Парижа вместе с президентом Карно и запретив своим агентам приступать к аресту до его возвращения.

Моренгейм, крайне встревоженный этой непонятной для него небрежностью, обратился с новыми настояниями уже к премьеру Рувье и министру иностранных дел и, заручившись их согласием, поспешил повидать Констана уже на Лионском вокзале, где тот дожидался Карно. Главный начальник французской полиции еще раз успокоил русского дипломата и весьма ловко использовал его необычный визит для новой франко-русской демонстрации: как раз в эту минуту президент республики прибыл на вокзал, и Моренгейм, конечно, должен был вместе с Констаном его приветствовать. Карно был очень польщен, а газеты на другой день отметили этот факт, обставив его соответствующими комментариями. Невольный виновник торжества в эту минуту был у крайнего предела отчаяния: ему только что донесли, что главный из русских нигилистов не сегодня-завтра уезжает в Россию. За Констаном послали чиновника в провинцию, чтобы добыть от него необходимый приказ. Но министр внутренних дел выдержал характер до конца и арестовал «нигилистов» только после своего возвращения в Париж.

Тем временем при проведении испытания «метательных снарядов» смертельное ранение получил один из членов группы — Анри Виктор. Однако буквально за час до смерти он успел дать сенсационное интервью, в котором прямо заявил, что готовил «вместе с русскими братьями покушение на Александра III, надеясь таким образом помочь им избавить свою родину от тирана». Большего подарка для Рачковского придумать было трудно. Немедленно были откомандированы все пишущие на «пользу России» французские перья. Благодаря

Ж. Гансену интервью Анри Виктора стало сенсацией французской прессы. Через некоторое время, 29 мая 1890 года, «бомбисты» Кашинцев, Степанов, Теплов и другие были арестованы. Провокатор же — Геккельман-Ландезен — сумел скрыться.

Без сомнения, Констан руководствовался правильным представлением о деле, отказываясь торопиться. Хотя заговорщиков судили и без присяжных, обвинив их не в заговоре, а только в хранении взрывчатых веществ с преступными целями, все же не обошлось без оправдательных приговоров: улики были еще не все налицо. Но русское правительство было довольно и этим: как-никак, а это была первая услуга на том поприще, где услуги всего более ценились. Моренгейм официально благодарил французское правительство, и один очень хорошо осведомленный в закулисной стороне дела свидетель — Гансен — заявлял в печати, что с этой минуты окончательно без тени сомнения признана возможной прочная дружба России с Францией. А день 29 мая 1890 года — день ареста русских «нигилистов» — сделался одной из самых знаменательных дат в истории русско-французского союза.

Состоявшийся летом 1890 года суд приговорил всех арестованных по «делу бомбистов» к трем годам тюрьмы. Ландезена осудили заочно, что не помешало ему впоследствии объявиться, правда уже под новым именем — Аркадий Гартинг, в качестве заведующего русской агентурой в Берлине.

Что касается Рачковского, то 1 января 1890 года по докладу министра внутренних дел он был пожалован орденом Станислава II степени. 30 августа 1890 года приказом по министерству Рачковский был произведен в титулярные советники и пожалован орденом Владимира IV степени. Его влияние также росло среди французских политических и общественных кругов. Орден Почетного легиона, полученный им от французского правительства еще в 1887 году, в этом смысле показателен. Несмотря на то что Рачковский официально занимал скромную должность советника при русском посольстве в Париже, «французские друзья» хорошо представляли его подлинную роль в налаживании русско-французского диалога.

ЛЮБИТЕЛЬ АГЕНТУРНОГО ДЕЛА

Инспекция Н. Селивестрова. — Убийство Селивестрова. — Влияние приговора над бомбистами на союз России с Францией. — Боязнь недоброжелателей. — Жалоба полковника Новицкого. — Секретная инспекция И. Манасевича-Мануйлова. — Агент Рачковского в Петербурге. — Досье Мануйлова. — Л. Ратаев о Мануйлове. — Жалобы Рачковского на Мануйлова. — Характеристика Мануйлова Рачковским.

Сверхактивная и весьма разнообразная деятельность главы заграничной агентуры не могла не настораживать недоброжелателей Рачковского в Петербурге. В 1890 году была предпринята попытка проверить его связи с французскими политическими и финансовыми кругами. По заданию В. К. Плеве в Париж направился товарищ шефа жандармов генерал-лейтенант Н. Д. Селивестров. Однако в Петербург Селивестров уже не вернулся, став жертвой террористического акта. Его убийца — польский эмигрант С. Падлевский — бесследно исчез. По одним слухам, он покончил с собой, по другим — утонул. Тогда же ушел из жизни при загадочных обстоятельствах и французский агент Рачковского, выдавший Плеве компромат на своего шефа. Поскольку целью парижской командировки Селивестрова была ревизия заграничной агентуры, руководимой Рачковским, то организацию покушения молва приписывала именно ему. Современники Рачковского знали, что он никогда не утруждал себя в выборе средств и на его счету числились многие сомнительные дела. Расследование убийства Селивестрова ничем конкретным, однако, не закончилось, и карьере Рачковского этот случай не повредил. Напротив, достаточно суровый по французским меркам приговор над русскими «бомбистами» «размягчил сердце» Александра III по отношению к Французской Республике; он стал гораздо благосклоннее относиться к идее союза с Францией, и переговоры ускорились, словно покатились с горки, а дела Рачковского стали стремительно подниматься в гору.

«Можно утверждать, — писал В. К. Агафонов в книге „Заграничная охранка“, — что в заключении франко-русского союза Рачковский играл большую роль, доселе еще недостаточно выясненную. Знаменитое дело с организацией мастерской бомб в Париже, спровоцированное Ландезеном, — дело, в котором французское правительство проявило по отношению к русскому самодержавию необычайную предупредительность и угодливость, ускорило заключение франко-русского союза».

Однако когда в 1894 году на престол вступил Николай II, Рачковский стал с опаской следить за деятельностью своих завистников и врагов, которых у него было немало, в том числе и самых влиятельных, и которые могли воспользоваться сменой власти, чтобы выступить против Рачковского. Недоброжелателям в Петербурге, в частности, нетрудно было обвинить Рачковского в неоправданных тратах, особенно в период затишья в террористическом движении. Кроме того, большие сомнения вызывали его секретные полномочия, этика его поступков и роскошный образ жизни. Рачковский тем не менее отлично понимал, что многие чиновники готовы закрыть глаза на его проступки, принимая во внимание жестокость акций революционеров, тоже не особенно щепетильных в вопросах морали.

Еще в 1886 году начальник жандармерии Киева жаловался на Рачковского в Петербург, говоря, что перед отъездом в Париж он организовал провокацию в столице Юго-Западного края. Полковник Новицкий писал следующее: «Г-н Рачковский загубил массу молодежи и рабочих сил своей провокаторской деятельностью». Новицкий считал, что эти молодые люди никак не причастны к революционной деятельности. По его мнению, своими провокационными действиями Рачковский ставил правительство в ложное положение. Новицкий утверждал, что Рачковский поставил его в неловкое служебное положение, заставив незаконно арестовать более

тридцати человек. Хитроумные интриги Заграничной агентуры, считал Новицкий, направлены на то, чтобы ослабить царскую власть. И такого рода обвинения будут предъявлены Рачковскому еще не раз.

Тревожные мысли о шаткости своего положения занимали Рачковского, когда в январе 1895 года в Париж прибыл Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей», присланный Министерством внутренних дел. Этот журналист должен был якобы оказать влияние на французскую прессу, однако Рачковский не без основания подозревал, что он был подослан «собрать в Париже сведения о моей личной жизни, денежных средствах, отпускаемых мне на ведение дела за границей, о наличном составе агентуры и об отношениях, существующих у меня не только с префектурой, но и с императорским посольством в Париже».

Убедившись, что некоторые «паразиты из охранки» используют Мануйлова против него, Рачковский послал в Россию своего человека, вероятно «сотрудника Л.» — Ландезена, который был в фаворе у начальства Департамента полиции и которому было поручено всеми возможными средствами дискредитировать «инспектора». «Свой человек», выполняя инструкции Рачковского, в главной полицейской конторе в доме № 16 на набережной реки Фонтанки характеризовал Мануйлова прилюдно такими словами: „Юркий жид, человек с удивительно покладистой совестью и полной готовностью сделать все из-за хорошего куша". Агент Рачковского, защищавший в Петербурге реноме своего шефа, называл покровителей Мануйлова паразитами, что было по меньшей мере неосторожно. Вполне вероятно, что среди так называемых «паразитов» был князь В. П. Мещерский, издатель «Гражданина» и влиятельная фигура при дворе. С. Ю. Витте язвительно называл Мещерского «духовным отцом» Манасевича. Возможно, что козни Рачковскому строил по наущению Плеве его заместитель, товарищ министра внутренних дел, ведавший в то время Департаментом полиции. Трудно сказать, до какой степени Рачковский понимал опасность своего положения, но факты говорят о том, что его деятельность далеко не у всех вызывала одобрение. Думается, на роль контролера

в «империю Рачковского» Мануйлова определили не случайно. Как видно из архивных материалов, они друг друга стоили.

Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, лютеранского вероисповедания, окончил курс в реальном училище Гуревича и состоял на службе по Императорскому Человеколюбивому обществу. Историю жизни Мануйлова в Департаменте полиции знали в подробностях: «Еврейского происхождения, сын купца, Мануйлов, еще учеником училища, обратил на себя внимание известных в Петербурге директора Департамента духовных дел А. Д. Мосолова и редактора газеты „Гражданин" князя Мещерского, взявших под свое покровительство красивого мальчика. Юношу Мануйлова осыпали деньгами, подарками, возили по шантанам и другим вертепам, и под влиянием покровителей у него развилась пагубная страсть к роскоши, швырянию деньгами, картам, кутежам и тому подобному. Приняв православие, он при содействии князя Мещерского и Мосолова поступает на государственную службу».

Тот факт, что инспекционная миссия Мануйлова в Париж была секретной, подтверждает письмо крупного полицейского чиновника Л. А Ратаева директору Департамента полиции Н. И. Петрову от 3 мая 1895 года. Ратаев, между прочим, в то же самое время инспектировал Рачковского официально.

«Во время моего пребывания в Париже мне случилось познакомиться, через посредство П. И. Рачковского, с неким Иваном Федоровичем Мануйловым, прибывшим во Францию в качестве сотрудника или секретаря газеты „Новости", будто бы для ознакомления с настроением французского общества по поводу предстоящего участия Франции в Кильских празднествах и совместного с Германией действия против ратификации японско-китайского мирного договора. В качестве русского журналиста Мануйлов пользуется протекцией известного вашему превосходительству Гансена и, благодаря ему, знаком со многими влиятельными французскими журналистами, каковы Judet, Lucien, Millevoye и другие.

Между тем Мануйлов в последнюю свою поездку в Париж познакомился в кафешантане Casino с одним из агентов парижской префектуры, специально занимающимся русскими делами, и за стаканом вина объяснил

ему, что он, Мануйлов, состоит при Министерстве внутренних дел и командирован за границу для контроля деятельности парижской агентуры, которою будто бы в Петербурге недовольны, и в заключение предложил агенту за вознаграждение содействовать ему в исполнении возложенного на него поручения. Для доказательства же, что он действительно лицо официальное, Мануйлов рассказал агенту, что в прошлом году прямой начальник г. Рачковского, полковник Секеринский, был в Париже, где останавливался в доме 133, Boulevard Magenta, но г. Рачковский оставался об этом в полном неведении и узнал лишь четыре дня спустя после отъезда полковника из Парижа. Два года тому назад полковник Секеринский поручил Рачковскому купить какую-то революционную брошюру, которую тот до сего времени не был в состоянии добыть; между тем Мануйлов нынче, проездом через Берлин, разыскал эту брошюру и купил ее за триста марок. Далее, говоря о Рачковском, Мануйлов заявил, что он его хорошо знает. Рачковский, по его словам, еврейского происхождения, был когда-то маленьким писцом в судебной палате, затем перешел в полицию, где и составил себе положение, которое сохраняет лишь благодаря протекции барона Моренгейма; если же последний уйдет, а в особенности если его заменит г. Нелидов, то Рачковскому придется подать в отставку. В прежние годы Рачковский ходил будто бы без сапог и жил мелким репортерством в „Новостях". Помощником Рачковского состоит в настоящее время поляк Милевский — человек, не заслуживающий никакого доверия, и к тому же картежник.

На предложение сотрудничества агент отказался; тогда Мануйлов предложил ему подыскать для своих целей верного человека, обещая дать за это 200 франков, добавив, что вообще он за деньгами не стоит. Вслед за тем Мануйлов подробно допрашивал агента об организации агентуры в Париже, о количестве агентов, о местах собраний русских революционеров, помещении их библиотек, где можно приобрести разные революционные брошюры, и т.п.

Узнав о происках Мануйлова, чиновник особых поручений Рачковский счел за лучшее пригласить Мануйлова к себе и, сообщив ему все вышеизложенные сведе-

ния, предложил ему дать прямой ответ: насколько они справедливы? Мануйлов был очень сконфужен, сознался во всем (разумеется, кроме оскорбительных отзывов о личности Рачковского и его прошлом), расплакался и объяснил следующее.

Лет семь тому назад у правителя канцелярии генерал-адъютанта Черевина, камергера Федосеева, он познакомился с полковником Секеринским, с которым вошел в сношения и оказывал разные услуги, за которые получал единовременные вознаграждения. Так, например, все последние сведения о литературных кружках исходили будто бы от него. Полковник Секеринский будто бы неоднократно высказывал Мануйлову, что его чрезвычайно интересует организация агентуры за границей, вследствие чего Мануйлов, пользуясь своим пребыванием в Париже, хотел ознакомиться с устройством для сообщения добытых сведений полковнику и для получения от него вознаграждения. При этом он клялся и заверял честным словом, что действовал на свой страх, не имея ни полномочия, ни даже какого-либо словесного поручения от начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. В заключение Мануйлов заявил, что он очень любит агентурное дело, интересуется им и был бы счастлив служить своими связями в литературном мире, где он пользуется будто бы известным положением. Петр Иванович сказал ему, что его желание будет принято к сведению и чтобы он по приезде в Петербург явился ко мне в Департамент, где я его познакомлю с г. вице-директором и Георгием Константиновичем Семякиным. При этом Петр Иванович выразил мне, что Мануйлов — человек, несомненно, способный и что при опытном руководстве из него может выработаться полезный агент.

Докладывая об изложенном вашему превосходительству и считая в данном случае мнение П. И. Рачковского неизмеримо компетентнее моего, я тем не менее обязываюсь добавить, что Мануйлов, на мой взгляд, представляется лицом, заслуживающим лишь весьма относительного доверия.

О названном Мануйлове и делах Департамента сведений не оказалось».

Итак, Ратаев полагает, что выступление Мануйлова против шефа заграничной агентуры было предпринято

Мануйловым по его собственной инициативе. Но, скорее всего, желая сделать приятное своему покровителю, полицейскому полковнику Секеринскому, Мануйлов все же действовал по его негласному поручению, очевидно, выясняя в Париже то, что не смог выяснить сам полковник во время своей инспекции. Свидетельство тому — заявление самого Петра Ивановича Рачковского, которое он сделал через полгода после своего личного знакомства с Мануйловым. Вот что написал Рачковский директору Департамента полиции 1 октября 1895 года, не забывая при этом воздать должное самому себе:

«Преодолевая в себе естественное чувство брезгливости, я вынужден представить на благоусмотрение вашего превосходительства три документа, доставленные мне из парижской префектуры за то время, когда я употреблял все мои наличные силы, чтобы бороться с нашим революционным движением, поскольку оно выражается за границей.

В пояснение к представляемым документам осмеливаюсь присовокупить нижеследующее.

В апреле месяце текущего года приезжал в Париж некий Мануйлов, секретарь газеты „Новости“, который вступил в знакомство со мною и с известным вашему превосходительству советником посольства французского Министерства иностранных дел г. Гансеном.

Затем, несколько дней спустя после его приезда, из Парижской префектуры мне была сообщена копия с донесения одного из префектурных агентов, который познакомился с Мануйловым при обстоятельствах, изложенных в означенном донесении.

Из содержания этого документа ваше превосходительство изволите усмотреть, что агент Петербургского охранного отделения Мануйлов, выдавая себя за чиновника Министерства внутренних дел, действующего по инструкциям полковника Секеринского, имел целью собрать в Париже сведения о моей личной жизни, денежных средствах, отпускаемых мне на ведение дела за границей, о наличном составе агентуры и об отношениях, существующих у меня не только с префектурой, но и с императорским посольством в Париже.

Не желая беспокоить ваше превосходительство по поводу необычайной выходки полковника Секеринского, который вдохновил своего агента Мануйлова на бессмысленную поездку в Париж, я ограничился тем, что пригласил к себе упомянутого агента и, потребовавши от него отчета в его предосудительном поведении, предложил ему немедленно же оставить Париж, откуда он действительно и поспешил уехать.

Считая означенный странный эпизод совершенно оконченным, я полагал, что для полковника Секеринского достаточно будет данного мною урока.

Между тем на днях из парижской префектуры мне были доставлены для представляемых при сем в точной копии письма, писанные тем же Мануйловым, из которых усматривается, что полковник Секеринский продолжает вести против меня интриги, уполномочивая еврея Бориса Наделя, служащего комиссионером в гостинице Grand Hotel, сообщать обо мне сведения.

Изложенные обстоятельства разрослись до таких размеров, что я получил даже предостережения от здешнего Министерства внутренних дел относительно происков, возникших против меня в Петербурге со стороны лиц, выше будто бы меня поставленных.

Не могу скрыть от вашего превосходительства, что предосудительные затеи полковника Секеринского компрометируют меня перед здешним правительством и, отвлекая меня от служебных обязанностей, дают в распоряжение такого проходимца, как комиссионер Надель, указание на мою личность и мою деятельность, чем, естественно, полковник Секеринский облегчает революционерам способы к обнаружению моего места пребывания в Париже.

Ваше превосходительство, без сомнения, соблаговолите обратить милостивое внимание на изложенные обстоятельства, при которых, к стыду служебных обязанностей, люди, поставленные на известное положение, занимаются низменными интригами против своих сослуживцев, а не розыскной деятельностью, им порученной.

Чиновник особых поручений П. Рачковский».

К своему докладу Рачковский приложил отчет своего агента префектуры о контактах с Мануйловым и кальки с двух писем Мануйлова к Наделю. В первом Мануйлов

просит Наделя выслать по адресу полковника Секеринского две книги: «Александр III и его окружение» Николая Нотовича и «Соглашение» Е. де Куна. Во втором Мануйлов благодарил за выписку книг и писал:

«Я всегда вам говорил, что я забочусь о вас и во мне вы найдете истинного друга.

Мне необходимо иметь все сведения (слышите, все) о тех господах, которые причинили нам неприятности (Рачковский, Милевский и вообще все действующие лица). Пишите подробно и все, что вы знаете и слышали, но старайтесь подтвердить все фактами. Письма не подписывайте.

Пришлите это письмо по адресу: Петербург, Степану Кузьмину, Разъезжая, дом 3, кв. 21. Жду этого письма по возможности скорее. Будьте здоровы. Щербаков в Сибири».

Поскольку Мануйлов не унимался, то 7 ноября 1895 года Рачковский отправил очередную депешу Г. К. Семякину:

«Из последнего письма Мануйлова к Наделю усматривается, что он предполагает скоро приехать в Париж в интересах документального разоблачения федосеевских происков. Благоволите разрешить поездку Мануйлова. Надель в наших руках. Письмо прилагается».

Вслед за телеграммой пришло и само письмо Рачковского на имя Семякина. Из содержания письма видно, что жалобы Рачковского услышаны и он получил нравственную поддержку. 20 ноября 1895 года Рачковский написал Семякину благодарственное письмо:

«Многоуважаемый и дорогой Георгий Константинович! Позвольте от всего сердца поблагодарить вас за теплое участие, которое вы мне выразили по поводу интриг Мануйлова и К. Ваше уверение, что вы видите своих личных врагов в людях, завидующих моему „положению“ и тайно подкапывающихся под меня, дает мне новую силу работать по-прежнему и новую уверенность, что начальство ценит во мне старого слугу, верного своему долгу. Верьте, во мне сохранилось достаточное количество душевных сил и любви к делу, чтобы проявить мою глубокую признательность на деле. Что же касается гнусных интриг, направленных против Департамента, то эти последние, как я смею думать, не

прекратятся до тех пор, пока интригующим господам не будет указано их действительное назначение. В данном случае мне вспоминаются времена, когда интригующие ведомства не только не швыряли каменьями в наш огород, но, напротив, держались в почтительном отдалении: одни из боязни возбудить гнев великого государя, прекратившего интриганов, а другие скромно выжидали того времени, когда мы, чернорабочие, доставим для них „манну небесную“ в виде результатов нашей тяжелой и неблагодарной возни с революционной средой и просветим их очи, тускнеющие в спокойных кабинетах. За последние полгода это хорошее старое время почему-то сменилось новым, полным невиданного нахальства, подвохов и раздора. Скверное время! Будем, однако, надеяться, что новое начальство положит конец этим ненормальностям и поставит наше учреждение на подобающую ему высоту. Но для того, чтобы достигнуть намеченной цели, потребуются, быть может, обличительные документы, и в этом случае само провидение ниспослало нам наивного Мануйлова как негодное орудие интриганов в борьбе с нами.

Из прилагаемого письма этого грязного жида к Наделю вы изволите усмотреть, что он собирается вскоре в Париж. Что же, милости просим! Мы готовы и ждем милого гостя с распростертыми объятиями. Надель перешел на нашу сторону и действует отменно. При его содействии мы достигнем желаемого. Федосеев и К останутся довольны. Итак, теперь ясно, что вдохновителями Мануйлова были охраненские тунеядцы, а не бедный Секеринский, которого я впутал в интригу по недоразумению, в чем глубоко раскаиваюсь. Но спрашивается, что побудило Мануйлова прикрываться его авторитетом в Париже? Желание законспирировать действительных интриганов? Вот именно на этот пункт мы и обратим внимание при расследовании подвоха. Но забавнее всего, что Мануйлову понадобилось „хорошо меблировать квартиру в четыре комнаты“. Из этого можно вывести заключение, что юркий жид пожалует не один, а в компании одного или нескольких сотрудников. Тем лучше. Благоволите обратить внимание на его телеграмму — несомненно, мошеннического происхождения и адресованную на имя какого-то Полака, проживающего

по соседству с вами, дом № 56. Интересно было бы выяснить эту личность. Для характеристики Мануйлова могу прибавить, со слов одного близко знающего его лица, что он человек с удивительно покладистой совестью и с полной готовностью сделать все из-за хорошего куша. Не признаете ли возможным сообщить для моего руководства сведения, добытые расследованием за последнее время? Я лично буду держать вас в курсе всего, что произойдет.

Позвольте еще раз поблагодарить вас за ваше милое письмо и пожелать вам доброго здоровья и всевозможных благополучий.

Глубоко уважающий вас П. Рачковский».

Этим, пожалуй, закончился инцидент с Мануйловым, однако своего обидчика Петр Иванович не простил. С другой стороны, бережливый Рачковский использовал в своих интересах все, что попадалось ему в руки, что в дальнейшем и сделал с Мануйловым.

«ДОЛОЙ ПАПУ!»

«Лига спасения русского Отечества». — Французская пресса против русских революционных эмигрантов. — Погромный характер «Лиги спасения». — Взрыв Льежского собора. — Ликвидация «Лиги». — Публицистика Рачковского. — «Вынужденное заявление» от имени Г. Плеханова. — «Лига благоденствия Отечества». — «Кружок французских журналистов». — Попытка Рачковского избрать своего Римского папу. — Ватиканский помощник И. Манасевич-Мануйлов. — Персидская награда Мануйлову. — Агент, аккредитованный при Ватикане. — Доносы Мануйлова из Ватикана. — Разоблачение и бегство Мануйлова. — Проект Рачковского по приглашению в Петербург папского посланника.

Энергии и изворотливости Рачковского, казалось, не было предела. Это был прирожденный сыщик, комбинатор и авантюрист. Для борьбы с русскими эмигрантами он пользовался их же средствами. Рачковский никогда не останавливался на полдороге и имел неискоренимую слабость ко всему грандиозному. Он хотел придать борьбе с русскими революционерами, так сказать, международный характер. Не лишенной остроумия была его идея создать во Франции, естественно анонимно, «Лигу спасения русского Отечества».

В один прекрасный момент по всему Парижу были расклеены воззвания, призывавшие французов записываться в «Лигу», чтобы «бороться с врагами России, стремящимися нанести удар ее величию, и прежде всего с шайкой проходимцев, людей без Отечества, нашедших приют во Франции и поставивших себе цель совершать в России убийства и экспроприации». Воззвание приглашало всех «бороться с этой шайкой всеми средствами, вплоть до террора». Такие же листовки были разосланы

и по французской провинции и там нашли, кажется, некоторое сочувствие — несколько десятков или сотен лиц даже прислали в парижское бюро «Лиги» свои пятифранковые членские взносы.

Агентура Рачковского в «Лиге» развила активнейшую деятельность против русских эмигрантов в Париже. Рачковский, образовав прочные связи с западной прессой, через нее пытался влиять на общественное мнение в других европейских государствах. Многие парижские газеты, подогреваемые крупными подачками из средств, отпущенных лично «его императорским величеством», по сигналу Рачковского хором предавали анафеме русских эмигрантов, «наводнивших Францию и мешающих своей антигосударственной деятельностью дружественным отношениям с Россией». Движение, организованное Рачковским, приняло погромный характер и наделало много шума. Участники «Лиги спасения русского отечества» добрались даже до Бельгии, где устроили антиклерикальный налет на собор в Льеже под анархистскими лозунгами. Взрыв льежского собора, организованный провокаторами русской Заграничной агентуры, повлек за собой человеческие жертвы. Французское Министерство внутренних дел, во избежание дальнейших скандалов, запретило деятельность «Лиги». Рачковскому дали понять, что предприятие надо прекратить. Близкий к трону источник, рассказавший об этой авантюре, утверждал, что деньги на нее в размере 150 тысяч рублей были получены из царских покоев России, от дворцового коменданта Гессе. Преодолев сопротивление двора, с большим трудом Плеве добился ликвидации «Лиги».

Рачковский самолично занимался публикациями, направленными против русской революционной эмиграции. В письме к Дурново от 19 марта 1892 года он писал:

«Простите, Ваше превосходительство, за долгое и вынужденное молчание, за все это время я не сидел сложа руки и, помимо обычных занятий и хлопот, успел составить брошюру, которая была переведена на французский язык и на днях появится в печати. В этой брошюре выставляется в настоящем свете наше революционное движение и заграничная агитация со всеми ее отрица-

тельными качествами, уродливостью и продажностью. Остальная часть брошюры посвящена англичанам, которые фигурируют в ней в качестве своекорыстных, чванливых и потерявших всякий стыд и совесть фарисеев, нарушивших международные приличия в альянсе с нигилистами. Брошюра будет отпечатана в 2000 экземплярах, причем около тысячи будет разослано в Лондоне: министрам, дипломатам, членам парламента, муниципалитетам, высокопоставленным лицам и во все редакции лондонских газет. Другая тысяча предназначается для правительственных лиц во Франции, Швейцарии, Дании, Германии, Австрии и для рассылки во все европейские и наиболее распространенные американские журналы. При господствующем антагонизме к англичанам и при всеобщем негодовании к динамитным героям, под категорию которых подведены нигилисты, наша брошюра поднимет много шума; она и положит начало моей агитации...»

В публицистической борьбе с русскими революционерами-эмигрантами Рачковскому помогал и Гансен, и многие другие французские журналисты. По некоторым свидетельствам, Рачковский одним из первых стал широко использовать метод борьбы, который сегодня называется дезинформацией или намеренно сфабрикованной ложной информацией. В качестве примера «литературного творчества» Рачковского можно привести сочиненное им от имени Г. В. Плеханова так называемое «Вынужденное заявление», в котором Плеханов якобы отмежевался от революционной эмиграции. Еще одна брошюра Рачковского с нападками на эмигрантов, изданная в 1892 году, была также в то время сначала ошибочно приписана Г. В. Плеханову многими революционерами. В 1892 году эмигранты собирали средства для борьбы с голодом в России. Сфабрикованное Рачковским обвинение, приписывающее им разного рода злоупотребления, должно было вызвать общественное негодование и внутренние разногласия в эмигрантской среде. Однако этого не последовало. Эмигранты с легкостью опровергли выдвинутые против них обвинения. Рачковский затем попытался вести борьбу более искусно, но ничего не добился. Когда стало известно, что за публикацией Рачковским статьи «Лига благоденствия Отечества» стоит русская полиция,

его литературная провокация обернулась дискредитацией самого имперского правительства. Но Рачковский не унимался. В 1901 году он организовал в Париже на деньги Департамента полиции так называемый «кружок французских журналистов», развернувший осенью этого же года широкую кампанию против русских эмигрантов.

В начале века основная служба Рачковского снова сосредоточилась во Франции и Швейцарии. Его работа в основном сводилась к повседневной рутине любого посольства — обеспечению поддержки своего правительства и его целей. Однако в последние годы своей полицейской деятельности Рачковский крайне мало уделял внимания прямым обязанностям. Все его внимание поглощалось игрой в «большую» политику.

Завязав крупные связи с различными политическими дельцами Парижа, сделавшись своим человеком в президентском дворце, Рачковский пытался вмешиваться во внешнеполитические взаимоотношения России с другими иностранными государствами. Ранее попытки повлиять на заключение франко-русского военного союза посредством провокации покушения на Александра III имели свои результаты.

Такого же рода провокацией стала попытка Рачковского способствовать избранию на папский престол кардинала Рамполлы, сторонника русско-французской ориентации, в противовес другой кандидатуре — кардиналу Ледоховскому, главе польских националистов-католиков, проводившему нежелательную для России политику «ополячения» римско-католическим духовенством белорусов Холмщины и Северо-западного края и тянувшему их к Австрии.

Рачковский имел большие связи в католическом мире, не без некоторого посредства и влияния своей жены — француженки и ярой католички. На его вилле в Сен-Клу часто бывали высокие духовные лица: монсеньор Шарметен и влиятельнейший священник отец Бюртен — личный друг кардинала Рамполлы. Рачковский давно уже при посредстве этих своих «агентов в сутанах» вел наблюдение за кардиналом Ледоховским, собирая на него компромат.

Заручившись поддержкой И. Л. Горемыкина, в 1901 году Рачковский для высоких персон устроил роскош-

ный обед в «Durand» — одном из аристократических парижских ресторанов. На обеде присутствовал приехавший из Петербурга директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий А. Д. Мосолов, специально вызванный для свидания с Мосоловым папский интернунций в Гааге монсеньор Тарнасси, а также уже близко знакомые Рачковскому Шарметен и Бюртен. Они обсуждали вопрос о проведении на папский престол, в случае смерти папы Льва XIII, своего ставленника — кардинала Рамполлу, известного своей русско-французской ориентацией. Для реализации своего «католического проекта» Рачковский взял в помощь «любителя агентурного дела», своего недавного обидчика И. Ф. Манасевича-Мануйлова.

12 июля 1897 года Иван Федорович Мануйлов был переведен на службу в Министерство внутренних дел и откомандирован для занятий в Департамент духовных дел, директором коего был А. Д. Мосолов. Мануйлов стал не только чиновником, он по-прежнему числился журналистом и оставался в тесных сношениях с Петербургским охранным отделением. В конце 1897 года Мануйлов был удостоен высокой награды. Товарищ министра иностранных дел граф Ламздорф сообщал министру внутренних дел:

«Пребывающий в Санкт-Петербурге персидский посланник уведомил Министерство иностранных дел, что его величество шах персидский пожаловал орден Льва и Солнца 4-й степени журналисту Мануйлову. Сообщая о сем вашему высокопревосходительству, Министерство иностранных дел имеет честь покорнейше просить вас благоволить уведомить, не встречается ли с вашей стороны каких-либо препятствий к исходатайствованию названному лицу высочайшего соизволения на принятие и ношение пожалованного ему ордена».

По Департаменту полиции был заготовлен следующий проект ответа:

«Полагал бы уведомить I Департамент Министерства иностранных дел, что к исходатайствованию Мануйлову разрешения на принятие и ношение ордена Льва и Солнца препятствий по делам Департамента не имеется. Насколько мне известно, услугами Мануйлова пользуется полковник Пирамидов. 11 февраля 1898».

В этом духе и был составлен ответ министра внутренних дел.

В Петербурге Мануйлов недолго занимался духовными делами. Ему было предложено отправиться в Рим, аккредитоваться здесь при папском дворе и заняться тайным наблюдением за врагами России — сначала только религиозными нашими недругами, а затем вообще всяческими. В официальной справке Департамента полиции его деятельность отображена так:

«В мае 1900 года в Риме наблюдалось по случаю юбилейных римско-католических торжеств необычайное стечение... паломников, среди которых было много нелегально прибывших из России ксендзов, тяготевших к заклятому врагу России кардиналу Ледоховскому; надзор за этими ксендзами — в их многочисленности — доставил немало затруднений Мануйлову, который и входил по сему поводу в сношения с высшей итальянской администрацией. Дальнейших сведений об этом деле в Департаменте не имеется, но некоторое время спустя (когда именно — неизвестно) покойным директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий Мосоловым было поручено сверхштатному чиновнику особых поручений 8 класса при Министерстве внутренних дел Мануйлову — организовать в Риме секретное наблюдение за прибывающими туда из России священнослужителями римско-католической церкви и в особенности за сношениями последних с кардиналом Ледоховским, являвшимся в то время главным руководителем антирусской агитации среди католического духовенства. О существе сего поручения были поставлены в известность наши министры-резиденты при святейшем престоле, которым Мануйлов последовательно доставлял сведения о своих служебных действиях и получал в дальнейших своих действиях инструкции».

Еврей по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, И. Ф. Мануйлов стал защитником православных интересов при главе католичества. Роль этого религиозного деятеля при папском престоле сводилась к постановке агентурного наблюдения. Сохранился ряд донесений Мануйлова:

«В конце апреля 1899 года в Риме появился бежавший из России Жискар. Сейчас же по приезде он имел

продолжительное свидание с монсеньором Скирмунтом, русским подданным, проживающим уже давно в Риме и пользующимся особым доверием секретаря кардинала Ледоховского. Жискар рассказал, что русское правительство его преследовало, что его приговорили к ссылке в Сибирь, откуда он бежал. Он просил монсеньора Скирмунта взять его под свое покровительство и представил ему небольшую записку, в которой рисовал в самых мрачных красках положение католической церкви в России. Вскоре упомянутый ксендз был принят секретарем Ледоховского Мышинским, и несколько дней спустя ему было выдано 1500 лир. Жискар поселился в Риме, в небольшой квартире бежавшего из России ксендза Струся (Via Borgo-Vecchia, 25), которая сделалась центром сборищ нелегальных ксендзов и приезжавших в Рим католических священников.

Основная цель Жискара — противодействие русскому правительству и католическая пропаганда в униатских местностях. Для осуществления своей заветной мечты он открыл в конце апреля того же года особое учебно-воспитательное заведение в Поломбари, близ Рима ($1\,^1/_2$ часа по железной дороге). За 5 тысяч лир был куплен дом, и затем Жискар разослал по Италии и России объявление, в котором за плату в 300 лир в год предлагал вступить в его духовное учебное заведение. Объявление, отправленное в Россию, было составлено по-польски, причем часть его была направлена в Виленскую и Ковенскую губернии, а остальное — в Привислинский край. По собранным мною частным образом сведениям, малолетние униаты находятся в настоящее время в монастыре резурекционистов. Что касается ксендза Жискара, то он теперь в Кракове. Он снова намерен открыть такое же учебное заведение, но не в Риме, а в Австрии, близ русской границы.

Особенное внимание заслуживает монсеньор Скирмунт, ближайший сотрудник и личный друг монсеньора Мышинского — секретаря кардинала Ледоховского. Монсеньор Скирмунт — уроженец России. В ранней молодости он переехал в Галицию, где и получил первоначальное образование, а затем отправился в Рим с целью окончить специальное духовное учебное заведение. Еще в Галиции он познакомился с монсеньором

Мышинским, который оставил несомненный след на всей его духовной жизни. Когда Скирмунт окончил курс наук, монсеньор Мышинский пригласил его, поручая ему небольшие работы специально по вопросам, касающимся России. Блестящие способности, врожденная дискретность и такт в самое короткое время создали этому прелату исключительное положение. В настоящее время монсеньор Скирмунт заведует русскими делами и он является докладчиком по всем вопросам, которые так или иначе соприкасаются с положением католической церкви в России. Он ведет крайне активную жизнь, стараясь быть в курсе всего; в его небольшой квартире (на улице Finanze, 6) постоянное сборище ксендзов из России. Монсеньор Скирмунт находится в переписке с представителями католического духовенства в России, и он беспрестанно предпринимает путешествия в Краков и Львов. Нет сомнения, что благодаря занимаемому им положению и многочисленным связям он является активным антирусским деятелем и через его посредство ведутся тайные сношения ксендзов. В беседе с одним лицом, пользующимся полным доверием, Скирмунт сказал, что благодаря сношениям его с епископом Ячевским число униатов, приезжающих в Рим, за последнее время значительно увеличилось и что католическая пропаганда особенно достигает хороших результатов в Люблинской губернии. Монсеньор Скирмунт уверяет, что епископ Ячевский будет всячески бороться против семинарских реформ, задуманных русским правительством, о чем он недавно еще сообщал через него, Скирмунта, кардиналу Ледоховскому. В скором времени в Рим ожидается один ксендз из люблинской епархии. Желая по возможности выяснить тайные пути сношений русских ксендзов, я имел случай узнать, что в Варшаве проживает племянница монсеньора Скирмунта, некая Ирена Ольшевская (улица Капуцинов, № 3), которая находится в постоянной переписке со своим римским родственником и частных общениях с католическими священниками. О ней монсеньор Скирмунт отзывается с большим доверием, и когда некто спросил, в курсе ли она дел, упомянутый прелат ответил: „Она все знает и всем интересуется. Русские власти на нее не обращают внимания и совершенно ее не подозревают. Она оказывает громадные услуги, и кардинал Ледоховский очень ценит ее преданность и готовность служить его идеям".

Мануйлову, судя по всему, удавалось перлюстрировать ватиканскую переписку, так как он привел в своем донесении дошедшее до него «частным образом» письмо католического священника И. Кривоша из Белостока, где тот просит индульгенций для своей паствы. Затем Мануйлов представляет визитную карточку Скирмунта, «адресованную на имя священника Чесняка. В беседе с лицом, которому дана прилагаемая карточка, монсеньор Скирмунт подтверждает, что Чесняк является видным деятелем в смысле посредничества между русским католическим духовенством и Пропагандой».

В мае 1900 года Мануйлов сообщает:

«В Рим по случаю юбилейного года прибыло около двух тысяч русских католиков, преимущественно жителей Привислинского края, Ковенской и Виленской губерний, которые вошли в состав краковского и познанского паломничеств. Все эти паломники, с папскими кокардами, предводительствуемые нелегальными ксендзами, в лице бежавших из России ксендзов Струся, Серафино Майхера, Абзевича и других, а также учеников польской коллегии, осматривают базилики. На днях паломники начали петь польские песни, причем были остановлены местной полицией. Часть упомянутых паломников, в количестве 360 человек, выехала 2 мая сего года в Россию. Во главе их — монсеньор Смошинский и ксендз Бринский. По наведенным мною справкам, остановятся на 2 дня в Кракове. Бóльшая часть паломников, прибывших сюда из России, не имеет законных заграничных паспортов, что было мною лично удостоверено. Во время пребывания в Риме паломники находятся всецело в руках нелегальных ксендзов-фанатиков, ведущих антирусскую пропаганду».

Министерство внутренних дел обеспокоено тем, что среди паломников «большое число польских крестьян вовсе без паспортов». Кроме того, Мосолов извещает Манасевича, что «г. министру угодно, дабы вами обращено было внимание на вожаков из числа паломников».

Затем Мануйлов извещает об епископе Полюлионе, сначала прибывшем инкогнито к Скирмунту. Рассказывает, что «кардинал Рамполла рекомендовал епископу

жить в полном согласии со светской властью и стараться идти навстречу примирительным начинаниям императорского правительства».

В следующем докладе русский агент характеризует католических деятелей в России и полагает, что Жискар, нуждающийся в 10 000 рублей, найдет нужную сумму «при его энергии и умении пользоваться обстоятельствами и снова учредит антирусскую конгрегацию, но на этот раз в Австрии, вблизи русской границы». Отысканная «агентурным путем» карточка Жискара пересылается в МВД России.

Таким образом в России составился «перечень лиц, упоминаемых исполняющим должность агента по духовным делам в Риме». В него вошли Генеуш, Шалбьевич, Капистран, Сикорский, Рошак, Каревич, Финарович, Новицкий, Собанский, Добровская, Светлик — всего 11 человек. При каждом — характеристика. О них Мануйлов наводит дальнейшие справки.

К этим лицам прибавился Яков Василевский, не имеющий заграничного паспорта.

«По приезде в Рим он поселился в конгрегации Струся, где, собрав 26 паломников, произнес на польском языке речь. Он призывал паломников к борьбе с русским правительством и закончил речь словами: „Нам в начале царствования Николая II много обещали, но теперь мы ясно видим, что русские чиновники по-прежнему преследуют нас и нашу церковь. Неужели же у нас не хватит веры в нас самих и мы не сумеем воскресить нашу прежнюю отчизну". Речь эта, добытая мною агентурным путем, была покрыта аплодисментами, а затем присутствующие по почину Василевского пели польские патриотические песни».

Как достигал Мануйлов своих целей, видно из конца его докладной записки:

«Мною были приняты меры к подысканию в известных сферах людей, которые за денежное вознаграждение могли бы держать меня в курсе всего того, что происходит. После тщательного ознакомления с отдельными кружками мне удалось заручиться сотрудничеством двух католических священников, пользующихся полным доверием в здешних польских сферах. Кроме того, я имею возможность войти в сношения и пользоваться услугами

двух лиц в Кракове и одного во Львове, — лиц, которые по своему положению в курсе всех начинаний антирусской партии. Мне казалось возможным заручиться содействием итальянского правительства, что и было достигнуто путем дипломатических переговоров поверенного в делах и соглашением, происшедшим между директором политической полиции в Риме г. Леонарди и мною. С известными сотрудниками и содействием местных властей наблюдения за польскими происками могут дать полезные результаты».

Иногда доклады рисуют общую картину настроения папского двора:

«В двадцатых числах сентября текущего года Лев XIII получил анонимное письмо, в котором его предупреждали о задуманном против него покушении, которое должно было быть произведено в соборе святого Петра во время одного из паломничеств. Многие из кардиналов советовали папе не спускаться в собор святого Петра, так как в самом деле может найтись безумный, который совершит злодейское дело, но папа категорически протестовал и не пропустил за все это время ни одной церемонии. На одном из приемов паломников раздался резкий крик „Долой папу!", сопровождавшийся свистками. Ввиду громадного стечения народа трудно было установить, кто именно позволил себе эту выходку. Она произвела на папу тяжелое впечатление, и церемония была наполовину сокращена. В ватиканских кружках говорят, что произведенное полицией негласное расследование доказало, что письмо, полученное Львом XIII, несомненно исходит из анархических сфер, где, как известно, замечается в данное время сильное брожение. В кружках, сопричастных Ватикану, упорно говорят о том, что папский интернунций в Гааге, монсеньор Тарнасси, в скором времени получит назначение помощника папского статс-секретаря (Substitut) вместо монсеньора Триполи, ожидающего кардинальскую шапку. Вопрос этот должен решиться в декабре текущего года, так как к этому времени ожидают консисторию. Назначение монсеньора Тарнасси имеет особенное значение, так как этим Ватикан в окончательной форме ликвидирует мысль о посылке упомянутого прелата в Россию.

Мне пришлось слышать, что назначение Климашевского плоцким епископом не встречает сочувствия в Ватикане. Уклончивый ответ кардинала Рамполлы, данный нашему поверенному в делах, может служить подтверждением циркулирующих слухов. Сведения, собранные Ватиканом о Климашевском, исходят от одного лица, проживающего в Одессе и находящегося в сношениях с епископом Согмоном». (По этому поводу заметка на полях карандашом: «То есть просто от него самого».)

Манасевич-Мануйлов привлекает к своим агентурным изысканиям русского дипломата при Ватикане Сазонова, который, в частности, в январе 1901 года отбивает Департаменту полиции по поручению «журналиста» секретную телеграмму из Рима:

«Мануйлов просит передать А. Д. Мосолову: по полученным мною сведениям, в католическом монастыре в Ченстохове печатается литографическим способом польский еженедельный журнал „Светоч“, имеющий целью националистическую пропаганду. Редактором его состоит монах Пий Пшездецкий. Кроме того, в монастыре образован склад подпольных изданий. Прошу проверить эти известия на месте, имея однако в виду, что неосторожные наблюдения могут быть быстро узнаны и литография будет перенесена».

«Журналистская» деятельность Мануйлова в Ватикане продолжалась недолго. Он, правда, получил здесь широкую известность, но только как шпион. Разоблачение Мануйлова в Италии было скандальным:

«Из агентурных сведений из Рима от 4 сентября 1901 г. усматривается, что на собрании русских и польских социал-демократов было решено сделать дипломатическому агенту при римской курии Мануйлову, шпиону и начальнику заграничной полицейской агентуры, публичный по всей Европе скандал посредством издания о нем особой книги.

В 1901 году по приказанию министра внутренних дел егермейстера Сипягина на Мануйлова, тогда исполнявшего обязанности по римско-католическим делам в Риме, было возложено поручение организовать наблюдение за антигосударственными группами, обосновавшимися в Риме, причем, согласно утвержденному 16 июня докладу, на ведение агентурного дела ему было

отпущено из секретных сумм Департамента полиции 1200 рублей в год; в июле 1902 года, согласно ходатайству Мануйлова, признававшего, что ввиду ограниченности этой суммы он не мог заручиться серьезными сотрудниками и бóльшая часть добытых им сведений носила случайный характер, сумма эта была увеличена до 4000 рублей.

В первой половине 1904 года в Департамент полиции поступил из Рима ряд жалоб двух агентов Мануйлова, Семанюка и Котовича, на неаккуратный расчет с ними Мануйлова, будто бы наделавшего за границей массу долгов и производящего „гнусности“; жалобщики угрожали разоблачениями в печати и парламенте относительно деятельности русской политической полиции в Италии.

По сему поводу и ввиду нежелания римской квестуры принять принудительные меры в отношении этих лиц Департамент полиции 4 июля 1904 года за № 6937 предложил Мануйлову озаботиться прекращением домогательств Семанюка и Котовича».

В это же время в Италии возникла оживленная газетная полемика по поводу деятельности русской тайной полиции в Риме. По этому поводу Министерство иностранных дел высказало пожелание, чтобы впредь функции агента по духовным делам при императорской миссии в Ватикане и заведование тайной полицией в Риме не совмещались бы в одном лице Мануйлова. По этому поводу Департамент полиции ответил Министерству, что вся эта газетная полемика возникла на почве ложных сообщений в прессу, сделанных Котовичем и Семанюком, и все выпады прессы лишены оснований, ибо Мануйлов никаких действий по розыску в Риме не предпринимал, и никаких поручений в этом смысле не получал, и сам уже два года проживает в Париже. Как видно, Департамент на этот раз солгал, ибо Мануйлов, помимо духовных функций, выполнял и политические. Шум от его итальянских похождений наполнил страницы всех местных газет, и он действительно должен был бежать из Рима.

Манасевич не только исчез из поля зрения тех, за кем следил в Ватикане, но и скрылся от тех, кто работал под его началом. Дело в том, что Мануйлов задерживал

выплату платежей состоявшим у него на службе шпионам и агентам, а то и просто недоплачивал им. Обманутые агенты — люди всяких национальностей: немцы, французы, итальянцы, голландцы и так далее — устраивали скандалы, обличали Мануйлова в прессе, жаловались в суд, обращались в Департамент и к министру, оказывали «физическое воздействие при личных встречах», но Мануйлов был неисправим. Итальянские скандалы нисколько не повредили карьере Мануйлова. Наоборот, этого человека, на все способного, стали расценивать еще выше, а поручения, даваемые ему, становились все деликатнее.

Тем временем с собранными материалами, компрометирующими кардинала Ледоховского, Рачковский предпринял поездку в Ватикан к престарелому папе Льву XIII, которому представил целый ряд данных о «польской агитации» кардинала Ледоховского и его соратников. Лев XIII благосклонно выслушал Рачковского и при этом обмолвился, что папству хорошо было бы иметь в России своего представителя.

Рачковский ухватывается за эту идею, летит в Петербург, обрабатывает бывшего министра внутренних дел Горемыкина. Затем с помощью Горемыкина Рачковский добивается согласия Николая II на постоянное представительство в Петербурге папского нунция. Рачковский возвращается в Париж и деятельно принимается за дальнейшую работу в этом направлении. Но тут граф И. Н. Игнатьев, К. П. Победоносцев и другие деятели Святейшего Синода, а также министр иностранных дел В. Н. Ламздорф проведали о таинственной комбинации Рачковского и Горемыкина, категорически воспротивились назначению в Петербург папского посла и добились у Николая II отмены его первоначального решения. В результате этого престиж Рачковского и в Петербурге, и за границей был сильно подорван. Петру Ивановичу оставалось только утешаться тем, что его сподвижником и другом стал Иван Федорович.

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Смещение Рачковского. — Причины увольнения. — Следствие над Рачковским и его прекращение. — Вмешательство Рачковского в дела царской семьи. — Рачковский о мэтре Филиппе. — С. Витте об истории с медицинским дипломом Филиппа. — Письмо Рачковского императрице. — Недовольство царя интригами Рачковского. — Расследование деятельности Рачковского после его отставки. — Доводы к отставке. — Записка В. Плеве о деятельности Рачковского. — Высылка Рачковского в Варшаву.

Ровно через год, в июле 1902 года, Рачковского сместили с поста заведующего Заграничной агентурой, который он занимал на протяжении почти двух десятилетий. Новый директор Департамента полиции А. А. Лопухин убедил В. К. Плеве, ставшего к этому времени министром внутренних дел, в том, что Рачковский слишком часто прибегал к противозаконным действиям, хотя, собственно, бывшего шефа всей российской полиции убеждать в этом не было необходимости. Обвинение Рачковского в противозаконных действиях было справедливо, однако конкретный пример, который привел Лопухин в доказательство своих слов — что один из агентов Рачковского участвовал в «анархистской бомбардировке» льежского собора в Бельгии в 1895 году, — не имел документальных подтверждений. Лопухину, бывшему с 1900 по 1902 год прокурором окружного суда Петербурга, об этом происшествии, в свою очередь, рассказал прокурор судебной палаты Гредингер, сообщив при этом, что взрыв, в результате которого погибли люди, устроил один из агентов Рачковского — Ягольковский.

Плеве, не жаловавший Рачковского еще со времен Дегаева, воспользовался этим удобным случаем. Он вызвал Рачковского в Петербург и назначил над ним следствие. Над головой шефа Заграничной агентуры нависла гроза. Казалось, полное падение неизбежно, так как «проделок» за душой Петра Ивановича было немало. Однако сильные друзья Рачковского, среди которых был и дворцовый комендант Гессе, и на этот раз выручили его. Следствие было прекращено. Но Плеве не сдавался. Чтобы получить согласие Николая II на увольнение Рачковского, он решил сыграть на взаимоотношениях императора и одного французского шарлатана, который выдавал себя за гипнотизера и спирита. Это был небезызвестный мэтр Филипп, по слухам, излечивавший нервные болезни. К тому времени появились доказательства вмешательства Рачковского в дела императорской семьи. Этого было достаточно, чтобы царь в июле 1902 года дал согласие на отставку Рачковского.

Неожиданная отставка Рачковского вызвала немало толков как в революционных кругах, так и в среде, близкой к Департаменту полиции. Общее мнение было таково: причиной его увольнения послужило недовольство царя неблагоприятными сведениями, которые были собраны им во Франции о подвизавшемся при петербургском дворе «лионском старце» Филиппе Вашо, лечившем суеверную императрицу при помощи гипноза и спиритических сеансов. Мэтру Филиппу, по слухам, удалось при помощи столоверчения и вызывания духов, в том числе духа «обожаемого родителя», совершенно овладеть духом самого всероссийского самодержца. При дворе падение Рачковского связывали напрямую с интригами Плеве и «черногорской принцессы» — герцогини Лейхтенбергской Анастасии Николаевны, от которой императрица, собственно, и узнала о чудесных способностях «лионского старца» во время визита в 1901 году Николая II во Францию. Супруга царя Александра Федоровна страдала нервным расстройством из-за безуспешных попыток подарить мужу сына-наследника и прибегала к помощи целителей самого разного толка. Поэтому Рачковскому, «знавшему всю Францию», было приказано разыскать мэтра Филиппа и доставить его в Компьен, где тогда жили высокие русские гости.

«Одна из черногорок, — писал об этой истории Витте, — была в Париже; она потребовала к себе завезавшего там нашей тайной полицией Рачковского и выразила ему желание, чтобы Филиппу разрешили практиковать и дали ему медицинский диплом. Конечно, Рачковский объяснил этой черногорской принцессе всю наивность ее вожделения, причем недостаточно почтительно выразился об этом шарлатане. С тех пор он нажил в ней при дворе опасного врага».

Когда в 1902 году мосье Филипп появился по приглашению царя в Петербурге, обеспокоенный появлением нового фаворита дворцовый комендант генерал-адъютант П. П. Гессе запросил отзыв Рачковского о Филиппе. Подготовленный документ Рачковский привез из Парижа в Петербург. Прежде чем представить отзыв Гессе, он прочел его Д. С. Сипягину. Тот заявил, что как министр внутренних дел ничего об этом рапорте не знает, так как он ему не адресован, а как человек советует бросить его в топившийся камин. Однако Рачковский пренебрег советом и «выполнил свой долг», передав рапорт по назначению. Это и решило его судьбу. Пока министром внутренних дел оставался «благороднейший и честнейший человек» — Сипягин, Рачковского не трогали, «так как он по части своей профессии имел несомненные заслуги в Париже». «Но после того как Сипягина безвинно злодейски убили и вступил на пост министра внутренних дел Плеве, с Рачковским быстро расправились», — такова версия Витте, рисующая Рачковского человеком принципов и жертвой грязных интриг «черномазой принцессы». Не ограничившись официальным рапортом о темном прошлом Филиппа, Рачковский написал еще и письмо на имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны с разоблачением вредного влияния «лионского старца» на ее сына, при этом также указал на то, что мэтр Филипп является агентом масонов. Императрица имела крупный разговор с Николаем II и не скрыла источника полученных ею сведений о Филиппе. Царь был страшно разгневан. Он вызвал к себе Плеве, тогда уже министра внутренних дел, и горько жаловался на «подлеца Рачковского». Полицейские начальники сочли, что их «птичка, которую хорошо кормили, слишком высоко взлетела», и решили прервать несанкционированные полеты.

Тем временем, уже после отставки «подлеца Рачковского», в Департаменте полиции все еще занимались расследованием взрыва в Льеже. Особо были отмечены чрезмерные траты Петра Ивановича из средств агентуры, его коммерческие сделки и злоупотребления властью в борьбе с личными врагами. Годом позже в отчете Департамента полиции приводились доводы, объясняющие отставку Рачковского. В частности, говорилось, что после 1890 года «главный заграничный сыщик» стал весьма небрежно относиться к своим служебным обязанностям. Покровительствуя подрывникам-анархистам, «Рачковский стал злоупотреблять своей близостью к лицам, стоявшим во главе французского правительства, и позволяет себе вмешательство в дела международной политики». Это был намек на роль Рачковского в создании Антанты. Кроме того, во время преувеличенно громкой кампании против революционеров в начале 1902 года «по небрежению Рачковского царский режим оказался в неудобном положении». Представитель социал-демократической фракции в Думе Покровский считал, что одним из мотивов удаления Рачковского явилось его участие в провокационном убийстве в Париже генерала Н. Д. Селивестрова, посланного за границу для наблюдения за русскими революционерами.

В 1917 году среди бумаг Департамента полиции была обнаружена конфиденциальная «Записка» Плеве о служебной деятельности Рачковского. В качестве приложения к «Записке» были помещены пять писем Рачковского своему агенту М. М. Ляшенко за 1897—1899 годы. Плеве отмечал, что в начале пребывания в должности Рачковский доставлял Департаменту полиции весьма ценные данные. Они касались революционного движения не только за границей, но и внутри России. Плеве указал на «известную роль» Рачковского в деле русско-французского сближения. Однако же в центр внимания своей «Записки» Плеве поставил негативные моменты в деятельности руководителя заграничной охранки. Оказывается, упоенный успехами Петр Иванович стал пренебрегать своими обязанностями, представляя своему непосредственному начальству отчеты сугубо формального характера. В них уже не было какой-либо конкретной и заслуживающей внимания информации. Не прошло мимо внимания Плеве покровительство Рачковского, оказывавшееся им некоторым иностранным предприятиям в России. И наконец, самая последняя и, как оказалось, самая большая вина Рачковского заключалась в его тесных связях с французскими политическими кругами и французской полицией. Приложенные к «Записке» письма Рачковского не оставляли сомнений в том, кем был, к примеру, организован налет на виллу Циона в Швейцарии, а также определенно указывали на корыстный характер хлопот Петра Ивановича о привлечении иностранных капиталов в Россию. Однако автор «Записки», по всей видимости, не дал ей хода.

Рачковский, как видно из его личного дела, был уволен 15 октября 1902 года. «Записка» была составлена Плеве 13 июля 1903 года, то есть через девять месяцев после отставки Петра Ивановича. Значит, его сначала уволили, а потом уже стали собирать на него компрометирующие материалы. Очевидно, появление «Записки» было связано не столько с увольнением Рачковского, сколько с расследованием всей деятельности бывшего руководителя Заграничной агентуры. В итоге Рачковский не только был уволен с государственной службы. Он был «выслан» из Парижа в Брюссель, а затем ему было разрешено поселиться в Варшаве. Даже пенсия была дана Рачковскому при условии, что он не будет жить во Франции.

МИРНАЯ РАБОТА МАСТЕРА СЫСКА

Работа Рачковского в Варшаве в обществе «Гута Банкова». — Рачковский о карьере Плеве. — Убийство Плеве. — М. Бакай о причастности Рачковского к убийству Плеве. — Бакай о варшавских контактах Рачковского с Азефом. — Л. Бурцев о желании Рачковского «убрать» Плеве. — Отрицание Азефом встреч с Рачковским в Варшаве. — Свидетельство Л. Ратаева об отсутствии контактов Рачковского и Азефа в Польше.

В Варшаве Рачковский поступил на службу советником по административным и юридическим вопросам при акционерном металлургическом обществе «Гута Банкова» с окладом 10 тысяч рублей в год, на три тысячи больше, чем его «усиленная» пенсия из специальных сумм Департамента полиции. Ж. Лонге и Г. Зильбер в книге «Террористы и охранка» указывают, что в Варшаве Рачковский занял пост директора кружевной фабрики, принадлежавшей бельгийской компании Но, как бы то ни было, мирная работа администратора мало удовлетворяла «мастера сыска». Рачковский тосковал по своей старой профессии, постоянно мечтал о возвращении к любимым занятиям Живя в Польше в вынужденном отрыве от своих привычных дел, Петр Иванович не оставлял без внимания своих друзей и недругов. Отставной «обер-сыщик» никак не мог забыть своего главного недоброжелателя и обидчика Плеве. «Слава его растет не по дням, а по часам, — писал он своему другу и покровителю дворцовому коменданту Гессе, — не сегодня-завтра Плеве очутится в роли диктатора всероссийского».

Однако предсказание Рачковского не сбылось: Плеве был убит 15 июля 1904 года эсером-террористом Сазоновым. Последовавшее вслед за этим убийством триумфальное возвращение Рачковского на службу в Департамент полиции не осталось незамеченным современниками. Поползли слухи о его причастности к убийству Плеве. Их дополнили откровения бывшего агента варшавской охранки М. Е. Бакая, который утверждал, что Рачковский, поселившись после отставки в Варшаве, часто наведывался в местное охранное отделение и наводил там различного рода справки. Именно здесь, согласно версии Бакая, в январе 1904 года и произошла встреча Рачковского с Азефом.

Бакай рассказал «охотнику за провокаторами» В. Л. Бурцеву, что, когда он еще служил в варшавской охранке, туда в 1904 году приезжал «самый большой провокатор России», некто Раскин. После свидания с одним железнодорожным служащим, принадлежавшим к партии социалистов-революционеров, таинственный Раскин уехал назад. Во время его пребывания целая толпа сыщиков во главе с известным охранником Медниковым всюду следовала за ним по пятам, оберегая от всяких случайностей. Проживавший в это время в Варшаве «общепризнанный учитель и вдохновитель тайного сыска, всемогущий Рачковский, находившийся временно не у дел и в немилости, каждый день наведывался обо всем, что делал Раскин». Все это показывало, по словам Бакая, что Раскин был очень важным лицом в охранном отделении и в революционном мире.

Бурцев выяснил, что глава боевой организации эсеров Азеф (он же — Виноградов, он же — Раскин) действительно приезжал в Варшаву, а время его приезда и имена людей, с которыми он встречался, совпадают с данными Бакая. Согласно гипотезе Бурцева, «хозяин» Азефа, начальник политической полиции за границей Рачковский, все знал о заговоре. Сам Азеф, по словам Бакая, якобы совсем не хотел убийства Плеве — оно для него «было вредно». Департамент полиции держался того же мнения. Но вот на сцену выступает Рачковский, бывший воспитатель Азефа, который хочет убрать Плеве, «но не для того, чтобы ему отомстить, а чтобы снова самому двинуться по служебной лестнице». Если Азефу

невыгодно было допускать убийство Плеве в интересах своего положения, то ему было гораздо выгодней снова видеть у власти Рачковского, который его вынянчил и пробил широкую дорогу в революционную среду.

Азеф не отрицал посещения Варшавы в 1904 году, но стоял на том, что был там по поручению одного из основателей партии эсеров, М. Р. Гоца, и с Рачковским не встречался. Правдивость его заявления, однако, была позднее оспорена. В. К. Агафонов в книге «Заграничная охранка» отмечал: «У меня есть сведения, что и в Брюсселе, и в Варшаве Рачковский виделся со старым своим приятелем Евно Азефом». Но каких-либо документальных данных в доказательство «старой» дружбы Рачковского и Азефа Агафонов не предоставил, впрочем, как и другие сторонники версии о раннем — еще в 1902 году — их знакомстве.

Бывший тогда чиновником особых поручений Департамента полиции Л. А. Ратаев исключал сговор провокаторов в Варшаве.

«Все это прекрасно, — заявил он после разоблачений Азефа Бурцевым, — но, на беду, мне-то ближе, чем кому-либо, известно, что вся эта история — выдумка, и при том ни на чем не основанная. Быть может, Рачковский знал или подозревал, что Азеф состоял сотрудником Департамента полиции. Но я достоверно знаю и ручаюсь, что никогда ни в прямых, ни в косвенных отношениях он с Азефом не состоял и в глаза его не видел до 8 августа 1905 года. Только тогда, подав в отставку, я передал Азефа в распоряжение Рачковскому, как лицу, поставленному в то время во главе политического сыска».

Категорически отрицал свое знакомство с Рачковским до лета 1905 года и сам Азеф.

«ЗАВТРА БУДУТ ХРИСТОСОВАТЬСЯ...»

Возвращение Рачковского на службу. — Николай II против связей Рачковского с французской полицией. — Назначение Рачковского в Департамент полиции. — Стремительные повышения по службе. — Обязанности Рачковского. — Внедрение секретных агентов в революционную среду. — «Система» Рачковского. — Предотвращение террористических актов. — Кампания за уступки в 1905 году. — Контакты с Витте. — Записка Рачковского Трепову о подавлении мятежа. — Положение чрезвычайной охраны. — Реакция властей на записку Рачковского. — Отставки в царском правительстве. — Понижение Рачковского в должности. — Резолюция Николая II. — Рачковский в распоряжении Трепова. — Роль Рачковского в подавлении московского восстания. — Жандармская типография.

Главное препятствие возвращения Рачковского на полицейскую службу исчезло с убийством его ярого противника Плеве. За Петра Ивановича снова стали хлопотать и Гессе, и Манасевич-Мануйлов, и другие авторитеты. Однако решающую роль сыграла, скорее всего, сама политическая ситуация в России, крайне нестабильная в условиях начинавшейся революции. На руку Рачковскому оказалась и неопытность в сыскной части нового петербургского генерал-губернатора и одновременно товарища министра внутренних дел генерал-майора Д. Ф. Трепова. В Рачковском, несомненно, нуждались. «Необходимо воспользоваться познаниями и служебной опытностью г. Рачковского для целей вверенного ему управления», — именно так аргументировал Трепов в своем докладе на высочайшее имя 24 января 1905 года цель возвращения Рачковского на государст-

венную службу. «Вот я стар. Никуда уже не гожусь. А заменить меня некем», — хвастался Рачковский своим агентам.

Тем не менее, опасаясь новых интриг старого сыщика, товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново представил Николаю II одновременно с докладом Трепова выводы о прежней деятельности Рачковского, сделанные Плеве еще полтора года назад, но пролежавшие без движения. В тот же день император утвердил представление, но при этом добавил: «Желаю, чтобы вы приняли серьезные меры к прекращению сношений Рачковского с французской полицией раз навсегда. Уверен, что исполните приказание мое быстро и точно». Из всех прегрешений Рачковского царя заинтересовали, как видно, только связи с французской полицией. В остальном же Рачковский вполне устраивал Николая II.

Бывший ранее директором Департамента полиции Дурново хорошо знал, на что способен Рачковский, боялся его европейских связей и влияния в верхах. Он не замедлил воспользоваться царским приказанием, чтобы существенно ограничить сферу деятельности старого европейского провокатора. Однако, как показали дальнейшие события, Рачковский нашел возможность вновь широко распространить свое влияние на всю деятельность заграничной агентуры Департамента полиции.

5 января 1905 года высочайшим приказом по гражданскому ведомству Рачковский был назначен чиновником особых поручений IV класса «сверх штата при Министерстве внутренних дел с откомандированием его в непосредственное распоряжение Санкт-Петербургского генерал-губернатора», то есть без постоянных обязанностей, так сказать, «до востребования». По ходатайству Трепова за ним полностью сохранялась получаемая из сумм Департамента полиции пенсия в 7000 рублей в год Кроме того, «пенсионеру» Рачковскому разрешено было, помимо государственной службы, оставаться еще и в качестве советника при металлургическом обществе «Гута Банкова». Жалеть о возвращении Петра Ивановича Трепову не пришлось, так как вскоре выяснилось, что он не ошибся в своем выборе. Рачковский действительно вновь показал себя деятельным и знающим со-

трудником. 2 июня 1905 года Трепов поручил ему надзор за розыскной деятельностью и производство в Департаменте полиции дел о государственных преступлениях. Еще через месяц положение Рачковского было упрочено поручением «вступить в исправление должности вице-директора Департамента полиции с предоставлением ему права подписи и скрепления бумаг». Наконец, по представлению все того же Трепова 27 июля 1905 года директор Департамента полиции (тогда эту должность занимал Н. П. Гарин) и вовсе был освобожден от заведования делами, относящимися до государственных преступлений и розыска по ним, с возложением этих обязанностей на Рачковского.

В итоге Петр Иванович получил весьма широкие права. В Департаменте полиции он осуществлял:

1) руководство розыском по делам о государственных преступлениях, осуществляемым на месте охранными отделениями и чинами отдельного корпуса жандармов;

2) надзор за производством дознаний по делам о государственных преступлениях чинами Корпуса жандармов и Департамента полиции в порядке статьи 1035 Устава Уголовного судопроизводства;

3) надзор за осуществлением на местах гласного надзора над лицами, сему надзору подчиненными, и негласного — за лицами сомнительной благонадежности;

4) мероприятия, связанные с учреждением и устройством на местах органов политического розыска;

5) участие в Особом совещании по делам об административной высылке — на правах его члена.

Опираясь на эти полномочия, Петр Иванович продолжил внедрение секретных агентов в революционные кружки и партии, называя эту практику необходимым условием политического сыска. Очередной целью Рачковского стал разгром террористической организации эсеров, где наряду с Е. Азефом действовал и другой его агент, Н. Татаров.

Весной 1905 года Рачковский через своего секретного сотрудника Евно Азефа достал список всех нелегальных паспортов, выданных ЦК социалистов-революционеров своим членам. Рассылая список по полицейским подразделениям, он велел этих лиц не трогать без его ведома.

Система Рачковского заключалась в том, что в делах, освещаемых секретными сотрудниками, к арестам террористов приступали только в последнюю минуту, накануне или даже в самый день предполагаемого теракта или покушения. Таким способом полиция давала террористам время себя скомпрометировать, а себе — возможность собрать о них как можно больше сведений. В этом случае первоисточник этих сведений мог быть скрыт, и от сотрудника охранки отметались возможные подозрения. Так, благодаря бдительности Рачковского были предотвращены террористические акты против генерала Трепова, великих князей Владимира Александровича и Николая Николаевича, другие антиправительственные акции.

Достойна внимания гибкость, которую продемонстрировал Рачковский в сложной революционной обстановке летом и осенью 1905 года.

«Мне не совсем понятно, — писал об этом периоде бывший начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов в книге „На лезвии с террористами“, — но Рачковский явно повел кампанию за уступки. На словах он стоял за монархию, за самодержавие, а на практике поддерживал предложения в пользу реформ. Ход его мыслей был примерно таков. Университетская автономия — одно из главных требований интеллигенции. Если дать автономию, то удастся успокоить, удовлетворить эту интеллигенцию. Конечно, отрицательная сторона заключалась в том, что при автономии в университете начнутся сходки и митинги. Но, в сущности, это даже хорошо. Ибо студенты тотчас отойдут от революции и полиции будет легко повести борьбу с революционным движением. Так думал Рачковский, не раз развивая свой план».

Все симпатии Петра Ивановича были теперь на стороне Витте, считавшего, что о совместной борьбе против анархии лучше всего договориться с интеллигенцией и торгово-промышленными кругами. Герасимов констатирует:

«С разных сторон я получал сообщения, что он развивает большую деятельность, посещая всевозможных высокопоставленных лиц и ведя с ними различные политические беседы. Особенно часто посещал он С. Ю. Витте».

Подписание царем манифеста 17 октября Рачковский встретил восторженно: «Слава Богу! Завтра на улицах Петербурга будут христосоваться», — повторял он. Но скоро волна анархии и погромов охладила либеральные настроения Рачковского. Яркое свидетельство тому — его «Записка» Трепову от 8 ноября 1905 года с предложением ввести в Петербурге режим чрезвычайной охраны.

Легкость, с которой была получена полнота гражданской свободы, вызвала у представителей революционного движения излишнюю самоуверенность. Растерянность правительства была принята ими «за признак того, что история может идти неестественно быстрым путем». В результате, подчеркивает Рачковский, правительству предъявляются все новые и новые условия. «Революционные партии», в первую очередь социал-демократы и социалисты-революционеры, не скрывают, что цель их деятельности — свержение самодержавия и разрушение империи. Дальнейшие уступки революционерам немыслимы, поскольку «льготами, дарованными манифестом», фактически исчерпалась «полнота политических прав, достижимых в империи без уничтожения ее». Общественно-политическая ситуация в стране такова, что дело идет к вооруженному восстанию, констатирует Рачковский. Это обязывает правительство к самым энергичным действиям по «сосредоточению и координации всех своих сил в целях подавления наступающего мятежа». Первым шагом должно стать объявление столицы империи на «положении чрезвычайной охраны», что совершенно необходимо для обоснования действий по подавлению революционного движения в стране. Это предусматривает аресты «личного состава» Союза Союзов и Совета рабочих депутатов, других оппозиционных организаций, закрытие неугодных правительству газет, ограничения на проведение забастовок, митингов, шествий и демонстраций и ряд других антидемократических мер.

Однако предлагаемые мероприятия, по мнению Рачковского, «несомненно, будут истолкованы как признаки явного посягательства правительственной власти на возвещенные манифестом 17 октября свободы». Но бояться этого не следует, поскольку «режим истинной гражданской свободы может и должен быть водворен

тогда, когда законопослушное большинство в покойном течении жизни получит уверенность в обеспечении заботами правительства своих человеческих прав. Утомленное и ныне запуганное население с благодарностью оценит последовательность действий правительства в проведении строгой законности как основы свободы. И первой свободой его будет освобождение от своеволия мятежников».

Трепов, перемещенный после 17 октября 1905 года на должность дворцового коменданта, поддержал Рачковского, начертав на «Записке»: «Почти все пункты можно принять, но об этом следует обсудить самым подробным образом».

Тем временем в верхах возобладали иные настроения, и записка Рачковского была расценена как несвоевременная. «Виновата» в этом была революция или, вернее, созданная 17 октября 1905 года новая политическая реальность. Последовала вслед за царским манифестом волна отставок.

Назначенный министром внутренних дел П. Н. Дурново был старым недоброжелателем Петра Ивановича. Стало очевидно, что с возвышением Дурново карьера «гения политического сыска» подошла к концу. Действительно, уже 3 декабря 1905 года в докладе на высочайшее имя Трепов вынужден был поставить вопрос об освобождении Петра Ивановича от заведования политической частью Департамента полиции. На отставку Рачковского существенно повлияло его неудачное предложение по введению «чрезвычайной охраны» в Петербурге. Внешне же уход Рачковского был мотивирован необходимостью восстановления «в интересах единства управления делами»» функций директора Департамента полиции (эту должность с ноября 1905 года занял Э. И. Вуич). Резолюция царя на рапорте Трепова об отставке Петра Ивановича гласила: «Согласен, но сожалею. Рачковскому назначить в награду 75 тысяч рублей из секретных сумм Департамента полиции и представить к ордену Станислава I степени».

Лишившись ключевого положения в Департаменте, Рачковский тем не менее сохранил должность чиновника особых поручений IV класса при Трепове. «При таком положении,— отмечал в своем представлении

Трепов,— действительный статский советник Рачковский остается в моем непосредственном распоряжении для исполнения ответственных поручений в области высшей политики и руководства надзором за правильностью розыскного дела в Империи». Однако с реальным увольнением Рачковского от должности вице-директора Департамента полиции не спешили. Напротив, именно на декабрь 1905 года приходится пик его полицейской активности. В первую очередь это было связано с ролью, которую сыграл Рачковский в подавлении восстания в Москве. Все аресты здесь, в том числе и членов Московского комитета РСДРП, были во многом делом его рук.

Как вспоминал впоследствии бывший сотрудник охранки Бакай, ездивший в декабре 1905 года в Москву, он сам был свидетелем того, как «Рачковский привозил пудами погромные прокламации, печатавшиеся в Департаменте полиции...».

Речь идет о так называемой «типографии», оборудованной Рачковским в здании Санкт-Петербургского жандармского управления и находившейся под непосредственным управлением ротмистра М. С. Комиссарова. На печатном станке, отобранном у революционеров, здесь в 1905 году действительно печатали прокламации патриотического содержания. Когда же объем работы возрос, Рачковский приобрел в Европе более совершенное оборудование и установил его у себя в секретном отделе. Конечно, с формальной стороны его деятельность, как отметил в своих мемуарах Витте, носила незаконный характер. Но по сути своей попытка опереться в борьбе с революцией не только на силу казачьих нагаек и солдатских штыков, но и на силу печатного станка, силу слова, свидетельствует о большом уме и практичности Рачковского.

«ОБО ВСЕМ ЗНАЕТ, ВО ВСЕ ВХОДИТ...»

Сотрудничество с Г. Гапоном. — Попытка вербовки эсера П. Рутенберга. — Разоблачение Гапона эсерами. — Вынесение эсерами смертного приговора Гапону и Рачковскому. — Убийство Гапона. — Характеристика деятельности Рачковского в 1905—1906 годах. — Предложение Дурново об отставке Рачковского. — Интриги Рачковского против Витте. — Рачковский в роли негласного политического советника И. Горемыкина. — Руководство Рачковского монархическими организациями. — Задача нейтрализации Думы — Очередное «увольнение» Рачковского. — Рачковский в роли свидетеля по делу А. Лопухина. — Смерть Рачковского. — Мемуары и архивы Рачковского.

Последним делом Рачковского в Департаменте полиции стало введение в свою игру «героя 9 января» Георгия Гапона, вернувшегося в конце 1905 года из-за границы. Непосредственная задача, которую поставил перед ним Рачковский, заключалась в раскрытии и обезвреживании боевой петербургской организации социалистов-революционеров, готовивших покушение на Дурново.

Первым шагом в этом направлении должно было стать привлечение Г. А. Гапоном к сотрудничеству с полицией своего друга, известного эсера Петра Рутенберга. Последний, однако, на это не пошел и сообщил о сделанном ему Гапоном предложении ЦК партии. В результате ее руководство вынесло смертный приговор и Гапону, и Рачковскому. Только присущая Петру Ивановичу осторожность — он не явился на встречу с Гапоном и Рутенбергом в ресторане Контана — помогла ему из-

бежать верной гибели. 28 марта 1906 года Гапон был повешен на даче в Озерках.

За короткий, чуть больше года, срок пребывания в должности фактического руководителя Департамента полиции Рачковский, как отмечает Ф. М. Лурье, «успел с помощью политической провокации нанести урон молодой демократической среде, нарождавшейся в русском обществе. Он дробил, разрушал, растлевал молодые неокрепшие ее ростки». Наиболее развернутую характеристику деятельности Рачковского в 1905—1906 годах дает его современник, известный в те времена публицист М. С. Коган (Е. П. Семенов) в своей книге «В стране изгнания: Из записной книжки корреспондента»:

«Фигура Рачковского стоит, несомненно, не только в центре контрреволюции 1905 года, но и всей реакции этого периода. Азеф и азефовщина — его детище. Трепов без него ничего не предпринимает. Он — душа московского разгрома 1905 года, его туда послал Дурново. Утгоф ему пишет отчеты о борьбе с революцией в Варшаве. Булыгин с ним советуется, графа Грохольского, намеревавшегося издавать консервативный орган в Юго-Западном крае для борьбы с революцией, направляют к нему. Идея еврейских погромов „на широкую ногу“ — дело его сатанинского замысла. Охрана высочайших особ в его ведении. Князь Вяземский и другие, алчущие повышений, лучших назначений во всех ведомствах, забрасывают его письмами. Ему докладывают о передвижениях и перемещениях членов царской семьи. Обо всем знает, во все входит».

Надо ли говорить, что именно такие люди и были нужны в то время самодержавию. Понимал это и Николай II. Когда Дурново в очередной раз поставил вопрос об отставке Рачковского, Николай II ответил ему: «Вы всегда спешите. Подождите, дайте справиться с революцией, дойдет очередь и до Рачковского». Действительно, стоило положению в стране немного стабилизироваться, как последовала отставка Рачковского от заведования политической частью Департамента полиции. Произошло это, как видно из его формулярного списка, 11 января 1906 года.

Уход Рачковского с должности вице-директора Департамента полиции по политической части еще не означал потери его влияния. Оставив Департамент полиции, Петр Иванович переключился теперь на вопросы большой политики. Всего лишь несколько месяцев назад он был в числе сторонников политической линии Витте. Теперь же Рачковский вместе с Треповым настаивает на отставке Витте и ведет предварительные переговоры с И. Л. Горемыкиным, который в результате был назначен председателем совета министров. Неудивительно, что именно Рачковский становится негласным политическим советником Горемыкина. «Я как-то спросил Рачковского, — писал Герасимов, — о чем они постоянно беседуют с Горемыкиным. Тот ответил неопределенно: так, о житейском...»

Деятельность Союза русского народа, других монархических и черносотенных групп протекала под непосредственным влиянием и руководством Рачковского. Однако главной его задачей являлась теперь нейтрализация оппозиционной Государственной думы путем создания внутри нее сильного проправительственного блока. Этим он и занимался, пытаясь привлечь на сторону правительства депутатов от крестьянства. Попытка эта все же не удалась, и многим из числа ближайшего окружения царя стало ясно, что Думу придется распустить Однако Трепов и Рачковский думали иначе и до конца отстаивали политику уступок. Страшась нового революционного взрыва, Трепов готов был допустить создание «думского министерства», для чего вступил в личные переговоры с кадетами и усиленно нажимал на Николая II.

Роспуск Государственной думы и увольнение с должности председателя Совета министров Горемыкина положили конец влиянию Трепова. В этой ситуации Рачковский вынужден был в июне 1906 года подать в отставку по «болезни», однако он по-прежнему продолжал вплоть до своей смерти формально числиться чиновником особых поручений IV класса сверх штата при министре внутренних дел.

Увольнение Рачковского, замечает Ф. М. Лурье, произошло вовсе не потому, что нового министра не удовлетворяли его моральные и деловые качества. «Начальство беспокоил интриганский стаж и опыт Петра Ивано-

ча, а также огласка его приверженности провокации. ничто иное».

Дело, кажется, все же в другом. При всем уме, сметливости и прочих талантах Рачковского самостоятельная политическая игра ему оказалась не по плечу. И если в Париже он был «на своем месте», то в непривычной для себя экстремальной обстановке Петербурга 1905—1906 годов он так и не сумел в должной мере адаптироваться.

О последних годах жизни Рачковского известно мало. Можно предположить, что он по-прежнему продолжал служить в «Гута Банкова» в Варшаве. 10 тысяч рублей в год, получаемые им здесь за свои «консультации», — верная тому порука. В 1909 году Рачковский был привлечен — правда, лишь в качестве свидетеля наряду с другими чинами охранного отделения: Д. В. Герасимовым, Л. А. Ратаевым — по скандальному делу бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина. Рачковский, отойдя от дел, продолжал внимательно следить за важнейшими событиями в России и Европе и, надо полагать, еще многое мог бы.

Умер П. И. Рачковский от «разрыва сердца» 19 октября (1 ноября) 1910 года на железнодорожной станции Режица (ныне город Резекне в Латвии) на пути в Варшаву. Петру Ивановичу шел в это время 60-й год. Место погребения Рачковского неизвестно. Скорее всего, это могло быть его собственное имение в одной из западных губерний России. Незадолго перед смертью Петр Иванович занялся приведением в порядок своих бумаг и написанием мемуаров. Заслуживает внимания категорическое отклонение им лестного предложения известного журналиста и издателя исторического журнала «Былое» В. Л. Бурцева о продаже некоторых из имевшихся у него документов. Примечательна и мотивировка отказа. Его документы и воспоминания, заявил Рачковский, «не должны исчезнуть в революционных подпольях, но перейти в руки историка с тем, чтобы осветить некоторые моменты в жизни некоторых героев, которые были бы без его бумаг неправильно истолкованы».

И хотя закончить воспоминания он не успел, отдельные наброски их, судя по всему, действительно

существовали, причем отрывки из них якобы были переданы «некоторым друзьям» по Департаменту полиции. Дальнейшие следы личного архива Рачковского ведут в Париж, куда их вывез, как надо полагать, обосновавшийся во Франции его сын Андрей. В 1930 году бумаги Рачковского видел Борис Николаевский, безуспешно искавший документы о причастности их бывшего владельца к созданию «Протоколов Сионских мудрецов». После Второй мировой войны следы архива Рачковского затерялись.

Часть 4
НЕ ТОТ ГЕРОЙ

«СЛИШКОМ СВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК...»

Назначение Л. Ратаева руководителем заграничной агентуры. — Ветеран политического сыска. — Интерес советских историков. — Ратаев о своем служебном и нравственном долге. — Театральные увлечения полицейского. — Современники о профессиональных качествах Ратаева. — Послужной список Ратаева. — Присяга полицейского. — Специалист по части агентуры. — Тайный руководитель Особого отдела. — Система «сердечного попечения». — Общие беды Департамента полиции. — «Кошки-мышки» с революционерами — Агентура как спорт. — Инициативы и достижения Ратаева. — Распад полиции.

Руководителем Заграничной агентуры после отставки П. И. Рачковского в ноябре 1902 года был назначен начальник Особого отдела Департамента полиции Леонид Александрович Ратаев. Его имя — пожалуй, одно из самых известных в истории политического сыска России. И это не случайно. Леонид Александрович работал в Департаменте полиции едва ли не со времени его основания, являлся, что называется, ветераном политического сыска. Именно он долгие годы являлся наставником и фактическим руководителем супер-провокатора Евно Азефа. Предотвращение целого ряда крупномасштабных террористических актов, которые готовили социалисты-революционеры, — его несомненная заслуга. В течение многих лет Ратаев держал в своих руках, по сути дела, всю секретную агентуру Департамента полиции. В должности заведующего Заграничной агентурой он подчинил своему непосредственному влиянию практически все,

ранее самостоятельные, центры русской политической полиции в Европе.

Однако, как замечает В. С. Брачев в книге «Мастера политического сыска дореволюционной России», должного внимания историков фигура Ратаева так и не привлекла. Все симпатии советской историографии были на стороне тех, кто боролся с государством, подрывал устои империи, а не тех, кто их защищал. Интерес для советских историков более всего представляла подпольная террористическая деятельность «Народной воли» и «Боевой организации» социалистов-революционеров. Идеализация и героизация этих организаций и их членов происходила в советское время в полном согласии с генеральной идеологической линией партии коммунистов. Число книг, статей и диссертаций, посвященных «подвигам» гриневицких, халтуриных, балмашевых и других террористов, беспощадно расправлявшихся с царскими министрами, губернаторами, генералами и жандармами, поистине необозримо. Их имена составляли гордость отечественной истории «по-советски». Улицы в центре города «трех революций» — Ленинграде — носили имена самых известных террористов дореволюционной России.

Брачев отмечает, что Ратаев имел «несчастье» принадлежать к прямо противоположному сорту людей. В искоренении терроризма и нейтрализации усилий революционеров всех мастей вкупе с «прогрессивной общественностью», направленных на подготовку революции в России, он видел не только служебный, но и свой прямой нравственный долг. Крайняя скудость литературных данных о Ратаеве вследствие этого закономерна: не тот, так сказать, «герой» Уж слишком яркой, нестандартной фигурой он казался на блеклом фоне своих сослуживцев по Департаменту полиции.

Представитель старинного дворянского рода, страстный, увлекающийся человек, Ратаев в свободное от свиданий со своими агентами время ухитрялся писать неплохие пьесы для театра и даже выступать в ролях «первого любовника» в спектаклях петербургского драматического кружка. Пьеса «Облачко», написанная этим полицейским чиновником, шла на сцене знаменитого Александринского театра. Уже после революции другая

его пьеса, «Дон Жуан Австрийский», ставилась в 20-е годы советскими театрами в Ярославле и Харькове. Зная об увлечении Ратаева театром, его подчиненные стремились не отставать от своего шефа. Своими драматургическими опытами был известен, например, служивший в Департаменте полиции выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета Зайцев, который участвовал в петербургском драматическом кружке в качестве суфлера.

Оценки профессиональных качеств Ратаева весьма разноречивы: «Человек далеко не глупый, Ратаев не был пригоден для этого ответственного поста»; «Светский человек, Дон Жуан и записной театрал, к своей полицейской работе он относился как чиновник»; «Больше двух десятилетий службы в Департаменте на ответственных постах дали ему знание техники полицейского дела»; «Что же касается собственно сыска, то им он интересовался только по обязанности, он его не захватывал, свою душу ему он не отдавал». И тому подобное. Так отзывались о Ратаеве те, кто в то время стоял во главе Департамента полиции. Его начальники даже открыто говорили, что Ратаев, занимающий ответственный пост по Департаменту, — «пятно на полиции» Подобную характеристику дает Ратаеву и Б. И. Николаевский в книге «История одного предателя: Террористы и политическая полиция».

Аналогичное мнение о Ратаеве сложилось и в среде его сослуживцев. Влиятельный жандарм А. И. Спиридович обвинял Ратаева в непоправимых промахах и характеризовал его в своих воспоминаниях «Записки жандарма» как «красивого, светского Дон Жуана, любителя-театрала, слывшего в Петербурге под кличкой „корнет Отлетаев“». Да и непосредственный начальник Леонида Александровича — директор Департамента В. К. Плеве — считал его «слишком светским человеком для работы в политическом сыске»

Недалеким человеком числил Ратаева «охотник за провокаторами» В. Л. Бурцев. Как человека легкомысленного и необязательного характеризует его уже в наше время историк Ф. М. Лурье. Однако относиться к заключениям такого рода следует осторожно: едва ли человек, характеризуемый подобным образом, мог занимать

самые ответственные посты в полиции на протяжении более чем двух десятилетий. А ведь Ратаев пришел в Департамент полиции чуть ли не в самый момент его образования. Как бы то ни было, Ратаев, по словам известного историка Н. Н. Яковлева, «не был мелкой сошкой в лабиринте охранки».

Родился Леонид Александрович 4 января 1857 года в селе Берники Ярославской губернии (отсюда и его театральный псевдоним — Берников). Ратаевы — дворянский род, происходивший, согласно преданию, от татарина Солохмира. Правнук Солохмира, Степан Иванович Комчеев по прозвищу Ратай, и считается родоначальником Ратаевых. В конце XVII века они подвизались при московском дворе как стольники и стряпчие. Род Ратаевых был внесен в шестую часть родословной книги Тульской и Ярославской губерний.

Отцом Л. А. Ратаева был управляющий императорской охотою надворный советник Александр Николаевич Ратаев. Мать — Варвара Петровна Веберг, урожденная Михайлова. Как видно из послужного списка Александра Николаевича на 1868 год, никаких имений за ним до получения в 1865 году наследства от родной тетки Нееловой не числилось. Это, как надо полагать, и послужило причиной его возвращения на службу в 1872 году. Умер Александр Николаевич 11 апреля 1877 года. Сыновья и дочери его воспитывались и обучались за счет казны в Училище правоведения, Патриотическом институте и других учебных заведениях. Не стал в этом отношении исключением и Леонид Ратаев, определенный в августе 1876 года в Николаевское кавалерийское училище. После успешного окончания курса он был произведен 16 апреля 1878 года в корнеты и назначен в петергофский лейб-гвардии Уланский полк. С ноября 1880 по июль 1881 года Ратаев прикомандирован к штабу дивизии «для письменных занятий». Ничто, казалось, не предвещало коренных перемен в судьбе 25-летнего корнета. Однако они все же произошли.

21 февраля 1882 года «по дальнейшим обстоятельствам для определения его к статским делам» Ратаев неожиданно был уволен от военной службы и произведен в чин коллежского секретаря. Ровно через четыре месяца состоялось определение его на службу в Министер-

во внутренних дел «с откомандированием для занятий в Департамент государственной полиции», причем хлопотал за него сам Плеве.

9 сентября 1882 года в помещении Благовещенской церкви МВД священником Н. Мухиным Ратаев был приведен к присяге. «Я, нижепоименованный, — говорилось в ней, — обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, перед святым его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества предостерегать и оборонять. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том узнаю, не только благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать».

1 января 1887 года за отлично-усердную службу Ратаев был высочайше пожалован орденом Станислава III степени. 23 сентября этого же года состоялось его назначение младшим помощником делопроизводителя Департамента полиции. Должность эта, несмотря на скромное, на первый взгляд, название, на самом деле была достаточно важной, так как ставила Ратаева в самый центр розыскной работы. Назначенный начальством «на агентуру», он вырос в крупнейшего и авторитетнейшего специалиста Департамента по этой части. В 1898 году, в связи с наметившимся оживлением в революционной среде, из Третьего делопроизводства Департамента, ведавшего политическим розыском в стране, было решено выделить Особый отдел. Во главе его и стал Л. А. Ратаев.

Правда, некий «П» — бывший чиновник Департамента, опубликовавший в 1917 году на страницах журнала «Былое» свои воспоминания об этом учреждении, утверждал, что в действительности Особым отделом «тайно руководил» секретный сотрудник М. И. Гурович, известный под кличкой «Харьковец». В Департаменте полиции Гурович занимал должность старшего помощника делопроизводителя, исполнял одно время даже обязанности начальника Петербургского охранного отделения. Если это так, то полицейские заслуги Л. А. Ратаева

выглядят несколько скромнее, чем принято думать. Однако прямых указаний на особую роль Гуровича в Особом отделе нет.

В. С. Брачев находит, что сохранившаяся переписка с С. В. Зубатовым 1900-х годов опровергает измышления недоброжелателей Ратаева о его якобы недостаточно самостоятельной роли в системе политического сыска. «Напротив, приходится только удивляться уму, знаниям и его распорядительности как начальника Особого отдела Департамента полиции, все видевшего, все понимавшего и ничего не упускавшего из виду, независимо от того, шла ли речь о деятельности подпольной типографии, прибытии в Россию очередного революционного эмиссара из-за рубежа или же очередном „проколе" местных охранных отделений — ничто не могло ускользнуть от его проницательного взгляда».

«Дорогой Сергей Васильевич! — пишет Ратаев своему другу Зубатову в апреле 1901 года. — Очень я огорчился, увидев № 5 „Южного рабочего". Доколе же, Господи, ярость твоя на нас! Каким образом это при наших розыскных средствах две типографии благополучно могут существовать в течение двух лет: „Южный рабочий" (где?) и „Союза борьбы" в Санкт-Петербурге? Безусловно, желательно покончить со всем этим в течение лета, дабы к осени все это прекратило существование, иначе они так окрепнут, что трудно будет с ними справиться; да и времени не будет. Система „сердечного попечения", несомненно, скоро принесет свои плоды и едва ли спокойно дотянет даже до января. Много, много хлопот будет, а посему надо бдеть, бдеть и бдеть».

Важно отметить, что, занятый, казалось бы, чисто практической работой по «разгребанию грязи»: аресты, доносы, провокации и т.д., Ратаев не упускал в то же время из виду и общие беды Департамента полиции той поры. Речь идет о резко выросшем значении в начале XX века местных губернских жандармских управлений и охранных отделений, зачастую не обращавших на Департамент полиции в Петербурге никакого внимания. «По-видимому, его функции сводятся к тому, чтобы отпускать деньги. Все живут на его средства, и все его игнорируют. Санкт-Петербургское охранное отделение ведет свою линию, ротмистр Герасимов в Харькове — свою,

полковник Бессонов в Одессе — свою. Рачковский играет в прятки, и, наконец, даже Вы пришли к убеждению, что с Департаментом не стоит и посоветоваться», — с горечью отмечал он в письме к Зубатову 11 декабря 1901 года.

Большое беспокойство вызывало у него и широко распространившаяся практика коллег, когда, выйдя на след революционеров, агенты охранки вместо того, чтобы произвести аресты, проявляли недопустимую, с его точки зрения, медлительность, ограничиваясь наблюдением, рассчитывая, таким образом, на раскрытие новых явок, адресов и связей «объекта». Результаты такой игры в «кошки-мышки» с революционерами были, как правило, неутешительны: сделав свое «революционное дело», «объект» наблюдения в нужный момент благополучно исчезал из поля зрения полиции.

«Видите ли, дорогой Сергей Васильевич, — наставлял Ратаев своего друга, — агентура вещь прекрасная. Но не надо забывать, что она все-таки не цель, а средство. Если же ею пользоваться как средством никак невозможно, то она превращается в личную забаву, если хотите, спорт, но спорт бесполезный и очень дорогой. В интересах этой агентуры отпускается за границу злодей Паули, в тех же интересах путешествуют невозбранно по России всякие прохвосты, усиливающие революционное настроение, и без того достаточно повышенное».

11 февраля 1902 года Ратаев выступил с инициативой по организации ряда небольших розыскных отделений в наиболее тревожных районах империи. Спустя три месяца, когда новый директор Департамента Лопухин последовал его рекомендациям, Ратаев составляет новую записку, в которой, определенно высказавшись за ужесточение мер борьбы с террористами и революционерами, всю вину за это возлагает на либералов. Своими газетами, собраниями и воскресными школами для рабочих, утверждал Ратаев, эти люди манипулируют общественным мнением, вовлекая в антиправительственное движение «добропорядочных людей», после чего облыжно обвиняют полицию в жестокости.

Главным достижением Ратаева в это время стал арест известного террориста Е. К. Григорьева, повлекший за собой провал и арест в 1903 году главы «Боевой

организации» эсеров Григория Гершуни и Михаила Мельникова. Тем не менее до окончательной победы над террористами Департаменту полиции было еще далеко, хотя, казалось бы, фактически во главе «Боевой организации» после ареста Гершуни встал теперь уже «свой человек». Однако на прекращение террора со стороны эсеровских боевиков рассчитывать, как оказалось, не приходилось. Одной из главных причин беспомощности властей в борьбе с революционным террором Ратаев называет «всеобщий распад», гниение политической полиции, «которое началось в апреле 1902-года, шло, постепенно усиливаясь, и достигло своего апогея летом 1905 года, пока в конце того же года ему не был положен властный предел».

Ратаев рисует довольно мрачную картину этого распада. Начало ему было положено назначением в мае 1902 года на должность директора Департамента полиции небезызвестного Лопухина. Бывший прокурор Харьковской судебной палаты, либерал по убеждениям, он не знал дела и был явно не готов к тому, чтобы занимать эту должность в столь сложное для страны время. Не на высоте положения оказался и назначенный в августе 1903 года начальником Особого отдела Н. А. Макаров. «Словом, — заключает Ратаев, — всюду, на всех ответственных постах сидели новые люди, которым приходилось знакомиться с делом, присматриваться, когда нужно было действовать быстро, решительно, наверняка».

Но это еще не все. «Наряду со слабостью государственной полиции, замечалось еще и полное отсутствие всяких способов воздействия на надвигавшуюся революцию. Ссылка существовала только на бумаге. Не бежал из ссылки только тот, кто этого не хотел, кому по личным соображениям не было надобности бежать. Тюрьмы не существовало вовсе. При тогдашнем тюремном режиме революционер, попавший в тюрьму, беспрепятственно продолжал свою прежнюю деятельность».

ПУСТАЯ СКОРЛУПА

Хозяин дела в роли новичка. — Ставленник Плеве. — Попытка Ратаева взять в Париж помощника. — Интриги Рачковского и Гартинга против Ратаева. — Борьба группировок внутри российского МВД. — Война Рачковского и Плеве. — Доклад Ратаева Лопухину. — Кадровые проблемы агентуры. — Сокращение агентурной сметы. — Обвинения Ратаевым Рачковского в развале Заграничной агентуры. — Выяснения личности по анонимным доносам. — Полное отсутствие секретной агентуры. — Поручение М. Гуровичу по организации агентуры. — Переезд Гуровича в Варшаву. — Сотрудники Гуровича. — Роспуск агентуры Гуровича. — Ликвидация берлинской агентуры. — Русско-германский полицейский протокол. — Доклад Лопухина о закрытии берлинской агентуры. — Балканская агентура. — Централизация Заграничной агентуры в руках Ратаева.

С момента назначения заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции Ратаев сделался злейшим врагом Рачковского уже в силу этого факта. Вынужденный отражать атаки своего предшественника, Ратаев пытался избавиться от наследства, оставленного ему Рачковским, и организовать свою деятельность, что называется, с чистого листа. «По моей долголетней службе, — докладывал Ратаев 28 января 1903 года Лопухину, — я сразу понял, что способы ведения дела моим предшественником значительно устарели и не приспособлены к современным требованиям Департамента». Однако приспособление к «современным требованиям» и для самого Ратаева оказалось проблемой. «Насколько в Особом отделе, в силу долголетней службы и практики, я чувствовал себя хозяином дела,

настолько же, попав за границу, оказался новичком», — вынужден был признать Ратаев спустя несколько лет.

Рачковский не упускал случая подвести мину под своего счастливого соперника и преемника Ратаева. В этом ему незаменимую помощь оказывал его старый сотрудник и друг Гартинг, который как заведующий берлинской агентурой формально являлся подчиненным Ратаева, но на деле был совершенно самостоятелен и в своих докладах непосредственно Директору департамента полиции делал прямые доносы на своего начальника.

В Министерстве внутренних дел, как и в других министерствах царского правительства, борьба отдельных группировок крупных и средних чиновников была обычным явлением. Как правило, руководители отделов старались выслужиться не перед своим непосредственным начальником — директором Департамента, на должность которого они сами обычно метили, а перед самыми высокими лицами, которые могли бы способствовать их продвижению по службе. Подхалимаж и интриги, подкупы и провокации, царившие в росийских министерствах и департаментах, приводили к тому, что против министров, директоров департаментов и других крупных чиновников составлялись целые партии недовольных, чтобы любыми путями навредить своим начальникам.

Война между Рачковским и Плеве шла по всему фронту. В этой войне не последнюю роль играл и Ратаев, старавшийся опорочить во всех отношениях Рачковского. 22 декабря 1902 года Ратаев пишет Лопухину:

«В настоящее время, по истечении двух месяцев, я позволю себе доложить Вашему превосходительству, что основой для сметы на будущий год должен служить счет расходам, представленный действительным статским советником Рачковским в августе текущего года, в последний его приезд в С.-Петербург, с некоторыми изменениями, соответственно настоящим потребностям. Расходы по разъездам в 600 франков в месяц едва ли можно признать чрезмерными, если под словом „разъезды“ подразумевать все расходы во время путешествия. Надолго отлучаться из Парижа, куда стекаются все предписания, запросы и донесения, неудобно, а между тем оставлять без самоличного надзора Лондон и Швейцарию я не признаю возможным, в особенности пока все не наладилось так, как мне хочется».

Самым слабым местом Заграничной агентуры, по его мнению, была Швейцария, которая представлялась ему не иначе как «центром, даже, можно сказать, пульсом революционной деятельности» русских в Европе.

«По части секретных сотрудников, — писал Ратаев Лопухину, — я полагаю не придерживаться строго рамок Лондона, Парижа и Швейцарии, а предлагаю раскинуть сеть несколько шире. Уже мною лично приобретено трое сотрудников: один добавочный для Парижа (специально для наблюдения за русской столовой), одного для Мюнхена и одного я полагаю послать в Бельгию, где в Брюсселе и Льеже образовалось порядочное гнездо. Из числа прежних сотрудников не все еще перешли ко мне, но перейдут с отъездом П. И. из Парижа.

Независимо от сего, мне во что бы то ни стало необходимо приобрести сотрудника среди специально поляков. В Лондоне польская революция очень сильна и весьма серьезна, освещение же, на мой взгляд, не вполне достаточное. Подробный доклад по Лондону составляется, для его окончания мне необходимо еще туда поехать, что я и сделаю.

Наружное наблюдение — самое слабое место агентуры. Из 10 показанных в расчете наружных агентов действительно пригодны только 6, и то из них один — Продеус — в командировке, в Берлине, но жалованье ему плачу я. Остальные четыре в полном смысле слова инвалиды, непригодные к живому делу. Пока еще я по отношению к ним ничего не предпринимал, но предполагаю, дав известный срок, отпустить их на пенсию и взять на их место новых. Не дожидаясь их увольнения, я уже принанял трех опытных филеров и командировал их в Швейцарию. Из Швейцарии можно считать до известной степени обставленной только одну Женеву. Между тем Швейцария в настоящее время — самый бойкий и серьезный революционный пункт. Во главе командированных людей я поставил одного из старейших, наиболее опытных и развитых наружных агентов и поручил ему, войдя в соглашение с местными полицейскими чиновниками, организовать наблюдение в следующих пунктах: Женева, Цюрих, Берн и Лозанна.

Когда дело несколько наладится, я поеду на места и, убедившись в правильности постановки дела, думаю его сделать главным приказчиком по Швейцарии, вроде того, как г. Гартинг в Берлине. В настоящее время этот агент получает в месяц 350 франков (менее 250 франков не получает ни один), 150 франков на мелкие расходы и 10 франков суточных, как находящийся в командировке. Сообразно с новым положением придется увеличить жалованье до 700 франков. Когда мне удастся наладить Швейцарию, я постараюсь связать швейцарское наблюдение с берлинским, а последнее — с заграницей. На Швейцарию отпускается всего 2 тысячи франков в месяц, и эту цифру придется значительно пополнить из двух статей бюджета.

Равным образом я принимаю на свой счет те поручения, которые по своим личным надобностям возлагаю на г. Гартинга, как, например, организацию наблюдения в Штутгарте. Остальные расходы остаются те же, что и при Рачковском. Из них лишним бременем на мне лежит плата 500 франков чиновнику главного управления общественной безопасности (Surete generale). Это, в сущности, политическая полиция, приноровленная к местным французским нуждам, и мне этот чиновник ничего существенного не дает, покончить же с ним я не решаюсь, так как он может мне вредить; гораздо для меня важнее префектура полиции, но здесь я нашел натянутые отношения. Самый нужный для меня человек — г. Пюибаро, личный враг П. И. Рачковского. Мне приходится буквально все приобретать тайком и за сдельную плату. Я уже сделал шаги к примирению с этим господином, который занимает должность начальника сыскного бюро, боюсь, что это обойдется недешево.

В Париже мне приходится держать три квартиры: одну собственную, где живу, и две конспиративных. Далее следуют телеграфные и почтовые расходы, содержание канцелярии и т.п. Кроме того, здесь даром буквально ничего не достается и за все приходится тем или иным способом платить. Потому я убедительнейше ходатайствую, хотя бы на первый год, сохранить мне отпускаемую сумму в размере 194 450 франков в месяц. В эту сумму хотя и входят деньги, отпускаемые будто бы

на Галицию, но они, как изволите видеть из сметы, идут на покрытие других потребностей агентуры».

На это письмо Лопухин по распоряжению министра внутренних дел сообщил 31 декабря 1902 года, что на 1903 год смета на содержание агентуры в Париже, Лондоне и Швейцарии сокращается до 150 тысяч франков причем в эту смету не включены расходы по содержанию агентуры в Галиции, которую предположено выделить в самостоятельную организацию. В январе 1904 года смета парижской агентуры была сокращена еще на 154 600 франков, получаемых ранее двумя секретными сотрудниками, которые оставили службу в парижской агентуре и перешли в берлинскую. Таким образом, по сметам 1904 и 1905 года отпускалось всего 134 тысячи франков. Этими сокращениями Ратаев был, конечно, очень недоволен и все время стремился вернуться к прежней смете, не упуская при этом указывать начальству на недостатки управления Рачковского.

Ратаев без особого удовольствия оставил службу в Петербурге ради того, чтобы осуществлять слежку за врагами самодержавия во Франции, Швейцарии и Англии. Позднее он назовет Заграничную агентуру «пустой скорлупой» и отметит, что, когда он прибыл во Францию, отношения между агентурой и французскими чиновниками оставляли желать лучшего.

Ратаев неоднократно повторял, что Рачковский умышленно и планомерно старался мешать его нормальной работе. Первой же заботой Ратаева стало предотвращение возможного возвращения Рачковского на службу в Департамент полиции, где он мог усилить партию противников Плеве и его самого. В этих целях Ратаев в конце 1902 и начале 1903 года написал в Петербург ряд донесений, в которых обвинял Рачковского в бесхозяйственном расходовании средств, развале наружного наблюдения, плохом подборе секретных сотрудников и тому подобном. Очевидно, донесения Ратаева и стали поводом для продолжения расследования служебной деятельности Рачковского уже после его официальной отставки с должности главы Заграничной агентуры.

«На меня сразу посыпались из Департамента запросы по части выяснения различных лиц в Швейцарии, — сообщал Ратаев директору Департамента полиции Лопухину

28 января 1903 года, — а у меня, кроме чиновника женевской полиции, под руками не было никого. А сие недостаточно по той причине, во-первых, что пользоваться этим чиновником можно только с соблюдением особых предосторожностей.

Если надо выяснить какое-либо лицо, проживающее без заявления своей личности в полицию, то надо написать на это лицо анонимный донос, и тогда чиновник получает уже распоряжение своего начальства. Иначе делать нельзя, так как он боится потерять место. Конечно, все это далеко еще не удовлетворительно, но впоследствии я рассчитываю, быть может, чего-нибудь добиться. Наблюдение здесь вообще довольно затруднительно, притом еще эта трудность осложняется его дороговизной.

Для наглядности я прилагаю отчет в расходовании сумм за истекший январь. Остаток, даже с нехваткой, пошел на содержание внутренней агентуры. Она также весьма и весьма нуждается в реорганизации и освежении.

Во-первых, она сильно распущена и набалована. После того, например, как я путем значительных затрат и исключительно благодаря сметливости и распорядительности старшего швейцарского агента установил Кракова наружным способом, секретный сотрудник, которого я об этом оповестил, ныне уведомляет, что он об этом „уже знает", так как Краков прибыл еще в конце января из России, где виделся с Негрескул, а потом прожил несколько дней в Берлине. Теперь он живет с сестрами Малкиными.

Чтобы дело пошло более или менее удовлетворительно, необходимо дать, во-первых, время и, во-вторых, — деньги. Я убедительно просил и прошу на первый год оставить неприкосновенной ту сумму, которая отпускалась П. И. Рачковскому. Будьте уверены, что я ее расходую с надлежащей экономией и осторожностью, а если что переплачиваю пока, то потому, что еще новичок в деле. Самым обременительным я считаю деньги, даваемые чиновникам лондонской полиции и Главного управления общественной безопасности в Париже. Но я их получил от своего предшественника. Если этот расход сократить, то в Лондоне уже ничего нельзя будет сделать, а в Париже мне станут умышленно портить».

После увольнения Рачковского Ратаев застал в Париже наблюдательную часть в состоянии, не соответствующем современным требованиям розыска, и полное отсутствие секретной агентуры. «Я не хочу этим сказать, что ее не было у моего предшественника, — оговаривался Ратаев, — я только удостоверяю, что не получил ни одного сотрудника».

Ратаев не был скупым: жалованье, которое он платил своим секретным агентам, было большим — свыше 8000 франков. Особенно ценил он услуги своего сотрудника Бориса Батушанского (он же Берко Янкелев), которого хорошо знал еще по работе в России. Впрочем, щедрость Ратаева распространялась далеко не на всех: даже такие, казалось бы, заслуженные, но уже близкие к пенсионному возрасту сотрудники, как Владислав Милевский и Гольшман, получали всего по одной тысяче франков.

Для правильной организации политической агентуры в Галиции, Прусской Познани и Силезии было решено поручить ее «не имеющему чина почетному потомственному гражданину» Михаилу Ивановичу Гуровичу, старому сослуживцу Ратаева. Гурович был зачислен на службу 1 января 1903 года, получил 500 рублей на переезд в Варшаву и аванс на агентуру тысячу рублей. Жалованья же ему было назначено 4200 рублей в год. Мотивировка пребывания в Варшаве Гуровича была следующая: «Ввиду того, что к ближайшим обязанностям Гуровича относится наблюдение как за социалистическим, так и национальным польским движением, главным центром коего в России является Варшава, то названный город избран для постоянного его жительства».

Сотрудников у Гуровича к 1 апреля 1903 года было всего трое: какой-то варшавский сотрудник, петербургский сотрудник Говоров и помощник полицейского надзирателя Василий Соркин. К 1 июня число сотрудников уже значительно возросло: кроме Соркина и Говорова, в Лемберге появляются Янович, редактор «Галичанина», получавший 150 рублей, и сотрудница Зелинская, получающая ничтожное жалованье в 25 рублей; Завадская и Заблоцкая в Кракове; австрийский комиссар Медлер в Катовицах; Исаак Животовский, Ваганов, Соловкин и Заржецкий в Варшаве, какой-то сотрудник в

Екатеринославе; некто М-ич, который, по данным Департамента полиции, с 10 января по 1 марта 1903 года на проезд за границу и содержание получил 100 рублей. В июне же появляется сотрудница Анисимова (Анна Чернявская), а в сентябре сотрудник Томашевский, направленный в Краков, и сотрудница Заболоцкая; в октябре — Карл Заржецкий, М. Адамосский (Адамский, Адамовский) и З. Висневская в Варшаве. В ноябре и декабре появляются еще новые сотрудники — Ковальская (Скербетэ) и Василевский, носивший кличку Рассоль.

Гуревич трогательно заботился даже об образовании своих секретных сотрудников. Так, в октябре 1903 года сотруднице Заблоцкой в Кракове им было выдано 46 рублей «на уплату за слушание лекций на высших курсах Баринецкого» и членских взносов в женскую читальню «Сокол». Также в октябре сотруднику Заржецкому было выдано 45 рублей для взноса платы за право слушания лекций в университете и посещения рисовальных классов в Академии художеств.

В марте-апреле 1904 года среди сотрудников Гуровича появляется старый соратник Рачковского Милевский. Однако галицийская агентура Гуровича существовала недолго — она была усилиями Ратаева распущена к концу 1904 года.

Ратаев повел атаку и против берлинского резидента Гартинга, который писал на него доносы в Департамент полиции. Несмотря на столь успешную работу Гартинга в должности руководителя относительно самостоятельной агентуры в Берлине, какие-то высшие соображения Департамента полиции, не без помощи Ратаева, а также подпольная игра враждующих партий в Министерстве внутренних дел привели к тому, что берлинскую агентуру решили ликвидировать как отдельное учреждение, а наблюдение за русскими революционерами, проживающими в Германии, предоставить центральной парижской резидентуре. В этих целях Ратаев выступил инициатором русско-германского полицейского протокола от 14 марта 1904 года о совместных мерах борьбы с анархизмом. Вскоре после подписания протокола Ратаев поставил вопрос перед Лопухиным о ликвидации берлинской агентуры и передачи всего состава агентов в веде-

ние центральной парижской агентуры. 17 января 1905 года Лопухин представил товарищу министра внутренних дел доклад, где, между прочим, писал:

«В 1901 году, ввиду скопления в Берлине значительного количества русских революционеров, признано было необходимым выделить из парижской агентуры для названного города отдельный орган политического розыска. Однако сохранение его за принятием германским правительством особо репрессивных мер против иностранных подданных, занимающихся революционной деятельностью, в настоящее время представляется излишним. За последние годы главным руководящим центром русской политической эмиграции является Швейцария и в особенности Женева, где и необходимо сосредоточить все наблюдательные силы Заграничной агентуры. Этого можно будет достигнуть при объединении парижской и берлинской агентур и передаче в распоряжение чиновника особых поручений Ратаева всех наблюдательных агентов и секретных сотрудников берлинской агентуры».

Доклад Лопухина получил утверждение министра внутренних дел на следующий же день, и, несмотря на определенную эффективность берлинской агентуры, в самом начале 1905 года ее ликвидировали.

Политический сыск на Балканском полуострове в это же время также перешел в ведение Ратаева. В январе 1904 года после разоблачения Александра Вайсмана как агента Департамента полиции в Вене и на Балканах было решено ликвидировать балканскую агентуру. Ее глава жандармский полковник В. В. Тржецяк был назначен в помощники к Ратаеву для наблюдения за русскими эмигрантами на Балканском полуострове. Тржецяк вместе с Ратаевым объехал весь Балканский полуостров — Белград, Софию, Константинополь — для организации агентуры в этих странах и выявления народовольческих фабрик по изготовлению бомб в Софии. Деятельность Балканской агентуры теперь охватывала Румынию, Болгарию, Сербию и Австро-Венгрию. Тржецяк только в Румынии имел в своем подчинении 16 агентов, не считая большого количества румынских полицейских чиновников, «работавших сдельно». Судя по подробным отчетам, под его началом на румынской территории, в частности,

действовали А. Мотылев, С. Табори (он же Самуилов), И. Терзич, М. Кралевич, Т. Ивахнов, Руэ, А. Лапинский, Г. Яманди, С. Тридас, Х. Буянов, И. Хорошев. В Болгарии — Е. Заверуха и А. Богданов. Кроме того, в Бухаресте было два сортировщика писем и в Яссах два почтальона. Среди этих сотрудников находилось значительное число лиц, специально занимавшихся перлюстрацией писем политических эмигрантов. Тайный агент на Балканах И. Осадчук специализировался главным образом по организации агентуры и перлюстрации почты, которую успевал просматривать в Бухаресте, Варне, Рущуке и Яссах. Письмоводитель Российской императорской миссии в Бухаресте И. Стоев также оказывал «различные агентурные услуги в качестве случайного сотрудника». В балканской агентуре состояли комиссар бухарестской сыскной полиции Гаспар, помощник градоначальника в Белграде Гнедич, румынский полицейский комиссар на станции Плоешти Зирра.

Грек Г. Мелас успешно выполнял поручения агентурного свойства во всех румынских городах, расположенных по Дунаю. В Департаменте полиции знали, что он «обладает личной инициативой, находчив, хитер и не стесняется средствами для достижения цели». Сотрудник А. Озеров имел сношения с македонскими революционерами, а также проживающими в Женеве членами народовольческой группы. Он следил за тем, «чтобы эсеры не получили от македонских революционеров взрывчатых веществ». Агент Н. Перлин действовал в Бухаресте, способствовал организации в Румынии и Болгарии деятельной агентуры. В 1888 году Перлин сообщил о готовившемся русскими революционерами динамитном взрыве в Париже, участвовал в организации арестов революционеров Ананьева и Корсакова. П. Шварц — помощник адвоката в Софии — оказывал в качестве «случайного сотрудника» агентурные услуги тайному агенту А. Вайсману, а после отъезда того в Петербург «обслуживал Софию и вел там перлюстрацию», при этом в Департамент полиции сообщалось, что он «обладает достаточными нравственными основами и вполне воспитан». И. Джайя — редактор издатель сербской газеты «Народ» — в качестве «случайного сотрудника» также оказывал по части доносительства важные

услуги полковнику Тржецяку, а еще ранее — его предшественнику. Ш. Вайсман, брат агента А. Вайсмана, в 1895 году перешел на службу в Заграничную агентуру и организовал сыскное наблюдение в Вене, где первые пять лет числился студентом Венского университета. По отзывам начальства, Ш. Вайсман «прекрасно начитан, интеллигентен, исполнителен и корректен, обладает высокими нравственными качествами, порядочен, честен, предан делу и ведет его сознательно». После закрытия балканской агентуры Вайсман продолжил службу в агентуре Департамента полиции.

Тем не менее даже при таком количестве работоспособных агентов со всеми их «прекрасными качествами» Ратаев так и не смог добиться существенных успехов в работе Заграничной агентуры. Подозрительность и недоверие Ратаева своим подчиненным привели к тому, что берлинская и балканская агентуры как самостоятельные центры были ликвидированы. Тем самым во многом была парализована работа Заграничной агентурной сети в Германии и на Балканах. Ратаеву удалось подчинить себе почти все самостоятельные центры русской полиции также и в Галиции, Силезии и Прусской Познани. В итоге Ратаев стал руководить всеми операциями охранки в Европе, взяв под свое начало и берлинское агентство Гартинга «из соображений экономики». Однако все это, очевидно, явилось для него непосильным грузом.

«Здесь, на чужбине, — с горечью писал Ратаев Зубатову в частном письме из Парижа в феврале 1903 года, — одинокому человеку особенно ценно доброе слово. Ведь я никому не жалуюсь, а мне здесь довольно трудно. По совести говоря, я здесь нашел не организованную агентуру, а „торричеллиеву пустоту“. Я никому об этом не писал. Во-первых, потому, что Рачковский и так находится в тяжелом положении, а лежачего не бьют. А во-вторых, я не разделяю мнения тех людей, которые полагают выдвинуться перед начальством тем, что принижают и отрицают заслуги предшественников. Я молчу, работаю с утра до ночи, а о прочем не забочусь. Насильно мил не будешь.

Очевидно, у меня есть какие-то радетели и благодетели. Почти немедленно вслед за моим отъездом из

России до меня стали достигать сначала смутные, потом все более определенные слухи, что против меня ведется какая-то скрытая, но упорная агитация с целью изобразить в весьма неблагоприятном свете всю мою предшествующую служебную деятельность, а также мою личность, дабы дискредитировать меня перед директором, подобно тому как успели уже сделать в глазах министра. Хотя я от природы скептик, тем не менее как-то плохо верится, лучше сказать, не хочется верить. В течение моей двадцатилетней службы в Департаменте не было, кажется, человека, входившего со мной в служебное соприкосновение, которому я, по мере сил и в пределах предоставленной возможности, не оказал бы какой-либо услуги. Ведь Вы, дорогой Сергей Васильевич, лучше и ближе всех знаете, что я представлял собою в Департаменте некоторое подобие канцелярии прошений. Если у кого было какое-то ходатайство, шли прямо ко мне, а я за всех кланялся, распинался и почти всегда добивался желаемого. И вдруг за все это против меня интригуют и все мое служебное прошлое хотят смешать с грязью!

Согласитесь сами, что, какого бы плохого мнения ни был я о людях, все-таки такой гнусности как-то неохота верить. Да притом некоторым из этих господ не мешало бы помнить, что за мою долголетнюю службу у меня накопилось против каждого немало данных. Это почти ничто, это маленькие, еле тлеющие угольки, но из некоторых при случае я сумею пустить довольно изрядный фейерверк, который, быть может, не всем придется по вкусу!»

НЕСТАНДАРТНЫЕ РЕШЕНИЯ

Помощник Ратаева Евно Азеф. — Старое знакомство. — Доносы Азефа. — Помощь Азефа в арестах террористов. — Секретный сотрудник Б. Батушанский. — Ценные качества Батушанского. — Разоблачение Батушанского Бурцевым. — Успехи провокаторов. — Завершение Ратаевым начинаний Рачковского. — Специальный чиновник-журналист И. Манасевич-Мануйлов. — Подкуп французских газет. — Издание журнала «La Revue Russe». — Подкуп итальянской и польской прессы. — Воспоминания С. Витте о Мануйлове. — Незавидный статус Мануйлова в Париже. — Состояние Заграничной агентуры при Ратаеве.

Сила Ратаева заключалась не только в благосклонности к нему Лопухина и Плеве, но и в реальных заслугах в области политического сыска, где подвизались такие его выдающиеся выученики, агенты самой высокой пробы, как Лев Бейтнер, М. А. Загорская, Евно Азеф. Благодаря своим сотрудникам Ратаев имел возможность хорошо освещать деятельность и планы как старых народовольцев, так и расширявших свою деятельность социалистов-революционеров. Особенно хорошо в этом смысле зарекомендовал себя Азеф, поставлявший своему патрону чуть ли не ежедневные донесения и обстоятельнейшие доклады о заграничной деятельности эсеровской партии.

Отправляясь в Париж в октябре 1902 года, Ратаев заручился предварительным согласием Лопухина взять с собой в помощь Азефа, своего секретного сотрудника со стажем, «дабы на первое время Заграничная агентура не оставалась безо всякого источника осведомления». Этого, однако, не произошло, и Азеф, носивший тогда охранную кличку «Виноградов», остался в распоряжении

Департамента, наезжая время от времени в Париж и поддерживая связь с Ратаевым посредством переписки. За границей Азеф освещал финляндских революционеров. Именно он, в частности, осведомил Ратаева о подготовляющемся в России покушении на Плеве. Азеф числился секретным сотрудником Заграничной агентуры с начала 1902-го по декабрь 1903 года. Затем он вернулся в Россию. Следующее и наиболее продолжительное пребывание Азефа за границей относится к периоду с июня 1904-го по июль 1905 года.

Сотрудничество с Азефом явилось одной из существенных страниц в биографии Ратаева. Он участвовал в вербовке Азефа. Следует отметить, что через руки Ратаева в то время прошла вся центральная секретная агентура. Самое первое письмо Азефа, направленное на имя директора Департамента Дурново, с предложением о «сотрудничестве» было передано Ратаеву. Через некоторое время Леонид Александрович вел уже всю секретную переписку с Азефом, а затем взял в свои руки и непосредственные контакты с ним. Именно Ратаеву Азеф доносил о деятельности оппозиционных правительству эмигрантов, живших в Карлсруэ. Там тогда Азеф числился на учебе в политехникуме. Он направлял своему шефу чуть ли не ежедневные рапорты о революционной эмиграции в Германии и Швейцарии.

Особенно успешной следует признать работу Ратаева с Азефом после 1899 года, когда тот возвратился из-за границы. Именно Ратаев предложил ему поселиться в Москве и поступить в целях прикрытия на службу во Всеобщую компанию электрического освещения. Непосредственным начальником Азефа стал в это время начальник Московского охранного отделения Зубатов, однако верховное руководство его провокаторской деятельностью осуществлял именно Ратаев.

Тем временем волна террора, захлестнувшая страну, поставила Департамент полиции в исключительно сложное положение. 14 февраля 1901 года эсером П. В. Карповичем был смертельно ранен министр народного просвещения Н. П. Боголепов. 2 апреля 1902 года был убит министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Его убийца — член «боевой организации» социалистов-революционеров С. В. Балмашев.

Справиться с ситуацией можно было, как говорится, только принятием действительно нестандартных решений. Одним из таких решений и была санкционированная по сути дела Департаментом полиции двусмысленная роль провокатора Азефа. Уже в 1901 году, благодаря его наводке, удалось разгромить «Северный союз социалистов-революционеров» и предотвратить ряд террористических акций их боевой организации. Ратаев фактически продолжал опекать провокатора по линии Департамента и будучи заведующим Заграничной агентурой, вплоть до 21 августа 1905 года, когда в связи с отставкой был вынужден передать Азефа Рачковскому.

Работая на Ратаева, Азеф доставил подробные доклады о съезде социалистов-революционеров в Женеве 5 июля 1903 года. По доносам Азефа полиции стало известно о проходившей в Париже конференции революционных российских групп и организаций. Эсеров там представляли Чернов и сам Азеф. Благодаря Азефу Ратаев знал обо всем, что происходило в рядах социалистов-революционеров и других партиях, поскольку совместные конференции революционных и оппозиционных партий проводились регулярно. Главным достижением Ратаева были данные, собранные в октябре 1902 года при помощи того же Азефа и позволившие арестовать террориста Е. К. Григорьева, что в свою очередь способствовало аресту эсера М. Мельникова, а также Г. Гершуни — главы боевой организации эсеров.

Ценным сотрудником Ратаева был, кроме Азефа, некто Бабаджан, в действительности мещанин Берко Янкелев Батушанский из местечка Дубоссары Херсонской губернии. В начале сентября 1902 года он был «приглашен» на службу секретным сотрудником в Екатеринославское охранное отделение. Уже через два месяца Батушанский начал сообщать своему новому начальнику ценные сведения о противоправительственной деятельности местной еврейской интеллигенции, а еще через месяц он открыл зубоврачебный кабинет в Екатеринославе и через своих клиентов получил возможность добывать достоверную информацию о самых конспиративных замыслах социал-демократических и эсеровских организаций.

Батушанским были выявлены делегаты Организационного комитета РСДРП, приезжавшие в Екатеринослав

для организации местной группы «искровцев», а также супруги Кушель, приехавшие в Екатеринослав для создания тайной типографии. 24 мая 1903 года Сарра Кушель была арестована. А с 27 мая по 27 сентября того же года сам Батушанский отбыл четырехмесячное тюремное заключение по делу кишиневской типографии, причем из тюрьмы передал для полиции ряд ценных сведений. После выхода из тюрьмы осенью он раскрыл жандармам тайную типографию социал-революционеров и секреты Екатеринославского социал-демократического комитета.

По отзыву начальства, «Батушанский как сотрудник проявлял весьма ценное качество — фотографическую точность передачи всех сведений с крайне осторожными и всегда основательными личными предположениями и, кроме того, глубоко обдумывал каждый свой шаг». При таких качествах Батушанский представлялся не только полезным и достойным полного доверия, но и способным работать самостоятельно сотрудником. Удовлетворенный деятельностью своего агента, Департамент полиции возбудил ходатайство о даровании Бабаджану пожизненной пенсии в 1200 рублей в год, «если он будет скомпрометирован в революционной среде не по своей вине».

Узнав о таком ходатайстве, Батушанский ликвидировал зубоврачебный кабинет, который давал ему определенное положение в обществе, и «сообразно с интересами политического розыска выехал за границу, где первоначально работал по партии социал-демократов, а затем, вследствие благоприятно сложившихся для него обстоятельств, получил возможность освещать деятельность максималистов». Одним из наиболее «заметных дел» было его возвращение из-за границы вместе с несколькими известными эсерами-максималистами. В результате предоставленных им сведений в Москве и Петербурге охранка ликвидировала местные группы максималистов. Были арестованы эсеры-максималисты Л. Емельянова, княжна Мышецкая, И. Коломийцев и другие.

Разоблаченный осенью 1909 года Бурцевым, Батушанский получил обещанную пенсию от Департамента полиции, но Столыпин «надул» провокатора и вместо обещанных 1200 рублей назначил ему лишь 600.

Успехи, которых удалось добиться за это время Заграничной агентуре, следует отнести главным образом на счет таких провокаторов, как Евно Азеф, Лев Бейтнер и Мария Загорская. Только благодаря их деятельности Департамент полиции мог оценить общую работу парижской агентуры как удовлетворительную.

В бытность Ратаева шефом заграничного сыска получили свое завершение некоторые из начинаний его предшественника и врага. Рачковский еще в 1901 году организовал кружок французских журналистов. С его участием осенью того же года некоторые парижские газеты развернули кампанию против русских эмигрантов. Но поставить это дело на должную высоту «за недостатком соответственных ассигнований» Рачковский не смог, если не принимать во внимание его неудачную попытку слепить «Лигу спасения русского Отечества». Ратаеву же совсем не удалось установить хорошего контакта с влиятельными парижскими газетами.

Мечта Рачковского осуществилась, когда Министерство внутренних дел было вынуждено в марте 1903 года командировать в Париж специального чиновника и журналиста Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова. Несмотря на провал в Ватикане, его дальнейшей карьере содействовало назначение на пост министра внутренних дел статс-секретаря В. К. Плеве, что было исключительно заслугой князя Мещерского. По воспоминаниям графа С. Ю. Витте, князь тотчас же после убийства Д. С. Сипягина написал Николаю II, что «единственным человеком, способным поддержать порядок и задушить революционную гидру, является В. К. Плеве». Последний, конечно, был связан с Мещерским целым рядом обязательств, и потому всегдашняя поддержка «духовных сынов» князя была далеко не последним долгом Плеве. Так было и с Мануйловым, литературные достоинства доносов, любезная общительность и связи с миром прессы которого наталкивали на мысль о приложении его способностей к литературе и журналистике.

В августе 1902 года министр внутренних дел Плеве отправил Мануйлова в Париж «для установления ближайших сношений с иностранными журналистами и представителями парижской прессы в целях противодействия распространению в ней ложных сообщений о

России». На командировку ему выдали 1500 рублей в виде жалованья и 3000 рублей на расходы. Сам Мануйлов впоследствии давал «скромную» оценку своей деятельности:

«Я был командирован В. К. Плеве в Париж для сношений с заграничной печатью, причем покойный министр доверял мне не только это дело, но давал мне поручения самого секретного характера. За все время моего пребывания в Париже мне доверялись весьма значительные суммы, и, несмотря на щекотливость поручения, оно было выполнено мною так, что о нем никто не знал, и ни одна из революционных газет никогда не печатала статей, направленных против этой стороны деятельности Департамента полиции. Благодаря усилиям, сделанным в то время, в заграничной печати прекратилась агитация, направленная против нашего правительства после кишиневского погрома. Я получал от покойного министра неоднократные благодарности».

На Манасевича-Мануйлова была возложена задача сбора агентурной информации и подкупа крупнейших парижских газет. На это ему отпускалось 12 160 рублей ежегодно. Впоследствии эта сумма значительно выросла, ибо подкуп таких газет, как «Echo de Paris», «Gaulois», «Figaro», совершался посредством подписки на определенное число экземпляров, что обходилось «на круг» в 24 тысячи франков. Деньги на эти мероприятия брались из средств, выдаваемых лично Николаем II. В мае 1903 года Мануйлову было отпущено дополнительно 800 франков на издание брошюры на французском языке по поводу «высочайших новейших усовершенствований государственного порядка в России, изложенных в царском манифесте 26 февраля 1903 года». В августе того же года на Мануйлова было возложено секретное поручение и по части итальянской прессы.

Уже с лета 1903 года наиболее влиятельные парижские и отчасти римские газеты развернули кампанию против русских эмигрантов и их «козней» во франко-русских отношениях. В том же году Манасевич-Мануйлов организовал в Париже издание журнала «La Revue Russe», поставившего своей задачей парализовать направленные против России интриги эмигрантов-революционеров. Официальными редакторами и сотрудниками издания были французы. На его выпуск уходило 30 тысяч франков ежемесячно. Редакция этого журнала, между прочим, размещалась в редакционной штаб-квартире «рептильной» газеты «Figaro».

В октябре 1903 года Мануйлов сообщил Департаменту, что, согласно приказанию директора, вошел в переговоры с римским журналистом Белэном, который за вознаграждение в 200 франков в месяц согласился снабжать его сведениями обо всем, что происходит в итальянских социалистических кружках и в редакции газеты «Avanti». Кроме того, польский журналист Домбровский выразил согласие за вознаграждение в размере 500 франков в месяц давать сведения из сфер, сопричастных к журналу «Europee». В ответ последовало ассигнование дополнительных сумм в размере 700 франков в месяц. В 1904—1905 годах Мануйлову было отпущено на субсидирование иностранных газет 16000 франков, а потом еще 2200 франков.

Наконец, своей «литературой» он становится известен лично императору: «Согласно личному распоряжению государя императора, — хвастался Мануйлов, — мне было поручено издавать в Париже газету „La Revue Russe“, на каковое издание выдавались суммы по особому приказу государя. Я после трех или четырех месяцев издания увидел бесцельность такого издания и по моему докладу журнал был закрыт».

Еще до Парижа, когда Мануйлов был не у дел и просил работы у Столыпина, тот направил его к своему товарищу А. А. Макарову, а Макаров предложил ему заняться поиском агентуры среди журналистов. «Несколько дней спустя, — отчитывался Мануйлов, — я исполнил приказание и приобрел двух агентов (они работают и посейчас). Затем Александр Александрович Макаров приказал мне войти в сношение с подполковником Невражиным и назвать ему тех агентов, которые были мною найдены. Я счел долгом выполнить приказание Александра Александровича и представил Невражину своих сотрудников. Во время моей работы с Невражиным я был командирован в Париж и там устроил издание книги „Правда о кадетах“, напечатав ее в „Nouvelle Revue“».

В Париже Мануйлов, помимо исполнения поручений, данных в Петербурге, проявлял и собственную

инициативу: сдавал «своих», в том числе и «отца родного» Плеве. Об этом свидетельствует прелюбопытный эпизод из воспоминаний С. Ю. Витте:

«Во время моего пребывания в Париже в 1903 году как-то ко мне зашел некто Мануйлов, один из духовных сыновей редактора „Гражданина“ князя Мещерского, назначенный Плеве после Рачковского в Париж по секретным делам, чтобы сказать мне, чтобы я на него не гневался, если узнаю, что за мною следят тайные агенты. Это, мол, не его тайные агенты, а плевенские, — сопровождавшие меня прямо из Петербурга. И действительно, на другой день некоторые члены французского министерства сообщили мне через третье лицо, что за мною следят русские филеры. Когда затем я начал обращать внимание, то и я заметил их и, вернувшись в Петербург, благодарил Плеве за заботу о моей безопасности, что немало его сконфузило».

Следует отметить, что Манасевич-Мануйлов был командирован в Париж «специальным поручением», сносился непосредственно с министром внутренних дел Плеве и совершенно не зависел от заведующего заграничной агентурой. Ему все же предписывалось войти в тесный контакт с Ратаевым. Но тот не сумел договориться с Мануйловым о взаимодействии, вследствие чего Мануйлов вообще отказался от какого-либо контакта с парижской агентурой и отчитывался непосредственно Плеве.

Такой статус Мануйлова косвенно указывал на то, что, хотя формально Ратаев и подчинил деятельность секретной агентуры во всей Европе, по существу работа ее была дезорганизована. Заграничная агентура не представляла собой стройной и слаженной системы. Охранку за границей при Ратаеве составляли не связанные между собой звенья политического сыска, руководимые, с одной стороны, из Департамента полиции и из парижского центра — с другой.

«БУДЬ У НАС ТЕ ДЕНЬГИ!»

Главный японский шпион Акаши. — Смета Циллиакуса. — Крушение парохода с оружием для террористов. — Огорчение большевиков. — Агенты в роли контрразведчиков. — Частный военный шпионаж И. Манасевича-Мануйлова. — Департамент полиции о шпионской деятельности Мануйлова. — Мануйлов-шпион о себе самом. — Расходы на Мануйлова.

Перед началом и в период русско-японской войны Ратаеву как руководителю Заграничной агентуры было поручено обезвредить и нейтрализовать действия в Европе японской разведки во главе с полковником Мотодзиро Акаши. Кадровый офицер японской имперской армии Акаши занимал в 1902—1904 годах пост японского военного атташе в России. В январе 1904 года, в связи с началом русско-японской войны, японские дипломаты, после разрыва дипломатических отношений между Россией и Японией, срочно покидают Петербург и обосновываются в Стокгольме. Здесь Акаши сразу же вошел в контакт с одним из организаторов Финляндской партии активного сопротивления социалистом К. Циллиакусом, а затем — и с лидером Грузинской партии социалистов-революционеров Г. Г. Деканози, на долю которых выпала роль стать подручными японского разведчика.

Задача, которую ставил перед собой Акаши, была двоякого рода. С одной стороны, он пытался скоординировать борьбу российских оппозиционных партий и групп, с другой — обеспечить на японские деньги доставку в Россию как можно большего количества оружия и боеприпасов для революционеров.

Департамент полиции при помощи Заграничной агентуры получил смету предполагаемых расходов,

составленную Циллиакусом для Акаши. Список взят из второго тома «Истории политического сыска в России»:

«Для С. Р. — 4000 здесь.
Яхта — 3 500 500 Лондон.
Экипаж и т. д. — 500.
5000 ружей для Г. — 2000.
1000 ружей для С. Р. — 800 — 15 дней.
8000 ружей для Ф. — 6400.
5000 ружей для С. П. — 4000.
500 ружей маузера для раздачи Ф. и С. Р. — 2100.
Под буквами подразумеваются:
С. Р. — социалисты-революционеры;
Г. — Грузинская революционная партия;
Ф. — Финляндская партия активного сопротивления;
С. П. — Польская социалистическая партия».

По этому счету общая сумма выливалась в 26 тысяч фунтов стерлингов, или приблизительно 260 тысяч рублей золотом. На японские деньги, как указывается в «Истории политического сыска в России», Циллиакус и Деканози помогают революционерам в лице Азефа и Гапона купить в Англии пароход. Его загружают динамитом, тремя тысячами револьверов, пятнадцатью тысячами ружей и отправляют в Россию.

По слухам, дошедшим до Департамента полиции, Циллиакус при отправке парохода будто бы расцеловал Гапона и воскликнул:

— Смотрите, зажигайте там, в Питере, скорее — нужна хорошая искра! Жертв не бойтесь! Вставай, подымайся, рабочий народ! Не убыток, если повалится сотен пять пролетариев, — свободу добудут. Всем свободу!

Гапон был, очевидно, уверен, что, стоит вручить питерским рабочим оружие, начнется революция. Доставка оружия планировалась по северному побережью Финского залива, затем на баржах в Петербург, и там уже верившие Гапону рабочие организации его разгрузят и тотчас затеют в городе беспорядки.

Однако ни Гапону, ни Циллиакусу, ни Акаши достичь поставленных целей все же не удалось. Финансировавшиеся из Токио межпартийные Парижская и Женевская конференции в 1904—1905 годах не привели к созданию прочного блока участвовавших в них партий

революционных групп. Не состоялось и запланированное японской разведкой на июнь 1905 года вооруженное восстание в Петербурге. Не удалась и попытка ввоза в Россию оружия для финских и русских революционеров. Пароход «Джон Графтон» с грузом вооружения для революционных террористов в финских шхерах налетел на мины в районе острова Якобстан и после безуспешных попыток выгрузить оружие на соседний остров был взорван членами команды. Финские рыбаки подобрали на месте крушения много оружия и по дешевке продавали его русским революционерам.

По этому поводу видный большевик М. Литвинов огорченно писал Ленину:

«Будь у нас те деньги (100 000 р.), которые финляндцы и с.-ры затратили на свой несчастный пароход, — мы бы вернее обеспечили себе получение оружия. Вот уж авантюра была предпринята ими! Вы знаете, конечно, что финляндцы, не найдя эсеров в России, предложили нам принять пароход, но сроку для этого дали одну неделю. Ездил я на один островок и устроил там приемы для одной хоть шхуны, но пароход в условленное время туда не явился, а выплыл лишь месяц спустя где-то в финляндских водах. Финал вам, конечно, известен из газет. Черт знает, как это больно!»

Однако то, что не удалось «Джону Графтону», блестяще осуществил другой пароход — «Сириус», доставивший такую же, оплаченную японскими спецслужбами, партию оружия революционным организациям Кавказа.

На первых порах Ратаев несколько недооценивал новый для него участок работы — контрразведку, однако впоследствии исправил положение. Деятельным его информатором здесь по-прежнему был Азеф, взявший под контроль деятельность Циллиакуса, в то время как другой опытнейший агент, сносившийся непосредственно с Департаментом полиции — Манасевич-Мануйлов, следил за самим Акаши. Наблюдение за римскими католиками, интриги с прессой — все это оказалось мелочью по сравнению с деятельностью Манасевича-Мануйлова в сфере военного шпионажа, да еще в период войны. Разведки и контрразведки окружены были глубокой тайной, а главное, оплачивались крайне высоко. Не прекращая забот о прессе и получая из Департамента

общих дел и Департамента полиции специально на прессу до 9000 рублей ежегодно, Мануйлов устремился к организации собственно военного шпионажа. Полицейская справка подробно излагает его деятельность:

«С начала военных действий в Японии против нашего отечества Мануйловым была учреждена непосредственная внутренняя агентура при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже, с отпуском ему на сие 15 820 рублей, благодаря сему представилось возможным, наблюдая за корреспонденцией миссий, получить должное освещение настроений и намерений нашего врага. Кроме того, Мануйлову удалось получить часть японского дипломатического шифра и осведомляться, таким образом, о содержании всех японских дипломатических сношений. Этим путем были получены указания на замысел Японии причинить повреждение судам второй эскадры на пути следования на восток. По возвращении в Россию Мануйлов получил от Департамента поручение организовать специальное отделение розыска по международному шпионству и наблюдение за прибывающими в столицу представителями некоторых держав, сочувствовавших Японии. Энергичная деятельность Мануйлова дала вскоре же осведомленность в отношении английского, американского, китайского и шведского представителей, причем Мануйлов даже сумел проникнуть в тайну их дипломатических сношений, а равно организовал агентуру при турецком посольстве. В октябре 1904 года ввиду полученных указаний, что Вена, Стокгольм и Антверпен являются центрами японской военно-разведочной организации, Департаментом было признано полезным учредить через посредство Мануйлова в этих городах наблюдение, на что Мануйлову и было отпущено первоначально 770 франков, а затем 800 франков и, наконец, ежемесячно — по 5550 франков».

Помимо крупных премиальных по итогам шпионской работы Мануйлов был награжден орденом святого Владимира IV степени, а чуть позже получил «высочайшее соизволение на принятие и ношение испанского ордена Изабеллы Католической». Сам он охотно рассказывал о своей «военной» деятельности:

«Проживая в Париже, я имел возможность получать сведения о шпионских происках в России, и, когда я

рнулся в Петербург, я доложил директору Департамен- полиции о необходимости организации для борьбы с ждународным шпионажем, направленным против на- его правительства. Мой проект был одобрен в то время инистром внутренних дел, и мне было поручено орга- зовать особое отделение при Департаменте. Основная дача отделения, кроме наблюдения чисто полицейско- за шпионами, сводилась к получению агентурным утем шифров иностранных государств. В самое корот- е время мною были получены дипломатические ифры следующих государств: Америки, Китая, Болга- ии, Румынии. Благодаря этим шифрам все отправляе- ые и получаемые телеграммы разбирались в Департа- енте полиции и представлялись его императорскому еличеству. Во время войны мне было приказано достать ифр японского государства. С этой целью я, заручив- ись агентом, отправился в Гаагу и после страшных усилий, рискуя своей жизнью (фотографии шифра сни- ались в квартире посольского лакея, на краю города), получил шифр японцев. За этот шифр было уплачено вместе со всеми фотографиями (шифр представлял две огромные книги) 3 $^{1}/_{2}$ тысячи рублей — 8000 франков или 9000 франков, сейчас точно не помню. Если бы я хотел быть корыстным, то в то время я мог бы получить огромную сумму, но мне не могло и прийти в голову подобное соображение. Я был искренне счастлив, что мне удалось в такой серьезный момент выполнить такое важное поручение, а между тем нашлись люди, которые распространили гнусные слухи о том, что я получил за это дело 50 тысяч рублей. Затем я достал возможность получения германского шифра (я заручился согласием служащего германского посольства в Мадриде), и это дело не было выполнено исключительно по преступной небрежности покойного директора Департамента полиции Коваленского, который на все мои по сему поводу доклады не считал даже нужным что-либо предпринять. В бытность директора Департамента полиции Коваленского было и другое дело, которое может служить прекрасной характеристикой халатности, которую проявлял Департамент. Я получил письма военного агента Японии Акаши, который переписывался с группой финляндских революционеров и с армянскими террористами. Из этой

переписки было видно, что японцы дают деньги на организацию московского вооруженного восстания и при помощи их революционеры снаряжают пароход с оружием, который должен быть отправлен в Финляндию. Я по этому поводу писал, телеграфировал, но не получал надлежащих указаний. В конце концов было отправлено судно „Джон Графтон", и, если бы оно случайно не наскочило на камни, революционеры получили бы громадный транспорт оружия и динамита. Все это имеется в Департаменте, и пусть посмотрят мои доклады, которые подтвердят, что я имел все сведения, которые не были использованы Департаментом. Эта страница деятельности Департамента достойна внимания. Она могла стоить очень дорого.

Почти одновременно с этой работой на меня была возложена охрана Балтийского флота, причем заведующий Особым отделом Департамента полиции князь Святополк-Мирский вручил мне более 300 тыс. руб., но я не желал брать на себя расходование такой суммы, и дело было поручено капитану французской службы Луару, рекомендованному бывшим министром иностранных дел Делькассе. За мои труды в области борьбы с международным шпионством, по докладу князя Святополка-Мирского, мне была дана награда: я получил Владимира 4-й степени, не имея никакой до этого награды. Когда министр пригласил меня и вручил мне орден, князь сказал мне, что его величество приказал ему передать его особую благодарность за мою деятельность. Несколько лет перед этим я имел счастье сопровождать Его Величество за границу, и я был помощником П. И. Рачковского по организации охраны в Дармштадте».

В середине 1905 года деятельность Мануйлова достигла кульминационной точки. В это время из средств Департамента полиции ему отпускалась круглая сумма, составлявшая в год ни много ни мало 9 000 рублей и 105 тысяч франков. Всего же — около 50 тысяч рублей.

По официальной справке этому «чиновнику особых поручений» отпускалось ежемесячно:

1) личное содержание — 250 рублей,
2) агентурные расходы — 500 рублей;
3) содержание сотрудников:

Белэн — 200 франков,
Домбровский — 500 франков,
Z. — 1500 франков;

4) военно-разведочная агентура:

в Вене — жалованье сотруднику 1500 франков, двум агентам — 1000 франков;
в Стокгольме — сотруднику 600 франков, двум агентам — 700 франков;
в Антверпене: сотруднику — 500 франков, одному агенту — 350 франков;
в Лондоне — 500 франков.

5) телеграфные расходы — 300 франков на каждый пункт, всего 900 франков. Кроме того, Мануйлову возмещались, по особым докладам, телеграфные и другие экстренные расходы в размере 500 франков.

Но и этой суммой — 9 000 рублей и 105 тысяч франков в год — дело не ограничилось. С 22 апреля 1905 года было приказано выдавать Мануйлову из секретных сумм Департамента полиции по 4200 рублей в год в виде добавочного содержания. Кроме того, он получил на прессу 2200 рублей из Департамента полиции и 16 тысяч франков из Департамента общих дел. Но и это еще не все!

Мануйлов вошел в сношения и с Главным артиллерийским управлением, которому взялся доставлять специальные документы — чертежи орудий и тому подобное. В течение года им было получено 16 500 марок и 40 000 франков. Наконец, Мануйлов получил добрую часть и из крупной суммы, ассигнованной на охрану Балтийского флота. Когда Департаменту полиции пришлось проверить количество и сумму переводов на счет Мануйлова, выяснилось, что только за время «с 19 октября 1904 года по 14 июля 1905 года ему было переведено через Лионский кредит 52 628 руб. 01 коп.». К этим суммам еще выдавались экстренные получки за выполнение чрезвычайных поручений и доходы от частных негоций.

ЯПОНСКИЙ ШИФР ФРАНЦУЗСКОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Проверка П. Рачковским и А. Гартингом деятельности Мануйлова. — Слежка Мануйлова за Акаши. — Донесения Гартинга о Мануйлове. — Доклад Рачковского об отстранении Мануйлова от дел Департамента полиции.

Полицейская карьера Мануйлова, однако, закончилась быстро. В 1905 году в Департаменте полиции вновь воссиял Рачковский, который стал руководить розыскной деятельностью. Первым делом он обратил внимание на Мануйлова и вспомнил об обидах, испытанных по его милости. На помощь Рачковский призвал своего воспитанника Гартинга, который был назначен начальником секретного отделения Департамента полиции. Они пристально занялись Мануйловым и доказали начальству, что, во-первых, тот берет слишком дорого за свои сообщения, во-вторых, совершенно не церемонится с фактами. Они показали, что выписки и фотографии, которые Мануйлов выдавал за копии и фотографии японских шифров, просто-напросто взяты из китайского словаря. Военные чертежи и планы, которыми торговал Мануйлов, — именно те планы и чертежи, которые всучивали Мануйлову в качестве дезинформации заинтересованные агенты иностранных держав, работавшие не в пользу, а против России.

Повод к походу на Мануйлова дало дело японского полковника Акаши. В нем отразились многие характерные приемы Мануйлова. В докладе министру внутренних дел 9 мая 1905 года директором Департамента полиции Коваленским отмечалось:

«27 минувшего апреля в Департаменте полиции было получено подробное донесение чиновника особых поручений Мануйлова о приезде в Париж японского военного агента в Стокгольме полковника Акаши, являющегося руководителем шпионско-разведочной деятельности в Европе. По сообщению г. Мануйлова, им было установлено за Акаши наблюдение, причем ему удалось с одним агентом из соседней с Акаши комнаты услышать разговор его с неким Деканози, анархистом — армянским выходцем. Акаши, ссылаясь на разговоры с Деканози при предыдущих свиданиях, настаивал на неудовлетворительности настоящей формы революционного движения в России, и, по его мнению, если бы суметь сорганизовать стотысячную вооруженную толпу, то при содействии общества эта вооруженная сила одержала бы победу над деморализованными солдатами, коих, по сведениям, полученным Деканози от какого-то офицера в России, в настоящее время всего от 400 и 500 тысяч человек. Далее Деканози будто бы рассказывал Акаши, что к осени можно ожидать весьма крупных беспорядков в Тифлисе, Баку и Батуме, куда уже доставлено значительное количество оружия. Из разговора Акаши с Деканози можно было вывести заключение, что у первого имеется несколько тайных сотрудников, разъезжающих в настоящее время по России. Затем разговор коснулся денежных затрат, и г. Мануйлов со своим агентом явственно будто бы слышали, что Деканози получает от Акаши 2050 франков в неделю на разные расходы. Кажется странным, чтобы в хорошей гостинице, где жил Акаши, можно было из соседней комнаты слышать буквально все, что делалось и говорилось в комнате Акаши.

В том же донесении г. Мануйлов доносит, что ему удалось сделать у Акаши выемку письма Конни Циллиакуса, известного финляндского сепаратиста, в котором он извещает Акаши о своем приезде в Париж и просит выдать ему „для других“ 4000 фунтов. 29 апреля от г. Мануйлова получено новое донесение, с приложением фотографии письма Конни Циллиакуса на имя Акаши.

1-го сего мая от г. Мануйлова получена отправленная им 30 апреля телеграмма следующего содержания: „Перед отъездом Акаши в Лондон агенту удалось изъять

из чемодана памятную записку, написанную Циллиакусом — социалистам-революционерам 4000, яхта 3500, экипаж 500 000, оружия социалистам-революционерам 808 000 ружей, финляндцам 6400; 5000 ружей для Петербурга, 4500 винтовок маузера для раздачи финляндцам и социалистам-революционерам 2100; расчет, очевидно, — на фунты. Подлинная записка препровождается. Прошу дать ответ по этому поводу из-за важности дела и благоприятных обстоятельств, благодаря которым удается быть в курсе провокаторской деятельности японцев. Не признаете ли полезным установить за Акаши и его сообщниками широкое наблюдение во время всех его путешествий — на ассигнованные средства подобное дорогое наблюдение невозможно, потому просил бы ассигновать для этой цели особую сумму. Просьба дать ответ телеграммой".

На эту телеграмму г. Мануйлову было сообщено по телеграфу: „Невозможно дать распоряжение до получения записки Акаши и подробного донесения о наблюдении за корреспонденцией Деканози".

3 сего мая от г. Мануйлова было получено донесение, содержащее 2 телеграммы парижского городского телеграфа, писанные Циллиакусом и „Фредериком" (Деканози, по заявлению г. Мануйлова). Того же числа названный чиновник телеграфировал, что 1 мая из Антверпена выбыл в Гамбург пароход „Корделия" с грузом оружия для России, выгрузка коего должна произойти на шлюпках между Кенигсбергом и Скандинавией 4 того же мая получено новое донесение г. Мануйлова с приложением „записки", написанной, по его словам, Циллиакусом, о которой он упоминает в вышеозначенной телеграмме от 30 апреля. 5 мая поступило донесение г. Мануйлова, комментирующее записку Конни Циллиакуса, полученную 3 мая. Затем, 6 мая, г. Мануйловым доставлено письмо на имя Деканози от некоего парижского фабриканта Дюбюк.

Вся переписка г. Мануйлова об Акаши и Деканози представляет много неясностей, и толкование ими памятной записки предполагаемого Циллиакуса представляет несомненные ошибки. Так, он объясняет, что им было доложено 20 апреля за № 125 о вручении полковником Акаши 2 000 фунтов Деканози для грузин во

время беседы, которая была лично слышана г. Мануйловым. Между тем в сказанном донесении он сообщает только, что до него донесся шелест пересчитываемых бумаг, причем Акаши заметил: „Тут на 125 тысяч франков".

На основании вышеупомянутой записки г. Мануйлов уверяет, что японское правительство при помощи своего агента Акаши дало на приобретение 14 500 ружей различным революционным группам 13 300 фунтов (г. Мануйлов ошибочно сосчитал 15 300 фунтов), то есть по 8 рублей за ружье, но по подобной цене невозможно приобрести какого бы то ни было ружья. В этом же донесении г. Мануйлов настаивает об отпуске сумм для учреждения специальной агентуры для наблюдения за контрабандой Японии в семи наиболее важных европейских портах, помимо Антверпена и Стокгольма, на что ему отпускаются уже агентурные суммы. Подобное предложение было уже им сделано в январе месяце сего года и сообщено Департаментом полиции на заключение Морского министерства, которым означенное предложение было категорически отклонено.

Чрезвычайно странным кажется факт, что Конни Циллиакус, зная давно всех вожаков русских революционных партий, обращается для организации вооруженного антиправительственного движения в России к Деканози, не пользующемуся особым авторитетом среди главарей русских революционеров. Так же невероятно обстоятельство, что Деканози, получая от Акаши еженедельно по 2050 франков, то есть более 3000 руб. в месяц, на разные расходы, живет в Париже в улице Fosse St. Jacques, состоящей исключительно из грязных домиков, где отдаются только меблированные комнаты по 15—20 руб. в месяц.

Департамент полиции, имея в виду сообщения чиновника особых поручений Мануйлова о происках полковника Акаши и другие сведения по тому же предмету, озабочен принятием мер для пресечения вредной деятельности Акаши, но не считает возможным ассигновать теперь же особый кредит г. Мануйлову ранее точного выяснения действительных мер, могущих привести к желательному результату, тем более что требования г. Мануйлова по этому предмету недостаточно основательно

мотивированы. О вышеизложенном имею честь доложить вашему высокопревосходительству».

Записка по делу Акаши была первым ударом по Мануйлову. Второй удар нанес ему Гартинг, представив 31 мая 1905 года начальству следующее донесение:

«Главный морской штаб обратился недели три тому назад в секретное отделение Департамента полиции с просьбой выяснить сношения греческого подданного Константина Рафтопуло, предлагавшего свои услуги Морскому министерству для выяснения и задержания военной контрабанды, отправляемой из европейских портов в Японию, и подозреваемого в шпионстве для японцев.

Названный Рафтопуло 19 мая сего года выехал из Санкт-Петербурга в Берлин одновременно со мною и в том купе, где поместился также один морской офицер. Рафтопуло вскоре разговорился с нами и понемногу стал рассказывать, что он давно помогает нашему правительству в борьбе с Японией, но что его усилия не давали до сих пор достаточно успешных результатов, так как ему приходилось иметь дело с представителем нашего правительства в Париже г. Мануйловым, человеком несерьезным, неумело пользовавшимся сообщавшимися ему сведениями военно-разведочного характера, и так далее. Заинтересовавшись рассказом Рафтопуло, я, не обнаруживая своего имени и служебного положения, продолжал с ним разговор и понемногу узнал, что он сошелся в Париже осенью минувшего года с г. Мануйловым и благодаря тому, что его шурин имеет в Антверпене экспедиционную контору Рейдт и К (Reudt et C.), ему удавалось получать сведения об отправляемой в Японию военной контрабанде. Таким образом он получил сведения об отправке в Японию морского кабеля, а также многих судов, между прочим „Cordelia", и так далее, о чем он предупреждал своевременно г. Мануйлова. Вспомнив, что г. Мануйлов действительно докладывал о кабеле и вышеупомянутых пароходах, я добился того, что Рафтопуло показал мне печатанные на пишущей машинке копии всех его сообщений г. Мануйлову, ознакомление с которыми убедило меня в том, что он действительно доставлял г. Мануйлову сведения, сообщавшиеся последним Департаменту полиции.

Помимо всего, Рафтопуло рассказал мне, что он обращался с письмом на высочайшее имя, переданным им министру императорского двора барону Фредериксу, в котором он докладывал об услугах, оказываемых им в течение нескольких месяцев г. Мануйлову, и предлагал свои услуги для доставления в будущем сведений о контрабанде в Японию непосредственно нашему правительству, помимо г. Мануйлова. Рафтопуло был несколько раз принят 2-м генерал-квартирмейстером, генералом Поливановым, которому он показал всю свою переписку с г. Мануйловым и рассказал про некорректное поведение последнего. По словам Рафтопуло, он и его приятель — агент французского генерального штаба Эмиль Мутье (Emile Moutier) — работали для г. Мануйлова, то есть для нашего правительства, даром, получая от него только уплату расходов по разъездам и телеграммам, и г. Мануйлов должен, мол, ему еще 2975 франков за произведенные расходы. Рафтопуло рассказал также подробно про свои сношения с г. Мануйловым исполняющему должность начальника Главного морского штаба контр-адмиралу Вирениусу.

Так как Рафтопуло говорил мне о своих близких сношениях с нашим морским агентом в Берлине князем Долгоруким, то я навел у последнего справку в Берлине, и тот заявил мне, что комендант Константин Рафтопуло известен греческой миссии в Берлине как офицер греческой морской службы, уволенный за какие-то неблаговидные проступки, и что ему, князю Долгорукому, известно об имевшихся у Рафтопуло сведениях о контрабанде для японцев, благодаря близости его к транспортной конторе Рейдт в Антверпене.

Представляя изложенное на усмотрение вашего превосходительства, имею честь почтительнейше добавить, что сообщения Рафтопуло 2-му генерал-квартирмейстеру Поливанову и исполняющему должность начальника Морского штаба контр-адмиралу Вирениусу бросают неблаговидную тень на чиновника особых поручений Мануйлова, и посему навряд ли удобно продолжать Департаменту полиции передавать вышепоименованным лицам предложения и сообщения г. Мануйлова.

Коллежский советник А. Гартинг.
31 мая 1905 года».

Рачковский и Гартинг ковали железо, пока были у власти. 8 июня Рачковский представил доклад Трепову, бывшему в то время товарищем министра внутренних дел. Он набросил тень на все сообщения Мануйлова и резюмировал свое прошение тем, что Департамент полиции не извлекает почти никакой пользы из доставляемых Мануйловым документов, а получает Мануйлов за это до 50 тысяч рублей в год. Трепов положил на докладе резолюцию: «Обдумать, как с этим покончить». 24 июня Гартинг представил новый доклад о Мануйлове, заканчивавшийся следующими соображениями:

«Деятельность г. Мануйлова в Париже по отношению к секретному отделению Департамента полиции не дает никаких серьезных результатов, тогда как агентура его по одному отделению обходится Департаменту около 47 тысяч рублей. По моему крайнему разумению, получать документы разведочного характера, но с более серьезным выбором можно было бы за сравнительно незначительную сумму (я полагаю, не больше третьей части суммы, ассигнуемой г. Мануйловым), а если бы Заграничная агентура Департамента была поставлена рационально, один из помощников означенной агентуры мог бы специально заниматься деятельностью разведочного характера. Таким образом, я полагал бы, что вверенное чиновнику особых поручений Мануйлову дело должно быть передано агентуре Департамента полиции в Париже, а он — отозван из Франции, если его деятельность по отделу прессы не делает пребывание его в Париже необходимым. Я признавал бы необходимым отозвать названное лицо из Парижа, тем более что оно не пользуется достаточным уважением среди представителей французских властей и что подобное решение вопроса уменьшит в значительной степени расходы Департамента».

28 июня Гартинг составил для Трепова еще один доклад о Мануйлове:

«Согласно представленной чиновником особых поручений Мануйловым при донесении от 22 июня сего года за № 269 справке, на разведочную агентуру за границей ему отпускается ежемесячно на расходы 8250 франков, на конспиративную квартиру 200 франков и на покрытие особых своих расходов (представительство) 500 рублей.

В подробном исчислении статьи 1-й („служащие“) г. Мануйлов указывает, что он расходует ежемесячно на 9 лиц 4191 франк, в том числе: 1) на Поморина — письмоводителя, взятого им из Петербурга только с месяц тому назад, но показанного как постоянного сотрудника, и 2) на лицо, занимающееся просмотром и вырезками из газет (Инвернизи — 375 франк; этот последний расход навряд ли кажется нужным). В статье 2-й („агентурные наблюдения“) г. Мануйлов указывает на расходы по наблюдениям за миссиями в Париже 1510 франков, в Лондоне 550 франков, в Брюсселе 550 франков, в Мадриде 200 франков, в Эссене 240 франков, в Антверпене 250 франков, в Гааге 250 франков.

Входя в подробную оценку каждой из вышеуказанных статей, я считаю, что исчисляемые расходы совершенно не оправдываются, так как их незачем производить, помимо ежемесячных расходов в 200 франков переводчику французского разведочного бюро Анселю и расхода в 60 франков в гостинице, где время от времени проживает японский полковник Акаши. Наблюдение за миссиями в Париже никогда не давало серьезного результата; все выемки обрывков бумаг, в них сделанные, неинтересны; то же самое можно сказать и про наблюдение за миссиями в Лондоне, Брюсселе и Гааге. Наблюдение за германским посольством в Мадриде мотивируется г. Мануйловым тем, что он рассчитывает получить оттуда копию немецкого шифра. Наблюдение в Эссене, на заводе Круппа, совершенно бессмысленно и не может дать никакого результата; что же касается наблюдения в Антверпене за контрабандой, на что Мануйловым тратится будто бы 250 франков в месяц, то таковое бесполезно, что ему и было указано во время его последнего пребывания в Петербурге. По вышеуказанным статьям г. Мануйлов тратит, по его словам, 7741 франк, а получает 8250 франков.

Несомненно, что при серьезной постановке разведочной агентуры за границей таковую можно вести за значительно меньшую сумму.

Все представленные г. Мануйловым со времени учреждения секретного отделения документы при просмотре их оказывались неинтересными. Предлагаемые им документы для приобретения нашим морским ведомством были все отклонены; что же касается проданных

им документов артиллерийскому ведомству, то таковые оказались неточными и неясными, вследствие чего, дабы не повторять подобной ошибки, последнее поручило доверенному лицу проверить на месте его новые предложения...».

Трепов положил на этом докладе 29 июня 1905 года резолюцию: «Поручаю П. И. Рачковскому это дело привести в порядок».

Наконец Рачковский смог нанести последний удар Мануйлову. 28 июля он представил доклад об отстранении Мануйлова от работы:

«Состоявший агентом по духовным делам при императорской миссии в Ватикане, чиновник особых поручений при Министре внутренних дел, коллежский асессор Мануйлов доставлял Департаменту полиции в течение последних лет сведения из Рима. Ему выдавалось из сумм Департамента до 15 июля 1902 года 1200 рублей, а с того времени 4000 руб. в год и по 500 руб. в месяц. То есть по 6000 руб. в год для возмещения его расходов по представляемым им докладам. Помимо поручений, исполнявшихся г. Мануйловым в Риме, он исполнял также поручения по Парижу и получал за это отдельное вознаграждение также по особым докладам.

После начала русско-японской войны названный чиновник стал доставлять склеенные обрывки бумаг на японском языке из японских миссий в Париже и Гааге и некоторые японские депеши, получавшиеся им очевидно из Surete generale в Париже или от одного из служащих в этом учреждении. На приобретение указанных документов в Париже г. Мануйлов получал суммы разных размеров, согласно его требованиям. С июня по октябрь минувшего 1904 г. г-н Мануйлов жил в Санкт-Петербурге, после чего был командирован бывшим директором Департамента полиции Лопухиным в Париж для доставления сведений, могущих быть полезными секретному отделению Департамента, на что ему стало отпускаться ежемесячно 8450 франков и 500 рублей. С течением времени г. Мануйлов, кроме склеенных бумаг на японском языке, стал доставлять таковые и на других языках. По многим данным является возможность предполагать, что и эти документы получаются г. Мануйловым от французской тайной полиции.

Переводы присылаемых г. Мануйловым бумаг убедили как действительного статского советника Лопухина, так и наблюдавшего прежде за деятельностью секретного отделения коллежского советника Макарова в том, что означенные бумаги не имели для нас никакого серьезного значения, в каком духе г. Макаровым и было положено на донесениях названного чиновника несколько резолюций. А действительным статским советником Лопухиным было поставлено г. Мануйлову на вид, что доставляемые им сведения не соответствуют получаемому вознаграждению.

Бывший директор Департамента действительный статский советник Коваленский также обратил внимание на то, что доставляемые г. Мануйловым документы на французском, немецком и английском языках большей частью не представляют никакого значения, ввиду чего ему было предложено доставлять документы на известных ему языках с бóльшим выбором, дабы не обременять отделение ненужной работой. Последствием сего было весьма значительное уменьшение доставления таковых, и вместо них он начал присылать переписку японского военного агента в Стокгольме полковника Акаши с армянским выходцем, анархистом Деканози; доставление же сведений разведочного характера почти прекратилось, за исключением копий телеграмм японской миссии в Париже, некоторых других неинтересных писем революционного характера и фотографических снимков китайских документов, часть которых по просмотре оказалась сфотографированными с китайского словаря. По отношению к Департаменту полиции дело поставлено так, что у г. Мануйлова имеется агентура якобы в разных столичных городах Европы.

Единственно ценным материалом, доставленным г. Мануйловым, следует считать копию дипломатического шифра японского правительства, на расходы по приобретению которого ему было выдано 9000 франков. Можно полагать, что шифр этот также был получен им из Surete generale в Париже.

Принимая во внимание, что сведения г. Мануйлова не дают никакого материала секретному отделению, между тем как содержание его в Париже вызывает для Департамента весьма значительный расход, имею честь

представить на усмотрение вашего превосходительства вопрос о немедленном прекращении г. Мануйловым исполнения порученных ему обязанностей и отозвании его из Парижа, с откомандированием от Департамента полиции, причем на командируемого в Париж действительного статского советника Лемтюжникова я полагал бы возложить принятые от коллежского асессора Мануйлова все дела и переписку, каковые передать временно на хранение в наше генеральное консульство в Париже, чиновнику же особых поручений Мануйлову продолжать выдачу личного содержания до 1 января 1906 года».

СТАРЫЙ СПОСОБ ДЛЯ НОВЫХ ДЕЛ

П. Щеголев о Мануйлове. — Предложение К. Коковашина. — Мануйлов в роли «спасителя отечества». — Миноносцы по миллиону. — Заложенные чеки. — Проект удаления Коковашина. — Получение новых документов старым способом. — В ожидании публичного скандала. — Кража документов Витте.

Историк П. Щеголев, составивший занимательное жизнеописание Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова — отдельные фрагменты его биографии даны были выше, — приводит, в частности, эпизод, не связанный напрямую с парижским периодом деятельности Ратаева, но точно отражающий методы и приемы заграничных агентов Департамента полиции в те времена. П. Щеголев отмечает при этом, что жизнь Мануйлова — необходимый и неустранимый эпизод истории падения режима. Чтобы понять, почему пал режим и почему пал именно так, а не иначе, историк, наряду с фигурами крупными, патетическими и драматическими, фигурами с крупными именами, должен заняться и мелкой, юркой, специфически характерной фигурой коллежского асессора. Похождения его интересны по тем нитям и связям, которые тянутся от мелкого агента к самым громким деятелям отжитой эпохи, и по необычайно пестрой и любопытной фабуле. Ловкостью рук Мануйлов составил свою репутацию, и, когда оказывались недопустимыми или неосуществимыми всевозможные легальные воздействия, начальство прибегало к его помощи. И он всегда выручал. Великолепный образчик сыскного мастерства Мануйлова дает дело Коковашина.

В этой истории Иван Федорович поистине явился «спасителем отечества».

В сентябре 1904 года некто Константин Александрович Коковашин обратился в ученый отдел Главного морского штаба и в Комитет по усилению военного флота с предложением представить шесть минных истребителей, по 320 тонн водоизмещением каждый, в один миллион рублей, причем представил заключенный им во Франции и написанный на гербовой бумаге договор с английской фирмой «Morgan Marshall and C. Limited» в Лондоне. Указанное предложение ученым отделом было отвергнуто, а Комитет, ознакомившись с делом, решил запросить Главный морской штаб о необходимости приобретения предлагаемых миноносцев. Причем в случае согласия предполагалось выдать Коковашину письмо, удостоверяющее, что Комитетом заключена с ним сделка по доставке упомянутых судов. Туда же затем Коковашин подал заявление о понижении заявленной им цены до 780 тысяч рублей за миноносец, на что ему был дан ответ членом-делопроизводителем лейтенантом Верховским:

«Согласно вашему заявлению, я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что по прибытии в Порт императора Александра III предлагаемых вами миноносцев, краткое описание которых и чертеж находятся у меня за подписями ваших участников в деле, как указано в заключенном вами договоре от 22 сентября нового стиля сего 1904 года в Париже с гг. Morgan Marshall et C. Limited, подлинник которого также находится у меня, вам будет уплачено от высочайше учрежденного Комитета по усилению флота России за каждый вышеуказанный миноносец с вооружением и всем необходимым снабжением, с тремя минами Уайтхеда на каждый минный аппарат, по семисот восьмидесяти тысяч рублей кредитными. Способ уплаты в банк, на который будут выдаваться чеки, будет установлен представителями Комитета с вами в Париже».

Начались переговоры, которые со стороны морского ведомства вели контр-адмирал в отставке Черкас, капитан второго ранга Шателен, барон Таубе и лейтенанты Верховский и фон Шульц. Уплата должна была производиться по векселям на парижский банкирский дом Ротшильда. Бароном Таубе были выданы расписки Коковашину в счет уплаты за два миноносца, но уплата по

распискам не была произведена, несмотря на то что расписки были представлены к уплате раньше времени, так как от судов пришлось отказаться, и банкир был своевременно предупрежден об этом.

Спустя некоторое время в наше посольство в Париже и банкирский дом Ротшильда стали являться подозрительные личности, справлявшиеся о подлинности и значении документов Комитета по усилению флота, выданных Коковашину. Ему будто бы было поручено приобретать миноносцы и другие суда с уплатой за это в Париже крупной комиссии, в счет которой он пускается в разные коммерческие дела. Между прочим, в посольство приносили официальное письмо к нему за подписью лейтенанта Верховского, перешедшее затем в руки какой-то аферистки для покупки жемчуга. Кроме того, Коковашин заложил ростовщику за 8000 франков чек за подписями Шателена и Таубе на 21 тысячу фунтов, по которому банкирский дом Ротшильда отказался уплатить. Три меньших чека — всего на 16 тысяч фунтов — находились у известных в Париже мошенников, а обязательство на сумму в 120 тысяч фунтов — у английского банкира Голланда. Помимо этого банкирскому дому Ротшильда были предъявлены чеки, подписанные лейтенантом Таубе, за покупку судов на 2 миллиона франков, в уплате которых было также отказано. Парижские владельцы чеков намерены были преследовать и арестовать Коковашина, при содействии которого в качестве уполномоченного русским правительством сделка с Шателеном и Таубе и была совершена.

Ввиду того, что настоящий инцидент произошел во время заседаний в Париже комиссии по «Гулльскому делу» и мог разразиться крупным скандалом, российский посол в Париже признал весьма важным удалить Коковашина из Франции легально и юридически, чтобы при преследовании его за мошенничество все это грязное и запутанное дело не стало предметом публичного разбирательства и газетного скандала. На докладе министра иностранных дел 10 ноября означенного вопроса император положил резолюцию: «Это недопустимо».

Директором Департамента полиции Лопухиным была получена 16 ноября из Ай-Тодора от великого князя Александра Михайловича следующая телеграмма:

«Прошу оказать всевозможное содействие лейтенанту Верховскому по делу, которое он вам лично доложит». Департамент полиции вновь обратился за помощью к Мануйлову. Ему было предложено по телеграфу обратиться за содействием к начальнику французской тайной полиции Кавару для ограждения нашего морского ведомства от шантажных притязаний Коковашина, на что 19-го того же месяца была получена телеграмма от Мануйлова, в которой сообщалось, что Коковашин согласен выехать в Петербург, но для урегулирования этого дела необходимо выслать 20 тысяч франков для уплаты его долгов.

Мануйлов донес, что через доверенное лицо ему удалось получить от Коковашина как письмо лейтенанта Верховского, так и условия, заключенные с английскими фирмами на поставку миноносцев, которые и были доставлены при означенном донесении и 9 декабря препровождены капитану 2-го ранга Шателену. В это же время Коковашин выехал из Парижа в Петербург и по прибытии в Россию поселился в Павловске. Дабы впредь лишить Коковашина возможности выехать за границу, Департамент полиции просил санкт-петербургского градоначальника не выдавать названному лицу заграничного паспорта.

Мануйлов добился таких результатов старым как мир способом. Через своих агентов он выкрал нужные документы и затем вошел в переговоры с Коковашиным. О работе Мануйлова в этом деле и том величайшем конфузе, в который могло попасть русское правительство, стало известно, в частности, из конфиденциального письма жандармского офицера Шелькинга, работавшего по агентурной линии в Париже:

«Считаю обязанностью сообщить вам, для передачи Петру Аркадьевичу, следующие подробности о деле, которое грозит послужить темою к запросу в Палате депутатов и к связанному с ним разоблачению в здешней печати, могущему вредно отразиться на моей здешней работе.

Дело идет о поручении, данном в 1904 году некоему Коковашину, купить для России миноносцы в Англии. Вначале поручение дано было ему Морским министерством письмом за подписью Стронского, бывшего адъютанта адмирала Авелана. Затем переговоры перешли к

гг. Шульцу (как говорят, псевдоним, коим пользовался здесь адмирал Абаза), Шателену, адъютанту великого князя Александра Михайловича, и лейтенанту Таубе, которые должны были купить эти суда на счет добровольных пожертвований. Миноносцы должны были идти под венесуэльским флагом. В уплату их барон Таубе выдал векселя на дом Ротшильда на сумму 2 с лишком миллиона. Но в момент получения по чекам оказалось, что деньги у Ротшильда взяты. Мотив — несуществование будто бы объекта купли и продажи, то есть миноносцев. По этому предмету Коковашин и стоящие за ним англичане предъявили иск к нашему правительству. Посольство, а равно и морской агент в Париже, поставленные в известность в этом деле, заявили, что оно их не может касаться, так как иск и претензия предъявлены на Шульца, Шателена и Таубе — представителей Комитета добровольных пожертвований. Как видите, до сих пор дело, действительно, как будто не представляет особого интереса, и я не стал бы утруждать внимание Петра Аркадьевича, но иначе обстоит с его разветвлениями.

Вероятно, действуя на основании каких-либо предписаний из Санкт-Петербурга, бывший в то время чиновник особых поручений при Министре внутренних дел, командированный в Париж, И. Ф. Мануйлов, как явствует из показания Наделя, его бывшего агента, приказал ему добиться возвращения в Россию Коковашина. С этой целью Надель познакомил Мануйлова с неким Витоли (в настоящее время скрывшимся). Витоли обязался исполнить желание последнего, познакомился с этой целью с Коковашиным, под видом желания вступить с ним в компанию, снабдил его деньгами для поездки в Санкт-Петербург, а тем временем „экспроприировал“ некоторые из имеющихся у Коковашина документов, не зная, что стоящие за спиною последнего дельцы (Коковашин производит впечатление человека слабоумного и лица подставного) успели снять фотографии с большинства из них. По наущению их же Коковашин подал во французский суд, обвиняя гг. Наделя, Витоли в краже, и, как увидите, это обвинение может иметь некоторые шансы быть доказанным на основании свидетельских показаний. В настоящее время дело у судебного следователя Ветра, но задержано вследствие

завала в работе по делу Рошета. Помощник его, г. Вертело, говорит, что дело в высшей степени скабрезное и что, по-видимому, причастие агентов нашей полиции в Париже не подлежит сомнению.

Опасность заключается в том, что, при переходе дела в руки прокурора, оно сделается достоянием печати и, по всей вероятности, за нее ухватятся социалисты для запроса правительству о деятельности в Париже нашей полиции. Замять его трудно, так как происшествие случилось во Франции и с французскими подданными (Витоли и Надель). Почему в него вмешалась наша полиция, на обязанности коей лежит, насколько мне известно, наблюдение над политическими, судить не берусь, но, повторяю, не считаю возможным не довести всего вышеизложенного до сведения Петра Аркадьевича, дабы дело это не было для нас неожиданным сюрпризом. Кроме того, так как я предвижу прессовый скандал, то на моей обязанности — предупредить о нем. Выписки из дела и свидетельские показания прилагаю в копии».

Способность Мануйлова к добыванию необходимых документов известным способом востребовалась его покровителями неоднократно. Во время борьбы за власть Н. В. Плеве и С. Ю. Витте Мануйлову было поручено раздобыть материалы, которые уличали бы Витте в неблагонадежности. Князь Мещерский, игравший тогда крупную роль в высших сферах, ввел Мануйлова к Витте. Здесь он каким-то путем выяснил, что нужные документы хранятся у одного из бывших секретарей Витте. Поместившись в номере парижской гостиницы «Бель-Вю», смежном с номером, занятым этим человеком, Мануйлов при помощи подобранных ключей проникает в номер, вскрывает письменный стол и снимает нужную копию с бумаг. Все это было сделано ловко и бесшумно, а результатом явилось увольнение Витте от должности министра финансов.

На организацию кражи документов у Витте Мануйлову была отпущена Плеве крупная сумма денег, но Мануйлов еще ухитрялся просить на «непредвиденные расходы», что приводило Плеве в бешенство. Во время этой истории, между прочим, на одном из докладов Мануйлова Плеве поставил резолюцию: «Этот болван ворует не то, что нужно».

ПАЛКА О ДВУХ КОНЦАХ

Смета 1904 года на операции в Европе. — Убийства великого князя Сергея Александровича и министра внутренних дел В. Плеве. — Заработки на политических убийствах. — Отставка Лопухина. — Возвращение Рачковского и его кадровые чистки. — Восстановление берлинской агентуры и назначение Гартинга ее руководителем. — Отставка Ратаева. — Ратаев о своей деятельности. — Рапорт Гартинга Рачковскому. — Назначение Гартинга на место Ратаева. — Оценка Гартингом деятельности Ратаева. — Увеличение бюджета Заграничной агентуры. — Новая дружба старых врагов. — Ратаев об Азефе. — Услуги пенсионера Ратаева Департаменту полиции. — Попытки Бурцева встретиться с Ратаевым.

Практика провокации и подкупа являлась основой всего политического сыска царской России. Но правительство не учитывало того, что это — палка о двух концах. И если первый конец ее бил по тем, против кого она была направлена, то второй — по тем, кто ее направлял и оплачивал ее удары. Согласно полицейским архивам, в 1904 финансовом году Лопухин выделил на все операции в Европе 132 380 рублей, что соответствовало 352 133 франкам, — примерно столько же, сколько Рачковский истратил в 1894 году в Париже, когда дорогостоящей берлинской агентуры еще не существовало. Бюджет Рачковского за тот год составил 300 000 франков. Из тех же фондов, которые Лопухин в 1904 году выделил Ратаеву в Париже, — 50 535 рублей и Гартингу в Берлине — 44 780 рублей, они должны были нанимать агентов. Оставшаяся часть бюджета — 37 666 рублей — распределялась непосредственно из Петербурга среди остальных сотрудников. Агенты в Вене получали 5256 рублей,

агенты в Галиции, Прусской Познани и Силезии — 6400 рублей. К концу 1904 года у Лопухина совсем не оставалось денег. По этой причине он был вынужден отклонить просьбу об усилении охраны в Москве великого князя Сергея Александровича. К несчастью для Лопухина, 4 марта 1905 года великий князь был убит. Это и последующие события вынудили Лопухина оставить должность в Департаменте полиции, распоряжаться которым теперь стал товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов. 24 мая 1905 года Лопухин передал ему дела.

Почти годом раньше, 15 июня 1904 года, по постановлению «Боевой организации» социалистов-революционеров был убит покровитель Ратаева министр внутренних дел Российской империи Вячеслав Константинович Плеве. Несоответствие Лопухина своей должности стало уже тогда слишком очевидным.

Два убийства — министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича — были совершены с ведома и при участии подопечного Ратаева, провокатора Азефа. Этими терактами он рассчитывал укрепить свое положение среди эсеров. Рачковский, как и Азеф, знал о готовившемся убийстве Плеве, однако ничего не сделал для того, чтобы предупредить его. В этом сказалось все внутреннее противоречие сущности царской охранки. Тот, кто за деньги выдавал противников самодержавия, с таким же успехом зарабатывал и на убийствах самих царских сатрапов. Уже после убийства Плеве его противник Гартинг получил крупную денежную премию и право на потомственное дворянство. Это произошло потому, что в связи с назначением нового министра все прежние сторонники Плеве, в том числе и директор Департамента полиции Лопухин, получили отставку, а противники — повышения по службе и награды.

У Рачковского по-прежнему оставались связи в высших кругах, влиятельные люди ему покровительствовали. К примеру, великий князь Сергей Александрович, бывший в то время московским генерал-губернатором, пригласил Рачковского сопровождать его на собрании 45 тысяч рабочих, состоявшемся в Кремле по случаю годовщины отмены крепостного права. А чуть ли не на следующий день после убийства террористами великого

князя император по совету могущественного петербургского генерал-губернатора Трепова восстановил Рачковского уже в должности чиновника особых поручений Министерства внутренних дел, а затем сделал его заведующим политической частью Департамента полиции на правах вице-директора.

Рачковский живо взялся за дело, и начал он, естественно, с чистки Департамента от недостаточно хорошо проявивших себя сотрудников. В их числе, наряду с действительно лишними людьми в Департаменте, оказались личные враги и недоброжелатели Петра Ивановича: Зубатов, Лопухин и другие. Судьба Ратаева также была предрешена. Рачковский не замедлил восстановить только что упраздненную Лопухиным берлинскую агентуру, а своего питомца Гартинга снова сделал ее заведующим, для этого Рачковскому достаточно было представить 11 июня 1905 года министру внутренних дел доклад, в котором он писал следующее:

«Принимая во внимание, что со времени объединения парижской и берлинской агентуры Берлин по своей близости к русской границе не утратил для революционеров своего значения и там продолжает сосредоточиваться значительное количество активных деятелей различных партий, включительно до террористов, которые при отсутствии ныне правильно организованного агентурного наблюдения могут совершенно свободно осуществлять свои преступные замыслы, Департамент полиции полагал бы существенно важным незамедлительно восстановить берлинскую агентуру на прежних основаниях».

Заведовать вновь открытой берлинской агентурой 19 июля 1905 года опять стал Гартинг. Это был сильный удар по самолюбию Ратаева. Стало ясно, что дни его сочтены.

Легко было убедить петербургских самодержцев, что вчерашняя истина стала грубым заблуждением. Ратаеву было предложено немедленно вернуть в распоряжение Гартинга соответственные суммы, отпущенные на агентурное наблюдение в Германии. Из переписки, возникшей по этому поводу, стало видно, между прочим, что во времена ратаевского управления содержание парижской, лондонской и женевской агентур обходилось в 134 400

франков в год, из которых на Лондон шло 50 тысяч и на Швейцарию 18 тысяч франков.

Через три месяца, 1 августа 1905 года, за неделю до того, как Рачковский сделался заведующим политической частью Департамента полиции, Ратаева заставили передать всю Зарубежную агентуру Гартингу, и тот сразу же развернул кампанию против своего предшественника. Конечно, Ратаев немедленно помчался в Петербург, чтобы пустить в ход соответствующие пружины. Но все было тщетно. Пришлось примириться и отойти от власти. Ратаев ушел без дальнейшего лишнего шума: в противном случае Трепов угрожал ему лишением пенсии. Обличителем охранки Ратаев не стал и позднее, хотя Бурцев неоднократно обращался к нему с такими предложениями. В утешение, впрочем, Ратаев получил в виде пособия 150 тысяч франков и поселился в Париже, где и жил с тех пор под фамилией Рихтера.

Вот выписка из докладной записки Ратаева министру внутренних дел от 9(22) марта 1906 года:

«В минувшем июле (1905 г.), когда я приехал в Петербург, я застал странное положение. На все мои вопросы как высшее, так и ближайшее начальство категорически заявляло мне, что с деятельностью моей они совершенно не знакомы, докладов моих не читали и не знают, но тем не менее под страхом лишения пенсии требовали, чтобы я немедленно уехал в Париж для сдачи должности. Так что я, собственно говоря, до сих пор совершенно не осведомлен о причинах прекращения моей служебной деятельности. Такова нравственная сторона дела».

Сетования Ратаева на несправедливость высшего начальства вполне оправданны: под его руководством достигла наибольшего блеска провокаторская деятельность Евно Азефа, и это сокровище пришлось оторвать от своего сердца и отдать врагу! «Должность мою, — констатировал Ратаев в докладной записке на имя министра внутренних дел от 9 (22) марта 1906 года, — я вынужден был покинуть совершенно без всяких предупреждений и как раз в тот самый момент, когда агентура среди партии социалистов-революционеров достигла небывалой высоты и ожидались весьма крупные результаты». В отчете Департамента полиции помечено, что 8 августа 1905 года Ратаев в Петербурге передал Рачковскому вре-

менно находящегося в России секретного сотрудника. Несомненно, речь шла об Азефе, хотя очевидно, что Рачковский не мог не знать Азефа гораздо раньше и, конечно, знал, виделся и работал с ним рука об руку.

Подобно тому, как Ратаев при замещении в Париже Рачковского свои доклады по начальству наполнял прежде всего критикой и умалением заслуг своего предшественника, так и новый хозяин Заграничной агентуры Гартинг уже в первом докладе делает то же по отношению к Ратаеву. Вот выдержки из объемного рапорта Гартинга своему шефу Рачковскому от 14 сентября 1905 года:

«Согласно ордеру господина товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, от 19 минувшего июля о назначении меня заведующим заграничной агентурой Департамента полиции, я отправился в Берлин для принятия архива, который г. Ланге-Говоров, доверенное лицо действительного статского советника Ратаева, должен был к тому времени передать на хранение нашему генеральному консульству в Берлине. Накануне моего приезда, состоявшегося 19 августа, в генеральное консульство действительно был сдан г. Ланге-Говоровым сундук с бумагами, по вскрытии коего в оном оказался архив, переданный мною в конце минувшего февраля командированному для принятия от меня берлинской агентуры отставному надворному советнику Медникову. Новых же документов, которые поступили бы за последние четыре месяца из Департамента полиции, не оказалось, вследствие чего можно предполагать, что начиная с марта месяца розыскная деятельность берлинской агентуры была прекращена.

Единственными новыми бумагами, оказавшимися среди архива, было несколько телеграмм, адресованных г-ну Ланге-Говорову прежде служившим в моей агентуре наружным агентом Вольцем, в которых последний настоятельно требовал высылки денег и извещал о задержании женевской полицией его, Вольца, равно как и другого агента парижской агентуры — некоего Маша.

При личном свидании названный Вольц подтвердил мне содержание упомянутых его телеграмм к г-ну Ланге-Говорову, пояснив при этом, что, работая в Швейцарии без всякого руководства, он и Маш обратили на себя внимание местных властей, были задержаны женевской

полицией и засим оба высланы из Женевы. Некоторое время спустя Вольц и Маш по поручению действительного статского советника Ратаева отправились в Дюссельдорф, где Маш был задержан местной полицией за долги и, просидев некоторое время в тюрьме, был выслан затем из Дюссельдорфа.

Из документов, одновременно с сим препровождаемых действительным статским советником Лемтюжниковым, Ваше превосходительство изволите усмотреть, что г. Ратаевым передано действительному статскому советнику Лемтюжникову: архив, 4 наружных агента, 1 секретный сотрудник, некий Светлицкий (псевдоним), как раз случайно пришедший по делам службы в канцелярию агентуры, адреса двух наружных и одного внутреннего агента в Лондоне и список причастных к агентуре Департамента полиции проживающих в Швейцарии лиц, специально занимающихся перлюстрацией писем одного из участков Женевы.

Из содержания вышеупомянутых списков усматривается нижеследующее: в Париже в агентуре числится 6 человек. Из них Чашников по старости производительной работы делать не может. Ильин состоит машинистом. Из 4 наружных агентов для наблюдения употребляются только Самбен и Левек, который, как мне известно из дел, особенными способностями не отличается; Фернбах годен лишь для собирания справок; Бинт же, прежде занимавшийся наружным наблюдением, состоял при действительном статском советнике Ратаеве в роли ближайшего и доверенного помощника; по наружному же наблюдению на него никаких поручений не возлагается, и он заявляет, что наблюдением больше заниматься не будет.

В Женеве находится 6 человек, числящихся в агентуре. Из них Риго, еще несколько лет тому назад бывший наблюдательным агентом, в настоящее время к таковой службе не пригоден вследствие характерной наружности (непомерно толст), Депассель, Баке и Делеамон, состоящие на службе в женевской полиции, пригодны лишь для доставления в Женеве Заграничной агентуре Департамента полиции частным образом коекаких справок о проживающих там революционерах. Мерсие поставляет корреспонденцию для перлюстрации, которой специально занимаются Риго и г-жа Депассель.

В Лондоне наружным наблюдением занимается агент Фарс, а собиранием справок — англичанин Торп.

Таким образом, для надобностей наружного наблюдения в Париже, Лондоне и Швейцарии при настоящем наличном составе в распоряжении Заграничной агентуры в действительности остаются всего лишь три человека».

Переходя затем к рассмотрению финансовой сметы Ратаева, Гартинг высказывает удивление, каким образом Ратаев мог платить такие большие жалованья агентам внешнего наблюдения, что месячные расходы на содержание последних превышали 3000 франков:

«Каким образом мой предместник, уплачивая такие сравнительно крупные суммы некоторым из наружных агентов, мог содержать еще секретных сотрудников и платить, например, 900 франков в месяц известному Департаменту полиции Бабаджану (Батушанскому), ныне уехавшему по указанию г. Ратаева из России с тем, кажется, чтобы постараться поступить на службу к г. Гуровичу? Тем более что независимо от Бабаджана у него имелось еще несколько мелких сотрудников, которые при самом скромном жалованье, несомненно получали в общей сложности около 1000 франков в месяц».

Гартинг объясняет это тем, что Ратаев поставил такие высокие жалованья в смету только лишь перед своим уходом.

«Предположение это представляется мне, — продолжает Гартинг, — еще тем более правдоподобным, что, помимо всех перечисленных расходов, г. Ратаев до сентября минувшего года платил ныне умершему Милевскому жалованье в 1250 франков в месяц, не считая 1000 франков наградных, и по смерти Мидевского продолжал выдавать его вдове по 1000 франков в месяц и 1000 франков наградных. А с 1 января по конец минувшего июля, т.е. до пожалования последнему пенсии, выдавал ему ежемесячно по 500 франков».

Помимо компрометации своего предшественника и соперника, Гартинг стремился этим доносом к осуществлению другой, более материальной цели, а именно: увеличить ассигнование отпускаемых в его распоряжение сумм.

Рачковский пошел навстречу желанию своего ученика и друга Гартинга. Ассигнования на Заграничную агентуру были увеличены почти на 100 тысяч франков, в том числе 12 тысяч франков было отпущено на содержание нового сотрудника — француза Деверинна, которому была поручена организация внешнего наблюдения, и 40800 франков на приобретение других новых секретных сотрудников. Обстоятельство это не осталось незамеченным Леонидом Александровичем. «Тотчас после оставления мною должности, — с обидой отмечал он в статье „Евно Азеф. История его предательства“, — отпуск на Заграничную агентуру был увеличен на 100 тысяч франков, и, таким образом, в настоящее время, когда, в сущности, за границей дела втрое меньше, чем прежде, заместитель мой получает все то, что отпускалось на Германию, и с добавлением еще 100 тысяч франков».

Все преобразования Ратаева, по мнению Рачковского, сразу оказались вредными и ошибочными и подлежали немедленной отмене. Его пребывание на посту руководителя Заграничной агентуры закончилось увольнением без объявления причин. Ратаев был немедленно отозван из Парижа, а на это место еще 19 июля 1905 года уже был назначен новый начальник — А. М. Гартинг, провокатор, трудившийся с Рачковским еще над созданием Заграничной агентуры, его правая рука и личный друг. Он оказал неоценимую услугу начинающему Рачковскому постановкой внутреннего наблюдения в Париже и серией наглых провокаций во Франции и Швейцарии.

При вступлении в должность заведующего Заграничной агентурой в Париже Гартинг, «спихнувший» с этого места Ратаева, докладывал 1(14) сентября 1905 года директору Департамента полиции (рапорт № 1), что получил из ратаевского шпионского наследства, кроме канцелярии в Париже и архива в Берлине, одного лишь секретного сотрудника, некоего Светлицкого (псевдоним), в Париже и адрес одного внутреннего агента в Лондоне. Гартинг жаловался, что Ратаев слишком много тратил на наружную агентуру, так что из 11 200 франков месячного бюджета Заграничной агентуры оставалось не более 2500 франков на внутреннюю агентуру, разъезды агентов и непредвиденные расходы. «При таких условиях и с такими средствами ставить серьезную внутреннюю агентуру является совершенно невозможным».

В дальнейшем, впрочем, уже после второй отставки Рачковского, старые враги, судя по всему, помирились. По всяком случае, из воспоминаний Витте, относящихся к его заграничной поездке летом 1906 года, видно, что Рачковский запросто бывал на квартире у Ратаева и получал от него конфиденциальную информацию.

Осенью 1905 года в Париже своего отставного шефа Ратаева навестил Азеф, чтобы рассказать ему, что разоблачен и уже не может дальше работать на полицию. В дальнейшем Ратаеву пришлось пережить немало горьких минут в связи с разоблачением своего «воспитанника». Чтобы собрать факты о провокаторстве Азефа, В. Л. Бурцев пытался выудить информацию у Ратаева, подослав к нему бывшего агента охранки и хорошо знавшего его М. Е. Бакая.

«Ратаев принял Бакая, — пишет Бурцев в своей книге „В погоне за провокаторами“. — В разговоре с ним Бакай, смеясь, как бы между прочим, как это и было у нас условлено, сказал Ратаеву:

— А какой удар готовит Бурцев! Он хочет разоблачить вашего главного эсеровского агента Азефа!

— Какого Азефа? — несколько смущенно спросил Ратаев. — Никакого Азефа я не знаю!

Потом по какому-то поводу Бакай упомянул о тяжелом положении жены Азефа ввиду обвинения ее мужа.

— Так неужели Бурцев и жену Азефа обвиняет в провокации? — спросил Бакая Ратаев.

Бакай сказал Ратаеву, что я обвиняю только Азефа, а не его жену. Ратаев еще раз смущенно повторил:

— Нет, никакого Азефа я не знаю».

Как отмечает В. С. Брачев в своей книге «Мастера политического сыска дореволюционной России», Бурцев трактует этот диалог как желание выгородить Азефа. Мысль о том, что Ратаев верен своему долгу, Бурцеву просто не могла прийти в голову. Но, очевидно, это было так. Однако уже в конце 1908 года и до бывшего руководителя провокаторами стали доходить слухи о предательстве Азефа. А в январе 1909 года Ратаев смог уже сам прочитать «Извещение» ЦК партии социалистов-революционеров, где Азефу приписывалось участие

едва ли не во всех политических злодействах начиная с 1902 года. Ратаев был поражен и никак не хотел в это поверить. «Я был убежден, — писал он, — что ЦК, поставленный в смешное положение разоблачением одного из старейших и наиболее уважаемых членов партии, который якобы состоял слугой правительства, возвел на него эту клевету, дабы самому как-нибудь выпутаться и запачкать русскую политическую полицию обвинением в провокации и участии в политических убийствах». Во время суда над бывшим директором Департамента полиции Лопухиным, обвиненным в разоблачении Азефа, в апреле 1909 года Ратаев прислал из Парижа свои обширные показания. Он утверждал, что не знал подлинной роли своего «воспитанника».

«Я, Леонид Александрович Ратаев, — заявил он, — 50 лет, православный, потомственный дворянин, действительный статский советник. Проживаю в Париже; под судом не был; с участвующими в деле лицами в особых отношениях не состою. Я состоял на службе в Департаменте полиции с 1882 года и вышел в отставку в августе 1905 года. В 1892 году мне, состоявшему старшим помощником делопроизводителя названного Департамента, было поручено выделить из общего состава Третьего делопроизводства всю переписку, касающуюся собственно розыскной части. При выполнении сего поручения мне пришлось ознакомиться с письменными сообщениями ростовского-на-дону мещанина Евно Фишелевича Азефа, в то время студента Политехнического училища в Карлсруэ».

Общий вывод показаний Ратаева сводился к тому, что за все время его службы, то есть по август 1905 года, Евно Азеф «к Боевой организации не принадлежал и террористическими актами руководить не мог». Более того, он, по мнению Ратаева, «был в высшей степени ценным и полезным для правительства агентом, и делаемые им разоблачения о замыслах членов партии социалистов-революционеров представляли подчас непреодолимые препятствия для осуществления преступных предприятий этого сообщества».

Спорность этого утверждения очевидна, отмечает В. С. Брачев. Вскоре Ратаеву пришлось основательно подкорректировать свои показания. Уже в сентябре 1910

года он «почти пришел к убеждению, что Азеф действительно служил на два фронта». В целом же Ратаев склонен был делить службу Азефа по ведомству Департамента полиции на три части, или периода: «1) безусловно верный — с 1892-го по лето 1902 г.; 2) сомнительный — с 1902-го по осень 1903 г. и 3) преступный — с этого времени и до конца службы».

Характерно, что себя Ратаев считал «не менее ответственным за случившееся», чем другие, ибо «в то время, — писал он, — я ближе других стоял к Азефу. Единственным смягчающим обстоятельством служит то, что я находился за границей; преступная же деятельность его развертывалась в России, вне моего поля зрения. С момента моего вступления в должность и по день убийства Плеве Азеф пробыл при мне за границей всего шесть месяцев».

После разоблачения Азеф пишет письмо своему последнему руководителю — бывшему начальнику Петербургского охранного отделения А. В. Герасимову — с просьбой сообщить ему адрес Ратаева: «Где он живет и под каким именем? Он мне мог бы помочь за границей, если бы нужно было обратиться к прессе или куда-нибудь».

В. С. Брачев отмечает, что, будучи уже в отставке, Ратаев из Парижа постоянно интересовался тем, что происходит у него на родине. Любопытна в этой связи его реакция на материалы съезда народных учителей, состоявшегося в 1910 году: «Острая озлобленная нетерпимость ко всему, что связано с государством и церковью, все эти требования о демократизации школы с уничтожением всякой сословности, об устранении из школы всякого церковного влияния и замене религии какой-то кооперацией — все это доказывает, что в среду русских сельских учителей глубоко запали космополитические, международные, антинациональные и антирелигиозные идеи».

Не терял Леонид Александрович и своих связей с Департаментом полиции, выполняя время от времени его отдельные поручения. Бурцев, в частности, обоснованно считал, что именно Л. А. Ратаев по просьбе из Петербурга организовал блестящую защиту полковника М. Ф. фон Коттена на процессе М. Рипса летом 1910 года. Несмотря на то что подсудимым был Рипс — бывший агент охранки, неудачно стрелявший в Париже в

фон Коттена, прогрессивная французская общественность сделала все, чтобы под судом оказалось само царское самодержавие с его провокациями против русских революционеров. Однако благодаря приглашенному Ратаевым адвокату — им был знаменитый Лабори, защищавший в свое время Дрейфуса, — обвинить фон Коттена не удалось, хотя Рипс и был оправдан.

Из других деликатных поручений Департамента полиции, выполненных Ратаевым, следует отметить две его статьи 1909 года в парижской газете «Matin», направленные против Бурцева, «чрезвычайно ловко составленные и хорошо, написанные», по мнению В. К. Агафонова, высказанному им в книге «Заграничная охранка». Леонид Александрович по-прежнему хорошо владел пером. Бурцев по этому поводу вновь пригласил Ратаева к диалогу:

«Мне очень хотелось бы видеть Вас и побеседовать с Вами кое о чем. Вы, увидевши мою подпись, понятно, изумитесь моему желанию и не поймете, почему я, Бурцев, который и т.д., хочу видеть Вас, Ратаева, который и т.д. Я всю мою жизнь никогда не мог одинаково с Вами посмотреть на вещи, и в данном случае, может быть, мы не сойдемся с Вами ни по одному вопросу. Тем не менее мне хочется видеть Вас, до конца договорить свои мысли и до конца выслушать Вас. Я хотел бы видеть Вас или в редакции „Былое“ (11, rue di Linain), или в каком-либо кафе на boulevard St. Michel или boulevard Sebastpol. Готовый к услугам Бурцев. P.S. Разумеется, я хочу видеть Вас как литератора, как редактор «Былого» — и только, а потому надеюсь, что Вы придете один, не уведомляя никого о нашем свидании». «Я сделал лучше, — комментировал этот опус Ратаев. — Я не пошел совсем и оставил письмо не в меру зазнавшегося террориста без последствий и без ответа».

ОСОБОЕ ВЛЕЧЕНИЕ К МАСОНАМ

«Дело о масонах». — Возобновление масонских лож в России. — Парижские контакты русских масонов. — Сотрудник Заграничной агентуры в масонских рядах. — Назначение чиновника полиции Б. Алексеева экспертом по масонам. — 500 000 франков за сведения о российских масонах. — Выводы полиции о масонском заговоре. — Масонские записки Ратаева. — Ратаевский список масонов. — Масонская система по Ратаеву. — Масонство и революция. — Сила масонского влияния. — Показания Е. Климовича Чрезвычайной следственной комиссии. — Ратаев в роли военного агента. — Масоны на службе русской военной разведки.

Возвращение в Россию политических эмигрантов, ставшее возможным вследствие октябрьской амнистии 1905 года, создало реальные предпосылки для возрождения в стране масонства. Многие из эмигрантов в бытность свою за границей вступали в масонские ложи. Либералам импонировала закулисная специфика деятельности «детей вдовы», что было немаловажно в условиях отсутствия политических прав и свобод. Именно Франция стала той страной, откуда масонство начинает проникать в среду русского освободительного движения. В конце 1905 — начале 1906 года в Департамент полиции начинают поступать первые сообщения о том, что в России предпринимаются попытки создания масонских лож. Поскольку охранка была обязана следить за всеми освободительными группами, то масонство, хорошо известное подобными наклонностями, также подлежало взятию под наблюдение. Масонской проблемой занялся Особый отдел Департамента полиции. Было заведено специальное дело, насчитывающее семь пухлых томов и более трех тысяч машинописного и рукописного текста,

которое озаглавили: «Переписка о последователях различных сект и религиозных учений, деятельность коих носит противоправительственный характер. О масонах». Наиболее ранние документы дела относились к началу XX века. Так, в апреле 1904 года полиция перехватила письмо из Нью-Йорка от масона Гофмана, члена еврейской ложи «Бнай Брит», к некоему Виктору Померанцеву, в котором расписывались «выгоды» для России в возможности заключить заем у Ротшильда при условии дарования льгот евреям. Однако полиция располагала отрывочными сведениями о деятельности масонов в России.

14 декабря 1905 года министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф направил министру внутренних дел Дурново письмо, в котором сообщал: «Нельзя не обратить внимания на все возрастающее на Западе влияние масонства, которое деятельно стремится к ниспровержению существовавшего политического и социального строя европейских государств, к искоренению в них начал национальности и христианской религии, а также к уничтожению национальных армий». Министру внутренних дел рекомендовалось провести соответствующее расследование на предмет выявления масонских лож в России. Когда Дурново обратился с запросом в Департамент полиции, то выяснилось, что все имеющиеся о масонстве сведения исчерпываются десятком газетных статей да информацией о русских масонах времен Александра I. Исследование современного состояния масонства приходилось начинать с нуля. Потому ответ, присланный Дурново министру иностранных дел, был разочаровывающим: «Такое исследование связано при настоящих обстоятельствах со значительными трудностями, не позволяющими ожидать успешных результатов от могущих быть принятыми в этом направлении мер». Однако Ламздорф продолжал настаивать и прислал еще одно письмо с указанием на возможность существования в России масонских лож.

Исполняя указания Ламздорфа, 3 января 1906 года Дурново получил сведения от посла в Берлине графа Остен-Сакена о том, что в Иноврощлаве недавно открылась масонская ложа, в составе которой значатся русские и польские фамилии. 24 января 1906 года посол в Риме Муравьев направил в Министерство иностранных

дел письмо, которое затем было препровождено в Департамент полиции. В сообщении содержался текст постановления миланских масонов: «Ложа „Разум", посылая братский привет новой русской семье, выражает пожелание, чтобы новая ложа, вышедшая из народа и стоящая за народ, получила возможность воодрузить свое зеленое знамя над освобожденным отечеством и благородно отплатить за бесчисленные жертвы теократической реакции». В марте 1907 года варшавский губернатор сообщил Департаменту полиции, что представитель нью-йоркской ложи масонов, проживающий в России, некто Городынский, просил разрешения читать лекцию о масонстве, в чем ему было отказано.

Зима 1906—1907 года действительно стала временем возобновления масонских лож в России. Русская полиция терпеливо наблюдает за масонами. Полицейские власти по своим каналам фиксируют, в частности, прибытие в Россию масонских эмиссаров Гастона Буле и Бертрана Сеншоля из Франции. Скоро в масонских кругах была получена информация о том, что полиция знает о существовании петербургской ложи. В то же время работа московской ложи продолжала оставаться тайной. Во избежание провала члены масонских лож приняли решение о реорганизации русского масонства. Было упразднено все, что противоречило требованиям строжайшей конспирации, ликвидировалось ведение протоколов о заседаниях и всякого рода письменное делопроизводство. Участники одной ложи не могли знать членов других лож. Прерывалась связь с Парижем.

С этого времени полиция, и без того располагавшая скудными сведениями о русских масонах, полностью теряет их из поля зрения. Борьба Департамента полиции с масонскими ложами в начале XX века парализовывалась также из-за засоренности масонскими конспираторами самого Министерства внутренних дел и других правительственных учреждений России. Государственные чиновники, состоящие в масонских ложах, включая таких высокопоставленных, как В. Ф. Джунковский, С. Д. Урусов, А. Д. Мосолов, тормозили проведение антимасонских мероприятий. Многие сведения, получаемые полицией агентурно, сразу же становились известными «вольным каменщикам».

Министерство внутренних дел вместе с другими ведомствами прилагало немалые усилия в борьбу с распространением масонства в России. Так, 2 апреля 1908 года Министерство иностранных дел направило Департаменту полиции информацию о принадлежности к масонству гласного Петербургской Городской думы Кедрина и князя Бебутова. Оба имели в Париже контакты с главарями масонства. Было указано на вред этого тайного общества и стремление расширить масонскую пропаганду в пределах России. 20 апреля 1908 года по этому поводу был разослан циркуляр начальникам районных охранных отделений о принятии незамедлительных мер к выяснению распространения масонства в России. 26 мая 1908 года Министерство иностранных дел препроводило председателю Совета министров П. А. Столыпину сведения об ожидаемом приезде в Россию двух главарей французского масонства, Лаффера и Вадекара, для открытия в Петербурге масонской ложи.

Департамент полиции все же сумел однажды проникнуть в масонские ложи, но не в России, а во Франции. В 1908 году по заданию руководителя Заграничной агентуры Гартинга в масонство записался его тайный сотрудник Биттер-Монен, сумевший продержаться в «парижском братстве» около пяти лет, до тех пор, пока в 1912 году не был разоблачен В. Л. Бурцевым как агент охранки. О разоблачении Биттер-Монена Гартинг был вынужден отчитываться начальству:

«Дело это длилось около полутора лет; в течение этого времени Биттер-Монен, не говоря уже о нападках и инсинуациях, коими он подвергался в бурцевских статьях, пережил много трудных минут, когда на публичных заседаниях масонской ложи „Жюстис“ и Совета ордена дело доходило чуть ли не до кулаков и всяких угроз по его адресу со стороны переполнявших зал евреев и социалистов. Таких заседаний было много, длились они каждый раз по нескольку часов, и нужна была исключительная энергия и верность своему служебному долгу, чтобы выдерживать их до конца».

В конце 1909 года «ввиду неудовлетворительного состояния масонского следствия» в Департаменте полиции пришли к решению назначить специального эксперта для изучения проблемы. Им стал чиновник Департамента по-

лиции Борис Кирович Алексеев. Поскольку считалось, что руководство русских масонских лож находится в Париже, его командировали туда. В «масонской столице» Алексееву удалось войти в контакт с руководителями «Антимасонской лиги» и, в частности, с аббатом Турмантеном. Удивленный равнодушным приемом аббата, Алексеев составил первое донесение Курлову по материалам масонской газеты «Ревю мазоник». И хотя один из ее авторов назвал русское правительство «позором цивилизованных государств», Алексеев признавался, что пока у него нет улик, свидетельствующих о масонском заговоре. Затем, когда помощник Турмантена принял 500 франков «взаймы», Алексеев имел откровенную беседу с аббатом и выяснил, что исчерпывающие сведения о масонских ложах в России стоят 500 тысяч франков — именно такая сумма необходима для подкупа трех высокопоставленных масонов. После того как Курлов ответил, что согласен выплачивать информаторам лишь небольшое ежегодное пособие и еще вознаграждение за каждый добытый документ, Алексеев продолжал отстаивать первоначальное предложение, а заодно представил счет на две тысячи франков за собственные расходы на роскошную жизнь — извозчика, театр, папиросы, лакея и многочисленные «ужины на двоих» — во время полуторамесячного вояжа, который завершился в декабре.

В январе 1912 года аббат прислал письмо министру внутренних дел А. А. Макарову, где спрашивал, удовлетворена ли его просьба о значительной сумме денег и по-прежнему ли русские чиновники отказываются предпринимать что-либо в России против франкмасонов. Вероятно, аббат написал министру, чтобы поставить его в известность, что он до сих пор ничего не получил, хотя кое-чего заслуживает, и тогда ему переслали скромное вознаграждение за несколько будущих донесений, которые на поверку оказались бесполезными политическими сплетнями.

Тем временем Алексеев уже выслеживал «масонских злоумышленников» в Петербурге, и от него поступило донесение о состоявшемся 11 марта 1911 года собрании двадцати подозреваемых в Музее изобретений и усовершенствований. В качестве наиболее активного пропагандиста он отметил В. В. Архангельскую-Овчинникову,

которую охранка уже знала как радикальную феминистку с дипломом по истории философии Парижского университета. Алексеев свободно беседовал с ней, и она с увлечением убеждала его в могуществе масонства. Возможно, в результате этих бесед Алексеев осенью того же года и указал в донесении, что масоны приложили руку к убийству Столыпина 1 сентября 1911 года и что «Великий Восток» действует через «революционные комитеты по плану, выполнение которого пока лишь в самом начале»

В 1912 году, ознакомившись с донесениями Алексеева из досье охранки на масонов, новый директор Департамента полиции С. П. Белецкий отверг выводы о заговоре как безосновательные. Когда чуть позже великий князь Николай Николаевич, командовавший гвардией, потребовал от него расследовать, какое влияние оказывают масоны на офицеров гвардейских полков в Санкт-Петербурге, Белецкий вновь не обнаружил никаких улик, свидетельствующих о подрывной роли масонства, и на этот раз он назвал русских масонов обыкновенными «оккультистами».

Результат такой розыскной деятельности по «масонскому следу» был вполне предсказуем, так как французские масоны о российских братьях имели смутное представление, а сам Алексеев масоном никогда не был и в масонские ложи был не вхож. Обо всем происходящем в масонских кругах России ему пришлось судить по французской масонской литературе и сообщениям «Антимасонской лиги» Жюля Турмантена Тем не менее из присланных Алексеевым сообщений явствует, что еще в 1887 году группой эмигрантов в Париже была основана ложа «Космос». Между второй половиной 1904-го и началом 1905 года в парижские ложи было принято большое количество русских либералов и в их числе видные кадеты В. А. Маклаков и князь Павел Долгорукий. Причем оба они числились в списках ложи не под своими фамилиями, а под псевдонимами. Алексеев в результате своих изысканий делает выводы о том, что пропаганда масонства в России не только исходит из Франции, но и составляет даже «одну из немалых забот руководительного центра французского масонства», а французское масонство находится в прямой зависимости от иудейства.

Парижские сообщения Алексеева о российских масонах в Петербурге мало кого удовлетворили. Однако его

сводка была представлена Столыпину, который, ознакомившись с предполагаемым планом борьбы с масонами совместно с «Антимасонской лигой» и необходимыми для этого расходами, выразил желание, чтобы проект этот в принципе получил непосредственную санкцию его императорского величества, «лично интересующегося масонским вопросом». Судя по всему, председатель Совета министров и министр внутренних дел Столыпин видел серьезную угрозу со стороны масонских лож и собирался предпринять решительные меры против них.

Департамент полиции начал серьезную подготовку к предстоящему совещанию в верхах по масонскому вопросу. Тут и вспомнили о Ратаеве. Разумеется, доложить Департаменту полиции о масонских ложах Петербурга, сидя в Париже, Ратаев не мог. Все же он подготовил «Записки о масонстве», где отмечал «серьезное противогосударственное значение возрождения масонства в России и необходимость специальной борьбы с ним». Содержание «Записок» Ратаева, естественно, не отразило всей глубины проблемы. Зато по характеру конфиденциальной информации, эрудиции и общей культуре «Записки» Ратаева стоят на несомненной высоте. Но почему-то как раз именно эта, сильная сторона «масонских записок» Ратаева в Департамент полиции и подверглась нападению историка А. Я. Авреха, который в своей книге «Масоны и революция» счел их «политически крайне убогими».

Первая его «Записка о масонстве» поступила в Департамент полиции в марте 1911 года. «Масонство для России, — отмечал Ратаев, — явление не новое. Пришло оно к нам в первой половине XVIII века и затем периодически то появлялось, то исчезало или, вернее сказать, притаивалось, но неизменно и всегда, кроме горя и напасти, ничего с собой не приносило».

Еще в 1887 году в Париже группой французских и русских радикалов-космополитов была основана масонская ложа для русских эмигрантов «Космос». В числе ее основателей, указывает Ратаев, стояли русские профессора М. М. Ковалевский, Е. де Роберти и французский ученый русского происхождения Г. Н. Вырубов. Эта ложа в 1898 году посвящала русских профанов «целыми стадами». Вернувшиеся после 1905 года в Россию вчерашние эмигранты — члены французских лож — явились

основным ядром возрождающегося русского масонства. «Масонские ложи в России, — отмечал в январе 1914 года Ратаев в статье „Международный парламентский союз“, — существуют уже в течение шести лет». Он относил, таким образом, их создание к 1908 году, когда в мае по просьбе русских масонов в Россию прибыли эмиссары «Великого Востока Франции», члены Совета Бертран Сеншоль и Гастон Булэ и открыли здесь «по одним сведениям, две, а по другим — три ложи».

В приложении к «Записке» Ратаев приводит внушительный список масонов из 86 человек. Среди них Максим Горький, Александр Блок, П. Б. Струве и другие. Однако Ратаев отмечал, между прочим, что документально подтвердить масонскую принадлежность он может только в отношении 14 человек. Это: Леонид Андреев, Евгений Аничков, Константин Аркадский-Добренович, Юрий Гамбаров, Павел Долгоруков, Андрей Ждан-Пушкин, Е. И. Кедрин, М. М. Ковалевский, Евгений Коган-Семеновский, Иван Лорис-Меликов, Василий Маклаков, Михаил Тамамшев, Е. В. де Роберти. Ни один из названных лиц не был масоном-оккультистом. Все они, по мнению Ратаева, являются «политическими масонами»: «Главным приютом для российских масонов служит кадетская партия».

«Вглядитесь внимательно, — призывал Ратаев, — как между нашими масонами распределены роли и сферы влияния: среди членов Государственного Совета и в литературной среде действует М. М. Ковалевский; среди членов Государственной думы — И. Н. Ефремов, П. Н. Милюков и В. А. Маклаков. Влияние Маклакова распространяется и на адвокатскую среду, где он пользуется популярностью. Деятельность Е. П. Коган-Семеновского обнимает собой жидовские круги и мелкую прессу. Наконец, А. Н. Бренчанинов, убежденный деятельный масон, стремится воздействовать на высшее общество. Уже на его собраниях начинают все чаще и чаще появляться лица титулованные или же посещающие — громкие дворянские фамилии, как, например, Кугушевы, Толстые и т.п. Будет весьма печально, если благодаря этим стараниям масонство внедриться в высшие слои русского общества».

Не прошла мимо внимания Ратаева и проблема так называемой «неправильности» масонских лож в России начала XX века.

«Русское масонство XVIII века хотя и отличалось обилием различных систем и обрядов, но тем не менее почиталось правильным, ибо каждая из тогдашних практикуемых в России систем, как-то: елагинская, рейхелевская, Мелиссино и др. — могла доказать свою преемственность от Великой Английской ложи и соблюдала все ландмарки, — отмечал он. — Современное же масонство, занесенное в Россию в 1908 году, с точки зрения Английской ложи, не считается правильным, так как „свет“ сей заимствован от „Великого Востока Франции“, на который наложено отлучение».

В своей «Записке» Ратаев выражал недоумение «непонятной слабости» и «особому влечению» к масонам русской государственной власти. Она, по его словам, «во все времена питала слабость к лицам, которые, пользуясь всеми благами, привилегиями и преимуществами государственной службы, в то же время всеми мерами стремились дискредитировать эту власть и подкапывались под устои существующего государственного строя». Но как раз они-то, подчеркивал Ратаев, и делали головокружительные карьеры, именно на них как раз и сыпались, как из рога изобилия, чины, ленты и ордена. Даже если у Департамента нет агентуры в масонской среде, «достаточно хотя бы в течение некоторого времени проследить в Петербурге, например, за М. М. Ковалевским и Е. П. Коган-Семеновским, а в Москве — хотя бы за князем Павлом Долгоруким, и нет сомнений, вскоре выяснится и место их сборищ, и состав их лож», — отмечал он.

Ратаев отважился на параллели между масонством и революцией:

«Революция действует бурным натиском, она может даже иногда сорвать крышу со здания, но фундамент оного ей недоступен, он в большинстве случаев остается незыблемым. Масонство же идет постепенно и неуклонно, тихой сапой, подкапывается под само основание здания, сложенного из накопившихся веками предрассудков, главным образом религиозных, порождающих все остальные. Революция стремится к созданию свободных учреждений, масонство создает свободных людей, без которых самые свободные учреждения остаются мертвой буквой. Словом, масонство в отношении революции то же, что корни в отношении к дереву, то же, что

содержание в отношении формы, в которую выливается революция. Масонство по существу своему есть нечто постоянное, тогда как революция то вспыхивает, то угасает, во всяком случае видоизменяется в зависимости от времени, места и людей».

Ратаев пришел к выводу, что сила масонского влияния не столько в самих ложах, число которых, как правило, невелико, а в том, что здесь «вырабатываются лишь основные начала; в жизнь их проводят не сами ложи, а многочисленные подмасонские организации, которые, не нося масонской этикетки, имеют не замкнутый, а общедоступный характер». Такими подмасонскими организациями в «Записке» Ратаева выступают самые разнообразные общества, союзы, кассы, кружки и другие учреждения, преимущественно просветительского и филантропического характера.

«Главным контингентом подобных обществ являются не масоны, а профаны, и лишь руководителями служат несколько испытанных масонов, действующих как бы независимо и самостоятельно, но, в сущности, по внушению и указке лож. Вовсе не требуется, чтобы масонов было большинство. Два-три человека, твердо знающие, чего они хотят, к чему стремятся и чего добиваются, будут всегда иметь перевес над толпой несговорившихся людей, большей частью не имеющих определенной программы и никаких твердо установившихся взглядов».

По мнению Ратаева, делается это обыкновенно так: «Несколько масонов, наметив себе определенную задачу, организуют какое-нибудь легальное общество или втираются в уже существующее и привлекают к нему заранее намеченных профанов из таких, которые по своим умственным и нравственным качествам кажутся подходящими. Повинуясь сначала внушениям руководителей, такие профаны быстро усваивают масонский дух и превращаются в усердных, подчас бессознательных проводников усвоенных идей в той среде, которая им отведена по масонским соображениям, влияя на общественное мнение, а иногда и создавая его».

Ратаев понимал недостаточность чисто запретительных, полицейских мер борьбы с масонской идеологией. Основной упор в своих «Записках» он делал на необходимости «активного духовного противостояния этому злу».

Необходимо, отмечал он, чтобы масонство встретило противодействие в самом обществе, на которое стремится влиять. «Разоблаченный масон уже теряет половину своей силы, ибо всякий знает, с кем имеет дело», — отмечал он. Главную роль в духовном противостоянии масонской идеологии Ратаев отводил русской церкви, православному духовенству, хотя и вынужден был признавать, что оно «не совсем подготовлено к этой роли». Еще менее были подготовлены к противодействию распространению масонства в России верхи общества и его государственные институты, в том числе и Департамент полиции, куда направлял свои «Записки» Ратаев. Заключительную «Записку» на масонскую тему он направил в феврале 1916 года тогдашнему директору Департамента полиции генералу Е. К. Климовичу. Вот что показывал Климович по этому поводу 19 марта 1917 года на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства:

«Ратаева взяли, кажется, еще до моего вступления. Ему платили сравнительно небольшие деньги, и он должен был по масонству написать какое-то целое сочинение. Но он прислал такую чепуху, что я даже не читал. Он представил какую-то тетрадь, которую заведующий отделом принес и говорит: „Ваше Превосходительство, не стоит читать, не ломайте голову; совершенно ничего интересного нет, чепуха“. Я сказал: „Чепуха“ — и не стал читать. Может быть, там и было что-нибудь, но мне неизвестно».

Однако на самом деле «Записки» Ратаева Климович не только прочитал, но и весьма внимательно изучил. Но существа дела это не меняло. Каких-либо дальнейших движений в Департаменте полиции они не имели. На этом закончилось сотрудничество Ратаева с Департаментом полиции.

Более продуктивный характер носило сотрудничество Ратаева с Военным ведомством в годы Первой мировой войны. Леонид Александрович был назначен военным агентом во Франции и служил под началом русского военного представителя во Франции, начальника Русского отдела союзнического бюро в Париже генерала А. А. Игнатьева. Интересен в этой связи рапорт Игнатьева на имя генерал-квартирмейстера штаба армии Юго-Западного фронта, посланный им из Парижа 28 декабря 1916 года:

«Член Государственной думы П. Н. Милюков в заседании Государственной думы 1 ноября 1916 года произнес речь, стенограмма коей сначала распространилась как в России, так и за границей в литографских оттисках. 2-го января 1917 года н. ст. полный текст ее был напечатан во французской газете. В этой речи г. Милюков, разоблачая председателя Совета министров Штюрмера в его стремлениях вступить в переговоры с Германией о сепаратном мире, указывает как на агентов Департамента полиции по исполнению этого поручения в Швейцарии на г. Ратаева и чиновника Лебедева. Эти два лица якобы часто ездят в Швейцарию с „особыми поручениями", как выразился г. Милюков.

Считаю своим нравственным долгом доложить вашему превосходительству, что г. Ратаев и чиновник Лебедев руководят каждый отдельной организацией в нашей агентурной разведке и каждая поездка их, равно и сношения их в Швейцарии, мне всегда известны. Я категорически утверждаю, что г. Милюков, называя с трибуны Государственной думы эти два имени, имеет ложные донесения об их деятельности и что ни г. Ратаев, ни г. Лебедев никаких подобных поручений ни от кого не получали. Выдавая так опрометчиво наши военные секреты, член Государственной думы Милюков принес нам вред, о размерах коего сейчас судить еще нельзя. Донося обо всем вышеизложенном, ходатайствую перед вашим превосходительством принять зависящие меры об ограждении впоследствии честных имен моих сотрудников от брошенного в них позорного обвинения. Доношу, что мною будут приняты все меры, чтобы по возможности уменьшить вред, принесенный г. Милюковым делу нашей агентурной разведки».

Некоторый свет на эту сторону деятельности Ратаева проливают также и воспоминания нелегального резидента русской военной разведки во Франции графа П. А. Игнатьева, родного брата А. А. Игнатьева. Именно ему приходилось вести оперативную работу по руководству парижской резидентурой, куда с большой вероятностью можно отнести и Ратаева. В этих воспоминаниях приводятся факты использования российской военной разведкой в годы Первой мировой войны масонских структур во Франции и Италии.

Часть 5

«ЗВЕЗДА» ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРЫ

КОНТРАКТ ПРОВОКАТОРА

Вербовка бывшего студента. — Цена контракта — Содержание контракта. — Его настоящее имя. — Студент-осведомитель. — Первая смена имени. — Неудачные дебюты «большого таланта». — Провал подпольной типографии в Дерпте. — Подозрения В. Бурцева. — Показания народоволки М. Костюриной. — С. Зволянский о сотруднике Л. — Разгром женевской народовольческой типографии. — Сообщник-предатель цюрихских бомбистов. — Переезд в Париж. — Знакомство с Л. Тихомировым. — Среди русских террористов в Париже.

В 1885 году Рачковский завербовал в ряды провокаторов и направил в Швейцарию некоего Геккельмана, бывшего студента Московского университета, еще в 1881 году уволенного оттуда за беспорядки, позднее причастного к народовольческим делам в Дерпте и бежавшего за границу.

Контракт с Геккельманом на работу в Заграничной агентуре был заключен 8 мая 1885 года при участии чиновника Департамента полиции С. Зволянского. Незадолго до этого, 24 марта, Зволянский из Парижа, где находился в служебной командировке, прислал в Департамент полиции телеграмму на имя Семякина. В ней говорилось, что «субъект» требует за службу тысячу франков в месяц, не считая разъездных, а в случае разрыва договора по инициативе Департамента полиции — 12 тысяч франков. Может войти в сношение с редакцией, «личность ловкая, неглупая, но сомнительная.

Федоренко полагает сношения с ним полезными, но цена высокая».

На это сразу же последовал телеграфный ответ Дурново на имя Федоренко (Рачковского) для Зволянского: «Нахожу цену слишком высокою. Можно предложить 300 рублей в месяц. Единовременных выдач в таком размере допустить нельзя. Вознаграждение вообще должно зависеть от степени пользы оказанных услуг, которые до сих пор сомнительны. Прошу Вас решить вопрос с Ф. смотря по нужде в содействии подобной личности. Будьте осторожны относительно сохранения особы Федоренко...»

«Субъектом» был Геккельман, он же затем — Ландезен, впоследствии — Гартинг. После этого с «субъектом» было выработано следующее соглашение:

«Бывший агент Санкт-Петербургского секретного отделения, проживающий ныне в Париже под именем Ландезена, приглашен с 1 сего мая к продолжению своей деятельности за границей и поставлен в непосредственные отношения с лицом, заведующим агентурой в Париже. Соглашение с Ландезеном, рассчитанным секретным отделением по 1 марта сего года, состоялось на следующих условиях:

1) с 1 мая 1885 года г. Ландезен получает триста рублей, или семьсот пятьдесят франков, жалованья в месяц;

2) в случае поездок вне Парижа, предпринимаемых в видах пользы службы и по распоряжению лица, заведующего Заграничной агентурой, Ландезену уплачиваются стоимость проездного билета и десять франков суточных;

3) служба Ландезена считается с 1 марта 1885 г., причем за март и апрель ему уплачивается жалованье по старому расчету, т.е. по двести рублей в месяц, и, кроме того, возвращаются расходы по поездке в Париж в размере ста рублей;

4) в случае прекращения сношений с Ландезеном по причинам, от него не зависящим, он предупреждается заранее о таковом решении, и, сообразно с его усердием и значением оказанных им услуг, ему сохраняется в течение нескольких месяцев получаемое жалованье или производится единовременная выдача, и то и другое — по усмотрению Департамента полиции... Директор департамента Л. Дурново. 8 мая 1885 г.». На полях написано «Разрешаю. П. Оржевский, 8 мая».

Настоящее имя этого субъекта — Аарон Мордухович Геккельман. Родился он 20 октября 1861 года в местечке Каролин, близ Пинска, Минской губернии, в еврейской мещанской семье. Его отец — Мордух Лейбович Геккельман, был купцом 2-й гильдии, приписанным к городу Пинску. Мать — Года Гершовна, занималась домашним хозяйством. О детских и юношеских годах А. Геккельмана известно мало. В 1882 году он приезжает в Петербург и поступает в Санкт-Петербургский университет. Очевидно, к этому времени Геккельманы уехали из Пинска, ибо при поступлении на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета А. Геккельманом был представлен аттестат об окончании (экстерном) не пинской, как следовало ожидать, а тверской гимназии. 31 августа 1882 года состоялось его официальное зачисление в Санкт-Петербургский университет. Однако уже 18 сентября 1882 года он был отчислен «в связи с переездом в Варшаву».

В Санкт-Петербургском университете Геккельман практически не учился. Большие сомнения вызывает и его учеба в Горном институте. Во всяком случае, исследователю политического сыска России В. С. Брачеву никакого личного дела студента Геккельмана в фонде Горного института обнаружить не удалось. Не находят подтверждения сведения об учебе в Рижском политехникуме. Из воспоминаний Бурцева известно, что в Варшаве Аарон (или Абрам, или Аркадий) практически не жил, а подвизался в 1883—1884 годах именно в Санкт-Петербурге, вращаясь главным образом в кругах радикально настроенной студенческой молодежи.

«Студент Горного института» уже был осведомителем охранного отделения. Он был завербован в начале 80-х годов, вероятно, полковником Секеринским, начальником Петербургского охранного отделения. По другим данным, в 1882—1883 годах он был заагентурен начальником Особого отдела Департамента полиции Г. П. Судейкиным. В. С. Брачев относит официальное зачисление Геккельмана в штат Департамента полиции к марту 1883 года. Именно с этого времени — 28 марта 1883 года — было повелено впоследствии (Высочайшее повеление от

18 декабря 1903 года) считать его состоящим на государственной службе. Так или иначе, по указаниям своего нового начальства «студент» занялся «освещением» своих друзей — членов народовольческих кружков и групп. Геккельман вскоре был заподозрен в сношениях с полицией. Однажды скомпрометированный, он при участии охранки был переведен в число студентов политехникума в Ригу, где с его помощью полиция раскрыла секретную типографию «Народной воли». Но и здесь Геккельману не повезло, он так же быстро провалился. Печаталась газета в подпольной типографии в Дерпте, на квартире студента местного университета В. Переляева. Осенью 1884 года она была неожиданно раскрыта местной полицией. Дело в том, что хозяин квартиры-типографии Переляев, страдавший эпилепсией, во время очередного приступа болезни неловко упал в подушку и задохнулся. Не достучавшийся до него утром дворник сообщил в полицию. Взломали дверь и обнаружили подпольную народовольческую типографию. Типография была «провалена». Однако «провален» был как агент охранки и Геккельман, поскольку это дело получило огласку, его участники были арестованы, а «студент» остался на свободе.

«В 1884 году, — вспоминал Бурцев в книге „В погоне за провокаторами", — я был студентом Петербургского университета. Меня в гостинице посещал, между прочим, нелегальный Михаил Сабунаев. Он иногда и ночевал у меня. Однажды он пришел ко мне не в обычный час, рано утром, сильно взволнованный. Разбудил меня и сказал:

— Львович, в партии есть два провокатора: Ч. и Геккельман!

По его словам, в Петербург приехали из Парижа представители "Народной воли" (как потом оказалось — Лопатин, Салова, Сухомлин и др.) и привезли копию дегаевской исповеди, где есть указания на этих двух лиц как на агентов Судейкина.

Я тотчас же пошел отыскивать хорошо мне знакомого народовольца Мануйлова, из группы „Молодой Народной воли", чтобы через него найти скрывавшегося тогда нелегального П. Якубовича, молодого поэта, бывшего лидером молодых народовольцев, которые тогда вели кампанию против старых народовольцев. Мне сообщили, что Мануйлов действительно мог бы найти

Якубовича, но что он сейчас сам болен и лежит на одной конспиративной квартире. Мне сообщили адрес этой квартиры. Это была квартира Ч.!

Революционер Мануйлов — он тоже был тогда нелегальным — лежит на квартире провокатора! К нему на свидание ходят все нелегальные, в том числе Якубович! Мне было ясно, что вся организация была в руках полиции. С полученными сведениями я послал к Мануйлову его близкого приятеля Михаила Петровича Орлова и к известному часу обещался к нему прийти сам. Когда в условленное время я поднимался по лестнице в квартиру Ч., меня встретил взволнованный Якубович.

Ему, оказывается, уже сообщили мои сведения.

— Ч. и Геккельман, — сказал мне Якубович, — близкие мне лично люди. Я за них отвечаю. Прошу вас забыть, что вы сообщили. Если это станет известным полиции, то будет провалено одно большое революционное дело.

Якубович имел в виду, очевидно, тайную дерптскую типографию, с которой был связан Геккельман и где в то время печатался 10-й № „Народной воли".

Я, конечно, сказал Якубовичу, что об этом деле лично ничего не знаю, что являюсь только передатчиком этих сведений и, конечно, никому о них не буду более говорить.

Но члены «Молодой Народной воли» были в резких отношениях с приехавшими из Парижа народовольцами и не встречались с ними. Якубович попросил меня раздобыть записки Дегаева. Через несколько дней я от Саловой получил выписку из показаний Дегаева, касающуюся Ч. и Геккельмана, и передал ее Якубовичу, и снова выслушал от него просьбу-требование никому не повторять этого вздорного обвинения.

Через несколько месяцев я в Москве встретил нелегального Лопатина. В разговоре со мной он, между прочим, сказал:

— Это вы сообщали о Ч. и Геккельмане?

Я ответил:

— Да!

— Так вот: я категорически запрещаю вам когда-нибудь кому-нибудь повторять эти слухи! — подчеркивая каждое слово, сказал мне Лопатин.

Я дал слово и действительно никогда никому ни разу об этом более не говорил, пока через пять лет в квартире Дебагорий-Мокриевича в Женеве не встретил самого Геккельмана под именем Ландезена».

Тревожную атмосферу подпольных студенческих кружков того времени, по данным В. С. Брачева, прекрасно передает в своих воспоминаниях бывшая народоволка Мария Костюрина:

«С осени 1884 года провал следовал за провалом. После грандиозного провала Германа Лопатина и Н. Н. Саловой мы — народовольцы Петербургского кружка — едва оправились. Текущими делами стал править П. Ф. Якубович, носивший в то время имя „Александра Ивановича". Кое-как установили связь с югом, с Дерптом и с заграницей. Мы собирались уже печатать воззвания и готовили материал для „Вестника Народной воли", как вдруг нас постиг новый крупный провал — в ноябре, помнится, арестовали Якубовича. Не подлежало сомнению, что кто-то выдает. Но пока мы находились на воле, угадать, кто именно является предателем, было невозможно. Затем „по явке" явился невысокого роста брюнет, изысканно одетый, просил денег и паспорт. Назвался он Аркадием Геккельманом, который оказался предателем, с осени выдававшим все и вся; он же — Ландезен.

Как могла я и другие знать тогда, что он предатель? Может быть, в тюрьме, в крепости это и знал уже Якубович, но сношений с крепостью не было, и Геккельман, пробыв с неделю, будто бы уехал, а может быть, и в самом деле благополучно удалился».

В начале 1885 года по поручению охранки Геккельман переехал в Цюрих и поступил в политехнический институт под видом молодого состоятельного поляка радикальных взглядов, чей отец якобы был банкиром в Варшаве. По тем временам это была неплохая «крыша» для начинающих агентов секретной полиции. В Цюрихе под новой фамилией — Ландезен — он проникает в эмигрантскую среду, которая, однако, вначале встречает его не совсем доброжелательно.

Несмотря на неудачные дебюты Геккельмана-Ландезена, Рачковский усмотрел в начинающем провокаторе большой талант и, как видно из его контракта с заграничной охранкой, сделал его не только своим секретным, но

привилегированным сотрудником. Более был сдержан в отношении Ландезена один из руководителей Департамента полиции С. Зволянский, командированный в это время для проверки Заграничной агентуры. «Личность ловкая, неглупая, но сомнительная», — отмечал он в служебной телеграмме на имя своего начальника, заведующего Третьим делопроизводством Департамента полиции В. К. Семякина. Тем не менее покровительство Рачковского позволило Ландзерену продолжать службу в составе Заграничной агентуры.

«По свидетельству заведующего агентурой, — отмечал Зволянский в записке на имя директора Департамента от 6 октября 1886 года, — сотрудник Л. является для него вполне полезным помощником и работает совершенно искренно. Самым важным является, конечно, сожительство его с Бахом, с которым у него установились весьма дружественные отношения. Кроме того, Л. поддерживает личное знакомство и связь с Баранниковой, Сладковой, Лавровым и Паленом, бывая на квартире у Баранниковой, видит и других приходящих к ней лиц. Тихомиров был несколько раз на квартире Баха и Л., но у него Л. не бывал и приглашения пока не получал. Хотя Бах с ним довольно откровенен, в особенности по вопросам внутренней жизни эмиграции, но некоторая сдержанность по отношению к Л. со стороны прочих эмигрантов еще заметна: специально политических вопросов и споров с ним не ведут и советов не спрашивают, но, впрочем, присутствия его не избегают, а если он находится в комнате, то говорят про дела, не стесняясь. Такое положение Л., достигнутое благодаря постоянному, вполне разумному руководству его заведующим агентурой, представляет, конечно, значительный успех по сравнению с тем подозрительным приемом, который был оказан Л. в прошлом году при его приезде. При продолжении дела в том же духе, несомненно, Л. удастся приобрести больше доверия и более близкие отношения, и он будет играть роль весьма для нас ценную, если, конечно, какой-нибудь несчастный случай не откроет эмиграции глаза на прошлое Л. Связь с эмиграцией поддерживается еще и денежными отношениями. Бах почти совершенно живет на его счет, и другие эмигранты весьма часто занимают у него небольшие суммы, от 50 до

150—200 франков. Прием этот для поддерживания отношений является вполне удачным, но, конечно, в этом отношении должны быть соблюдены известные границы относительно размера ссуд, что мною и разъяснено Л., впрочем, больших денег у него на это и нет. Так как на возвращение денег, одолженных Л., в большинстве случаев нельзя рассчитывать и ему поэтому самому приходится занимать, то заведующим агентурой ассигновано на этот предмет из агентурных денег 100 франков ежемесячно».

Основная задача нового агента Заграничной агентуры заключалась в освещении народовольческих кружков в Швейцарии. Первые реальные результаты этой деятельности Ландезена сказались уже в ноябре 1886 года, когда по его наводке в ночь с 20 на 21 ноября три агента Заграничной охранки — Бинт, Гурин, Милевский — при содействии некоего «швейцарского гражданина» ворвались в помещение типографии, где печаталась газета «Народной воли» и полностью уничтожили ее. Как ни велик был урон, нанесенный типографии людьми Рачковского, уже через несколько месяцев благодаря усилиям членов кружка Л. А. Тихомирова она полностью восстановила свои мощности. Однако 13 февраля 1887 года она подверглась новому нападению и больше уже не возобновляла своей работы. Один из членов народовольческой организации говорил, что, когда он и его товарищи увидели руины, оставшиеся от типографии, разгромленной командой Рачковского в Женеве в 1886 году, тотчас заподозрили в провокации Ландезена (Геккельмана). Но, по-видимому, это обвинение потом было с Ландезена снято, поскольку он продолжал оставаться активным участником революционного движения. Несмотря на то что несколько наиболее проницательных людей в революционной группе имели некоторые основания заподозрить его в связи с Рачковским, не было никаких достоверных сведений, его компрометирующих, и большинство эмигрантов, включая «охотника за провокаторами» В. Л. Бурцева, Ландезену доверяли. Кроме того, были приняты все меры, чтобы этого самого эффективного шпиона Заграничной агентуры не смогли скомпрометировать. О том, кто он на самом деле, знали только высшие полицейские чины: Рачковский, Зволянский, Дурново да еще Александр III и, возможно, кроме того, несколько человек.

Ландезен на протяжении трех лет охотился за наиболее опасными членами «Народной воли», которые в Швейцарии проводили эксперименты с взрывчаткой. Провокатор доносил на русских революционеров, продолжая выдавать себя за их сообщника. Одна небольшая группа, близкая к «Народной воле», куда Ландезен смог проникнуть, была тесно связана с кружком в Петербурге, куда входил старший брат Ленина Александр Ульянов, ранее казненный вместе с товарищами. Революционеры выдали себя, случайно взорвав изготовленную ими бомбу в лесу близ Цюриха. Швейцарской полиции не составило труда задержать тяжело раненного члена группы Исаака Бринштейна (Дембо), и он перед смертью рассказал достаточно, чтобы появились основания выслать из страны его товарищей. Швейцарская полиция вынуждена была предпринять соответствующие меры, и бóльшая часть «бомбистов» после этого уехала в Париж. Вслед за ними перебрался в Париж и «студент», на этот раз — Сельскохозяйственного института.

Ландезен выдавал себя в Париже за сына варшавского банкира «с прогрессивными взглядами». Упоминание о Варшаве в данном случае очень важно, так как именно в Варшавский университет собирался переводиться в 1882 году юный Геккельман, ссылаясь на перемену места жительства. Не исключено поэтому, считает В. С. Брачев, что версия об отце-банкире на самом деле не полицейская выдумка, а реальный факт его биографии. Общительный характер, а также деньги, которыми в достаточном количестве снабжал Рачковский, позволяли Ландезену иметь много друзей и успешно «освещать» деятельность народовольческих кружков и групп. В Париже он был вхож в дома наиболее известных тогда русских эмигрантов народовольческого толка: А. Н. Баха, Л. А. Тихомирóва, П. Л. Лаврова, Э. А. Серебрякова — и считался там своим человеком. Ему верили, и все добродушно посмеивались, когда Бурцев в сотый раз повторял свой рассказ, что именно этого Ландезена-Геккельмана он еще в 1884 году обвинял как провокатора.

Поражают такт и самообладание, с которым реагировал Ландезен на эти разговоры:

«Я должен сказать Вам прямо, — заявил ему однажды Бурцев, — что я знаю, что Вы — Геккельман, тот самый, которого я обвинял в провокации. На что Ландезен ответил, смеясь: „Ну, мало ли что бывает. Я не обращаю на это внимания!“»

Толстый кошелек Ландезена, который всегда был открыт для его друзей, несомненно способствовал его популярности в вечно нуждающейся эмигрантской среде. Особенно близко сошелся Ландезен с известным народовольцем Бахом — будущим советским академиком. Большой его удачей в этом плане явилось вселение вместе с Бахом (не без помощи Рачковского, от которого он получил 900 франков на эти нужды) в отдельную квартиру. Как и ожидал Рачковский, она быстро превратилась в традиционное место застолий, встреч и бесед революционеров, что, конечно же, существенно облегчало его работу по их «освещению».

«Меньше всего этот человек был похож на какого бы то ни было революционера, бывшего, настоящего или будущего, — писал о Ландезене той поры Е. Д. Степанов в книге „Из заграничных воспоминаний старого народовольца“. — Среднего роста, худощавый, тщательно выбритый, с заботливо выхоленными усами и порядочной плешью, несмотря на свой еще моложавый вид; одетый с иголочки и весьма щегольски, он очень мало походил на русского интеллигента, хотя и французского в нем ничего не было. Маленькие, беспокойно бегающие глазки придавали как будто некоторую выразительность его маловыразительной физиономии. В общем, это была довольно заурядная фигура хлыща, фата. „И как это Бурцеву посчастливилось свести знакомство и даже подружиться с этим типом? — подумалось мне. — А впрочем, чего не бывает на свете“».

Как несомненный успех студента-агента Л. этого времени следует квалифицировать и его близкое знакомство с другим известным народовольцем, Тихомировым, который получил от Ландезена 150 франков, чтобы заплатить за квартиру и частично избавиться от долгов. И хотя главная роль в «искушении» этого известного революционера принадлежала Рачковскому, свой вклад в превращение народовольца-террориста в верноподданного монархиста внес и Ландезен. Во всяком случае, 300 франков на печатание знаменитой брошюры Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?» были доставлены ему именно Ландезеном.

«Ландезен, т.е. Геккельман, — вспоминал Тихомиров, — приехал в Париж и, подобно прочим, явился на поклон всем знаменитостям. Но его встретили худо. Дегаев его поместил категорически в списке полицейских агентов Судейкина, с ведома которого, по словам Дегаева, Геккельман устроил тайную типографию в Дерпте. Теперь же типография была обнаружена, товарищи Геккельмана арестованы, а сам он якобы бежал. Дело было не то что подозрительно, а явно и ясно как день. Я и Бах, узнавши от Лаврова о приезде Геккельмана, переговорили с ним, заявив, что он несомненно шпион. Геккельман клялся и божился, что нет. Это был тоже жид, весьма красивый, с лицом бульварного гуляки, с резким жидовским акцентом, но франт и щеголь, с замашками богатого человека. Я остался при убеждении, что Геккельман — агент. Но, в конце концов, не занимаясь делами, я не имел никакой надобности особенно расследовать, тем более что Геккельман, который принял фамилию Ландезена, заявил, что если уж на него взведена такая клевета, то он покидает всякую политику, знать ничего не хочет и будет учиться во Франции. Ну, думаю, и черт с тобою, учись. Однако Бах заметил, что, на его взгляд, Геккельман искренен и что он, Бах, считает лучшим не разрывать с ним знакомства, чтобы окончательно уяснить себе Ландезена. Это уяснение через несколько месяцев кончилось тем, что Бах поселился с ним на одной квартире. Ландезен жил богато, учился, по словам Баха, усердно и был невиннейшим и даже простодушным мальчиком. Деньги у него были от отца-богача, который рад, дескать, поддержать сына, взявшегося за учение и бросившего конспирацию. Деньги Ландезен давал охотно направо и налево. Бах ввел его к М. Н. (и др.) и к Лаврову. М. Н., вечно в нужде, всегда хваталась за мало-мальски богатеньких, с кого можно было что-нибудь сорвать. Ландезен скоро стал у ней своим, и вообще подозрения были, безусловно, отброшены. Собственно, я и не думал о Ландезене. Шпионами я не интересовался; сверх того, я ясно видел,

как подозрительны другие лица, столь близкие к „знаменитостям“. Если бы Ландезен и был шпион, то он бы ничего не прибавил к тем лицам. Но рекомендация Баха, жившего с ним, меня достаточно уверяла в личной добропорядочности Ландезена и в том, что он ничего общего с полицией не имеет. Самого Баха я тогда нимало не подозревал. Между прочим, он скоро сообщил, что получил выгодную работу у Ефрона. Тем лучше. Он попросил меня, чтобы я позволил ему привезти Ландезена в Рэнси. Побывали, был и я у них. Ландезен мне понравился. Он имел вид самого банального студента французского типа, добродушного, веселого, не особенно развитого, но, пожалуй, неглупого. Относительно радикальности я с ним не говорил, а больше о французских делах да о его занятиях. Впоследствии, когда мне пришлось порвать с эмигрантами, я, по желанию Ландезена, изложил ему свои взгляды на глупости революции; он мне поддакивал и предложил денег на издание моей брошюры. Теперь вижу, что он преловкий паренек. Мне, конечно, безразлично было и есть, но все же он надул меня. Я получил подозрение против Баха, но в Ландезене совершенно уверился, что он просто бурш, и довольно милый, и с полицией ничего общего не имеет. Ловок. Меня в этом отношении никто, кажется, не обманывал за последние годы моей заговорщицкой жизни. Правда, что тогда я уже не вникал и не интересовался. Но все-таки молодец парень!»

«Вечный студент» Геккельман оказался настолько талантливым провокатором, что когда под именем Ландезена он вошел в 1889—1890 годах в Париже в сношения с кружком русских террористов, то не был узнан никем, в том числе и Бурцевым. От русских эмигрантов, живших в Париже, он узнал явки петербургского народовольческого кружка, который и был весь арестован по его доносу.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ДЛЯ ТЕРРОРИСТОВ

План покушения на Александра III. — Создание лаборатории для бомбистов. — Народоволец Степанов об опытах с бомбами. — Инициатива Бурцева. — Деньги на бомбы от богатого дядюшки — Приезд Л. в Россию. — Контакты Миллера с питерскими народовольцами. — Отзыв П. Дурново об агенте Л.— Решение Бурцева и Раппопорта вернуться в Россию. — На волоске от разоблачения. — Аресты в Поволжье. — Неожиданное появление «студента» в Париже. — Свидание назначено в Ренси. — Арест террористов на месте испытания бомбы. — Слежка Рачковского за группой «сотрудника Л.». — Исчезновение из Парижа. — Парижский процесс по делу русских террористов — Догадки Бурцева о личности провокатора. — Л. Менщиков о подноготной франко-русского союза. — Преступная деятельность заграничных агентов Департамента полиции. — Царские награды. — Крещение в православие.

Вершиной полицейских успехов Ландезена во второй половине 1880-х годов стало, несомненно, дело «парижских бомбистов». Инициатором разработки был его непосредственный начальник — Рачковский, настойчиво подталкивавший своего ученика и подопечного к сближению с наиболее радикальной частью русской революционной эмиграции, от которой, собственно, и исходила угроза трактов.

Рачковский поставил Ландезену задачу вовлечь эмигрантов террористического настроения в какое-нибудь боевое предприятие. Вместе со своим шефом Ландезен разработал провокационный план мнимого покушения на жизнь Александра III и на одном из тайных собраний подбросил народовольцам эту идею. Более нелепой идеи,

казалось бы, придумать было трудно. Однако предложение провокатора приняли. Согласно этому плану, он при участии народовольцев-террористов Накашидзе, Теплова, Степанова, Кашинцева, Рейнштейна и других организовал в Париже лабораторию по изготовлению бомб для террористического акта. Правда, непосредственный участник предприятия Евгений Степанов в своих воспоминаниях говорит об этом очень туманно. Дескать, он и его товарищи всего лишь готовились к революционной работе непосредственно в России, предпочитая не поднимать вопроса о предполагаемом ее характере. Впрочем, поскольку необходимым условием предстоящего возвращения на родину члены кружка считали непременное овладение секретами изготовления бомб и метательных снарядов, постольку иллюзий относительно характера будущей революционной деятельности у них не возникало. Идея научиться изготовлять взрывчатые вещества и метательные снаряды возникла у части радикально настроенной эмигрантской молодежи, собиравшейся рано или поздно возвращаться в Россию, совершенно независимо от Ландезена, причем сразу в двух кружках. В один из них, куда входил, в частности, Борис Рейнштейн, Ландезен был вхож еще с 1887—1888 годов. О существовании другого кружка (Степанов, Кашинцев, химик Лавренiус и другие) ему стало известно только в начале 1889 года. Ввел его сюда Бурцев, который в своих воспоминаниях предпочел обойти этот явно неприятный для него эпизод. Зато другой участник этих событий — Степанов — рассказал об этой истории весьма подробно:

«И вот, совершенно независимо друг от друга и почти одновременно, в двух кружках парижских эмигрантов, состоявших из лиц хоть и знакомых между собой, но организационно ничем не связанных, было приступлено к производству опытов по приготовлению взрывчатых веществ и снарядов. Однако, благодаря крайней скудости материальных средств, опыты наши приходилось производить в чрезвычайно скромных размерах. Необходимые нам материалы и приспособления удавалось добывать в весьма ограниченном количестве, и дело наше двигалось очень медленно. Еще хуже стоял вопрос в смысле организации поездок, в конце концов,

и общего нашего переезда в Россию. Тут уже требовались довольно значительные средства. А наша кружковая касса была абсолютно пуста. В таком положении находились мы сами и наша затея, когда на нашем горизонте появился Ландезен, или „Мишель“, как его фамильярно называли некоторые из наших знакомых и приятелей».

Инициатива введения Ландезена в кружок, к которому принадлежал Степанов, всецело принадлежала, по его словам, Бурцеву. Именно Бурцев предложил познакомиться со своим приятелем — «бывшим народовольцем, который по разным обстоятельствам временно отошел от движения, уехал из России и даже поступил в какое-то высшее агрономическое учебное заведение, где и пребывает в настоящее время; он мало соприкасается с русской колонией, совершенно не сошелся со средой французского студенчества и благодаря тому, что, будучи сыном одного варшавского банкира, обладает более чем достаточными средствами, ведет рассеянный образ жизни парижского бульвардье».

Уставшие от безденежья члены кружка охотно согласились на заманчивое предложение Бурцева и отправились знакомиться к Ландезену, жившему в это время на правом берегу Сены. Придя к нему, они очутились в помещении, представлявшем собою меблированную квартиру из нескольких комнат, со студенческой точки зрения, пожалуй, не лишенную даже некоторой роскоши. Хозяин ее, предупрежденный о посещении, ждал гостей с приличествующим сему случаю угощением. Знакомство состоялось. Вскоре после этого Бурцев сообщил, что разговаривал с Мишелем о планах возвращения в Россию, о том, что «в виде подготовительной меры к этому желательно по возможности обстоятельнее изучить фабрикацию взрывчатых веществ и снарядов, чтобы быть во всеоружии в этом отношении по приезде туда». Ландезен отнесся к этому сочувственно и обещал материально помогать. Нечего и говорить, с каким энтузиазмом было встречено в кружке это сообщение Бурцева.

Когда поднялся вопрос о необходимых для этого деньгах, Ландезен вызвался достать нужную сумму у «своего богатого дядюшки». Деньги на организацию

лаборатории между тем были отпущены ему «дядюшкой» Рачковским. Вскоре Ландезен, заявившись в кружок, вступил в непосредственные переговоры с его членами о своем участии в деле, выложив перед ошалевшими эмигрантами свои тысячи, которые он передавал в их полное распоряжение.

«Тут мы, — признает Степанов, — как и подобало русским интеллигентам, говоря попросту, опростоволосились. Вместо того чтобы выбрать кассира из своей среды и взять предложенные нам деньги в свое распоряжение, мы постеснялись проявить такую сухую деловитость по отношению к человеку, столь великодушно раскошелившемуся перед нами, и единогласно предложили кассирство ему самому, чем мы, помимо всего прочего, сразу же сделали его равноправным членом нашего кружка. Ландезен как будто только и ждал этого и охотно согласился на наше предложение. Он сразу заговорил о том, что при случае и сам не прочь съездить в Россию, где у него еще не порвались окончательно старые революционные связи».

Ландезен сделался частым посетителем химической лаборатории. Являлся он туда всегда одетый с иголочки, в светлых костюмах, надушенный, в цилиндре и в перчатках, которые он часто не снимал в течение всего времени пребывания.

Несмотря на то что охранка и Заграничная агентура вели успешную борьбу с «Народной волей», в конце 80-х годов и эта, и другие революционные группы все еще представляли серьезную опасность. В середине 80-х годов Судейкин почти полностью разгромил «Народную волю» в России, но отдельные ее члены стали снова мобилизовываться при помощи сильного заграничного крыла организации. По словам Дурново, «эмигранты не могут сами по себе, без содействия лиц, проживающих в империи, ни приготовить чего-либо серьезного, ни тем более осуществить свои замыслы», поэтому он решил вернуть Ландезена, будто бы представлявшего парижский кружок «Народной воли», в Россию. С его помощью полиция надеялась раскрыть имена революционеров и их явки в империи, а если удастся — спровоци-

ровать их на антиправительственные действия, чтобы тут же инкриминировать их народовольцам. Рачковский направляет Ландезена в Петербург. Во-первых, для того, чтобы уберечь своего лучшего агента от непредвиденных неприятностей в случае раскрытия подпольной динамитной лаборатории французской полицией, а во-вторых, установить связи с действующими в России народовольцами-террористами, используя легенду о подготовке покушения на царя.

Прибыв в российскую столицу осенью 1889 года, Ландезен под фамилией Миллер сразу же входит в доверие к членам народовольческого кружка: К. Кочаровскому, Н. Беляеву, Н. Истоминой, С. Фойнитскому. Ссылаясь на авторитет своих парижских знакомых Юрия Раппопорта и Владимира Бурцева, он предлагает им свое сотрудничество, имея в виду, конечно же, террористическую деятельность. Однако новые знакомцы Ландезена были очень осторожны, и к каким-либо конкретным результатам эти переговоры так и не привели.

Несмотря на то что лидер группы, по прозвищу Блондин, пытался уклониться от немедленных действий, говоря, что для начала ему надо собрать людей и деньги для такого предприятия, Ландезену удалось встретиться с другими членами группы, включая местную активистку Н. К. Истомину и еще одну важную персону, бывшую в Петербурге проездом, которую уважительно называли Профессором. Войдя с ними в тесный контакт, Ландезен узнал много подробностей о революционных кругах в Москве, Киеве, Одессе и Вильно, а также получил необходимые ему имена и адреса.

В меморандуме от 29 ноября Дурново объяснил, что он умышленно не стал арестовывать так называемого Профессора, чтобы полиция смогла проследить все его контакты с революционерами в России и за границей. Ландезен, который считал себя в полной безопасности, тем временем посетил Вильно, Москву, Нижний Новгород, Харьков, Одессу и Киев, где у него 27 декабря была назначена встреча с Профессором.

Хотя встреча не состоялась, Ландезен во время своего путешествия узнал, что Профессор, настоящее имя которого было С. Я. Фойнитский, помог петербургской группе сформироваться в центр революционной организации.

Утверждая, что товарищи в Париже должны быть осведомлены о намерениях новой группы для организации сотрудничества, Ландезен попросил Фойнитского передать ему письменную программу действий группы и встретиться 17 декабря в Москве. На встречу явилась революционерка Истомина, но она говорила лишь о терроре как главном средстве борьбы группы. На вопрос Ландезена о конкретных планах группы она отвечала уклончиво, говоря, что «нужен систематический террор, и больше ничего».

В середине декабря Дурново похвалил заграничного агента Л. за «удовлетворительные результаты» его работы. Он не только подтвердил «действительное значение» заговорщиков, уже известных полиции, но и узнал имена новых сообщников, а также адреса двух конспиративных квартир. Теперь Ландезену, используя информацию, полученную при перехвате писем террористов из Парижа в Петербург, и сообщения народовольцев, которые находились в близких отношениях с Бурцевым, оставалось только «забросить удочку» так, чтобы Дурново смог обоснованно арестовать Фойнитского, Истомину и их товарищей.

Ландезен тем временем убеждал террористов в Петербурге, что ничем не сможет им помочь в Париже, если они на деле не докажут свою преданность революции. В начале января к великой досаде Ландезена революционеры сообщили ему, что решили напрямую поговорить с Бурцевым и Раппопортом о нем во время их тайного визита в Россию. Ландезен тут же стал собираться в Париж, а Дурново незамедлительно принял меры, чтобы ни один эмигрант не покидал Парижа или Швейцарии без ведома Ландезена.

Позднее Бурцев вспоминал в своих мемуарах, что неожиданное появление «вечного студента» Ландезена в Париже в середине января, накануне поездки Бурцева и Раппопорта в Россию, вызвало всеобщее удивление, однако никто ничего не заподозрил. Бурцев даже познакомил Ландезена с несколькими членами группы, которые были заняты изготовлением бомбы. Поездка Бурцева и Раппопорта в Россию была решением отчаянным и с самого начала неудачным: полиция установила за ними слежку еще в Европе, и они потеряли массу вре-

ени, стараясь замести следы, кружа по Австрии, Сербии и Болгарии. Сам Дурново пристально следил за их передвижениями и вздохнул спокойно, только когда ему доложили, что Раппопорт арестован в начале 1890 года при попытке перейти границу, а Бурцев вследствие этого вынужден вернуться в Париж.

Благодаря этому Ландезен не был тогда разоблачен, а директор Департамента полиции не торопился арестовывать Истомину и ее товарищей, так как это означало бы, что полиция знает об их связи с Бурцевым и Раппопортом. Аресты отложили на осень, когда Дурново послал целый отряд агентов в низовье Волги для проведения операции. Ее успешному исходу во многом способствовал бывший террорист, а в то время агент охранки с десятилетним стажем Иван Окладский, которого Ландезен сумел внедрить в ряды заговорщиков на юге страны.

В ноябре 1890 года, имея информацию от Ландезена, главный сыщик Департамента полиции Е. П. Медников лично арестовал М. Н. Сабунаева, признанного лидера «Народной воли» в Поволжье. В конце того же года С. В. Зубатов и сыщики из «летучего отряда», используя донесения Ландезена, планомерно выслеживали и арестовывали народовольцев. Ландезен-Миллер успел посетить Москву, Нижний Новгород, Харьков и Киев, всюду завязывая новые связи и знакомства. Однако в целом затея Рачковского—Ландезена спровоцировать народовольческие группы России на террор не удалась, и в январе 1890 года по указанию Департамента полиции Ландезен спешно возвращается в Париж.

Все, что произошло в дальнейшем, с лихвой вознаградило его за неудачу петербургской командировки. Предварительная работа по подготовке покушения на Александра III в кружке Кашинцева—Степанова была к этому времени практически завершена, а Ю. Раппопорт и В. Бурцев рвались в Россию, чтобы лично на месте проверить надежность явок и адресов. Но нужны были деньги. Нечего и говорить, что возвращение «студента» Ландезена из России было встречено его товарищами «на ура».

Вот как описывал этот эпизод Бурцев:

«И вот неожиданно, когда мы все были в сборе на моей квартире и о чем-то весело беседовали, раздался

стук в нашу дверь. Я открыл дверь и на лестнице увидел Ландезена. Он, как будто издали, рассматривал нас и почему-то стоял некоторое время на пороге, не решался войти к нам. Потом-таки мы поняли, почему он не решался сразу войти в комнату. Он, конечно, мог предполагать, что за время его отсутствия его расшифровали и встретят совсем иначе, чем бы ему хотелось. Но мы, увидев его, все как-то радостно закричали. И он понял, что опасаться ему нечего. Он вошел тогда к нам и стал рассказывать о своей поездке в Россию. Оказывается, по его словам, он, устраивая свои денежные дела с родителями, по пути кое-что видел, кое-что слышал, даже кое-что привез нам, что нам нужно для поездки в Россию. Вскоре мы получили от него небольшие деньги, отчасти наличными, отчасти какими-то бумагами, а также паспорта для поездки в Россию».

Сразу же после испытания бомбы члены кружка должны были немедленно выехать в Россию для организации покушения на Александра III, причем Ландезен собирался сделать это одним из первых. Затея эта, однако, провалилась. Раппопорт был арестован 12 апреля 1890 года на границе в Унгенах. Бурцев, узнав об этом, предпочел скрыться.

Накануне предполагаемого отъезда террористов в Петербург Ландезен решил, что ему полностью доверяют и можно перейти к действиям. Он предложил группе провести испытания взрывчатки на отдаленной окраине, чтобы не привлекать к себе внимания. Место это, как утверждал Ландезен, указал ему один хороший знакомый. Ландезен при этом понимал, что действовать надо быстро, до возвращения Бурцева, который может разоблачить его как шпиона. Тем временем заговорщики держали совет и договорились встретиться 29 мая в назначенном месте в лесу Ренси для проведения своей секретной операции. «День был назначен, — вспоминал Степанов, — и было условлено, что мы встретимся с Ландезеном утром на вокзале, откуда и двинем по назначению. Что касается вещей, которые нам понадобились для опытов и были приготовлены на нашей квартире, то Ландезен должен был накануне зайти к нам и захватить с собой чемоданчик, в котором они были

хищно упакованы». На назначенную накануне встречу бомбистов Ландезен опоздал, а когда все-таки явился, то от злополучного чемодана, начиненного взрывчаткой, категорически отказался, благоразумно оставив его до утра у своих товарищей.

На место встречи вместо Ландезена явился отряд французской полиции, который был прислан по личному распоряжению министра внутренних дел Франции. Обманутые эмигранты с чемоданами взрывчатки были немедленно арестованы и посажены дожидаться суда в тюрьму предварительного заключения. Ландезен выдал парижской полиции революционеров, сообщив французским властям, что они особенно опасны, так как занимаются усовершенствованием бомбы для покушения на жизнь самого российского императора. Им нужна была бомба небольшого размера, надежная при аккуратном обращении и легко взрывающаяся при сильном ударе. Нужно заметить, что все их эксперименты со взрывчаткой были прямым нарушением французского закона.

Рачковский следил за каждым шагом всей группы террористов как через своего «сотрудника Л.» — Ландезена, так и при помощи агента внешнего наблюдения Милевского. Через имевшиеся связи, в том числе и при посредстве рептильного журналиста и агента охранки Жюля Гансена, Рачковский все время держал в курсе этого дела французских министров — внутренних дел Констана и иностранных дел Флуранса. Русский посол в Париже барон фон Моренгейм лично настаивал на арестах террористов. После некоторых колебаний Констан дал приказ о взятии под стражу заговорщиков. Проведенные французской полицией в мае 1890 года по указанию Рачковского обыски у двадцати русских эмигрантов дали потрясающий результат: были найдены не только материалы для изготовления бомб, но и целый арсенал уже готовых метательных снарядов.

Арест «бомбистов» осложнил положение Ландезена в революционной среде. Немедленное исчезновение из Парижа вызвало бы сильные подозрения против него. В то же время оставаться слишком долго в Париже было опасно. В этих условиях он выбрал оптимальный вариант: расхаживал по своим парижским знакомым и горячо протестовал против обвинений в провокации.

И добился-таки своего: исчезнуть из Парижа его попросили сами эмигранты, в первую очередь на этом настаивал Э. А. Серебряков, действовавший в данном случае от имени многих своих товарищей. И хотя «сохранить лицо» в конечном счете Ландезену так и не удалось, определенный эффект от избранной им линии поведения как оскорбленной невинности все же был.

«Верившие Ландезену, — пишет об этой истории Бурцев, — и потом еще долго его защищали. В 1903 году, когда я был у Баха в Женеве и в присутствии эмигранта Билита упомянул о Ландезене, то он стал говорить о нем как о добродушном, добром, честном товарище, которого я погубил, обвинив его как провокатора. По словам Баха и Билита, Ландезен, чтобы избежать ареста, должен был уехать в Южную Америку, Чили или Аргентину. Они смеялись над тем, что я все еще — даже в 1903 году — могу считать его провокатором, и находили это какой-то нелепостью, не требующей даже опровержения».

Об этом, совершенно независимо от Бурцева, свидетельствует и Степанов. Дело в том, что много лет спустя после этой истории ему пришлось встретить в Швейцарии одного своего старого знакомого времен парижской эмиграции, хорошо знавшего Ландезена. И вот во время оживленной беседы старых приятелей тот совершенно неожиданно стал защищать его. «Этот наивный человек, — писал Степанов, — старался уверить меня, что бедняга Ландезен сыграл в нашем деле роль — кого бы вы думали? — ни больше ни меньше как русского Дрейфуса! И это в то время, когда для всех, не исключая Бурцева, было совершенно ясно, что в предательстве Ландезена не может быть ни малейшего сомнения».

Рассчитывая задобрить Александра III, французское правительство организовало в 1890 году шумный процесс по делу русских террористов. Кашинцев, Степанов, Теплов, Рейнштейн, Накашидзе и Лавренциус были приговорены парижским судом к трем годам тюрьмы. Другие, включая даже многих непричастных к делу эмигрантов, были высланы за пределы Франции. Поняв, кто их предал, подсудимые с помощью их адвокатов публично разоблачили Ландезена на суде, назвав его соучастником и главным финансистом намеченного испытания. Ландезен как подстрекатель был приговорен заочно к пяти годам тюрьмы. Но французская полиция так и не смогла его найти. Или не захотела. Так или иначе, к тому времени провокатор был уже вне пределов досягаемости — в Бельгии. Александр III тайно наградил Ландезена, после чего агент был переведен в другую европейскую страну под новым именем.

Бурцев, который в то время находился в Болгарии, из французской прессы получил информацию о суде. Он принял решение не переходить русскую границу, так как сделал следующий вывод: «Для меня стало ясно, хотя об этом в газете и не было сказано, что мы были выданы, и притом не кем иным, как Ландезеном, что он — агент русской полиции». Предполагая, что Ландезен работал на Рачковского и Заграничную агентуру, Бурцев считал, что возвращаться в Париж рискованно, поэтому он отправился в Англию и вскоре начал издавать там газету, обличающую царское самодержавие, за что поплатился полутора годами лондонской тюрьмы.

Что же касается значения и последствий дела «парижских бомбистов», то главным здесь был, конечно же, международный резонанс.

«Теперь уже можно считать вполне установленным, — писал Л. П. Менщиков в книге „Охрана и революция“, — что наглая провокация Рачковского, предоставившая случай французскому министру внутренних дел Констану оказать ценную услугу русскому политическому сыску, заставила твердокаменного монарха изменить свое отношение к республиканской Франции. Таким образом, на почве провокаторских махинаций создалась благоприятная почва для заключения франко-русского союза».

«Успехи агентов охранки в России и за границей в 1890 году еще раз показали, как нуждается в их верной службе правительство империи, — писали Ч. А. Рууд и С. А. Степанов в книге „Фонтанка, 16: Политический сыск при царях“. — Их эффективная борьба с революционными группами в России и Западной Европе не ограничивалась исполнением обязанностей полицейской

службы — агенты оказались вовлеченными в преступную и полупреступную деятельность, политические интриги. Ландезен показал, что лучшим способом разоблачения революционеров как дома, так и за границей служит проникновение в группы уже известных заговорщиков. Дело это было рискованное и опасное, требовало крепких нервов и особой отваги — именно эти качества обеспечивали успех агентов, подобных ему. Кроме того, надо было спровоцировать революционеров на противозаконные действия, которые, по мнению агентов, они совершили бы так или иначе. Наконец, надо было поддерживать хорошие отношения с заграничными властями».

Понятно, что охранке необходимо было иметь своих людей среди революционеров, что было далеко не просто. Именно поэтому Ландезен являлся для Департамента полиции одним из наиболее ценных сотрудников. Он представлял особую ценность и для высшей российской власти. О каждом шаге Ландезена докладывалось императору Александру III, и он делал пометки на докладе. Так, о приговоре по отношению к парижским террористам собственной императорской рукой написано: «Пока это совершенно удовлетворительно», а на докладе о возвращении Бурцева из-за границы в Россию: «Надеюсь, что он попадется».

Дальнейшая судьба Ландезена складывалась на редкость удачно. Русский царь щедро наградил своего агента. В августе 1890 года бывший мещанин города Пинска Аарон Геккельман становится почетным гражданином с предоставлением ему права, несмотря на его иудейство, повсеместного проживания на всей территории Российской империи. Более того, в награду за свои труды он получил к тому же солидную пенсию — 1000 рублей в год. В качестве постоянного места жительства он избрал Бельгию, однако бóльшую часть времени проводил в разъездах, выполняя, несмотря на получаемую пенсию, разного рода деликатные поручения Департамента полиции. Стремясь упрочить свое положение, Геккельман принимает решение о крещении, что и было осуществлено в Елизаветинской православной церкви в Висбадене, по одним свидетельствам — в 1892-м, а по другим — в 1893 году. Характерно, что таинство крещения

совершил настоятель русской церкви в Берлине. Восприемниками же его явились секретарь русского посольства в Берлине М. Н. Муравьев и жена сенатора Мансурова. При крещении Геккельман получил христианское имя Аркадий и отчество Михайлович. Что касается фамилии, то она осталась прежней — Геккельман. Фамилию Гартинг он получил несколько позже — в 1896 году.

Переход Геккельмана в православие был вызван, надо полагать, не только карьерными соображениями, но и его предстоящей женитьбой на дочери бельгийского подданного Марии-Гортензии-Елизавете-Магдалене Пирлот. Невеста Геккельмана была ревностной христианкой-католичкой, что при его иудействе сделало бы этот брак практически невозможным. К 1899 году относится бракосочетание А. М. Гартинга с Магдаленой Пирлот уже по православному обряду. Произошло это 25 октября в той же Елизаветинской церкви в Висбадене, где Геккельман окрестился. Поручителями со стороны жениха выступили заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции Рачковский и Луи Беккер. Поручителями со стороны невесты стали И. Ф. Мануйлов и Карл Кох. От этого брака Гартинг имел четырех детей: двух мальчиков и двух девочек.

Специализация Гартинга на обеспечении охраны царствующих особ сохранялась и в последующие годы: свидание Николая II с императором Вильгельмом в Бреславле; поездки царя в Париж, Лондон, Дармштадт. «И так до бесконечности, — писал в связи с этим В. К. Агафонов. — Карманы не вмещают золота и царских подарков, на груди уже нет места для новых крестов. <...> Богатство, почет, молодая красивая жена-бельгийка из хорошей, строго католической семьи — Madeline Palot, в душевной простоте и не ведающая, кто скрывается за этим великолепным крестоносцем».

БЕРЛИНСКАЯ АГЕНТУРА

Создание в Берлине нового центра Заграничной агентуры. — «Господин Г.» во главе берлинской агентуры. — Провал провокации в Бельгии. — Наградные командировки. — Богатый русский купец в Берлине. — Отчет об организации берлинской агентуры — Комиссар берлинской полиции в роли русского агента. — Организация в Берлине внутренней российской агентуры. — Старожилы сыска в Берлине — Провокатор Я Житомирский в роли доверенного лица Ленина. — Операция с обменом денег. — Перегруппировка революционеров в Швейцарию — Секретный сотрудник Москвич. — Список секретных сотрудников и бюджет берлинской агентуры. — Превращение берлинской агентуры в контрразведывательное бюро. — Во главе всей русской контрразведки в Европе. — Охрана Тихоокеанской эскадры. — «Гулльский инцидент». — Преследование русской эскадры английским флотом. — Награды неудачному контрразведчику. — Назначение А. Гартинга заведующим Заграничной агентурой. — Изменение состава политэмигрантов в конце XIX века. — Использование европейской полиции в борьбе с революционерами-эмигрантами. — Особый отряд агентов парижской префектуры. — Размещение агентов по Европе. — «Идейные» кандидаты в агенты — Разоблачение полицейского «оборотня».

Усиленный рост политической эмиграции в конце 90-х годов заставил Департамент полиции задуматься над организацией агентуры не только в Париже и Лондоне, но и в других крупнейших городах Европы. Объектом новых авантюр Рачковского становятся теперь Германия и Австро-Венгрия. В 1896 году он сообщил в Петербург, что намерен провести ряд операций в Берлине, куда, по его словам, перебрались многие эмигранты, чтобы спастись от Заграничной агентуры, базировавшейся в Париже.

Рачковский сумел войти в контакт с германским правительством и добился санкции на устройство агентуры в Берлине. Тщательно подготавливая новый центр охранки, Рачковский сначала получил разрешение местной полиции разместить в немецкой столице шесть русских агентов. В докладе директора Департамента полиции от 9 декабря 1900 года министру внутренних дел в связи с этим сообщалось:

«За последнее время революционные деятели разного направления, пользуясь сравнительной близостью г. Берлина к границе Российской империи, избрали этот город центром, куда стекается из разных европейских стран, преимущественно из Швейцарии, революционная и социал-демократическая литература, предназначенная для водворения в Россию через германскую границу. Это обстоятельство, а также имеющиеся в Департаменте полиции сведения об образовании в Берлине кружка лиц, преимущественно русских подданных, придерживающихся народовольческой программы, заставили Департамент полиции войти в соглашение с подлежащими германскими властями по вопросу об учреждении в Берлине особой агентуры из русских и иностранных агентов и филеров, по примеру Парижа и Лондона, для наблюдения за деятельностью проживающих в Берлине русских революционеров.

Ныне заведующий иностранной агентурой Департамента полиции статский советник Рачковский, получив разрешение германского правительства на устройство упомянутой агентуры и заручившись содействием подлежащих властей, представил проект организации агентуры в Берлине, по которому предполагается на первое время ограничиться шестью агентами под ближайшим руководством сотрудника Рачковского г-на Г., которым предполагается назначить содержание в размере 300 марок в месяц каждому и 600 марок заведующему, а кроме того, на наем квартиры и все другие расходы по наблюдению 600 марок в месяц, а всего 3 тысячи марок в месяц».

Этим господином Г. оказался не кто иной, как Аркадий Михайлович Гартинг, бывший сотрудник парижской охранки, именовавшийся перед этим Ландезеном,

а еще раньше — Геккельманом. Гартинг избрал своим постоянным местом пребывания Бельгию. Там он совместно с провокатором-анархистом Штернбергом организовал какую-то провокационную анархистскую затею, о которой не сохранилось конкретных сведений, известно лишь, что она провалилась.

Но Ландезен не сидит в Брюсселе, а все время передвигается по Европе, сопровождая и охраняя высочайших особ. Рачковский не забывает услуг, оказанных ему Геккельманом-Ландезеном-Гартингом, и дает ему командировки, одну другой выгоднее и почетнее. В 1893 году Гартинг командирован в Кобург-Гота на помолвку наследника Николая Александровича с принцессой Алисой Гессенской — тысяча рублей подъемных и царский подарок; в 1894 году Гартинг охраняет Александра III в Копенгагене — опять подъемные плюс подарки, орден Данеборга и золотая медаль; затем он едет с русским императором на охоту в Швецию и Норвегию — орден св. Серафима; в 1896 году Гартинг — уже инженер, кавалер прусского ордена Красного Орла, австрийского креста «За заслуги» — на юге Франции, близ Ниццы, на Villa Turbi, охраняет умирающего цесаревича Георгия, затем в Бреславле охраняет Николая II при свидании того с Вильгельмом; Гартинг сопровождает царя в Париж — орден Почетного легиона, затем в Лондон — орден Виктории, в Дармштадт — орден Эрнеста. Наконец, еще повышение: Гартинг милостью Рачковского — начальник берлинской агентуры.

Рачковский поселил Гартинга в Берлине на Фридрих-Вильгельм-штрассе под видом богатого русского купца, имеющего связи в высших политических кругах. Следуя примеру своего патрона, новый глава берлинской резидентуры заграничной охранки Гартинг стал обхаживать влиятельных местных лиц и устраивать роскошные обеды в своем богатом доме. Как шло дело организации новой Берлинской политической агентуры, видно из доклада Рачковского министру внутренних дел от 22 августа 1902 года:

«В конце декабря 1900 года я приступил к организации берлинской агентуры, с каковой целью мною был командирован туда инженер Гартинг с тремя наружными агентами. Берлинская полиция отнеслась крайне подозрительно к осуществлению нашего предприятия, полагая, вероятно, что мы задались мыслью водвориться в Германии для военного розыска или по другим каким-то политическим соображениям. Путем весьма продолжительных переговоров мне наконец удалось убедить полицейские власти в действительных задачах предполагавшейся организации. И только вслед за получением президентом берлинской полиции и другими его чиновниками почетных наград дружественные отношения установились между мною и подлежащими властями.

На месте выяснилось, что трех наружных агентов оказалось недостаточно, и в настоящее время, когда наличный состав агентов увеличился до шести человек при постоянном содействии берлинской полиции, наружные силы далеко не соответствуют действительным потребностям розыскного дела в Берлине.

Проектируемая в Берлине система прописки иностранцев весьма неудовлетворительна и усложняется тем, что в многочисленных полицейских участках листки вновь прописывающихся остаются иногда от одного месяца до шести недель, причем бывают случаи, что названные листки вовсе не доходят в Центральное полицейское управление. На практике оказывается также, что до 30 процентов иностранцев вовсе не прописываются, и это лишает всякой возможности установить то или другое разыскиваемое лицо.

Между тем громадное количество людей, подлежащих контролю агентуры, вынуждает г. Гартинга изыскивать невероятные способы для проверки получаемых Департаментом сведений по революционным записям у того или другого лица, обнаруживаемых при арестах в России.

Ближайшим сотрудником берлинской агентуры является полицейский комиссар В., оказывающий негласные услуги за денежное вознаграждение, далеко превышающее отпускаемые г. Гартингу средства на секретные расходы. Так, в течение минувшего апреля и мая заведующий агентурой издержал 1095 марок по представляемым счетам, о возмещении которых позволяю себе ходатайствовать перед Вашим превосходительством.

Независимо изложенного, заведующему агентурой представлялось необходимым войти в сношения с одним

из служащих в президентстве, при содействии которого он получил до 1300 листков русских подданных, проживающих в Берлине, и имеет возможность получать их в будущем, что является громадным подспорьем в его деятельности. Означенному чиновнику также необходимо платить определенное вознаграждение.

Принимая засим во внимание, что существующие в Берлине крайне трудные условия для наружного наблюдения вынуждают заведующего агентурой нанимать три конспиративные квартиры, уплачивать расходы по наблюдению и удовлетворять массу мелочных затрат, не признаете ли возможным увеличить эту статью бюджета до 1200 марок ежемесячно...»

Под буквой В. скрывался комиссар берлинской полиции Винер, который по приказу самого Вильгельма состоял в непосредственной связи с русской политической агентурой в Германии и от которого, по соглашению сторон, не должно было быть никаких тайн.

Бывший в ту пору директором Департамента полиции С. Э. Зволянский, исключительно озабоченный угрозой террора в России, докладывал в Министерство внутренних дел, что в Берлине сосредоточено весьма значительное число русских революционеров, постоянно посылающих в Россию транспорты нелегальной литературы, и существует кружок народовольцев под руководством старого эмигранта Ефима Левитана.

Уже в декабре 1900 года тайная имперская агентура в Берлине начала действовать совершенно независимо. Гартинг руководил ею до 1905 года. Как опытный провокатор Гартинг прежде всего обратил внимание на организацию в Берлине внутренней агентуры. Среди его агентов были, в частности, такие старожилы сыска, как Зинаида Жученко и Лев Бейтнер

В начале 1902 года Гартингом был завербован ловкий и опасный предатель и искусный провокатор, секретный сотрудник, получивший кличку Ростовцев, студент Берлинского университета Житомирский, которому с марта того же года было положено жалованье в 250 марок в месяц. «Доктор» Яков Житомирский еще до поступления к Гартингу служил в немецкой полиции, куда его поместил немецкий агент, и только вследствие трога-

тельной дружбы немецкой и русской полиции он был переуступлен Гартингу. В 1902 году Зволянский докладывал товарищу министра внутренних дел князю П. Д. Святополку-Мирскому, что со времени поступления на службу Ростовцева сообщения берлинской агентуры «сделались особенно содержательны и интересны». В первые годы революционной деятельности большевиков за границей все усилия Житомирского были направлены на раскрытие работы ленинской «Искры». Уже то, что охранка послала одного из своих лучших провокаторов к большевикам, показывало, какое беспокойство они причиняли властям и какое место занимали в революционном движении.

Благодаря Житомирскому, которому удалось стать доверенным лицом самого Ленина, в 1907 году охранке удалось схватить ограбившего банк большевика Камо (С. А. Тер-Петросяна). Таким образом, был раскрыт план Ленина: произвести в европейских банках обмен нескольких сотен тысяч награбленных рублей. Для этой операции был уже назначен конкретный день и час. Предполагалось, что каждый участник операции обменяет зараз всего лишь несколько банкнот стоимостью 500 рублей каждая. Немецкий историк и публицист Бертрам Вольф описывает эту знаменитую полицейскую операцию, проведенную одновременно в нескольких странах, в результате чего был арестован целый ряд членов большевистской партии. Организатором обмена Ленин опрометчиво назначил Житомирского, который смог сообщить охранке номера банкнот, предназначенных для обмена, и описать внешность почти всех агентов Ленина

В Германии Гартинг развернул бурную деятельность. Из его отчетов видно, к примеру, что в 1903 году он командировал в Мюнхен одного своего старого сотрудника для выяснения самых видных деятелей «тамошних революционных колоний». Новых сотрудников Гартинг стажировал лично, а затем предъявлял их Департаменту полиции Так, одному из новых сотрудников после «смотрин» выдано авансом в Петербурге 150 рублей (134 марки). Один из старых внутренних сотрудников берлинской агентуры был отпущен осенью 1903 года в Россию, но вскоре вернулся обратно: очевидно, не нашя

лучшей, чем у Гартинга, работы. Секретный сотрудник Гартинга в Гейдельберге (некто З.) помогал в 1904 году контролировать переписку А. Гоца и И. Фундаминского. В конце 1903 года в Швейцарию для выяснения раскола в организации «Искры» был командирован секретный сотрудник (вероятнее всего — Житомирский). Наконец, в январе 1904 года Гартингом приобретен сотрудник Москвич. А уже в феврале 1904 года он был вынужденно передан в распоряжение самого Ратаева. По этому поводу Лопухин написал Ратаеву 9 февраля 1904 года:

«Поступающие данные о деятельности русской эмиграции свидетельствуют, что наиболее активные ее силы сосредоточиваются в Швейцарии и преимущественно в Женеве, где находятся центры обеих главнейших революционных групп, то есть социалистов-революционеров и социал-демократов, а равно помещаются редакции для печатания их партийных органов. Благодаря такой группировке активные революционные деятели, выбывающие из России, а также лица, укрывающиеся от преследования властей, по прибытии за границу, естественно, стремятся в Швейцарию, где примыкают к готовым уже кадрам и таким образом формируют все более и более сплоченное революционное сообщество. В сих видах представляется своевременным принять меры к обеспечению вполне правильного и всестороннего освещения деятельности означенных революционных центров, причем для достижения сей цели необходимо усилить действующий во вверенном Вам для наблюдения районе агентурный состав.

В последнее время департамент заручился предложением услуг известного Вам секретного сотрудника (псевдоним Москвич), который по своему положению и старинным связям в революционной среде может оказать полезные услуги по делам порученной Вам агентуры. Названный Москвич имеет при себе организованный им лично состав сотрудников и вознаграждение за труды получает совместно с ними из сумм департамента по 2 тысячи франков в месяц.

Сообщая об изложенном, предлагаю Вашему превосходительству разыскать Москвича, вступить с ним в ближайшее сношение и о результатах деятельности доно-

сить мне. Вы можете предъявить сотруднику настоящее письмо и поставить его в известность, что настоящее изменение в первоначальной программе его положения и будущей деятельности проистекает непосредственно из соображений пользы дела и розыскной службы и что от принятия его предложения зависит вопрос о дальнейшем существовании самого соглашения с ним департамента».

Под псевдонимом Москвич скрывался старый (с 1892 года) сотрудник заграничной агентуры Лев Бейтнер.

Таким образом, у Гартинга в Берлине в начале 1904 года были в распоряжении следующие секретные сотрудники: Москвич (Бейтнер), некто З. («переехал из Лейпцига в Гейдельберг» — это была, несомненно, Зинаида Жученко), Степанов, Обухов (осенью 1904 года откомандирован в Россию), Кондратьев (с октября 1904 года), Ростовцев (Житомирский) и Киевлянин. Под кличкой Киевлянин скрывался тот же Житомирский, которого изворотливый Гартинг, не брезговавший и малым, проводил в отчете под двумя кличками, а платил, конечно, одному, а не двум Житомирским.

Ежемесячные расходы на берлинскую агентуру достигали в это время 96 300 марок. В эту сумму не входили, конечно, различные публицистические упражнения в немецкой прессе, которые оплачивались особо. Так, например, за напечатание письма министра внутренних дел России в дармштадтской ежедневной газете «Darmstadter Tagesblatt» было уплачено 100 марок. Вероятно, и здесь Гартинг не побрезговал ста марками: ясно, что такую сенсационную вещь, как письмо Плеве к Стэду, любая газета сочтет за честь напечатать, да еще и деньги немалые заплатит.

В 1904 году Гартинг вдруг был срочно вызван в Петербург. Там директор Департамента полиции Лопухин поручил ему организацию в Европе контрразведки для борьбы с японским шпионажем, во главе которого стоял супершпион Акаши. Для борьбы с опытным японцем и его агентурой Гартинг призвал старую гвардию филеров, следивших ранее за русскими революционерами, и провокаторов. Сам же новый глава русской контрразведки гонялся по Европе за Акаши и другими подлинными

и мнимыми японскими шпионами: сегодня в Петербурге, завтра в Берлине, послезавтра в Стокгольме и Копенгагене... По пути Гартинг давал в Петербург систематическую информацию о деятельности японских шпионов в Европе и персонально об Акаши.

Заслуженному провокатору Гартингу для выполнения этого задания русской военной разведкой ассигнуются громадные суммы — от 200 до 300 тысяч рублей, а также даются самые широкие полномочия. В связи с началом русско-японской войны 1904—1905 годов уже вся берлинская агентура переключается на борьбу с японским шпионажем и, по существу, превращается в контрразведывательное бюро. Гартинг к тому же возглавил на это время практически всю русскую контрразведку в Европе. Понятно, что его столь блестящая деятельность была соответственно вознаграждена.

На Гартинга была возложена также специальная миссия: безопасность русского имперского флота, а именно — охрана пути следования Второй Тихоокеанской эскадры Рожественского, которая осенью 1904 года покинула Балтику и отправилась на Дальний Восток. С участием шефа берлинской агентуры произошел «знаменитый» и печальный для России острый англо-русский конфликт — «гулльский инцидент», когда русские артиллеристы, ожидавшие атаки со стороны японцев в Северном море, в тумане по ошибке открыли огонь по рыболовецкому судну, вследствие чего был убит один из членов экипажа. Английское правительство, не довольствуясь дипломатическим протестом, приступило к некоторым подготовительным мероприятиям военного характера. Английские военные корабли следовали по пятам за эскадрой Рождественского. В английской печати раздались призывы к войне против России. Как известно, Россия оказалась тогда на волоске от войны с Англией.

Когда разразился дипломатический скандал, Гартингу каким-то образом в очередной раз удалось остаться в стороне. Более того, он получил большую денежную награду и орден Владимира, дававший право на потомственное дворянство.

1 августа 1905 года по ходатайству Рачковского А. М. Гартинг был назначен заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции, на место отставленного Л. А. Ратаева. Этот период деятельности Гартинга совпал с годами первой русской революции и последовавшей за этим реакции, давшей заграница новые пополнения русских политических эмигрантов. В этот период состав русской политэмиграции значительно изменился. В конце XIX века основной состав эмигрантов состоял из народовольцев-террористов, после же революции 1905 года в политическую эмиграцию влилось большое количество социал-демократов. Появление в эмиграции представителей нового революционного класса — рабочего класса — царской охранке принесло много забот. Если до этого основные усилия Заграничной агентуры были направлены на борьбу против террористов, казавшихся наиболее реальными противниками царского самодержавия, в борьбе с которыми охранка уже имела некоторый опыт, то новый противник — социал-демократия с новыми приемами партийной работы и конспирации — для охранников был более опасным. Ратаев не обращал почти никакого внимания на социал-демократию, Гартингу же пришлось столкнуться с ней лицом к лицу.

Для борьбы с русской политической эмиграцией Гартинг использовал не только свою секретную агентуру, но и полицию некоторых стран Европы. Если германское и австро-венгерское правительства, в соответствии с протоколом от 14 марта 1904 года, под видом анархистов охотно выдавали эмигрантов русской полиции, то французское и бельгийское правительства открыто этого делать не могли. Частые запросы в парламенте по поводу деятельности русской политической полиции в Париже и Брюсселе заставляли правительства этих стран ей формально препятствовать, а по существу они не только закрывали глаза на ее действия, но и способствовали ей. В шифрованной телеграмме на имя директора Департамента полиции Гартинг доносил из Парижа:

«По совершенно секретному личному соглашению с чинами префектуры мною выработана следующая мера. Префектура готова сформировать особый отряд агентов. Он должен наблюдать за важнейшими русскими террористами и будет осведомлять меня о результатах. Для выполнения этой меры необходимо, чтобы наше

правительство добилось через посла, дабы французское министерство предписало префектуре усилить надзор за русскими террористами».

Гартинг умышленно старался привлекать к себе как можно меньше внимания; к тому же, возглавляя Заграничную агентуру, постоянно разъезжал по всей Европе. В период русской революции 1905 года из Европы в Россию незаконно переправлялось большое количество оружия, и надо было положить этому конец. Гартинг потратил немало времени на то, чтобы во всех крупных северных портах Европы были его люди. Так, к 1906 году на него работали 14 агентов, занимавшихся исключительно вопросами переправки оружия. Кроме того, с ним сотрудничали некоторые начальники местной полиции: в Англии и Финляндии дела шли неважно, зато с французами, немцами и датчанами удавалось договориться на том условии, что общественность этих стран ничего не узнает. Гартинг прекрасно понимал, что большинство европейцев относились к охранке резко отрицательно.

Кроме лиц, работавших в охранке, были лица, предлагавшие себя для этой работы. Гартингу пришлось заниматься подобными предложениями и иногда отвергать их. Таково было предложение некоего Нейштадта в 1907 году. Могилевский мещанин Авигдор (Виктор) Мордухов-Нейштадт в мае 1900 года послал в Департамент полиции письмо с заявлением о намерении своем посягнуть на жизнь царя. На допросе он объяснил свой поступок желанием выйти из затруднительного положения. Сидя в Прилукской тюрьме, Нейштадт рассказал надзирателю о существовании тайного преступного общества. Однако в показании следствию по этому поводу он заявил, что «яркие краски в его рассказе составляют обычный плод его фантазии». За эти фантазии Нейштадт после медицинского освидетельствования, признавшего его здоровым в физическом и психическом отношениях, был отдан под гласный надзор полиции. В мае 1907 года Нейштадт, живший тогда в Базеле, обратился к министру Столыпину с письмом, в котором предложил свои услуги в борьбе с революционерами-террористами. Он заявлял, что у него «разработан детальный план втесаться в их среду на правах испытанного товарища». О вознаграждении писал: «меня это интересует ровно настолько, во сколько оцениваются жизненные потребности человека средней руки (без спиритуозов и игры)». Себя Нейштадт рекомендовал так: «вероисповедания официального иудейского, возраст 27 лет, образование — домашнее, политическое credo — умеренный прогрессист». Письмо это было препровождено Департаментом полиции Гартингу. К сожалению, из дела архива не видно, получил ли «умеренный прогрессист» шпионскую работу у Гартинга.

Из числа «идейных» секретных сотрудников Гартинга нужно назвать Гурари. Лев (Леон) Гурари в письме из Ниццы 3(16) ноября 1902 года заведующему Заграничной агентурой Департамента полиции Ратаеву предложил свои услуги. Он писал, между прочим: «Я легко могу вступить в сношения с Верой Гурари, кузиной моей, сосланной ныне в Иркутск. Прикинувшись сочувствующим и жаждущим деятельности, я смогу добыть у нее указания, рекомендации. Я — искренне убежденный противник революционной деятельности и приложу все умение и усилие обезвредить возможно большее число этих паразитов». Гурари был принят в число секретных сотрудников, но после был уволен. В сентябре 1905 года Гурари обратился уже к Гартингу с просьбой принять его на службу, ссылаясь на то, что «ввиду его близкого знакомства с Прекером-Гнатовским он сможет в течение 2 месяцев дать весьма ценные сведения». Гартинг назначил ему 600 рублей в месяц жалованья и 1000 франков на наем подходящей квартиры». Однако вскоре Гурари был опять уволен. В июле 1910 года Гурари снова просил принять его на службу, указывая на то, что в 1892—1895 годах, будучи в зубоврачебной школе Джеймса Леви в Варшаве, оказал много услуг начальнику варшавского жандармского управления генералу Броку. Но пришедший на смену Гартингу шеф Заграничной агентуры Красильников отказался от услуг Гурари. Таким образом, еще один «искренне убежденный противник революции» оказался на практике платным и мало исправным секретным сотрудником охранки.

В 1909 году пришел конец гартинговскому периоду в работе заграничной агентуры. В самом начале года Азеф

был окончательно разоблачен и объявлен провокатором не только Бурцевым, но и специальным извещением ЦК партии эсеров. Сведения, полученные Бурцевым от Лопухина, Менщикова и Бакáя, были дополнены показаниями изменившего Гартингу агента Леруа. Это окончательно привело Бурцева к убеждению, что Гартинг-Геккельман-Ландезен — это одно и то же лицо.

Человек недалекий, уступавший умом и знаниями своим предшественникам, действительный статский советник, кавалер многих российских орденов, кавалер французского ордена Почетного легиона, провокатор-«оборотень» Гартинг, наверное, долго бесчинствовал бы в Европе. Но в июне 1909 года Бурцев, ознакомившись с документами, предоставленными ему бывшим сотрудником Особого отдела Департамента полиции Л. П. Менщиковым, напечатал во французских газетах статьи с неопровержимыми доказательствами провокаторского прошлого главы российского политического сыска в Европе. Бурцев опубликовал сенсационное разоблачение: он сообщил, что Гартинг, ведающий имперской агентурой в русском посольстве в Париже, на самом деле не кто иной, как Ландезен, скрывающийся от французского правосудия с 1890 года, когда был выдан ордер на его арест. Эти предположения получили широкую огласку.

Как только откровения Бурцева попали в прессу, Гартинг поспешил покинуть Францию, предвидя, как трудно будет его коллегам унять общественное негодование, которое неизбежно. Следуя совету, полученному из Петербурга, посольские чиновники изображали «полную неосведомленность» и все запросы в прессе отклоняли «за отсутствием в распоряжении министра каких-либо официальных данных». Не располагая конкретными сведениями, утверждали они, ничего нельзя подтвердить или опровергнуть.

Часть 6
ЧАСТНЫЕ БЮРО

РАСПРОДАЖА

Французская пресса против русской полиции. — Заграничная агентура на нелегальном положении. — «Дипломатическое» назначение А. Красильникова заведующим Заграничной агентурой. — Вербовка французских журналистов. — Деньги за сотрудничество с прессой. — Возобновление дружбы с французскими властями. — Детективное агентство «Биттер-Монен». — Эсер Е. Колосов о русской тайной полиции в Париже. — Агент-вымогатель. — Доносы на продажу. — Объявление о закрытии Заграничной агентуры. — Создание «частной группы» заграничного сыска. — Чистка агентурных кадров. — Увольнение агента Филенаса. — Продажа Бурцеву сыщиком Леони документов охранки. — Попытки агентов получить пенсию. — Частное детективное бюро Бинта и Самбена. — Вербовка бывших сыщиков Бурцевым. — Помощники Красильникова. — Чрезвычайная следственная комиссия. — Миссия С. Сватикова. — Агентурные клички.

Вслед за публикацией Бурцева, разоблачившей Гартинга-Ландезена-Геккельмана, к июню 1909 года парижская социалистическая пресса подняла кампанию против французского правительства, допускавшего на территории Франции деятельность русской полиции под руководством уголовного преступника, приговоренного французским судом к каторжным работам. Социалист Жан Жорес из Палаты депутатов вместе с левыми депутатами сделал запрос правительству. Со своей стороны глава правительства Франции был вынужден дать обещание, что впредь на территории Французской Республики пребывание иностранных полиций, в том числе и русской, будет запрещено.

Реагируя на происшедшее, жандармский офицер В. И. Андреев, исполнявший в тот момент вместо Гартинга обязанности заведующего заграничной агентурой, телеграфировал в Петербург: «Необходимо иметь кадры немногочисленные, но из верных филеров, а также уволить подозрительных и слабых». Заграничной охранке пришлось перейти на нелегальное положение, так как она не могла прекратить свою деятельность. Да и французское правительство не желало этого. Агентам приходилось действовать гораздо осторожнее. В августе Андреев сообщил, что премьер-министр разрешил агентуре продолжать работу во Франции, если будут приняты все необходимые меры, «чтобы избегать каких-либо случаев скандальной огласки, каких-либо деяний, затрагивающих права именно французских граждан».

Хотя деятельность заграничной охранки оказалась полностью дезавуированной, царское правительство решило заново ее воссоздать. Вместо Гартинга, бежавшего после разоблачения в Швейцарию, на должность заведующего Заграничной агентурой был назначен чиновник особый поручений 5-го класса, статский советник Александр Александрович Красильников. В целях маскировки подлинной миссии и связи с Министерством внутренних дел России, а значит с полицией, Красильникову было дано дипломатическое назначение как «командированному Министерством внутренних дел за границу для сношений с местными властями и российскими посольствами и консульствами».

Красильников был отставным кавалеристом, оставившим службу в 1901 году; он подолгу периодически жил в Париже и не имел никакого дипломатического или полицейского опыта Однако раньше он служил под началом генерала Курлова, занявшего теперь пост товарища министра внутренних дел. Начальник и подчиненный стали друзьями. По-видимому, именно это послужило причиной назначения Красильникова.

Красильников прибыл в Париж поздней осенью 1909 года. Заграничной агентурой он официально не командовал и сумел вести дело так, чтобы деяния политической полиции не всплыли наружу. В то же время в Париж была прислана группа опытных агентов, ранее служивших в охранных отделениях империи и в отделе охраны

при императорском дворе. Этим агентам было строго приказано между собой не общаться.

Понимая, какое влияние имели антиимперские выступления Бурцева на французское общественное мнение, Красильников совершил почти невозможное: он нашел влиятельного и корыстного редактора, который согласился за высокое вознаграждение печатать в своей газете хвалебные статьи о России. В конце декабря Красильников сообщил в Департамент полиции, что пытается договориться с влиятельными сотрудниками двух крупнейших парижских газет «Ле Матэн» и «Ле Журналь».

Красильников называл имя редактора «Ле Журналь» — ежедневной газеты тиражом около миллиона экземпляров — М. Летелье, но предупреждал, что один человек не в силах задать определенную ориентацию всей газете. Летелье неоднократно говорил об угрозе «взрыва редакции», если «оскорбит местных революционеров», и о необходимости возмещения недоплаченных ранее 60 тысяч франков для восстановления сотрудничества. Если за статьи в «Ле Журналь» платили из расчета 2 франка за строку, то конкурирующей газете «Ле Матэн» — 6 франков. В ответ на требования «Ле Журналь» повысить оплату Красильников заметил, что будет гораздо выгоднее целиком купить газету.

Вскоре улеглись страсти по Гартингу. Про обещание французского правительства запретить деятельность русской полиции перестали вспоминать, и сам кабинет министров постарался быстро забыть о своих запретах. Красильников по этому поводу писал директору Департамента полиции Белецкому 5 сентября 1913 года:

«После указанного инцидента в парламенте французское правительство относилось к Заграничной агентуре с особою осторожностью; впоследствии, когда мне удалось заслужить доверие французских властей, отношение это делалось все лучше и лучше, а затем уже Заграничной агентуре стало ими оказываться и оказывается ныне полное во всем содействие, но при этом, однако, французские власти чрезвычайно опасаются всего, что может служить указанием на продолжение существования во Франции русской политической полиции».

Новому руководителю заграничной охранки порой приходилось туго. Его шантажировали сами агенты, в основном бывшие ранее на службе у Гартинга, которые под угрозой разоблачений требовали денежных прибавок. Для их усмирения приходилось прибегать даже к помощи префекта парижской полиции.

Основной заботой Красильникова была необходимость следить за врагами империи среди эмигрантов. Понимая, что факт существования русской политической полиции во Франции в любой момент может быть предан огласке, Красильников решил замаскировать Заграничную агентуру, наняв целое французское детективное агентство под вывеской «Справочное бюро Биттер-Монен», которое формально принадлежало гражданину Франции. Агенты наружного и внутреннего наблюдения числились служащими «Биттер-Монена», а на жалованье состояли в Департаменте полиции.

«Центр всей организации находится в Париже, — вспоминал известный эсер Е. Е. Колосов, — на улице Гренель, при русском посольстве. Однако, наученная горьким опытом, русская тайная полиция не рисковала дело заграничного розыска ставить от своего собственного лица. Правда, она была фактическим хозяином всего дела, она щедро обеспечивала каждого агента и возмещала все его служебные расходы, но от ответственности формальной за всю организацию она уклонялась. Она предоставляла этим детективам называться как им угодно — „делегатами“, „комиссарами“, просто чиновниками, — но только не агентами на русской службе».

Колосов вспоминал, как один из «служащих» «Биттер-Монена» покупал письма эмигрантов у почтовых служащих для перлюстрации.

Говоря о том, как дорого обходится содержание внутренних агентов и детективов, указывая на дополнительные расходы, связанные с вербовкой осторожных местных чиновников, Красильников неоднократно просил начальство увеличить его фонды. Конечно, на службе и у Рачковского, и у Ратаева, и у Гартинга были сотрудники, но каждый новый начальник парижской агентуры, вступая в должность, жаловался на то, что предыдущий

не передал ему самого ценного — провокаторов. Вместо денег полицейские чиновники послали Красильникову внутреннего агента, от которого хотели избавиться, некоего А. И. Литвина, который начал служить в охранке в 1904 году в Варшаве.

В 1910 году в Министерство внутренних дел поступила жалоба от еврейки Луцкой о том, что Литвин, «с целью вымогательства 1000 руб. денег у ее мужа заключил последнего под стражу». Следствие показало, что Литвин и другие сотрудники агентуры арестовывали граждан, «нарушая основные правила деятельности охранного отделения». В наказание было решено «отвести Литвина от единения с агентурой», однако тогда уволен он не был. Его увольнение последовало через год — «за участие в недобросовестной игре в карты в Варшавском Русском собрании». Литвин оставил должность, но угрожал охранке судом и разоблачением ее секретов. В июне 1911 года в Департамент полиции пришла жена Литвина, обвиняя бывших начальников ее мужа в том, что Литвин вел нечестную игру под их давлением. Боясь скандала, товарищ министра внутренних дел отдал распоряжение, чтобы Московская охранка продолжала платить Литвину жалованье, но запретил давать секретные поручения. В июле 1912 года было решено послать именно его в Париж к Красильникову. Таким образом, Литвин снова оказался на секретной службе и в предвоенные годы участвовал в очень важной операции — перехвате данных немецкой военной разведки. Однако начальники снова были им недовольны: на этот раз он не сумел сохранить в секрете свое действительное имя и положение. Перед войной он ушел в отставку и поселился в Англии, получив паспорт на имя Ландена, однако Красильников вскоре опять привлек его к деятельности Заграничной агентуры.

Со временем Красильников полностью разочаровался в работе частного детективного агентства. 28 сотрудников, служившие там к 1910 году, стали очень дорого ему обходиться. Камуфляж охранки под фирму «Биттер-Монена» не уменьшил беспокойства Красильникова. Все недовольные, недобросовестные и ленивые агенты, получив нагоняй от своих фактических хозяев, обращались к Бурцеву и предлагали ему купить имевшиеся в

их распоряжении документы русского политического сыска, а тот был готов приобретать компромат, правда у него не всегда находились требуемые деньги. Тогда сыщики шли к газетчикам. Публичные скандалы с разоблачениями становились обычным делом. Появившиеся в печати многочисленные статьи об активной деятельности русской полиции во Франции вынудили премьера Клемансо выступить в парламенте с резкой критикой действий царской охранки в его стране. Красильников, предчувствуя новые разоблачения, в 1912 году предложил Департаменту полиции отказаться от услуг «Биттер-Монена» под тем предлогом, что Департамент более не заинтересован в слежке за эмигрантами, и создать свою собственную следственную группу, вдвое меньшую по числу сотрудников.

Во всеуслышание было объявлено о закрытии Заграничной агентуры. В действительности же Красильников только лишь реорганизовал свою группу. К большому удовлетворению французского правительства, группа эта теперь была сугубо частная, во главе со старейшим агентом заграничного сыска, проработавшим в нем 32 года, Анри (Генрихом) Бинтом и старшим агентом Андреем (Андрэ) Самбеном. В контракте компаньонов при организации бюро оговаривалось, что в случае смерти одного из них все фонды агентства и мебель переходят к оставшемуся в живых партнеру. Еще в 1881 году секретарь русского посольства в Париже, следуя просьбе К. П. Победоносцева — приближенного Александра III и обер-прокурора Святейшего Синода, встретился с инспектором парижской префектуры Анри Бинтом, в результате чего тот стал штатным шпионом «Священной дружины», а затем на протяжении 35 лет служил в Заграничной агентуре Департамента полиции.

Красильникову не сразу удалась наладить работу нового парижского бюро. Бóльшую часть старого состава агентуры пришлось заменить новыми сотрудниками. Из 38 сотрудников «Биттер-Монена» он отобрал для перевода в «частное бюро» 12 или 14 лучших филеров. Красильников при найме требовал соблюдения строгой секретности, чтобы уволенные следователи в отместку не предложили свои услуги Бурцеву. В основном, сообщал Красильников в Петербург, он избавился от тех

агентов, которые работали нечестно или неэффективно. Однако доказать или проверить, на самом ли деле они работали плохо, было крайне трудно, поскольку большинство сотрудников действовали независимо друг от друга.

Ссылаясь на те же причины, Красильников в августе 1913 года уволил одного агента в Англии, и протестующее письмо, отправленное этим англичанином в Департамент полиции, проливает некоторый свет на мелкие интриги в действиях Заграничной агентуры. Этот уволенный агент — Филенас — сообщал, что неожиданно в Лондоне ему назначил встречу сам заведующий Заграничной агентурой. Но так как, согласно правилам конспирации, настоящие имена употреблять запрещалось, Филенас ошибочно считал, что разговаривал с ним сам Красильников. Вдобавок ко всему эта встреча произошла при самых неподходящих, почти курьезных обстоятельствах. Филенас встретился со своим «судьей» (по некоторым данным, им был агент Красильникова Литвин, он же — Ланден) в «Лайонз и К°», как бы выпить чаю; далее Филенас сам настоял на том, чтобы они закончили свою возбужденную беседу на улице, поскольку заметил сидящего за соседним столиком революционера Раппопорта. Когда они вышли на улицу, его спутник вдруг заинтересовался содержимым портфеля англичанина и, увидев спрятанные там документы на русском языке, выразил сомнение, что Филенас получил их в Министерстве внутренних дел, хотя так и было на самом деле, а также в том, что он может их прочитать. Далее, когда Филенас попытался показать своему спутнику вырезки из газет, в которых давалась высокая оценка его журналистской работе, посланник из Парижа предпочел окончить разговор, намекнув, что Филенас не сам писал подписанные им статьи. Филенас жаловался, что именно после этой встречи последовало его увольнение за неисполнение возложенных на него обязанностей, хотя он делал как раз то, что ему было поручено, — писал прорусские статьи в английские газеты. Уволенный агент не смог предоставить одно важное доказательство, которого требовал от него парижский эмиссар охранки, — вырезок из газет, доказывающих, что написанные им статьи действительно появлялись в печати. Для

охранного отделения и Заграничной агентуры этого оказалось вполне достаточно, чтобы прекратить выплачивать Филенасу жалованье. Даже после увольнений некоторым агентам удавалось сохранять свое жалованье в обмен на молчание.

В тот же период за неисполнение обязанностей был уволен итальянский сыщик Леони, но через год он появился в агентуре, заявив, что с ним поступили несправедливо. А после того как на него не обратили должного внимания и не предложили никакой компенсации, он отправился прямо к Бурцеву, прихватив с собой разоблачающие документы, которые в свое время выкрал как раз для такого возможного случая.

Многие долго служившие агенты выразили желание немедленно уйти на пенсию, причем с хорошим содержанием, надеясь на согласие Заграничной агентуры, заинтересованной в их лояльности. Так, например, через два месяца после истории с письмом Филенаса другой англичанин, Майкл Торп, прослуживший в Заграничной агентуре 12 лет по рекомендации Скотланд-Ярда, писал Красильникову, что его нервная система совершенно разрушена, что он страдает хроническим ревматизмом и по этой причине не может более оставаться на службе. В ответ Красильников назначил Торпу пожизненную пенсию.

В 1915 году госпожа Эргардт, вдова покойного чиновника Заграничной агентуры, повела себя довольно решительно, используя известную ей информацию, чтобы получить пенсию за мужа, которой он при жизни не успел воспользоваться. Вдова утверждала, что, оставшись без средств, вынуждена продавать известные ей сведения врагам российского правительства. Красильников срочно сообщил в Петербург, что необходимо немедленно вернуть вдову Эргардт в Россию, и назначил ей пенсию в размере 1000 франков ежемесячно, которую она получала вплоть до 1917 года.

Организация нового бюро была проведена на несколько иной основе. Если раньше оно и организационно и территориально являлось частью русского посольства в Париже, то теперь целесообразно стало не только вывести его из помещения посольства, но и замаскировать вывеской частного розыскного бюро, которое возглавил агент Бинт. Красильников запретил тайным сотрудникам получать или посылать корреспонденцию через посольство, даже просто заходить туда по какой-либо причине.

«Частное детективное бюро Бинта и Самбена» в Париже существовало на средства Департамента полиции и состояло из старых агентов русской заграничной охранки. Агенты бюро исполняли поручения по надзору за русскими политическими эмигрантами во Франции. Докладывали они Бинту или самому Красильникову. Агентов-французов наружного наблюдения к 1917 году вместе с Бинтом было пятеро. Кроме того, у Бинта были наружные агенты-«корреспонденты» в Женеве, Лозанне, Цюрихе и Берне. Бюро Бинта, приступив к работе в 1912 году, сразу же столкнулось с неожиданной трудностью. Бурцев, сумевший завербовать нескольких бывших сыщиков, оказался существенной помехой для русской агентуры. «В Париже Бурцев ныне проявляет усиленную деятельность, — писал Красильников в Петербург, — стараясь выслеживать ведущиеся наблюдения и устанавливать наблюдательных агентов, для чего сподвижник его, Леруа, и другие специально обходят улицы кварталов, где проживают эмигранты».

В целях максимальной конспирации Красильников отказался от личного общения с агентами, поручив эту часть работы своим помощникам. Первым таким помощником, прибывшим в начале 1910 года в Париж, стал жандармский ротмистр Эргардт, с которым и были на связи секретные сотрудники. В августе 1912 года Департамент полиции прислал Красильникову второго помощника — ротмистра армейской кавалерии В. Люстиха, который после смерти Эргардта в 1915 года принял на себя всю работу по связи с секретными сотрудниками и розыскным бюро Бинта.

Для охраны высокопоставленных особ имелись три агента — «Биттер-Монен» и два его помощника. В Италии наружное наблюдение осуществлял сотрудник Заграничной агентуры Инверниззи, имевший в своем ведении четырех агентов. Один из них, итальянец Артур Фрументо, следил за русской колонией и, в частности, занимался перлюстрацией писем. «Подопечными» Фрументо были, например, писатель А. В. Амфитеатров и

эсер В. М. Чернов — один из основателей аграрно-социалистической лиги, член ЦК партии эсеров с момента ее основания, будущий министр земледелия Временного правительства.

В Англии местное «частное» бюро Заграничной агентуры возглавлял англичанин Поуэлль с тремя агентами. В Швейцарии работали «корреспонденты» Бинта. В Скандинавии наружная агентура только начинала организовываться.

Помощниками Красильникова по секретной агентуре были: для Франции — жандармский подполковник Люстих, для Англии — чиновник Департамента полиции А. Литвин, для Швейцарии — жандармский ротмистр Лиховский, для Скандинавии — жандармский ротмистр Левиз-оф-Менар. Кроме того, Красильников имел своих собственных секретных сотрудников. По месту действия провокаторы распределялись довольно неравномерно, в зависимости от численности эмигрантских колоний. Больше всего было сотрудников во Франции — 15 человек, включая двух женщин; 5 — в Швейцарии; 5 — в Англии; 3 — в Северной Америке, один — в Скандинавии, один — в Голландии. Все они были тщательно законспирированы. Их имена были скрыты под кличками.

Агентурными кличками, а не настоящими именами секретных сотрудников Заграничной агентуры была наполнена картотека Департамента полиции. Подлинные имена многих агентов оставались неизвестными вплоть до февраля 1917 года. Расшифровка этих «таинственных незнакомцев» была делом вовсе не таким легким, хотя американская карточная система, введенная в Департаменте полиции и Заграничной агентуре, сильно облегчила работу по составлению охранной биографии каждого провокатора. Однако к концу мая 1917 года Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства России были установлены подлинные имена далеко не всех провокаторов, несмотря на параллельную работу Комиссии по разборке политических дел Департамента полиции под председательством П. Е. Щеголева. Поэтому при отъезде за границу комиссара Временного правительства С. Г. Сватикова Временное правительство поручило ему в числе других дел расформирование всей политической полиции за границей и

производство следствия о секретных сотрудниках Заграничной агентуры. Равным образом Сватиков должен был проверить работу другой аналогичной комиссии — Раппа и объединить результаты ее работы с данными архива Департамента полиции. Результатом этой работы явилось полное расконспирирование секретных сотрудников, хотя с 1909 года Департамент полиции старался не обозначать на своих карточках подлинные имена провокаторов. Некоторая неполнота сведений о 4—5 сотрудниках произошла в связи с октябрьским переворотом 1917 года, так как документы, посланные из Парижа на имя комиссара Сватикова через Министерство иностранных дел, не были доставлены по адресу. Тем не менее, за исключением «Луи», документы о котором вовсе отсутствуют, все остальные сотрудники освещены достаточно, а некоторые и весьма полно.

Именно благодаря деятельности С. Г. Сватикова на посту комиссара Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства России имена заграничных агентов Департамента полиции остались в истории русского политического сыска за рубежами царской империи. В советские времена материалы расследований Сватикова были опубликованы в книгах «Русский политический сыск за границей», «Заграничная агентура Департамента полиции», вышедших под его именем, а также в различных сборниках.

Следует отметить, что некоторые секретные сотрудники были разоблачены еще в 1913 году, однако они продолжали числиться на службе в охранке до марта 1917 года.

Клички секретных сотрудников Заграничной агентуры заслуживают отдельного описания не только из-за своей колоритности, но еще и потому, что за каждой из них кроется человеческая судьба, полная драматизма.

КЛИЧКИ

Дасс. — Матиссэ. — Сережа. — Ратмир. — Шарни. — Турист. — Рауль — Янус. — Гретхен. — Скосс. — Пьер. — Осипов. — Шульц. — Лежен. — Орлик. — Американец. — Ниэль. — Вебер. — Ней. — Сименс. — Лебук. — Шарпантье. — Поль. — Мартэн. — Шарль. — Космополит. — Гишон. — Анатолий. — Люси. — Франсуа. — Россини. — Женераль. — Лео.

Итак, вот он, этот уникальный список С. Г. Сватикова.

Во Франции: Шарни, Гретхен, Орлик, Скосс, Пьер, Дасс, Серж, Ратмир, Матиссэ, Луи, Турист, Янус, Гамлет, Рауль, Манчжурец.

В Швейцарии: Лебук, Шарпантье, Шарль, Мартэн, Поль.

В Англии: Сименс, Ней, Ниэль, Вебер, Американец.

В Америке: Гишон, Люси, Анатоль.

В Скандинавии: Женераль.

В Голландии: Космополит.

С.Г. Сватиков раскрыл клички в результате кропотливых поисков:

«Под именем „Дасс“ скрывался французский гражданин Евгений Юлиев Гольдендах (однофамилец известного социал-демократа Давида Симхи Гольдендаха, партийная кличка которого была „Рязанов“). Гольдендах был сыном известного московского врача, натурализовался во Франции. Поначалу он оказывал услуги парижской сыскной полиции, а в октябре 1912 года начальником французской тайной полиции „Сюрте“ был передан Красильникову. В 1913 году Бурцев стал выяснять, является ли Гольдендах провокатором или только шпиком, и, в конце концов, на основании полученных данных заявил, что

уже в 1908 году тот состоял агентом французской полиции. „Дасс“ привлек было Бурцева к третейскому суду, но затем счел более выгодным привлечь к ответу за клевету у мирового судьи, требуя за бесчестье всего 600 франков. Охранка немедленно оказала Гольдендаху нужную денежную поддержку для ведения дела против Бурцева. Гольдендах упирал на то, что он — французский гражданин, и Бурцев, распространяя слухи о принадлежности его к полиции, лишил его заработка от уроков. Суд в первой инстанции присудил Гольдендаху 150 франков. Летом 1914 года „Дасс“ снова оказался в Париже, где с ним через посредничество Абашидзе вступил в переговоры Бурцев, предложивший ему за „исповедь“ хорошие деньги. Сделка не состоялась, так как Гольдендах убедился, что «у Бурцева вообще нет денег и едва ли представится ему возможность раздобыть хотя бы 3000 фр.».

Кроме «Дасса» в конце 1913 года Бурцевым был заподозрен Зиновьев. «Свободный художник» Александр Зиновьев до самого последнего момента состоял секретным сотрудником охранки с кличкою «Матиссэ» (ранее «Сенатор») с оплатой 500 франков в месяц. До начала 1913 года освещал Бурцева, у которого состоял секретарем. В декабре 1913 года Бурцев получил предупреждение, что около него есть провокаторы, и заподозрил Зиновьева, хотя сомневался, потому что тот в течение второй половины 1913 года несколько отдалился от Бурцева. В 1914 году Зиновьев уже был под наблюдением Бурцева.

Еще одним мобилизованным сотрудником Заграничной агентуры был Николай Чекан, социал-революционер, уроженец Харьковской губернии, по словам Люстиха, «не интеллигент». За свою эсеровскую деятельность был арестован где-то на юге. В конце 1912 года был командирован Департаментом полиции за границу «для содействия в деле политического розыска», причем заведующему агентурой указывалось, что при сношениях с «Сережей» (агентурный псевдоним Чекана; не путать с «Сержем» — агентурная кличка провокатора Элии Кагана) надлежит иметь в виду, что тот нуждается «в постоянном и опытном руководстве и что необходимо закрепить его переход на сторону правительства». Чекан освещал эсеров, получая за это 250 франков в месяц. Осенью 1914 года проживал в Париже. В 1915 году поступил во

французскую армию, сведений не доставлял, но жалованье ему шло исправно.

Следующим сотрудником был французский журналист Раймонд Рекюли (агентурный псевдоним «Ратмир»). Красильников показал Следственной комиссии, что он был его личным сотрудником. На обязанности Рекюли лежало освещение французской прессы. Он был сотрудником «Revue Parlementaire», писал статьи по рабочему вопросу. Красильников, однако, умолчал, что «Ратмир» освещал связь между русским и французским социализмом, ездил на маневры французских войск.

Самым дорогим секретным сотрудником Заграничной агентуры была «ветеран агентурного труда» Мария Алексеевна Загорская, эсерка, работавшая много лет под кличками «Шальной» и «Шарни» с высоким «министерским» окладом 3500 франков в месяц. Она освещала верхи партии эсеров.

Вскрыть подлинное имя «Шарни» было особенно трудно. На допросе Красильников дал следующие показания: «„Шарни“ был лично моим сотрудником. „Шарни“ был известен лично вице-директору Департамента полиции Виссарионову и ротмистру Долгову. Он известен был также директорам Департамента полиции и товарищам министра Золотареву и Курлову и чиновнику особых поручений Троицкому. „Шарни“ давал чрезвычайно мало сведений, прежде был деятельнее. Его держали в виду того, что по своему положению и связям он когда-нибудь одним показанием мог вознаградить все расходы».

На вопрос уполномоченного Чрезвычайной следственной комиссии, «думает ли Красильников, что „Шарни“ может быть вскрыт на основании бумаг, только что поступивших в распоряжение Комиссии», тот ответил, что не уверен в этом. «Первоначально, непосредственно по моем приезде, я не имел никакого дела с „Шарни“, переговоры с ним велись помимо меня Виссарионовым и Долговым. Я принял „Шарни“ от ротмистра Долгова в конце 1910 года. Заведующий Особым отделом Департамента полиции, а затем вице-директор Департамента Броецкий был в Париже в конце 1910 года, и им представлен подробный доклад о сотрудниках, который должен быть в делах Департамента полиции».

Еще 29 ноября 1910 года Виссарионов писал Красильникову лично и совершенно секретно:

«По приказанию г. товарища министра внутренних дел в дополнение к личным моим переговорам с Вами имею честь просить Ваше высокоблагородие, не признаете ли Вы своевременным вступить в настоящее время в обсуждение вопроса с „Шальным“ о возможности его выезда в Россию, и в частности в Петербург. Инициатива поездки никоим образом не может и не должна исходить от „Шального“. Необходимо лишь его согласие в случае предложения ему этой поездки кем-либо из больших людей. Та роль, о которой я лично говорил с „Шальным“ и с Вами, представляется для него наиболее соответственной, хотя и может видоизменяться в зависимости от обстоятельств дела. Все средства, которыми мы располагаем, будут обращены к тому, чтобы гарантировать „Шальному“ удачное выполнение при исключительно строжайшем соблюдении его положения. Итак, не теряя ни одной минуты, обсудите и сообщите результаты».

Комиссия Раппа колебалась в своих предположениях, готовая заподозрить самых крупных эсеров, живших в Париже. В Департаменте полиции точные указания отсутствовали. Но псевдоним Загорской был взят из названия романа Дюма «Графиня Шарни», что указывало на женщину (такие клички для мужчины, как «Катя» и тому подобные, очень редки). Имелись кое-какие указания на то, что в доме Загорской в Париже бывали видные социалисты-революционеры, и содержание дома должно было обходиться ей недешево. Поэтому по приезде в Париж комиссар Временного правительства за границей при первом же допросе Красильникова предложил ему подтвердить или отвергнуть его догадку. Красильников признался, что «Шарни», или «Шальной», — действительно Загорская, но из-за личных отношений с «Шарни» просил от подобных расспросов его освободить. «Шарни» не могла быть вызвана на допрос, ибо выбыла на юг Франции.

В Департаменте полиции не оказалось никаких документов о «Луи», «Рауле», «Туристе», «Янусе», «Гамлете», «Манчжурце». С ними имел дело лично Красильников.

Однако выяснилось, что «Туристом» был Рауль Жоливе, француз, агент наружного наблюдения при Гартинге и Красильникове. Согласно донесению последнего, в 1913 году он «был уволен за надувательство, за посылаемые им ложные донесения, тогда как он находился у своей жены — далеко от места наблюдения». Жоливе обратился к Бурцеву и предложил ему продать какие-то документы и сделать разоблачения, но дело не состоялось только потому, что у Бурцева не было денег. А между тем Жоливе, бывший агент парижской полицейской префектуры, был отлично рекомендован Красильникову, и при расчете с ним, несмотря на изобличение его в обмане, ему, кроме полного расчета, выдано было еще вознаграждение в размере месячного содержания.

«Рауль», секретный сотрудник, освещавший Бурцева, был сыном Жоливе.

Под кличкой «Янус» скрывалась мадам Ришар. Работая в охранке, давала сведения Бурцеву, а затем, перейдя на службу к Бурцеву, давала сведения о Бурцеве Бинту. В архиве Заграничной агентуры имеется много писем Бурцева, доставленных госпожой Ришар.

Охранным мастером на все руки был сотрудник «Гретхен», похитивший свою кличку у фаустовской Маргариты, — Игнатий Мешков, он же Кокочинский. Родился в Лодзи в 1881 году. В 1898 году поступил вольноопределяющимся на военную службу и с этого момента вошел в сношения с революционными организациями Лодзи. Распространял нелегальную литературу среди солдат и офицеров и скоро занял выдающееся положение в Бунде. Там его партийная кличка была «Павел». В августе 1906 года Кокочинского отправили делегатом на 7-й бундовский съезд, затем назначили секретарем Центрального бюро заграничной организации Бунда. В 1910 году Кокочинский обратился письменно к Красильникову с предложением своих услуг. Предложение было принято, и с той поры Кокочинский с необычайным усердием осведомлял охранку обо всем, что делается в заграничных партийных кругах. От Заграничной агентуры Кокочинский получал жалованье от 12 до 15 тысяч франков в год. Освещал деятельность Бунда, польских социалистических партий, давал обстоятельные доклады о парижских социал-демократических газетах «Голос», «Начало»,

«Наше слово» и сообщал подробнейшие сведения о различных заграничных партийных деятелях. Сфера наблюдения «Гретхен» не ограничивалась одной Францией, но распространялась и на Швейцарию. «Гретхен» докладывал также о событиях и партийных делах в России, ездил со специальными поручениями охранки в Польшу. С 1914-го по 1917 год Кокочинский не принимал близкого участия в партийных делах, но, несмотря на это, продолжал по-прежнему осведомлять охранку о Бунде, меньшевистских организациях, составе редакции и направлении газет «Голос», «Наше слово» и так далее. Интересующие охранку сведения Кокочинский получал от некоторых неосторожных товарищей, которые рассказывали Кокочинскому все, что знали о партийных делах, порой самых конспиративных. Как запасной унтер-офицер из вольноопределяющихся 39-го пехотного Томского полка, уволенный в запас 25 октября 1902 года, Кокочинский подлежал в 1915 году призыву в войска, но Красильников выхлопотал ему отсрочку. На допросе Кокочинский признался в том, что состоял секретным сотрудником Заграничной агентуры. По показаниям Люстиха, известный деятель еврейского социал-демократического рабочего движения, «член ЦК Бунда, Медем был арестован по указанию „Гретхен“». Он же показал: «Дня через три после известия о русской революции ко мне явился сотрудник „Гретхен“ — Кокочинский и заявил, что он сам присутствовал при собрании революционеров, на котором было решено захватить бюро Заграничной агентуры». Люстих вместе с женою и заведовавшим канцелярией бюро Мельниковым вынесли из архива охранки ряд важнейших бумаг за последние пять лет, причем бумаги эти были возвращены лишь по требованию Раппа значительно позднее.

Добиваясь освобождения от призыва в армию сотрудника «Скосса» (Деметрашвили), Красильников назвал его «серьезным агентом, который без ущерба для дела Заграничной агентуры не может явиться к исполнению воинской повинности». Крестьянин села Карагаджи, Горийского уезда, Тифлисской губернии, Андрей Гаврилович Деметрашвили (Димитрашвили), родился в 1886 году в Земохандики в крестьянской семье, учился в Тифлисской духовной семинарии. Не окончив семинарии, приехал в 1906 году в Москву, принимал участие в экс-

проприации собственности фабриканта Четверикова. Был привлечен к следствию и суду по делу «Московской оппозиции». Сидел в тюрьме в Москве с августа 1906 года по 17 октября 1910 года. В 1908 году был приговорен к двум годам заключения. По выходе из тюрьмы был дважды арестован и в это время, по его словам, под угрозой ссылки получил от начальника охранки «предложение заняться переводом грузинской литературы». Но, по словам Деметрашвили, он отказался. На допросе Деметрашвили заявил, что в охранке под кличкою «Скосс» не служил и что причастность его к делам охранки является результатом махинаций Бурцева, служившего, по утверждению Деметрашвили, в охранке или, точнее, имевшего в Департаменте полиции определенную функцию, и махинаций Департамента полиции, «которому я был нужен здесь как грузин-провокатор». Подполковник Люстих, однако, показал на допросе: «Помимо местной, за границей работала и русская агентура по поручениям Департамента полиции и даже отделений; например, „Скосс" мне говорил, что у него продолжается переписка с московским охранным отделением. Деметрашвили освещал национальные с.-р. организации, в первую очередь грузинскую. Жалованья он получал 250 фр. в месяц».

Провокатором, носившим клички: сперва «Петровский», а затем «Пьер», был поручик барон Штакельберг, по партийной принадлежности социал-революционер, партийное имя «Вронский». В заграничную агентуру на жалованье в 1300 франков в месяц он перешел из Петербургского охранного отделения. Передача Штакельберга в ведение Красильникова произошла при следующих обстоятельствах: за границей параллельно с Заграничной агентурой работали агенты Департамента полиции и отдельных охранных отделений Т. Цетлин, Синьковский, Верецкий, «Бернар» и другие. Товарищ министра внутренних дел Джунковский во время своего пребывания за границей высказал пожелание, чтобы находящиеся за границей секретные сотрудники имперских розыскных органов были бы переданы в распоряжение Заграничной агентуры, о чем должно было последовать соответствующее распоряжение. В ноябре 1913 года подполковник Эргардт получил от начальника Петербургского охранного отделения полковника фон Коттена письмо с уведомлением о передаче Эргардту секретного сотрудника «Петровского», который должен будет прислать на известный адрес письмо за подписью «Пьер». Кроме этого, фон Коттен сообщал о возможности получения писем еще от двух лиц за подписями «Осипов» и «Шульц», которые уже в то время находились в Париже, и о скором приезде еще одного лица, некоего «Воскресенского», с которым тоже необходимо войти в сношения. «Осиповым» был Верецкий, он же «Бернар». Не известно, существовали ли в природе «Шульц» и «Воскресенский», да и Заграничная агентура этого так и не узнала.

Кроме того, два бывших сотрудника фон Коттена были переданы им лично Эргардту в ноябре 1912 года до время приезда фон Коттена в Париж: «Мунт», он же Высоцкий, и «Лежен», он же Молодой. Ровно через один год «Лежен», как не соответствовавший требованиям, предъявляемым секретным сотрудникам, был удовлетворен содержанием по 1 декабря 1913 года и стоимостью проездного билета до Петербурга; ему было предложено возвратиться в Россию.

Летом 1912 года на связь с «Петровским» (Штакельбергом) вышел Эргардт, знавший его лично. Красильников на допросе показал о Штакельберге следующее: «Пьер был сотрудником Петербургского охранного отделения и в этой должности до войны приезжал в первый раз за границу. Эргардт виделся с ним по приказанию из Петербурга. В ведении Эргардта Пьер находился до своего отъезда в Россию, где снова состоял на службе Петербургского охранного отделения, но позже был оттуда уволен. После смерти подполковника Эргардта Пьер перешел к Люстиху. Относительно образа жизни Пьера, а равно о его имущественном положении мне ничего не известно. Из Монтре Пьер приехал в Париж во всяком случае за несколько месяцев до его отъезда в Россию. Пьер уехал из Парижа в феврале 1916 года. В России был уволен Департаментом полиции, приехал снова в Париж и желал войти в работу, но вследствие моей телеграммы Люстих уклонился от решительного ответа. За неделю до падения старого режима имел с ним последнее свидание. К сотруднику Пьеру мы относились всегда с недоверием, проверяя его сведения, оговаривая в конце донесения, что сведения даны именно Пьером. Теперь я нахожу, что его сведения

заслуживали внимания. Освещал он военную организацию с.-р. в прежнее время. Было видно, что он в курсе дел этой организации. Когда я его принял по наследству, он жил в Монтре (Швейцария). Приехал в последний раз, по-моему, в январе 1917 года. Первое неофициальное свидание с Пьером по его возвращении за границу я имел 21 января, второе свидание 6 марта, третье 17 марта, и было назначено свидание на 20 марта, но не состоялось вследствие получения известия о революции».

Наконец, из числа действовавших в Париже сотрудников следует назвать еще одного провокатора, весьма важного по своему общественно-политическому прошлому. Это — Захар Иванович Выровой, 1879 года рождения, столяр, бывший член социал-демократической фракции Государственной думы первого созыва. Он состоял секретным сотрудником Заграничной агентуры под кличками «Захар», «Орлик» и «Кобчик». Получал ежемесячно по 350, а под конец — по 400 франков. В июле 1912 года Выровой думал поехать в Россию, ссылаясь на некоторые обстоятельства частного характера, причем надеялся получить от социалистов-революционеров явки и адреса и рассчитывал, что переезд через границу ему будет обеспечен делегацией партии эсеров. Уехал Выровой только в ноябре с паспортом на имя Михаила Иваненко, направился он в Киев. Прибыв туда, он должен был уведомить начальника местной охранки письмом на имя П. Ф. Боговского.

Сообщения Вырового касались главным образом анархистов. Одно из донесений «Орлика» за 1912 год было посвящено «Обществу активной помощи политическим каторжанам», учредителем которого он являлся сам вкупе с анархистом Карелиным. Из этого донесения видно, что на собрании общества Выровой горячо восставал против террористических актов при освобождении арестованных. В августе 1912 года Выровой работал на постройке аэропланов, что дало ему возможность написать донос на некоторых русских авиаторов (эсер Небудек и другие). Дальнейшие сообщения Вырового касались главным образом «Братства вольных общинников» и съезда анархистов, который должен был состояться в 1914 году. В это время Бурцевым были получены указания инициировать провокацию среди

анархистов. Заподозрен был, однако, не Выровой и не Долин — действительные осведомители охранки, а Рогдаев — Николай Музиль. На этой почве возникли крупные недоразумения, вызвавшие угнетенное состояние среди членов группы, которые, ища в своей среде предателя, стали бросать в глаза друг другу обвинения в провокации. По этому поводу Красильников с удовлетворением доносил Департаменту полиции: «дело Рогдаева привело к тому, что существование сорганизовавшейся парижской федерации анархистов-коммунистов можно считать поконченным». Вскоре после этого Выровой вышел из группы анархистов. Весной 1915 года, получив на дорогу 500 франков, он выехал в Россию для отбывания воинской повинности. Супруге Вырового, жившей в Париже, выплачивалось после этого в течение года по 200 франков в месяц. 12 марта 1915 года Красильников телеграфировал: «Орлик — с.-р., состоял в близких отношениях с Карелиным и группами анархического направления, особого положения в группе не занимал». Далее Красильников характеризовал его как преданного делу, заслуживающего доверия: «намерен продолжать сотрудничество, если позволят условия службы и получит на то соответствующие указания».

Отчасти во Франции, отчасти в Англии работал провокатором «Американец». Это был Антон Попов, конторщик из Баку. Он много ездил, отовсюду доставляя сведения для охранки. Красильников отзывался о нем Люстиху как о «талантливом человеке». Подлинной фамилии не знал даже начальник, сносившийся с ним по адресу Даниэля Семенова; фамилия, по словам Люстиха, безусловно, не настоящая. Попов состоял сотрудником жандармского управления Одессы, завербован полковником Заварзиным, а затем передан Заграничной агентуре. Получал 150, потом 200 рублей в месяц, а под конец около 800 франков. Доставлял обстоятельные сведения о потемкинцах, о союзе профессиональных судовых команд России и так далее. Находился большею частью в разъездах. В феврале 1913 года находился проездом из Александрии в Париж. В июле 1914 года «Американец» был командирован снова за границу, но застрял в Варшаве по случаю объявления войны, и поездка его из-за трудности и дороговизны путешествия была отложена. Однако вес-

ной 1915 года Попов снова появился за границей хлопотать здесь о пособии в 600 рублей, но ему было отказано в этом, так как им не были исполнены все указания руководителей розыска. С 18 мая по 18 октября Попов был в Англии, затем поехал в Марсель, но захворал и свернул в Ментону. Донесения «Американца» за 1915 год многочисленны: он сообщал о «Русском морском союзе», о Парвусе, о перевозке в Россию динамита и украинской литературы (дело Клочко, Тарасова и Григория Совы), о ливерпульском кружке русских моряков, о редакторах газеты «Морской листок» и так далее. Весной 1916 года Попов опять ездил в Англию и затем возвратился во Францию. За это время им был представлен охранке обширный доклад относительно влияния германской социал-демократии на внутренние дела держав Согласия. В 1917 году Попов находился в Париже. По показанию Люстиха, Попов подозревался французской полицией в сношениях с немцами. Партийная принадлежность — социал-революционер. Допрошен не был.

Следствием был установлен в Лондоне Бронтман, под кличкою «Ниэль», сотрудничавший в Заграничной агентуре. Евсей Григорьевич (Овший Гершов) Бронтман, 30 лет, мещанин из Кишинева, признавшийся чистосердечно и затем представивший свою исповедь. Показал, что в 1908 году под кличкою «Пермяк» был сотрудником жандармского управления в Уфе, а затем, приехав по распоряжению полковника Мартынова за границу, сотрудничал с Заграничной агентурой в Париже, Италии и Англии, под кличкою «Ниэль», на жалованье в 400, 600 и, наконец, 700 франков в месяц. В товарищеских кругах кличка была «Саша». Усердно просил не опубликовывать его, ибо семья его вся революционная, работу же для жандармов он начал и продолжал для ее спасения.

«Революционеры, — заявлял Бронтман, — всегда смотрели на сотрудников охранки как на зверей, которых нужно стрелять как собак. Такое же отношение ожидал я встретить и от вас. Я не думал, что кто-нибудь может отнестись с сожалением к тому, кто вчера еще был охранником, а между тем многие сотрудники, хотя и вполне заслуживают презрение, все же могут быть жалеемы, так как они были глубоко несчастными людьми... Если бы революционеры посмотрели раньше на сотрудников охранки как на несчастных людей, достойных сожаления, многие пошли бы к ним раньше с исповедью... Мы всегда были между огнем и водой. С одной стороны — месть охранки, с другой — месть революционеров».

По поводу судьбы Бронтмана нельзя не сказать два слова о заагентуривании. Из исповеди Долина известно, как цепко держался Эргардт за тех несчастных, которых он угрозами вовлек в деятельность охранки. Чины заграничной агентуры тщательно следили за частной жизнью революционеров и не упускали случая забросить удочку, не клюнет ли на охранную приманку новая рыбка. Вот, например, донесение Красильникова директору Департамента полиции:

«По полученным от агентуры сведениям известный Департаменту анархист Вениамин Алейников растратил 800 фр. из денег так называемой „Сибирской кассы“, т.е. кассы помощи политическим ссыльным и каторжанам, коей он состоит в Льеже казначеем, причем Алейникову дан был некоторый срок на пополнение растраты под угрозою в противном случае предания ее гласности путем опубликования. В виду изложенного мною был командирован в Льеж известный Департаменту „Антон“ с поручением войти с Алейниковым в сношения и, предложив нужные ему деньги, побудить его к оказанию услуг агентурного характера. Поручение это было выполнено, но попытка успехом не увенчалась».

Красильников прилагал подробное донесение «Антона» — чиновника Департамента полиции А. Литвина, «которое может служить показателем, насколько попытки к заагентуриванию за границей всегда могут быть связаны с риском вызвать историю». По-видимому, сам «Антон» находился в большой опасности. Растратчик не всегда способен стать шпионом.

Кроме «Ниэля» в Англии работал сотрудник «Вебер». Эта кличка была присвоена Заграничной агентурой Николаю Петровичу Селиванову, получавшему в месяц 450 франков. По показанию Люстиха, Селиванов в Париже жил под фамилией «Шебельский», по партийной принадлежности эсер. По сведениям охранки, до 1914 года был

секретарем или сотрудником Бурцева. Сын мещанина города Ельца, 37 лет, обучался в московской мукомольной школе, но ее не окончил; в Париже состоял членом группы социал-революционеров. Охранку осведомлял из Лондона через некоего «Линдена» — А. Литвина. До 1905 года к дознанию по политическим делам не привлекался. В 1908 года был привлечен по делу социал-революционеров в Харбине, где в то время служил. Харбинским Окружным судом был приговорен к ссылке на поселение. Пробыл около 5 лет в тюрьме, затем был сослан в Якутскую область. В конце 1911 года вступил в число сотрудников Иркутского губернского жандармского управления под кличкою «Амурец». Как было указано в документах охранки, «причина — во-первых, тяжелая личная драма; во-вторых, тяжкая болезнь — воспаление надкостницы, воспаление уха, начало чахотки». В 1912 году из ссылки бежал в Краков, затем в Париж. Оттуда написал письмо жандармскому полковнику в Иркутск. «Вследствие этого письма, — как отмечено охранкой, — вызван „Линденом" на свидание в кафе и заагентурен снова под кличкою „Вебер" за 300 или 450 франков в месяц». Ему предложено было освещать социал-революционеров. «Я почти умирал, это заставило меня согласиться вторично». По словам Селиванова, «отчеты его были фантастичны и в Париже и в Лондоне». Признался, что освещал в Париже социал-революционеров, в Лондоне социал-революционеров и социал-демократов (большевиков), пользуясь сведениями от гражданской жены — большевички, не подозревавшей о его роли агента охранки. Освещал Н. П. Высоцкую, Литвинова, Клышко, Макушина, Богатранца, Максимова, Сомова, который рекомендовал его на завод Виккерса браковщиком от русского правительственного комитета по военным заказам. В Париже был близок с Бурцевым, указал ему на некоторых провокаторов в Сибири: «Франка», «дядю Ваню» и других, но одновременно освещал и самого Бурцева. «О Бурцеве, — показал Селиванов, — охранке я сообщал мало. Бурцев давал мне опускать письма, я их не читал». Селиванов оказывал услуги и Скотланд-Ярду, сообщая сведения о русских революционерах. Некоторых из них оговорил, навлекая подозрение в военном шпионаже. Селиванов обладал большими сведениями в области военной техники. Нередко называл себя бывшим морским военным инженером. Хорошо знал подробности устройства многих австро-германских крепостей — Кракова, Кенигсберга, планы которых умело исполнял от руки. Жизнь и личность Селиванова, как отмечает Сватиков, подлежали бы более полному исследованию. В своей исповеди Селиванов заявил, что он — «один из служивших народу, но согнувшихся под тяжелой ношей в момент слабости, но не павших. Нет. Я себя охранником не считаю <...> и не был им (!). Я не умаляю своей вины, она велика, но я не охранник. Печально, что революция не протянула руки поскользнувшимся, не помогла встать тем, кто хотел и мог встать». В свое оправдание Селиванов ссылался на чахотку, измученность и угрозы со стороны жандармов выдать его революционерам.

Под кличкою «Ней» работал сперва в Бельгии, потом в Англии Василий Григорьевич Гудин. Он родился в 1880 году в семье крестьянина Муромского уезда. Бывший студент Петербургского технологического института. Заагентурен в 1902 году. В 1905—1906 годах Гудин передал свой паспорт другому лицу — революционеру, студенту-путейцу Ессену, на которого сам же донес. Под именем Гудина Ессен и был осужден на поселение «по делу военной организации». «Ней» долгое время жил в Бельгии, в Льеже. Состоял в социал-демократической группе. Женат на бельгийке Жанне Гейне. Освещал из Бельгии местное рабочее движение и русскую эмиграцию. Во время войны из Бельгии переехал в Англию, где вскоре по рекомендации Аладьина получил место лектора русского языка в одном из колледжей Ливерпульского университета. Состоял в партии социал-демократов (большевиков), хотя охранное отделение советовало перейти к социалистам-революционерам. По агентурной работе был связан с Гартингом и Красильниковым, а в Англии с Литвином. В Англии освещал Аладьина, Гольденберга, Платона Лебедева, Литвинова, Покровских. На допросе много путал и лгал, но при предъявлении документов и его же писем к Литвину признался не только в своей принадлежности к охранке, но и в том, что он — ее старый секретный сотрудник с 1902 года. Получал жалованье 400 франков в месяц.

Под кличкою «Сименс» в Лондоне работал Альберт Михайлов Цугарман-Орлов, уроженец местечка Коссово

Гродненской губернии, возраст — 32 года, жил в Екатеринославе и Варшаве. В 1907 году бежал от военной службы из Казани, тотчас уехал за границу в Гулль, потом в Лондон. Признал себя виновным в том, что был сотрудником Заграничной агентуры на жалованье сперва 10, а потом 17 фунтов стерлингов в месяц. В агентуре работал с 1912 года. Подполковник Люстих показал: «...с сотрудником „Сименсом" я корреспондировал по адресу А. Орлова. Первоначально я его получил под фамилией Сляк в 1912 году. Его настоящая фамилия Цугарман». По показанию Орлова, первые три месяца на службе он полагал, что сможет получать деньги, не давая сведений. Но затем явился некий Эмиль Лео, который дал ему советы, как они должны работать для охранки. Лео советовал посещать анархистский клуб, узнавать людей и сообщать сведения о тех лицах, о которых будут запрашивать. Такие сообщения он и посылал на имя Эмиля Лео в Париж. Освещал белостокскую анархистку Фриду Финкельштейн, Теплова, Ивана Скулевского, анархиста Григория Исакова Лебедева, Нильсона. Орлов, по его рассказу, путался наполовину с ворами, наполовину с анархистами. В одной компании он встречался с шайкою в восемь человек: некий Юська, Петр Маляр («Питер Пэйнтер»), Муромцев, вскоре убитый, и другие. Орлов был уверен, что последние два — русские охранники. Эта компания ограбила магазин сукна и дала за молчание Орлову несколько костюмов, затем ограбила магазин золотых вещей. Потом произошло знаменитое убийство в Гаунсдиче в Лондоне. Участники дела скрылись. Через неделю Орлова вызвали в Париж телеграммою, и Эмиль Лео потребовал сведений об этом деле, расспрашивал о «Питере Пэйнтере» и приказал, если будут найдены, не выдавать их английским властям. Вернувшись в Лондон, Орлов снова нашел письменный приказ Лео: «не выдавать». Явился к генеральному консулу барону Гейкину, который объяснил, что долг Орлова сообщить все, что знает, английским властям. Орлов так и поступил, за что получил от английской полиции 163 фунта стерлингов награды. Парижская охранка сделала ему выговор и вскоре уволила. Орлов нуждался в деньгах и написал об этом Красильникову. Тот вновь принял его. Орлов вскрывал письма Литвина, делал выписки. После революции написал шантажное письмо Красильникову.

Секретными сотрудниками в Швейцарии руководил жандармский ротмистр Лиховский, командированный в распоряжение Красильникова 5 июля 1915 г. и находившийся в Швейцарии до 29 марта 1917 г. Последнее время, по его показанию, имел дело с тремя сотрудниками, ранее их было пять.

По национальным организациям в Швейцарии работал сотрудник «Лебук». Эту кличку носил инженер Минас Степанович Санвелов, он же Санвелян и Самуэлян, армянин, мещанин города Кизляра Терской области, 37 лет, не принадлежавший, по его словам, ни к какой партии. По показанию Лиховского, Санвелов проживал в Женеве и заведовал редакцией «Дрошака». Санвелов показал, что редактором «Дрошака» он не был, но в редакции бывал и помогал по хозяйственной части. По данным С. Г. Сватикова, «как секретный сотрудник „Лебук" получал по 650 фр. в месяц. В 1915 г. „Лебук" уезжал в Россию, на что получил пособие — 600 фр. на дорогу и 800 фр. на семью». Красильников в телеграмме о призыве Санвелова на войну характеризовал его так: «Лебук — дашнак. Последнее время исполнял особые, порученные ему партией обязанности, имеет солидные связи среди главарей партии; <...> преданный делу, заслуживающий доверие сотрудник, готов продолжать сотрудничать, если позволяют условия службы».

По собственным показаниям, Санвелов давал сведения о политической эмиграции. О своей кличке «Лебук» не знал, сам же подписывался — «Козлов». Вошел в сношения с охранкой в 1910 году. В Баку был заагентурен полковником П. П. Мартыновым. В жандармском управлении ему предложили за 50 рублей проверять переводы с армянского. На свидания с ним ходил Безсонов, потом Мартынов. Последний потребовал доклад об армянских организациях в Баку, угрожая административной ссылкой. Санвелов оправдывался: «У меня дней 7—8 тому назад родила жена, я имел малый заработок. Я надеялся одурачить жандармов и согласился. На основании воспоминаний 1901 г. я написал доклад о людях, бывших в то время в Турции. Мне предъявили карточки ряда лиц и зачислили их в Дашнакцутюн». В 1913 году Мартынов вызвал Санвелова в Варшаву и предложил работать в Галиции. Санвелов отказался. В том же году жандармский

железнодорожный полковник Ахмахметьев предложил ему ехать в Париж. «Жалованья было положено 500 фр. и на дорогу 200 руб.». Санвелов вызвал из Парижа «Линдена», который изъявил согласие на его жительство в Женеве. До апреля 1916 года Санвелов отсылал в Париж издаваемую в Швейцарии революционную литературу. «Жалованье ему шло 532 фр.». В 1915 году был добровольцем на Кавказском фронте, но был освобожден по болезни, поехал с Кавказа в Петроград к начальнику охранного отделения Глобычу. Тот дал ему 300 рублей и отправил за границу. Из Женевы снова написал Сартелю. «Сартель, 79, улица Гренель» был одним из условных адресов Заграничной агентуры в Париже. Сартель сообщал: «Явился молодой человек Адрианов, сказал, что посылать рапорты в Париже по почте невозможно и что он будет посылать их сам. Это был жандармский ротмистр Келлер, сменивший Эргардта. Сказал ему, что нужно отличать пораженцев от оборонцев». Санвелов имел сношения с женевским консулом Горностаевым и уполномоченным в делах Бибиковым. Бибикову Санвелов доносил на турецкого агента Джелал-Абогаджиева. Осведомлял Красильникова об «Обществе интеллектуальной помощи военнопленным»; освещал журнал «На чужбине», руководителя его Диккера, Баха, «Валериана» (Лебедева), из анархистов — Сергея Зегелидзе, Лонтадзе и других. Сообщал фамилии пленных, которым нравились революционные издания. Освещал Бачинского и журнал «Revue Ukrainienne».

Женевским сотрудником был «Шарпантье», имевший ранее кличку «Жермэн». Это был инженер, специалист по сельскохозяйственным орудиям — Абрамов Исаак Леонтьев, он же Ицкох Лейбов, 44 лет, жил в Женеве, не эмигрант. Охранка имела его адреса: в 1912—1914 годах — Франкфурт-на-Майне, в 1915 году — Веггис на Фирвальдштадтском озере в Швейцарии, вилла Розенгартен. По этим адресам посылались «Шарпантье» деньги и распоряжения. При допросе 12 июля Женевским комитетом эмигрантов Абрамов показал Полякову и Назар-Беку, что никогда никакого отношения к охранке не имел. При допросе 9 августа 1917 года в Берне Абрамов отрицал свое отношение к охранке, но подтвердил последовательно свои адреса и назвал женевский: ул.

Бергалон, 7. По утверждению члена следственной комиссии в Париже, именно по этому адресу посылались провокатору «Шарпантье» деньги. Кроме того, последний начальник «Шарпантье» ротмистр Лиховский на допросе 30 мая 1917 года показал, что «„Шарпантье“ — это Абрамов, секретарь женевской группы „Призыв“, имевший заграничный паспорт, выданный в Одессе 15 лет тому назад, проживал в Женеве». Подполковник Люстих показал 8 июня 1917 года: «Шарпантье носил раньше кличку „Жермэн“, по моему мнению, старый сотрудник». Наконец, 14 августа Лиховский доложил письменно:

«В числе сотрудников бывшей парижской агентуры в Швейцарии у меня находилось лицо под кличкой „Шарпантье“. В действительности это есть инженер Исаак Абрамов, происходящий из Одессы, откуда выехал за границу около 15 лет тому назад. Службу в качестве сотрудника начал в Одессе же. Несколько лет проживал в Берлине, затем в Австрии, где застигнут настоящей войной, задержан в качестве военнопленного и вскоре, вследствие ходатайства какого-то крупного революционного деятеля перед австрийскими властями, был освобожден и выехал в Швейцарию. По приезде моем туда же в августе 1915 года Абрамов проживал в какой-то местности близ Цюриха или Берна и в сентябре того же года с моего разрешения переехал в Женеву и вошел в состав эсеровской группы „Призыв“, в коей впоследствии исполнял обязанности секретаря, о деятельности последней Абрамов и давал мне сведения».

Следующий российский «швейцарец», носивший кличку «Поль», был латыш Янус Эрдманович Шустер (он же Иван Германов). Родился в 1883 году; происходил из крестьян Эдваленской волости, Виндавского уезда, был привлечен к суду газенпотским судебным следователем по 100-й и 102-й статьям Уголовного уложения. В 1910 году, находясь в Берне, обратился к местному русскому посланнику с письменным сообщением от имени «Волкова» о весьма важном деле — конференции «Воймы» в Цюрихе. В ноябре 1910 года Шустер уже состоял в числе секретных сотрудников Заграничной агентуры под кличкой «Новый», а потом «Поль». Жалованья получал 250 и

300 фр., затем — 600 фр. в месяц. Доклады представлял сперва жандармскому ротмистру Келлеру, потом Лиховскому. Донесения его касались Цюрихской большевистской группы РСДРП, Социал-демократического союза Латышского края и Женевской группы «призывовцев». По официальному свидетельству Красильникова, Шустер «отличался своим рвением и усердной работой и заслуживал помощи и поощрения». В феврале 1917 года жил около Цюриха. Еще до разоблачения после объявления амнистии выбыл в Россию как политический эмигрант.

За отсутствием документов очень мало сведений имеется о провокаторе «Мартэн». Эту кличку носил Арон-Яков Хаимов-Ицков-Модель, студент-медик базельского университета, затем врач. С 1908 года Модель находился на службе в Витебском жандармском управлении. В состав заграничной агентуры был принят в 1911 году, когда был студентом Лейпцигского университета. В феврале 1916 года выехал в Россию, где и был зачислен в армию.

Последний «швейцарец» — это анархист, секретный сотрудник под кличкой «Шарль», по легальному паспорту — Полонский. Сын купца, Бенцион Долин, уроженец Житомира, жил и работал в Цюрихе. Был заагентурен на родине жандармским офицером Эргардтом, который перевел его за границу. Вместе с «Орликом» освещал анархистов. В конце апреля 1917 года застрелился в Одессе накануне своего официального разоблачения, исповедовавшись перед самоубийством в Петрограде Бурцеву. Долин был юношей, когда его арестовали и обманом вырвали у него сведения, компрометирующие его знакомых. Угрозой раскрыть его невольное предательство охранники и жандармы начали его шантажировать и никогда более не оставляли в покое. За то, что он не давал жандармам сведений, Долина не раз арестовывали и длительное время в ужасных условиях держали в тюрьме. Но Долин ни тогда, ни после не имел мужества признаться своим товарищам — и в своем первом невольном грехе, и в том, что продолжал видеться с охранниками. По словам Долина, он бежал от жандармов за границу, но они и там его преследовали: «Эргардт, очевидно, имел большой интерес выдавать меня за своего важного агента в глазах начальства и не оставлял меня даже тогда, когда это для него было, казалось,

бесполезно». По словам Долина, он в 1913 году угрожал Эргардту, что более давать сведений не будет. До этого Бурцев предупреждал анархистов, что есть какие-то указания на охранные сношения Долина, но товарищи горячо защищали Долина.

В октябре 1914 года в сношения с Долиным «вступило одно лицо, которое свело его с братом своим, жившим в Милане под псевдонимом Бернштейн». Тот предложил Долину организовать группу революционеров для совершения в России террористических актов, взрывов мостов и так далее. Переговоры с Бернштейном Долин вел совместно с Эргардтом, вызванным из Парижа, а затем с Литвином, которые выдавали себя за революционеров. С Литвином он побывал в Бухаресте и один уже — в Константинополе, с немецким паспортом купца Ральфа. В Бухаресте имел сношения с немецким военным атташе майором фон Шеллендорфом, в Константинополе — с военным агентом Ф. Лафертом и сотрудником «Локаль Анцейгера» — Люднером. В декабре 1914 года Долин представил в Петрограде доклад директору Департамента полиции и товарищу министра внутренних дел генералу Джунковскому. В мае 1915 года Литвин и Долин были в Берне у военного германского агента графа Бисмарка. Долину были даны задания дезорганизовать Архангельский и Мурманский порты, уничтожить дредноут «Мария» и убить министра иностранных дел Сазонова. К маю 1916 года Долин был в Петрограде и пытался заманить туда германских агентов. Департамент полиции передал якобы дело военным властям, но не свел с ними Долина. Тогда тот в конце июля 1916 года прибыл в Одессу, в сентябре как ратник II разряда был принят в дружину, служил в Одессе, а затем в Харькове. 25 февраля освобожден от военной службы по болезни. По словам Долина, он разновременно получил от немцев 50 тысяч франков. Красильникову передал 15 тысяч, директору Департамента полиции Васильеву — 35 тысяч, «а они уже давали на расходы, но в недостаточной мере. Приходилось тратить из собственных средств». Смысл этой истории кроется в том, что Департамент полиции хотел спровоцировать немецких агентов, но, судя по тому, что «Мария» была взорвана, а в Архангельском порту неоднократно происходили взрывы, «можно думать, что вышло

совсем наоборот». Бурцев считал Долина революционером, жертвою охранки, который стал провокатором по несчастью.

В Голландии работал во время войны некий «Космополит». Подлинное его имя: Адольф, он же Герман Орловский, бывший студент петербургского Лесного института. С июня 1912 года значился под названной выше кличкой в числе секретных сотрудников Заграничной агентуры. Получал ежемесячно по 200, 250 и, наконец, 350 франков. Жил в 1913 году в Брюсселе, в начале войны уехал в Лондон и затем обосновался в Голландии. Орловский освещал круг анархистов. Из Брюсселя он доносил о беспартийном студенческом клубе, участвовал в съезде «Братства вольных общинников», происходившем 4—11 октября 1913 года в Париже; получил от охранки на поездку по этому делу 275 франков. После этого представил подробный доклад о заседаниях участников съезда.

Подполковник Люстих на допросе показал, что «анархист-интеллигент Орловский» и есть именно сотрудник «Космополит», что его жена близка с Аничкиным, председателем Союза моряков, и подозревалась в шпионаже в пользу Германии. Переписка Люстиха, который получал письма на имя Эмиля Лео и Сержа Сартеля от своих сотрудников и отправлял инструкции за теми же подписями, была конфискована французской военной цензурой. Было установлено, что Орловский в Гааге — агент, получающий инструкции от Эмиля Лео в Париже и регулярно посылающий ему сведения. Возникшая по этому поводу переписка французской контрразведки привела к тому, что ей был вскрыт еще один агент Лео-Сартеля, некий «Меркс», от которого пришло в мае 1916 года письмо на имя Сартеля аналогичного с письмами Орловского содержания: сведения о различных лицах, обозначенных инициалами, передача корреспонденции и денег через посредников и тому подобное. «Но общий тон, — отмечала контрразведка, — еще более враждебен».

В Северной Америке работали до осени 1916 года «Женераль», «Гишон», «Анатолий» и «Люси».

Кличку «Гишон» носил Николай Байковский, проживающий в городе Торонто (штат Онтарио) в Канаде, редактор «Родины»; подписывался Н. Рюссо. В Заграничную агентуру поступил при Люстихе в 1914 году.

Получал 750 франков в месяц. Писал, по отзыву Люстиха, много, но писания требовали тщательной редакции. Освещал «мазепинское движение».

Уманский мещанин Аврум (Абрам) Перцевич Каган с июля 1910-го по 1913 год состоял секретным сотрудником при одесском и волынском жандармских управлениях по освещению деятельности социал-демократических организаций. Кличка его была «Анатолий». Вследствие призыва на военную службу прекратил работу В 1916 году Каган находился в Нью-Йорке, откуда писал жандармскому офицеру Заварзину, снова предлагая свои услуги. По предложению Департамента полиции Заграничная агентура приняла Кагана в число своих сотрудников. «Анатолий» освещал «Бунд», давал сведения о приезде Троцкого и так далее.

О провокаторе «Люси», носившем женскую кличку, подполковник Люстих показал: «Это Жорж Патрик, носивший ранее кличку „Невер“. Он освещал с -р. организации в Америке, также и анархистов. Адрес: Нью-Йорк, до востребования. Получен мною от Красильникова очень поздно, так что я вел с ним переписку 4—5 месяцев. Красильников подтвердил, что „Люси“ и „Невер“ одно и тоже лицо». «Таким образом, — отмечает Сватиков, — в лице „Люси“ мы видим старого знакомого, с.-р. Патрика, который в 1913 году был заподозрен Бурцевым и был вынужден поэтому уехать в Америку, подальше от взора разоблачителя. В 1913 году он носил кличку „Невер“, а еще раньше женскую кличку „Марго“. Старый преданный „сотрудник“. Жалованья получал 1500 франков в месяц».

В Италии к моменту февральской революции 1917 года работали два секретных сотрудника: «Франсуа» на Ривьере (Кави) и «Россини» в Риме.

42-летний крестьянин из Раненбургского уезда Солнцевской волости Рязанской губернии, Алексей Михайлович Савенков выехал из России в ноябре 1913 года с паспортом на имя А. М. Соколова, выданным по указанию начальника охранного отделения Мартынова. Отправился он за границу в целях освещения политической эмиграции. И в Москве, и за границей он как секретный сотрудник носил кличку «Франсуа». В Париже Савенков явился к помощнику Красильникова Эргардту, который

назначил ему жалованье по 500 франков в месяц и предложил остаться ненадолго в Париже. Савенков чувствовал себя с.-р., встречался с ними в столовой. С 5 июля 1914 года жил за Генуей в Кави-ди-Лаванья, получал жалованье от охранки через банк «Кредите Итальяно» в Генуе и Кьявари. Доклады посылал письменно на адрес Сержа Сартеля в Париж. Освещал всех, кто жил в Кави-ди-Лаванья, но лишь внешне. Писал об Азанчевской, Колосове, Христиане-Шебедеве, с семьей которого был очень дружен, докторе Мандельберге — члене II Государственной думы. На родине «Франсуа» окончил начальное училище, в 1897 году уехал в Москву, в порядке охраны был арестован в 1906 году, потом обвинялся по 1 ч. ст. 103 и 1 ч. ст. 129 Уголовного уложения и приговором Московской судебной палаты 1 мая 1907 г. осужден в ссылку на поселение. Жил в селе Рыбном Енисейской губернии, откуда бежал в июне 1908 года с фальшивым паспортом, полученным от красноярских эсеров. Служил в Москве в городском работном доме с 1910-го по 1913 год под фамилией Н. И. Михальчук. С февраля по июнь 1913 года скрывался от ареста. Однако 16 июня был все же арестован и под влиянием угроз полковника Мартынова и его помощника Д. Знаменского вынужден был «ради получения свободы» вступить в число секретных сотрудников. «В Москве, — показывал Савенков, — я не выдал никого. Я лично никогда не был охранником, все это дело я ненавидел до глубины души, я был жертвой охранки, и она, я скажу правду, ничего от меня не получила».

Римским осведомителем Красильникова был сотрудник «Россини» — он же Яков Ефимович Вакман, он же Янкель Хаимов, 37 лет, мещанин из Кишинева. Он окончил ряд учебных заведений: в 1904 году техникум в Вормсе на Рейне, юридический и экономический факультет женевского университета. Прослушал в Риме курсы уголовного розыска. Доктор прав римского университета и адвокат в Италии. Предложил свои услуги Гартингу из Швейцарии в ноябре 1906 года. По партийной принадлежности с.-р., освещал из Швейцарии и с 1912 года из Италии все группы, но преимущественно с.-р. Вслед за провалом Азефа был делегирован от с.-р. на конференцию, так что преемственность охранки по партии с.-р. не была прервана. Жалованья получал 600 фр. в месяц. Одно

время за бездеятельность был наказан сокращением жалованья вдвое, но потом оклад был восстановлен. Освещал М. А. Ильина (Осоргина), Е. Е. Колосова и других. Пользовался большой любовью товарищей. Для многих из них разоблачение роли Вакмана было большой трагедией. До 9 августа 1917 года он состоял членом Римского комитета политических эмигрантов. В качестве такового представился комиссару Временного правительства, при первом допросе лгал, отрицая вину, признавался только в переписке с «Сергеем Даниловичем Сартель» по вопросу об отбывании воинской повинности. На втором допросе признал свою службу в охранке с 1906 года. Ссылался на тяжелое материальное положение, на попытки уйти потом из охранки, остановленные боязнью огласки со стороны жандармов. Разоблаченный в Риме эмигрантским комитетом, возобновил свои связи в посольских кругах и стал обвинять этот комитет в недобросовестном использовании сумм, предназначенных для возвращения эмигрантов на родину, а разоблачителей — в занятии политическим сыском. По сведениям эмигрантов, Вакман весной 1917 года примкнул к тайному черносотенному обществу русских монархистов в Риме «Святая Русь». Перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства Вакман изображал себя жертвой охранки, ссылался на большую помощь, оказываемую им из охранного жалованья своим товарищам. Одною рукою он предавал, а другой помогал. 17 октября 1917 года Вакман попросился в русскую армию, выражая уверенность, что своим примером храбрости зажжет сердца товарищей по оружию. «Много говорил, что кончит жизнь самоубийством: верный признак, что никогда не сделает этого!» — замечает Сватиков.

Скандинавской агентурой заведовал жандармский ротмистр Левиз-оф-Менар, проживавший по паспорту Беренса. Отдел был, в сущности, в периоде реорганизации.

Политическая эмиграция освещалась в Стокгольме секретным сотрудником Заграничной агентуры, носившим кличку «Генерал» или «Женераль». Подлинное его имя было Берко Янкелевич (Гейсефович) Каган, он же Борис-Осипович и Борис Вениаминович Коган, он же Залмон Хаимович Бергер, он же Андрей Максимович

Андерсен, гражданин Соединенных Штатов Америки. Ротмистр Левиз-оф-Менар получал от него доклады устно и письменно и знал его как Андерсена. Люстих показал: «Сотрудник „Генерал" раньше был в Америке, в Торонто, ныне (1917 г.) в Стокгольме. Мне известен под фамилией Андрей Андерсен; письма обычно шли до востребования. Был если не окончательно провален, то тронут еще до переезда в Стокгольм. Освещал преимущественно Бунд. Никогда его не видел; женат, жена его, кажется, актриса в России. Получен мною по наследству от подполковника Эргардта», — и добавлял, что «Генерал» — очень старый сотрудник, работу начал, по-видимому, еще в России. На допросе 7 сентября 1917 года в Стокгольме «Женераль» показал, что родился в 1879 году в местечке Креславка Двинского уезда Витебской губернии. До 14 лет учился в Двинском ешиботе — еврейской духовной семинарии, потом в Двинске же — в еврейском ремесленном училище, откуда был исключен. В революционную организацию вступил 18 лет, все время работал в Бунде — до 1902 года в бундовской организации щетинщиков в Креславке в качестве организатора. В начале 1902 года был арестован в Двинске, после трех месяцев тюрьмы выпущен под надзор полиции. В октябре 1902 года снова был арестован, год сидел в минской тюрьме, оттуда сослан на три года в Сибирь — Канский уезд Енисейской губернии. После четырех месяцев пребывания в селе Уринском бежал. Вернувшись в Минск, стал жить и работать в Бунде по паспорту Залмона Хаимовича Бергера. Был арестован в 1903 году, сидел до конца 1904 года в кишиневской тюрьме. Сослан в Восточную Сибирь на 8 лет. С началом войны вместо Якутской области попал в Енисейскую губернию, откуда через полгода бежал и в мае 1905 года прибыл в Двинск, а оттуда уже перебрался за границу. Побывал в Женеве. В 1905—1907 годы, вернувшись в Россию, разъезжал по Северо-Западному краю, уже состоял, по-видимому, секретным сотрудником. В 1907—1909 годах как член организации Бунда жил в Париже, работая у Гартинга. По словам свидетеля Мутника, Каган много ездил в это время по Франции, Швейцарии, Италии и Испании, хотя сам говорил, что никуда из Парижа не выезжал. По словам Мутника, «объехал Каган все эти места со своей невестой, какой-то певицей, ныне живущей в Петрограде (фамилию ее тщательно скрывал), и жил на ее средства». Во время проживания в Париже Красильникова не знал. В 1909 году из Парижа уехал в Америку. Жил там до 1 июля 1916 года. Зарегистрировался в Нью-Йорке как Андрей Андерсен и через 5 лет получил американское гражданство под этим вымышленным именем. 19 июля 1916 года прибыл в Стокгольм, желая проехать в Россию за невестой. С октября 1916 года был членом бундовской организации, а затем и членом эмигрантского комитета в Стокгольме. В этом комитете Каган состоял комиссаром до самого момента допроса Чрезвычайной комиссией Временного правительства в сентябре 1917 года, хотя уже в начале августа в газете «Речь» было напечатано, что в Стокгольме действует секретный сотрудник Каган. По поводу предъявленного ему обвинения Каган-Андерсен «заявил категорический протест и требовал немедленной реабилитации». Однако же на другой день после допроса бежал в Гетеборг и сел на пароход, идущий в Америку. Каган не подозревал, что кроме обличающих показаний прямого начальства имеется дело французской контрразведки по поводу перехваченной военной цензурой переписки его с подполковником Люстихом (он же Эмиль Лео)».

Французская контрразведка считала нужным отметить:

«1. Сердечный тон и очевидное товарищество Эмиля Лео и его корреспондентов в их взаимных письмах.

2. Посылку относительно крупных сумм денег Эмилем Лео его агентам.

3. Факт, что все эти русские революционеры — почти без исключения еврейского происхождения и имеют этические, религиозные и даже коммерческие причины предавать Россию в пользу Германии...»

Из двух захваченных писем французская контрразведка делала вывод, что Андерсен в Стокгольме и Орловский в Гааге суть агенты, получающие от Эмиля Лео инструкцию и регулярно посылающие ему донесения.

В конечном счете французское военное ведомство узнало то, что знало давно французское Министерство внутренних дел, то есть факт существования «бюро» Красильникова в здании консульства.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Выводы С. Сватикова. — Разоблачители тайн политической полиции. — Предположения В. Бурцева о существовании провокаторов. — Основание журнала «Былое». — Помощник Бурцева М. Бакай. — Данные о предательстве Е. Азефа. — Подозрения полиции и бегство Бакая за границу. — Статистика разоблачений Меньщикова. — Решение Меньщикова стать охранником. — А. Гартинг о защите интересов Заграничной агентуры. — План Гартинга дискредитировать Бакая. — Следствие С. Сватикова и Е. Раппа по делу Заграничной агентуры. — Сведения о секретных сотрудниках. — Б. Каплун. — Л. Шварц. — Л. Бейтнер. — В. Кенсицкий. — М. Гутман. — Азеф. — Т. Цетлин. — Н. Доброскок. — Суд эсеров над Синьковским и Цетлин. — Измена Лурихи Департаменту полиции. — Особый отряд французских агентов. — Разоблачение Гартинга. — Разоблачения провокаторов среди эсеров. — Б. Батушанский. — Причины провалов.

«Подводя итоги, — резюмировал комиссар Временного правительства С. Г. Сватиков свой доклад для Чрезвычайной следственной комиссии, — мы должны отметить, что нами даны более или менее достаточные сведения о восьмидесяти трех сотрудниках Заграничной агентуры, работавших на охранку в течение преимущественно последних 10 лет (1907—1917).

По национальностям провокаторы и предатели распределяются следующим образом: из 85 человек — русских 32, евреев 32, неизвестной национальности 5 чел., французов — 4 чел., латышей — 3, литовцев — 2 и по одному итальянцу, грузину, армянину, украинцу, поляку, румыну; кроме того, один немец (барон Штакельберг).

По партийной принадлежности или, точнее — по партиям, которые освещались „сотрудниками“, последние распределялись так: больше всего было сотрудников, освещавших социалистов-революционеров, — 39 человек. Следом анархисты и с.-д. — по 10 сотрудников. Специально „Бунд“ освещался одним провокатором. Исключительно Бурцева пытались освещать 9 человек (два из них освещали и с.-р.). По одному провокатору было в грузинском, армянском и украинском движении. Один освещал польское движение, хотя о поляках получались сведения попутно от ряда других сотрудников.

По морально-общественному значению провокаторов на первом плане нужно поставить зловещую фигуру Евно Азефа. За ним идут такие люди, как член I Государственной думы Выровой, Абрам Геккельман-Ландезен-Гартинг. За ними — многолетние „партийные“ работники: с.-д. Житомирский, с.-р. Загорская, с.-р. Абрамов и многие другие».

Кроме регулярных сотрудников было немало и предлагавших услуги, тех, о ком народоволец Клеточников, проникший в 1880 году в III Отделение, писал товарищам-революционерам «такой-то просится в шпионы».

Период деятельности Гартинга дал Заграничной агентуре ряд ценных сотрудников, но ознаменовался крахом и провалами многих важнейших провокаторов. При нем закатились «звезды провокации» — Азеф и сам Геккельман-Гартинг. Однако разоблачение большинства секретных сотрудников охранки вовсе не было следствием того, что система конспирации и коммуникации оказалась недостаточно продумана. По мере развертывания деятельности заграничной агентуры росло и сопротивление со стороны русских эмигрантов. Три лица наиболее способствовали разоблачению тайн политической полиции: Бурцев, Бакай и Меньщиков.

Особенно много беспокойства доставил Гартингу и всей Заграничной агентуре известный деятель эсеровской партии, историк и библиограф революционного эсеровского движения В. Л. Бурцев. Имея массу материалов и заметок, воспоминаний и интимных сообщений революционеров, он сосредоточил в своих руках множество данных, сопоставление которых привело его к мысли о существовании в рядах революционеров многих провокаторов.

Находясь в эмиграции, Бурцев близко сошелся с бежавшим из России бывшим сотрудником Департамента полиции Л. П. Меньщиковым. Получив от Меньщикова ценные фактические данные о системе организации и методах работы царской охранки, Бурцев занялся изучением причин провалов эсеровских организаций в России. В результате длительных поисков он выявил ряд секретных агентов Департамента полиции, внедрившихся в партию эсеров, как в России, так и в заграничных эсеровских центрах. Бурцев развернул яростную борьбу с любого рода политическими преступлениями.

Официально возвратившись в 1905 году по амнистии в Россию, он был одним из основателей исторического журнала «Былое». В 1901—1904 годах под этим же названием Бурцев уже выпустил за границей шесть книжек непериодического журнала по истории революционного движения в России.

В Петербурге Бурцев стал энергично собирать материалы по революционному движению, а также о злоупотреблениях полиции, частично помещая их в «Былом». Уже мартовская книжка за 1906 год обратила на себя внимание не только жандармов, но и более внимательных читателей из публики тем, что в ней были помещены репродукции с таких фотографических карточек революционеров, казненных по делу 1 марта 1881 года, какие могли быть сняты лишь в тюрьме с заключенных (фотографии Рысакова, Гельфман и других). «Былое» печатало обвинительные акты, не опубликованные в 80-х годах в официальной прессе, тайные доклады, обзоры революционного движения, издававшиеся Департаментом полиции, и тому подобное. С осени 1906 года деятельным помощником Бурцева, доставлявшим ему копии секретных бумаг из архива Департамента полиции, стал М. Е. Бакай (Михайловский), чиновник Департамента полиции, служивший ранее в варшавском охранном отделении.

До Бурцева доходили и через Бакая, и помимо Бакая не только исторические, но и современные, весьма актуальные сведения. Данные, бывшие в распоряжении «Былого», говорили совершенно определенно и однозначно о присутствии в центре партии эсеров, в ее боевой организации, крупного предателя. Ранней осенью

1907 года один из редакторов «Былого», Щеголев, побывал в Гельсингфорсе со специальной задачей — сообщить Борису Савинкову полученные в редакции данные об этом предательстве. Савинков немедленно же поделился этими сведениями ни с кем иным, как с «Иваном Николаевичем», то есть с Азефом. Остальное понятно. Азеф потребовал у своего начальства выяснения источника сведений «Былого» и ликвидации «Былого» — самого Бурцева и его редакции. Бакая арестовали, а Бурцев должен был из Финляндии выехать за границу.

В 1906 году, когда самодержавие снова обрело силу, Бурцев понял, что его контакты с полицейским осведомителем Бакаем вызвали подозрения полиции и что за ним установлена слежка, поэтому поспешил уехать во Францию. В последующие годы Бурцев стал суровым критиком эмигрантов, готовых чересчур поспешно опубликовывать имена предполагаемых полицейских агентов, на которых указывали охранники-дезертиры. Через некоторое время Бакай бежал за границу и присоединился в Париже к Бурцеву, где тот вел борьбу с провокацией и на страницах возобновленного им за границей «Былого», и на страницах газеты «Будущее».

Существенную помощь не только Бурцеву, но и делу революции оказал Меньщиков, разоблачив в 1909 году 90 провокаторов среди социал-демократов, 20 — бундовцев, 75 — поляков, 25 — эсеров, 45 — кавказцев и 20 — финляндцев. Впоследствии, на основании указаний Меньщикова, 14 разоблаченных провокаторов были преданы огласке «Бундом» (в циркуляре ЦК «Бунда» № 39), три лица (Алакшина, Лялин и Осиповский) — партией эсеров («Знамя труда», № 21—22), несколько — польскими организациями. Кроме того, на основании его сведений было опубликованы имена почти 80 шпионов, партийная принадлежность которых была неизвестна, в журналах: «Общее дело» Бурцева (№ 1—3) и «Революционная мысль» (№ 6).

Еще в молодости, в 80-х годах, в Москве Меньщиков был предан одновременно двумя «товарищами», оказавшимися агентами охранки: тем, кто его пропагандировал (Зубатов), и тем, кого он развивал (Крашенинников). Тогда, по его словам, Меньщиков решил вступить в лагерь охранников, чтобы раскрыть приемы их деятельности.

Как и Бакай, Менщиков служил в московском и варшавском охранных отделениях. После двадцати лет службы Менщиков достиг Особого отдела Департамента. И в охранках, и в центре розыска он собирал материалы, снимал копии, наводил справки и так далее. Разоблачение провокации он начал с известного письма, посланного осенью 1905 года партии социал-революционеров с указанием на предательскую роль Татарова и Азефа. К полной же реализации данных о шпионах он приступил, перебравшись за границу и связавшись здесь с Бурцевым. Сведения Менщикова подтвердили многие из подозрений Бурцева, а некоторые данные были откровением и для Бурцева. Так, именно от Менщикова Бурцев узнал, что начальник парижской охранки Гартинг есть тот самый Ландезен, который спровоцировал его самого и его товарищей в 1890 году, и что Ландезен-Гартинг есть не кто иной, как Абрам Геккельман. Но, очевидно предвидя это, 6 (19) января 1909 года Гартинг доносил Департаменту полиции, что «Бурцев в крайне интимной беседе высказался, что Гартинга надо убрать во что бы то ни стало».

Из более раннего рапорта Гартинга — от 7 (20) ноября 1908 года — видно, на какие дела готов был тот пуститься, лишь бы избавиться от Бурцева и Бакая.

«Озабочиваясь, — писал Гартинг, — о сохранении интересов Заграничной агентуры при крайне удручающих обстоятельствах, причиняемых пребыванием в Париже Бакая и Бурцева, я имел недавно обсуждение этого дела в парижской префектуре. Причем мне было заявлено, что если бы имелся какой-либо прецедент, в виде жалобы на Бакая со стороны кого-либо с указанием на воспоследовавшие со стороны Бакая угрозы, то это могло бы послужить поводом для возбуждения дела о высылке Бакая из Франции. Хотя в префектуре не уверены в осуществлении Министерством внутренних дел его предположения...»

Гартинг придумал такой план:

«Пользуясь известным чувством злобы, возбужденной Бакаем в „Турке“ (Гутмане), находящемся в Вильно, можно было бы надлежащими переговорами добиться согласия „Турка“ на представление российскому генеральному консулу в Париже жалобы с указанием в таковой, что он, Гутман, прибыв в начале августа в Париж для детального изучения шапочного ремесла, попал в компанию русских, из числа коих некто Бакай, проживающий по ул. Парка Монсури, 24, стал склонять его, Гутмана, войти в состав группы русских революционеров и при его, Гутмана, на то несогласии грозил принятием насильственных мер до смертного насилия включительно, ввиду чего он, Гутман, боясь насилия, бежал из Парижа в Россию, потерпев, кроме нравственного потрясения, еще и материальные убытки, и на что он, Гутман, принося жалобу г. консулу, просит его о преследовании по отношению Бакая. Если бы действительно от Гутмана поступила таковая жалоба на имя российского генерального консула в Париже, то я смог бы ее направить в префектуру, причем обстоятельство это, во всяком случае, в известней степени способствует делу высылки Бакая».

Однако планы Гартинга не осуществились, и вместо Бурцева с Бакаем сам он был вынужден спешно покинуть Париж..

Следствие, произведенное в 1917 году комиссаром Временного правительства за границей С. Г. Сватиковым и уполномоченным Чрезвычайной следственной комиссии в Париже Е. И. Раппом, имело результатом разоблачения провокаторов, работавших не только при Красильникове (1909—1917 годы), но и при Гартинге (1905—1909 годы), а также подтверждение целого ряда высказанных Бурцевым в 1907—1914 годах догадок и подозрений. Сватиков произвел допросы в Скандинавии, Англии, Франции, Италии и Швейцарии, а также объединил данные, добытые при вскрытии архива и делопроизводства Департамента полиции, с данными комиссии Раппа в Париже. Результатом сводки этих данных и являются приводимые ниже биографии шпионов и провокаторов. Выборка данных из парижского архива охранки сделана Менщиковым.

К 1907 году относятся, в частности, сведения о секретных сотрудниках Каплуне и Шварце.

Борис Борисович Каплун, сын делопроизводителя канцелярии туркестанского генерал-губернатора, родился в 1882 году в Ташкенте. Будучи студентом медицинского факультета женевского университета, он обратился в июле 1907 года в Департамент полиции с предложением своих услуг; назвал себя членом Заграничной лиги РСДРП и секретарем по внешним сношениям женевской группы этой партии.

«Таким образом, — писал Каплун, — в моей возможности проникнуть во все организации, в награду я прошу лишь постоянное место по полиции с окладом не менее 150 руб. в месяц». В другом письме Каплун предложил раскрыть заговор на жизнь московского градоначальника и подробности «дела депутата Озоля», но только «по получении 1000 руб.». В третьем письме Каплун соглашался уже на получение половины этой суммы, а в доказательство того, что он не шантажист, приложил адрес явки на бланке бюро женевской социал-демократической группы за подписью Нончева. Заведующий Заграничной агентурой Гартинг принял Каплуна в число секретных сотрудников под кличкой «Петров». Сообщения Каплуна были многочисленны, но малосодержательны. Доносил он главным образом на анархистов — братьев Кереселидзе, Магалова, Бакрадзе и других. Почти все его письма заканчивались просьбой о присылке денег.

Скоро, впрочем, товарищи заподозрили Каплуна, и он 5 декабря 1907 года, симулируя покушение на самоубийство, прострелил себе легкое. «Мне это было необходимо, — писал Каплун по этому поводу Гартингу, — для укрепления положения. Теперь все, и с.-д., и прочие, извиняются и молят, произносят тирады о моей честности...» Тем не менее Каплун поспешил уехать в Париж, а Гартинг не замедлил отправить его в Россию. 25 декабря Каплун, получив от жандармского офицера в пограничном пункте Вержболово железнодорожный билет и 20 рублей, в чем дал расписку, отбыл в Петербург.

Другой агент, Лев Соломонович Шварц, состоял секретным сотрудником одесского охранного отделения. В 1907 году Департамент полиции предложил заведующему Заграничной агентурой взять Шварца в число своих сотрудников. Гартинг согласился принять его на службу

для Женевы при условии, если «он может подойти к с.-р. или анархистам». После этого Шварц был командирован в Париж, причем заграничный паспорт и 125 рублей на дорогу он получил лично от заведующего Особым отделом Департамента полиции

В июне 1908 года был объявлен предателем секретный сотрудник Л. Д. Бейтнер. Этот Бейтнер был, однако, не только предателем, но и провокатором; он спровоцировал П. А. Кракова на покушение — дал ему денег, ценные указания и перспективные обещания — и Краков поехал убивать министра юстиции Н. В. Муравьева, но по приезде в Петербург в июле 1904 года был немедленно арестован с браунингом в кармане.

В том же 1908 году был раскрыт провокатор В. А. Кенсицкий. Он окончил семь классов гимназии, был служащим варшавского магистрата. Получил известность в революционной среде под кличками «Метек», «Феликс» и «Ипполит». В 1904—1905 годах состоял секретным сотрудником варшавского охранного отделения. С 1906 года Кенсицкий «работал с пользою в Заграничной агентуре». В 1908 году во время похорон Гершуни в Париже Кенсицкий был опознан Бакаем, который ранее лично знал его как осведомителя охранки. 12 апреля 1908 года он был публично разоблачен как провокатор парижской группой социал-революционеров-максималистов. По этому поводу заведующий Заграничной агентурой доносил Департаменту полиции, что «провал Кенсицкого чрезвычайно чувствителен агентуре», и ходатайствовал о выдаче Кенсицкому пособия в 5000 франков ввиду намерения его уехать «ради безопасности» в Америку. По сведениям парижского бюро Заграничной агентуры, летом 1910 года Кенсицкий имел свидание с Бурцевым, предлагая интересовавшие его документы, за которые хотел получить 500 рублей. У Бурцева будто бы такой суммы не оказалось, и поэтому сделка не состоялась.

Кроме Кенсицкого Бакай разоблачил тогда же Моисея Гутмана. Гутман состоял секретным сотрудником виленского охранного отделения под кличкой «Турок». Был рекомендован жандармским подполковником Рединым для заграничной работы. В 1908 году он прибыл в Париж и был принят жандармским ротмистром Андреевым

(«Рено»), помогавшим Гартингу, в число сотрудников Заграничной агентуры. Жалованье получал 400 франков в месяц.

Гутману было поручено «проникнуть в местную группу с.-р.», но, так как он имел явку лишь к некоему студенту Мурашкину, в организацию вступить ему не удалось. Тогда Андреев поручил Гутману, «не теряя времени», сблизиться с Бурцевым и Бакаем. Гутман вошел в сношения с ними, но вскоре вызвал у них подозрение и под давлением Бакая признался в предательстве.

Опасаясь разоблачения со стороны Гутмана, ротмистр Андреев отправил его 6 октября 1908 года в Россию под конвоем агента наружного наблюдения Анри (Генриха) Бинта. Но через две недели Гутман вернулся в Париж. Гартинг, «опасаясь вреда, который он может принести», решил понудить его снова к отъезду, но предварительно добился от Гутмана официальной жалобы на разоблачившего его Бакая.

1909 год ознаменовался провалом Гартинга, Азефа и других крупнейших провокаторов. Бурцев вел в течение всего 1908 года усиленную борьбу с ЦК партии социал-революционеров, настаивая на объявлении Азефа — члена ЦК и главы боевой организации — провокатором. Социал-революционеры были вне себя от этих обвинений, и жизни Бурцева угрожала серьезная опасность: восторженные почитатели Ивана Николаевича (Азефа) серьезно готовились к убийству разоблачителя или, как они думали, «клеветника». Однако, когда Азефу были предъявлены обвинения в окончательной форме, тот сбежал. Гартинг имел своих людей среди эсеров и кроме Азефа и передал 6 (19) января 1909 года в Департамент полиции основные данные, сообщенные по делу Азефа «конспиративной» следственной комиссией, собранию левых эсеров 1 (14) января в Париже. Вот данные, которые привели «конспиративную комиссию» к заключению о провокаторстве Азефа:

1. Первые подозрения о провокационной деятельности Азефа появились у эсера Гершуни, который, находясь в Шлиссельбургской крепости, будто бы заподозрил Азефа, обсуждая провалы в своей организации с эсером Мельниковым, вместе с которым был арестован в 1903 году.

2. При разгроме Северной боевой дружины особенно казалось подозрительным то обстоятельство, что провал приписывался некоему матросу Масокину; на него намекала петербургская охранка, и почему-то то же самое вдруг стали говорить и члены ЦК. При ликвидации этой дружины охранное отделение знало совершенно точно: где, когда и как брать, кто был с бомбой и кто с револьвером, что могло быть известно только в верхах боевой дружины. Обстоятельство отвлечения внимания на Масокина, исходившее от охранного отделения, и повторение этого имени в ЦК указывает, что предатель имел прямую связь с ЦК или же входил в него.

3. Эсеры решили устроить взрыв в Государственном совете России. В Париже члены ЦК партии знали, что взрыв должен был выполнить некий Кальвино (Лебединцев). Но о том, что Кальвино и Лебединцев — одно и то же лицо, никто, кроме Азефа, в России не знал. Один из эсеров сообщил партии, что Азеф, встретясь с ним на Невском проспекте, проговорился, что арестованный Кальвино есть Лебединцев.

Интересен эпизод с записной книжкой Лебединцева: она была захвачена при обыске финляндскими властями, о чем узнал Бурцев, бывший в то время в России. Бурцев какими-то путями у финляндских властей эту книжку добыл и передал ЦК, откуда она исчезла и очутилась в распоряжении петербургской охранки. Но что Кальвино есть Лебединцев, в книжке не было обозначено.

4. К тому же самому времени относятся сближение Бурцева с Бакаем и обоюдные их сношения с чинами охранки с целью добыть список провокаторов. Список этот они достали, но явно и умышленно ложный, так как в нем был в числе других «Карл» (кличка казненного террориста Траубенберга), но не было Азефа. К списку приложены были еще какие-то две фотографические карточки.

5. Наконец, о том, что Азеф состоял сотрудником охранного отделения, стали поступать сведения от петербургских, московских и саратовских филеров, находившихся в сношениях с эсерами, а также от одного служащего под началом жандармского офицера Кременецкого, который, будучи недоволен тем, что его не

отличают за заслуги, решил отомстить своему начальнику и написал в ЦК письмо с указанием на провокаторскую деятельность Татарова и Азефа.

6. Такие же письма, но уже анонимные поступили в ЦК и из Департамента полиции, но Азеф в одном назывался кличкою «Виноградов», а в другом «Рыскин» (или «Раскин»).

7. Обращало на себя внимание и то, что несочувствовавшие Азефу или подозревавшие его неизменно «проваливались».

Бурцев, подбиравший шаг за шагом доказательства виновности Азефа, но видя недоверие к нему ЦК социал-революционеров, решил добиться и добился в сентябре 1908 года свидания с бывшим директором Департамента полиции Лопухиным (в поезде между Берлином и Кельном). Последний подтвердил ему, что Азеф был провокатором. Но и после этого пришлось долго бороться. Наконец 26 декабря 1908 года (7 января 1909 года) Азеф был объявлен провокатором официально.

6 (19) апреля 1909 года заведующий Особым отделом Климович докладывал Департаменту полиции, что в Париже русскими революционерами была разоблачена и задержана провокаторша, сотрудница санкт-петербургского охранного отделения, эсерка Мария Цихоцкая, бывшая на самом деле Татьяной Максимовной Цетлин.

«Случаю этому, — излагал Климович, — предшествовали следующие обстоятельства:

Татьяна Цетлин начала свою работу в качестве секретной сотрудницы при санкт-петербургском охранном отделении с 1907 года. Сначала она обслуживала деятельность военной организации партии эсеров, а затем было решено ввести ее в заграничные боевые центры. Ввиду этого после ликвидации военной организации в начале 1908 года она в апреле того же года выехала в Женеву, где вошла в связь с проживающим там русским эмигрантом Лазаревым, который, желая использовать Татьяну Цетлин для боевых целей, осенью 1908 года направил ее вместе с нелегальным Синьковским (настоящая фамилия Деев, будто бы бывший офицер Красноярского гарнизона, обвинявшийся в 1905 году в убий-

стве своего командира) в Париж в распоряжение Минора.

По данным Климовича, Минор, отправлявшийся в то время на работу в Россию, предполагал организовать цареубийство, для исполнения чего решил использовать Татьяну Цетлин, Синьковского и еще третье неизвестное лицо. По имеющимся сведениям, в этот план был посвящен также и член ЦК партии социал-революционеров Аргунов, на которого возлагалось ближайшее руководство выполнением преступного замысла.

Однако арест Минора в Самаре и последовавшие затем разоблачения по делу Азефа заставили эсеров отложить выполнение этого плана. Вслед за этим Татьяна Цетлин сошлась с проживающими в Париже Александровым, И. Бычковым и Борисом Савинковым, у которых возникал последовательно ряд предположений о необходимости совершения в России разных террористических актов. Так, первоначально предполагалось убить генерала Герасимова, Рачковского и товарища министра внутренних дел шталмейстера Курлова, причем Савинков принимал на себя руководящую роль в этих преступлениях, рассчитывая на Синьковского и Цетлин как на исполнителей. Решение это появилось у него после 15 марта сего года вследствие надежд на содействие какого-то полковника, который поможет облегчить розыск и обнаружение генерала Герасимова. Встречая однако затруднения в возможности разыскать генерала Герасимова и Рачковского, Савинков решил в первую очередь покончить с генералом Герасимовым и чиновником петербургского охранного отделения Доброскоком. Следует отметить, что чиновник охранного отделения Доброскок был известный провокатор, под кличкою „Николай Золотые Очки“, разоблаченный в 1905 году. После разоблачения продолжал работать в охранном отделении уже официально.

Осведомленная о намерениях Савинкова, Татьяна Цетлин вызвала немедленно в Париж чиновника Доброскока для сообщения ему планов революционеров. 26 марта чиновник Доброскок отправился в Париж, причем заметил, что при выходе из вагона „был встречен на парижском вокзале наблюдением со стороны революционеров, в числе трех лиц: Днепровского, Луканова и

какого-то неизвестного с рыжей бородой". Днепровский — революционная кличка Н. А. Лазаркевича, Луканов — Сергея Моисеенко.

Приезду Доброскока в Париж предшествовали следующие обстоятельства: исполняя просьбу Татьяны Цетлин, он месяца два тому назад послал ей из России несколько книг учебного содержания. Книги эти были вручены отправлявшемуся в Париж агенту наружного наблюдения Лейтису („Луриху"), „который, по замечанию Гартинга, не посвященный в то обстоятельство, кому эти книги предназначались", должен был передать их проживающему в Париже под фамилией Кинг наблюдательному агенту Кершнеру. Кершнер, получив эти книги, передал их Татьяне Цетлин при свидании с нею в ресторане. Затем позднее, отправляясь как-то на одно из свиданий с Татьяною Цетлин, Кершнер подарил ей несколько роз.

О приезде Доброскока в Париж знали начальники Петербургского охранного отделения, генерал Герасимов, помощник его подполковник Комиссаров и агент Кершнер, предуведомленный Доброскоком по телеграфу о дне и часе его приезда.

Накануне приезда Доброскока к Кершнеру на квартиру заходил агент Лейтис и настойчиво звал Кершнера идти с ним завтракать. В это время Кершнер сказал Лейтису о полученной им депеше и, согласившись пойти с ним завтракать, вышел вместе с Лейтисом на улицу. Однако Лейтис, поговорив на улице с Кершнером, почему-то изменил свое намерение пойти завтракать и, отговариваясь необходимостью спешить на службу, куда-то ушел один.

По приезде Доброскока на парижский вокзал он увидел там трех стоящих порознь революционеров, из числа которых узнал известного ему в лицо „Днепровского". Предполагая, что присутствие революционеров вызвано приездом (с тем же поездом в Париж) бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново и генерала Трепова, Доброскок, пройдя мимо революционеров, стал наблюдать, не следят ли они за Дурново. При этом Доброскок вынес впечатление, что находившиеся на перроне революционеры на него лично не обратили никакого внимания и стали за ним следить лишь после

того, как к нему на перроне подошел Кершнер. Когда Доброскок с вокзала приехал в гостиницу, то пришедший вслед за тем к нему Кершнер доложил, что бывшее на вокзале наблюдение поместилось в расположенной против гостиницы кондитерской. Таким образом, не оставалось никаких сомнений, что наблюдение со стороны революционеров было установлено именно за Доброскоком. Когда на следующий день к Доброскоку в номер пришла Татьяна Цетлин, то было замечено, что и она сопровождалась также наблюдением со стороны революционеров. Вернувшись домой, Татьяна Цетлин ночью получила от Савинкова телеграмму, подписанную „Лежнев", с предложением явиться 31 марта (13 апреля) на квартиру Синьковского. Прибыв на эту квартиру, Татьяна Цетлин была встречена 10 боевиками с Савинковым во главе, который, наведя на нее револьвер, приказал ей поднять руки вверх, а затем, обыскивая ее, отобрал бывшие при ней 500 рублей, объявив, что деньги эти, как полученные от русского правительства, конфискуются партией. Синьковский, также заподозренный в предательстве, в это время был уже арестован в другой комнате своей квартиры. Из сказанных Савинковым при этом слов Татьяна Цетлин узнала, что революционеры прекрасно осведомлены об имевших место с осени 1908 года в Париже приездах генерала Герасимова, подполковника Комиссарова, Доброскока и ротмистра Лукьянова. Затем видно было, что революционеры знают квартиру, подробности и образ жизни Доброскока в Петербурге, конспиративную квартиру петербургского охранного отделения, помещающуюся на Александровском проспекте, д. № 21, филерские клички, которые носили Синьковский и Цетлин, квартиру и настоящую фамилию агента Кершнера, а также его псевдоним „Кинг" и факты получения Татьяной Цетлин из Петербурга книг и от Кершнера — роз. После обыска Татьяна Цетлин была арестована боевиками, и для охраны ее, а также для охраны арестованного в другой комнате Синьковского были оставлены боевики, сначала в количестве 7—8 чел., а потом 3—4 чел., все вооруженные револьверами.

На следующее утро в квартиру явилось 5 „судей", из числа которых Татьяна Цетлин узнала Савинкова,

Чернова, Шишко и неизвестного ей по фамилии мужа племянницы Бычковой (еврейского типа). Пятого судью она не знает. С судьями явились два секретаря, один из которых носил революционную кличку „Михаил". На суде присутствовал, не принимая, однако, в решении суда непосредственного участия В. Бурцев. До открытия заседания суда Татьяна Цетлин, в сопровождении двух вооруженных конвоиров, была отправлена к себе на квартиру (ул. Бертолле, 18, квартира „Марии Цихоцкой") для производства там тщательного обыска, при помощи которого революционеры изъяли две открытки невинного содержания, писанные рукою Доброскока, „что удостоверил Бурцев", и учебные книги. По-видимому, во время этого обыска происходил суд над Синьковским, а по возвращении тем же порядком в квартиру Синьковского Татьяны Цетлин начали судить и ее. Цетлин, не отрицая своей службы в петербургском охранном отделении, категорически заявила, что Синьковский никогда агентом охранного отделения не состоял, а что она работает уже два года. Загладить свою вину перед партией она отказалась. Суд, определив ее „нераскаянным провокатором", постановил подвергнуть ее и Синьковского смертной казни.

При этом на суде Бурцев высказался, что они уже полгода тому назад знают, что есть агент — женщина выше среднего роста, лет 30, бледная, давно работающая в партии и занимающая в ней видное положение. Бурцев предполагал увидеть в лице Цетлин этого агента, но теперь видит, что он ошибся и Татьяна Цетлин другое лицо, хотя, конечно, обстоятельство это вины ее не изменяет.

После суда оба арестованные были оставлены в квартире под стражей до приведения приговора в исполнение. Квартира охранялась сперва 7, а потом 4 вооруженными людьми, но в ней перебывало за эти дни человек 30, на что обратил внимание консьерж. 6(19) апреля по неизвестным причинам обоим арестованным было объявлено, что назначенная им смертная казнь отменяется, причем они исключаются из партии и обязаны жить под надзором, извещая партию о месте их нахождения. Вслед за тем оба они были освобождены, причем Цетлин выдано из ее денег 40 фр , с которыми она и уехала в

Германию, сопровождаемая наблюдением из 3 революционеров. По дороге ей удалось, однако, на одной из узловых станций, пересев на встречный поезд, ускользнуть от наблюдения, после чего она и приехала в Россию».

По поводу рассказа Цетлин нельзя не заметить, что она сильно драматизировала происшедшее. Впрочем, после парижского разоблачения Цетлин и ее любовник Доброскок постарались выйти из сферы неприятных встреч с революционерами, и в 1917 году, весною, когда Бурцев стал разыскивать «супругов» Доброскок, оказалось, что «Николай Золотые Очки» занимал более приятное и спокойное, нежели раньше, место — по дворцовой охране в Петергофе. Что касается Климовича, то, сообщив Гартингу о злоключениях Цетлин, он, естественно, «задавался целью выяснения того обстоятельства, каким образом произошло расконспирирование секретной деятельности Цетлин», причем обращал внимание на то обстоятельство, что до последних дней марта 1909 года Цетлин была в партии, по-видимому, вне всяких подозрений и провал ее произошел очень быстро и в самое последнее время.

«Что касается возможного участия в этом деле агента наружного наблюдения Лейтиса, то следует отметить еще то обстоятельство, — отмечал Климович, — что Савинков и Бурцев, беседуя о последнем приезде Герасимова в Париж, упоминали о том, что Герасимова видели на Елисейских полях. К сожалению, за отъездом Герасимова из С.-Петербурга точно установить, бывал ли он в последний свой приезд на Елисейских полях, не представляется возможным, но обстоятельство это подлежит большому сомнению, так как он из номера гостиницы никуда не выходил (жил в гостинице на ул. Риволи). Между прочим, агент Кершнер как-то случайно говорил Лейтису о том, что Герасимов живет на Елисейских полях».

Сообщая Гартингу эти данные, полученные от Доброскока и Цетлин, Климович просил доложить письменно вице-директору Департамента полиции

С. Е. Виссарионову и «принять со своей стороны возможные меры к выяснению всех обстоятельств, вызвавших провал секретной агентуры». Очевидно, выяснилось, что расконспирирование Цетлин и Синьковского (он же Зеньковский) произошло благодаря содействию Лейтиса (Луриха), потому что 29 апреля (12 мая) 1909 года Гартинг телеграфировал директору Департамента полиции Зуеву:

«Измена Луриха, несомненно начавшаяся давно, поставила в крайнюю опасность не только всех людей, с которыми виделся Андреев (помощник Гартинга), но и меня; лишь полное признание Луриха поможет мне уяснить, будет ли хоть кто-либо спасен из здешних агентур».

На следующий день ввиду подготовлявшегося приезда царя в Шербур Гартинг дал Зуеву телеграмму следующего содержания:

«По совершенно секретному личному, частному соглашению с чинами префектуры мною выработана следующая мера. Префектура готова сформировать особый отряд агентов, долженствующий наблюдать исключительно важнейших русских террористов, и будет осведомлять меня о результатах. Для выполнения этой меры необходимо, чтобы наше правительство добилось через посла, дабы французское министерство предписало префектуре усилить надзор за русскими террористами ввиду имеющихся сведений о возможности осуществления ими плана цареубийства во время поездки государя за границу. Описанная мера разделяется вице-директором».

Эта телеграмма была роковой для Гартинга. По его инициативе посольство стало усиленно настаивать на высылке нескольких человек, в том числе Бурцева, из Франции. Председатель Совета министров Франции отказал в этом. Бурцев, имевший в руках доказательства тождества Гартинга-Ландезена-Геккельмана, опубликовал в газетах статью, обличающую шефа русской политической полиции в Париже как провокатора, осужденного во Франции к пяти годам тюрьмы. Клемансо предъявил документы и фотографию русскому посольству, а также группе русских парламентариев, в частности А. И. Гучкову и П. Н. Милюкову.

Вслед за провалом шефа начали проваливаться и другие. Менщиков сообщил «бундистам», что провокатором, которого они старались выявить по указаниям Бакая, является Каплинский. Совместными трудами Бурцева и Менщикова были выяснены крупные провокаторы среди эсеров — Зинаида Федоровна Гернгросс-Жученко и Анна Егоровна Серебрякова. Последняя была одним из старейших и серьезнейших сотрудников московской охранки. Ратаев, находившийся уже на покое, горько сожалел о судьбе бедной Зины («мне ее жаль больше всех») и скорбел о разоблачении Серебряковой, которую он в письме к директору Департамента полиции Зуеву называл «Евсталией».

Кроме вышеупомянутых лиц, благодаря Менщикову были вскрыты предатели Розенберг, Пуцято-Русановская, Константин Спандарьянц и некоторые другие. По его указаниям Бурцев публично разоблачил провокатора эсера Батушанского (он же «Барнт»). Сведения о Батушанском Бурцев получил и от французского агента наружного наблюдения Леруа, который изменил Гартингу и оказал Бурцеву немало услуг по раскрытию провокаторов. В результате обвинения Бурцева над Батушанским состоялся товарищеский суд, имевший 17 заседаний, на котором свидетельскими показаниями, документами и своим собственным признанием Батушанский был разоблачен как провокатор. Внимание Департамента полиции в постановлении суда привлекло следующее место:

«Будучи, по-видимому, напуган открывшимися разоблачениями провокаторов, например максималиста Кенсицкого, его знакомого по группе, Батушанский отошел от всяких революционных кругов, для чего переехал на правый берег Сены. Но Гартинг, по словам Батушанского, подкрепленным предъявленными им письмами, далее неоднократно предлагал Батушанскому продолжать прерванную деятельность тайного агента за крупные денежные вознаграждения. При этом настойчивые

предложения Гартинга в письмах к Батушанскому часто сопровождались угрозами в случае отказа.

По прибытии в Петербург Батушанский был опрошен по последнему обстоятельству — о предъявлении суду писем заведующего Заграничной агентурой, и он дал объяснение, что при этом имел целью доказать суду, что Гартинг пытался склонить его к службе, но он от предложений этих отказался».

Департамент признал «в высшей степени полезной и продуктивной деятельность в течение семи лет Берки Батушанского» и «ходатайствовал о пенсии для разоблаченного не по своей вине» сотрудника.

При Гартинге работа секретной агентуры Департамента полиции за границей в смысле конспирации была поставлена значительно выше, чем раньше. Чем же объяснить, что, несмотря на такую организацию агентуры, произошло разоблачение крупнейших провокаторов охранки, в том числе Азефа и самого Гартинга? Секрет этих провалов заключается прежде всего в том, что кадры секретной агентуры в основном состояли из деклассированных, неустойчивых элементов.

Среди секретных сотрудников охранки часто встречались эсеры и анархисты, которые, один раз попав в руки охранки, навсегда становились ее слугами. В отдельных случаях это были представители интеллигенции, напуганной в годы первой русской революции и растерявшейся перед угрозой дальнейшей политической реакции. Но чаще всего в заграничных агентурах находились люди с темным уголовным прошлым. Эти люди продавались тем, кто платил больше. Но были и случаи раскаяния, когда бывшие царские охранники рвали связи со своими хозяевами и переходили на сторону оппозиции, раскрывая при этом все секреты охранки. Правда, идейно раскаявшихся было немного; чаще всего предавали охранку те, кто не ужился с ней по причинам более деликатного характера. Обычно это были чиновники, карьера которых в охранке, в силу присущих ей интриг и продажности, ставилась под угрозу, чиновники, которые проворовались, или те, кто за работу против полиции намеревался получить больше, чем в самой полиции.

И Бакай, и Менщиков, и Лопухин дали Бурцеву много сведений о составе провокаторов царской охранки, скорее всего, только потому, что служебная карьера в Департаменте полиции для них закончилась, а чувство ненависти и зависти к тем, кто занимал там высокие посты, было значительно сильнее, чем преданность самодержавию. Таким образом, общий развал работы охранки и постоянные провалы ее агентов были следствием ее собственных внутренних противоречий.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Источники Бурцева. — Добывание улик. — Слежка за Бурцевым. — План А. Еремина. — Подозреваемые в выдаче тайн агентуры. — М. Глюкман. — Ф. Дорожко. — Неизвестный разоблачитель. — Провокатор среди агентов Бурцева. — Список Красильникова. — Паника в рядах агентуры. — Заявление Бурцева партии эсеров. — Письмо об анархистах. — Провокаторы на съезде анархистов. — Поиски корреспондентов Бурцева. — Подслушанный телефонный разговор. — Черновик рапорта Красильникова. — Секретарь-провокатор Бурцева. — Разоблачение Я. Житомирского. — Проверки информации Красильникова.

Провокаторы трепетали перед Бурцевым. Его сведения основывались на нескольких источниках: добытых им документах, сообщениях изменивших охранке — Бакая, Менщикова и агентов-французов Леруа, Леона и других. Наконец, еще одного молодого человека из кругов парижского консульства, о котором рассказывает в воспоминаниях сам Бурцев.

Бурцев умел из самых ничтожных намеков, мельчайших деталей добыть данные, которые превращались в грозные и неопровержимые улики для провокаторов. Живя в тяжелой нужде, Бурцев тратил все свои заработанные журнальными статьями деньги и пожертвования, стекавшиеся к нему, на дело борьбы с провокацией. Он не останавливался даже тогда, когда ему грозила смерть.

Красильников и его агенты не спускали с него глаз. В письме к директору Департамента полиции в феврале 1910 года он писал: «Ротмистр Эргардт вошел в сношения с парижскими друзьями, за исключением одного, которого принял я». Друзьями Красильников называет секретных сотрудников. «Передача друзей, — продолжает он, — совершилась вполне благополучно и без всякого личного посредства ротмистра Долгова. Что же касается до иногородних, то я имею в виду вызвать для личного свидания только некоторых из них, с менее же интересными ротмистр Эргардт вступит в сношения письменно». Красильников добавлял, что «во всех имевших место собеседованиях всеми без исключения высказывалось не только опасение, но даже убеждение, что у Бурцева имеются в Департаменте полиции верные друзья, сообщающие ему все, что им удается узнать интересного».

Предположения провокаторов были сущим вздором. Бурцев никого не имел в Департаменте, однако всем говорил об этом. Так, в январе 1913 года Красильников узнал от секретного сотрудника, освещавшего Бурцева, что тот якобы получил из Департамента полиции сообщение. Красильников известил об этом Особый отдел полиции. В ответ на это заведующий Особым отделом просил его «добыть, если представится возможным, фотографический снимок почерка лица, сделавшего сообщение Бурцеву». На случай же, если удастся достать фотографию письма или же письмо писано измененным почерком или на машинке, заведующий Особым отделом А. М. Еремин придумал целый план проверки лиц, заподозренных им в выдаче тайн Департамента полиции.

С этой целью Еремин предлагал Красильникову «от имени Бурцева прислать в Петербург по указанным адресам письмо с предложением доставить известные адресату и возможные для последнего сведения с обещанием оплатить их крупной суммой, причем редакцию каждого из писем видоизменить, указав для каждого ответа по возможности другой адрес до востребования, но так, чтобы высланный из Петербурга ответ был доставлен вам, а не Бурцеву».

Заподозрены были в выдаче тайн Бурцеву следующие лица в Петербурге: 1) Васильев И. С.; 2) Васильев М. Д.; 3) Ширков К. К.; 4) Семенихин С. Г.; 5) Преображенский Д. М.

Через 11 дней Еремин добавлял, что надо «в следующих письмах не указывать на бывшее будто бы сношение Бурцева с адресатами, а предлагать последним доставлять за определенную и значительную сумму ин-

тересующие автора, т.е. Бурцева, сведения, которые могут быть извлечены из дела Департамента полиции». «Кроме того, — писал Еремин, — если с течением времени представится необходимость во временном прекращении высылки вами писем от имени Бурцева впредь до особого распоряжения, то вам будет выслана мною условная телеграмма за обыкновенной подписью „Орлов" следующего содержания: „Препятствий к выезду Женеву нет"».

Из заподозренных откликнулся М. Д. Васильев (на адрес «Шарля Дермонта»): «Получил Ваше письмо, подпись которого мне совершенно незнакома. <...> Такое редкое совпадение моих имени, отчества, фамилии и места жительства, на которое я недавно лишь переехал, не что иное, как недоразумение. Письмо Ваше для меня загадочное. О каком обещании с моей стороны Вы упоминаете? Да и вообще, если Вам угодно со мной разговаривать, я просил бы подписать фамилию ясно и полностью».

Пока это письмо дошло в Париж, № 1 представил Еремину загадочнее письмо от якобы Бурцева. В итоге план Еремина не удался.

Летом 1913 года кто-то донес Департаменту полиции, что некая Нина Петровна Козьмина предпринимает с некоторыми товарищами при участии «известного эмигранта В. Л. Бурцева» экскурсию на Кавказ.

«Это сведение лишено всякого основания, — писал Красильников, — по ходу своей деятельности вообще, а в настоящее время в особенности Бурцев далек от каких бы то ни было экскурсий. В данное время вся его деятельность сводится к приисканию средств к существованию и к поддержанию находящихся на его иждивении Леруа и Леона. Поездка его на юг Франции и в Италию, где он надеялся добыть нужные ему деньги, не увенчалась успехом. Он получил только обещание, что деньги ему будут даны в конце августа или начале сентября. Если же он обещанного не получит, то, не имея возможности без денег продолжать свою разоблачительную деятельность, он, по его словам, уедет в Россию, так как без денег ему за границей делать нечего».

Не известно, достал ли Бурцев денег, но осенью того же года он нанес охранке тяжкие удары. Галерею разоблаченных в 1913 году доносчиков открыл Глюкман.

Рязанский мещанин Мовша Мордкович Глюкман (он же Гликман, он же Дликман) родился в 1880 году. По профессии слесарь. В революционной среде был известен под кличками «Мишель», «Михаил Саратовец», «Аполлон». Привлекался по политическому делу в Рязани. После был осужден на поселение по делу о Саратовском губернском комитете партии социал-революционеров.

Состоя секретным сотрудником пермского охранного отделения под кличкой «Ангарцев» с ежемесячным жалованьем в 250 рублей, Глюкман в мае 1911 года по распоряжению генерала Курлова был командирован в Париж. Первоначально доносил своему начальнику, полковнику Комиссарову. В августе того же года был принят в число секретных сотрудников заграничной агентуры под кличкой «Ballet». Заподозрен в сношениях с охранкой еще во время ссылки, но реабилитирован заявлением ЦК партии социалистов-революционеров в «Знамени труда», № 33. У заграничных товарищей Глюкман вызвал недоверчивое отношение. Когда те назначили суд над ним, Красильников отказался от его услуг.

По своей неосторожности провалился провокатор Дорожко. Федор Матвеевич Дорожко, крестьянин Гродненской губернии, Голынской волости, деревни Слысино, кожевенник, привлекался в Санкт-Петербурге по делу об экспроприации в Фонарном переулке. Состоял затем секретным сотрудником заграничной агентуры под псевдонимами «Мольер» и «Жермон» на жалованье в 600 франков в месяц. По официальному свидетельству, «польза делу политического розыска этим лицом принесена несомненная, в особенности в первые годы его сотрудничества — с 1906 до 1910».

Дорожко доносил о деятелях парижской группы эсеров-максималистов (Наталья Климова, Клара Зельцер, Липа Кац и другие). Роль Дорожко обнаружилась случайно: он писал письмо, прося об уплате жалованья; письмо это попало по недоразумению в руки присяжного поверенного Сталя и от него — к Бурцеву. После

этого 4 мая 1913 года Дорожко был разоблачен как провокатор.

В апреле 1913 года Красильников сообщил Департаменту полиции, что ввиду попыток Бурцева войти в сношения с Дорожко «дальнейшее пребывание последнего в Париже сделалось крайне тяжелым, что и побудило его возбудить ходатайство о помиловании и разрешении ему возвратиться на родину».

По мнению Красильникова, Дорожко заслуживал высочайшей милости, «так как из бывшего максималиста стал самым убежденным и преданным монархистом». Однако Департамент полиции ходатайство это отклонил. Дорожко вскоре после этого, по утверждению Красильникова, уехал в Северную Америку.

Осенью 1913 года деятельность Бурцева принесла Красильникову большие заботы и огорчения. 23 ноября (6 декабря) 1913 года Красильников доносил Белецкому: «По поступившим от агентуры сведениям Бурцевым разновременно были получены из Петербурга два письма, в которых неизвестным агентуре автором давались Бурцеву указания на лиц, имеющих сношения с русской полицейской охраной. В первом письме были даны указание на четырех лиц: Масса („Николь"), Михневича („Карбо"), Кисина и Этера („Ниэль"). О первых трех Бурцевым уже заявлено заграничной делегации партии эсеров. Масс и Михневич им разоблачены; о Кисине ведется расследование, а об Этере Бурцевым также начато расследование на этих днях».

Во втором письме тот же автор продолжает давать указания Бурцеву и высказывает подозрения на следующих лиц:

1) Яков Глотов, социалист-революционер, партийная кличка «Союзов», живет в Париже;

2) Михаил Константинович Николаев, социалист-революционер, партийная кличка «Мадридов», живет в Париже;

3) Виктор Азволинский, социалист-революционер, художник, живет в Париже;

4) Патрик, социал-революционер, выехал в Америку;

5) Житомирский, социал-демократ, большевик, партийная кличка «Отцов», живет в Париже;

6) Журавлев Николай, живет в Гренобле;

7) Сергей Малеев, выехал в Америку;

8) Каган Элиа, партийная кличка «Николай», живет в Париже, социалист-революционер, бывший каторжанин, агентурная кличка «Serge»;

9) «Хмара» — девица легкого поведения, как сказано в письме; по наведенным Бурцевым справкам, ею оказалась сожительница эсера Григория Андреева;

10) некий Жорон.

Помимо этого автор письма ставит Бурцева в известность, что среди его агентуры имеется провокатор. В этом отношении Бурцев остановил свое подозрение на художнике Александре Зиновьеве (он же — «Сенатор», «Mattisset»), который у него продолжает бывать, хотя в последнее время довольно редко, и на Сергее Малееве, который тоже был близок к Бурцеву.

Несомненно, что Бурцев, основываясь на своем опыте и догадках, провел расследование относительно лиц, перечисленных в этом рапорте Красильникова. Во всяком случае, из пятнадцати упомянутых в письмах лиц Бурцев не ошибся относительно семи.

Красильников, называя Михневича, Этера, Патрика, Житомирского, Кагана и Зиновьева, прибавляет в скобках их сотруднические секретные псевдонимы, причем для Житомирского, Патрика и Зиновьева даны два псевдонима, старый и новый, под которыми сотрудники были известны Департаменту полиции. Из числа заведомых, разоблаченных Бурцевым провокаторов были названы Масс и Михневич.

Георгий Михневич, он же Якобсон и Жакобсон, охранные клички «Корбо» и «Воронов», с 1908-го по 1911 год состоял секретным сотрудником саратовского губернского жандармского управления. По показаниям подполковника Люстиха, «Воронов» освещал организацию эсеров, провалился ранней весной в марте или апреле 1914 года и уехал в Бразилию.

Элиа Аронович Каган, родом из Севастополя, в 1917 году под кличкой «Серж» действительно работал в охранке, освещая в одну из организаций эсеров. Патрик и Этер работали и в 1916—1917 годах, пока не были окончательно разоблачены.

Нет никаких данных, подтверждающих подозрения Бурцева о «Хмаре», Жороне, Малееве, Журавлеве,

Кисине, Николаеве. Что касается Глотова, то в эмигрантских кругах ходили слухи, что Глотов был отправлен за границу Департаментом полиции, а для его прикрытия якобы пропустили и Степана Николаевича Стетова, выехавшего с Глотовым за границу. При следствии, произведенном в Париже, никаких данных, подтверждающих обвинения против Глотова, не найдено.

Записка Красильникова об итогах работы заграничной охранки в 1913 году подтверждает панику, внесенную расследованиями Бурцева в ряды агентуры, и раскрывает попытки жандармов вскрыть источники его осведомленности:

«1913 год в жизни Заграничной агентуры ознаменовался рядом провалов секретных сотрудников, являвшихся результатом не оплошности самих сотрудников или лиц, ведущих с ними сношения, а изменой лица или лиц, которым были доступны по их служебному положению дела и документы, относящиеся к личному составу агентуры вообще и заграничной в особенности. Обращает на себя еще внимание то обстоятельство, что в начале года имели место только единичные случаи провалов, как например разоблачение Глюкмана („Ballet“) и Лисовского-Ципина, сотрудника Петербургского охранного отделения, покончившего жизнь самоубийством.

С осени провалы усилились, и в настоящее время они приняли эпидемический характер.

Этот факт указывает на то, что лицу, дающему Бурцеву сведения о сотрудниках, стало в настоящее время доступнее черпать нужные ему сведения или что оно само приблизилось к источнику этих сведений.

Так, в конце октября Бурцев подал заграничной делегации партии социал-революционеров официальное заявление, в котором обвинял члена партии эсера Масса в сношениях с полицией. Во время расследования этого дела Бурцевым было предъявлено членам следственной комиссии письмо, полученное им из Петербурга от своего корреспондента, в котором Масс назывался агентом Департамента полиции.

Относительно Масса Бурцевым еще в марте месяце текущего года было получено от того же лица сообщение, что в результате поездки Масса по России с целью

ознакомления с положением революционного движения на местах в Департаменте полиции был получен доклад, из чего можно вывести заключение, что Масс секретный сотрудник. В то время у Бурцева определенных данных, кроме этого сведения, не имелось, и он только по получении второго письма, в котором Масс определенно назывался агентом Департамента полиции, выступил с официальным обвинением Масса.

Уличающее письмо было предъявлено Бурцевым Слетову, Биллиту и Натансону, причем последний подтвердил слова Бурцева, что источник, дающий сведения, заслуживает полного доверия.

В том же письме кроме Масса указывалось как на сотрудников еще на Этера („Niel“), Воронова и Кисина.

Воронов по фамилии назван не был. Давались только указания на прошлую его революционную деятельность и на побег его из Сибири. По этим данным не трудно было установить личность того, к кому они относились.

Относительно Этера у Бурцева имелись уже и раньше указания, но при расследовании не подтвердились, и два раза Бурцев печатал в его оправдание статьи в различных номерах "Будущего", объясняя полученные им указания желанием очернить Этера с целью отвлечь внимание от действительного сотрудника. Когда же обвинение Этера в сношениях с полицией Бурцев получил от своего петербургского корреспондента, дело приняло иной оборот, и он уже предъявил ему обвинение официально, и в настоящее время должен уже произойти суд.

Вскоре после получения означенного письма Бурцев получил от своего корреспондента второе письмо, в котором указывали на отношение с Департаментом полиции не четырех лиц, а десяти, из числа которых три являются действительно сотрудниками Заграничной агентуры. Что же касается остальных, то мне неизвестно, состоят ли сотрудниками какого-либо имперского розыскного органа или же умышленно включены в список корреспондентом для собственной безопасности, но во всяком случае указывают на то, что лицо это в курсе заграничных партийных дел и ему знакомы эмигрантские круги по предъявляемым о них докладам.

Кроме лиц, перечисленных по фамилиям, Бурцеву были даны указания, что при нем тоже находится

сотрудник, который водит его за нос. Свои подозрения Бурцев остановил сперва на Зиновьеве („Matisset"), но так как последний в течение второй половины этого года несколько отдалился от Бурцева, то он, по-видимому, заподозрил и „Bernard'a" (Верецкого), которого под благовидным предлогом удалил не только от себя, но и из Парижа, чем, конечно, причинил делу розыска существенный вред.

9 декабря Бурцев опять получил из Петербурга письмо, в котором называлось, что на предстоящий съезд анархистов-коммунистов прибудет некий „генерал от анархизма", который „задает тон движению и играет в нем большую роль", что его в Париже в настоящее время нет, но на съезд он прибудет.

Сопоставляя это указание с полученным им много ранее сообщением, что Николай Музиль-Рогдаев, будучи арестован в Луцке в 1907 году, был освобожден будто бы по распоряжению Департамента полиции, Бурцев пришел к выводу, что указываемым генералом от анархизма является Музиль. В справедливости этого вывода Бурцев еще более убедился после того, когда получил из того же источника сведения, что о бывшем в Париже в апреле 1913 года съезде анархистов („Вольная община") в Департаменте полиции имеются сведения, а так как из генералов от анархизма на означенном съезде был Музиль, то и это сообщение приписано ему.

Получив письмо об анархистах, Бурцев не замедлил сообщить его содержание Оргиани и Гольдслит, добавив, что лицо, от которого исходит это письмо, служит в Департаменте полиции и находится в числе тех шести лиц, которые имеют доступ к секретным делам, и которое будто бы близко стоит или стояло к генералу Герасимову. В самое последнее время Бурцев получил еще указания на сношения с Департаментом полиции члена партии с.-р. Патрика и некоего рабочего Сердюкова (возможно, — догадывался Красильников, — что речь идет о Серебрякове — „Munt") и еще на какое-то лицо, давно живущее в Париже.

В результате полученных Бурцевым в течение 1913 года откуда-то сообщений из числа сотрудников Заграничной агентуры в течение последних трех месяцев были разоблачены: Масс и Воронов. Находятся в периоде официального расследования: Этер, которому обвинение уже предъявлено. В периоде негласного расследованиях и наблюдения находятся: Житомирский („Dandet"), Каган („Serge"), Зиновьев („Matisset"), „Bernard" и „Munt". Получены указания, но ни к каким действиям не приступлено: Патрик („Never").

Таким образом, из числа 23 сотрудников Заграничной агентуры выбыло окончательно двое и отошли от работы, находясь под следствием или подозрением, семь человек, т.е. 39,13% всего личного состава.

Вся же остальная агентура настолько терроризирована этими разоблачениями, в особенности тем, что они вызваны указаниями, получаемыми Бурцевым, по его словам и предъявляемых им в нужных случаях письмах, от лица хорошо осведомленного в Департаменте полиции, что, опасаясь за свою собственную участь, почти совсем приостановили свою работу...».

Словом, для охранки картина получалась трагическая.

Бурцев узнал от своего парижского осведомителя, что на съезде анархистов из 20—30 членов будет не менее 3—4 провокаторов. Бурцев готов был заподозрить Музиля-Рогдаева, не имевшего никакого отношения к охранке. Но он не подозревал, что в делегации от анархистов, явившейся к нему за разъяснениями, почему Бурцев против съезда, был провокатор Выровой, член 1-й Государственной думы, а во второй делегации, пришедшей за более подробными объяснениями, был не менее опасный провокатор Долин.

В первом случае из свойственной ему осторожности, а во втором случае зная о прежних сношениях Долина с охранкой, Бурцев не открыл истинного источника, а сослался на фантастического корреспондента из Департамента полиции. Таким образом, Бурцев направил Красильникова вместе с Департаментом на ложный путь.

«Ввиду всего изложенного, — продолжал Красильников, — является существенным и крайне необходимым обнаружить лицо или лиц, осведомляющих Бурцева. Если это окажется недостижимым, то хотя бы изыскать меры, которые лишили бы его корреспондентов возможности

впредь причинять вред делу розыска своей изменнической работой.

Для достижения этой цели прежде всего необходимо остановиться на вопросе: откуда может идти измена? Из Петербурга, т.е. из Департамента полиции, или заграничного бюро в Париже, или из обоих этих учреждений.

Что касается самого Бурцева, то он уверяет, что главный его корреспондент, от которого он получает сведения о сотрудниках, находится в Петербурге и близок к самым секретным делам, в подтверждение чего он предъявлял получаемые им от своего корреспондента письма. Натансону, как главе с.-р. партии и стоящему в глазах Бурцева выше всяких подозрений, он, вероятно, дал более определенные указания, относящиеся к своему корреспонденту, так как Натансон по поводу последнего говорил:

„Источник из Петербурга нам очень дорог и очень тяжело достался; о нем знает очень ограниченный круг лиц и даже Аргунову ничего о нем неизвестно". Кроме того, как сказано выше, Бурцев о своем корреспонденте говорил, что он состоит на службе в Департаменте полиции и находится в числе тех 6 лиц, которые имеют доступ к секретным делам.

Сведение это, полученное от агентуры, находит себе подтверждение в донесении Жоливе, которому Бурцев говорил, что лицо, его осведомляющее, находится в числе 10 лиц, ведающих самыми секретными делами, причем Бурцев добавлял, что никогда не удастся установить, кто именно из этих 10 лиц находится с ними в сношениях.

Все эти заявления Бурцева можно было бы считать голословными, если бы не было тех писем, которые он предъявлял по делу Масса Натансону, Слетову и Биллиту; по делу анархистов — Оргиани и Марии Гольдсмит. Кроме этого, агентура лично видела и читала два письма, в коих сообщалось: в первом — о четырех сотрудниках, во втором — о десяти.

С другой стороны, такие сведения, как, например, о поездке Масса по России и представлении о результатах ее доклада, заграничным бюро даны быть не могли, так как об этой поездке ничего не было известно.

Совокупность этих данных дает основание заключить, что измена идет из С.-Петербурга.

Однако Бурцев указывает и на наличность у него осведомителя в Париже и несколько раз возбуждал вопрос о необходимости этому местному корреспонденту уплачивать деньги. Вместе с тем от агентуры много раз получались указания, что у Бурцева есть сношения с кем-то из служащих в „консульстве". Причем необходимо пояснить, что под словом „консульство" в эмигрантских кругах Парижа подразумевают все учреждения, помещающиеся в здании посольства, в том числе и Заграничной агентуры.

В подтверждение этого агентура сообщила следующие факты: месяца два тому назад один из агентов был свидетелем разговора Бурцева по телефону с неизвестным агентуре лицом, которое Бурцев уговаривал прийти к нему на квартиру, гарантируя полную безопасность; на полученный отказ Бурцев назначил этому лицу в 8 ч вечера свидание в кафе. Через некоторое время Бурцев тем же лицом, которое отказалось прийти на свидание, был вызван к телефону. „Во время этого же разговора означенное лицо благодарило Бурцева за присланные ему 500 фр. и письмо". По одним агентурным сведениям лицо это с Бурцевым не знакомо и поддерживает с ним сношения через какого-то литератора. После этого агентура узнала, что это лицо близко стоит к заведующему парижской канцелярией заграничной агентуры Сушкову, причем эта фамилия была названа самой агентурой. Из другого агентурного источника были получены указания, что „Бурцев заплатил кому-то из дающих ему в Париже сведения о деятельности заграничного бюро 500 фр."».

В черновике своего рапорта Красильников вычеркнул далее очень интересное место, живописующее жизнь охранки. Он писал, в частности, о французском агенте Леруа, перешедшем к Бурцеву, и о своем агенте Жоливе, освещавшем Бурцева:

«Помимо агентурных указаний, имеются еще следующие данные, говорящие за возможность передачи сведений из парижского бюро, а именно:

1. Леруа сказал Жоливе, что Департамент полиции извещен о намерении его написать свои мемуары о своей службе в Заграничной агентуре, тогда как об этом

Департаменту полиции доложено не было, хотя я получил об этом указание из местного французского источника, а кроме того, сам Жоливе рассказывал Сушкову, когда последний по моему поручению ездил к нему в Сини-Лаббей условиться о свидании со мною.

Когда Жоливе обратился ко мне с предложением своих услуг и просил ему ответить в Сини-Лаббей, где он тогда находился, я, не желая ему писать, послал к нему Сушкова условиться относительно свидания со мною. В разговоре с Сушковым между прочим Жоливе сообщил о полученном им предложении напечатать свои мемуары о службе в русской полиции. Сведения об этом имелись и у меня из местных источников, причем я их Департаменту полиции не докладывал ввиду того, что вслед за этим мне было сообщено о том, что мемуары эти были признаны Альмерейдой (редактором журнала „Красная книга") неинтересными, почему и мысль о напечатании их была оставлена.

По прибытии в Париж приблизительно через неделю Жоливе при свидании со мною рассказал, между прочим, что Леруа ему говорил, будто о напечатании им мемуаров было телеграфировано в Департамент полиции.

2. Когда мною было получено сведение о тяжкой болезни Леруа, заболевшего рожистым воспалением, то как-то будучи в Бюро я в присутствии Сушкова и Биттер-Монена, обратившись к последнему, сказал: „Вы знаете, Леруа серьезно заболел; у него рожистое воспаление и опасаются заражения крови". При этом кто-то из нас, кто не помню, я ли или Биттер-Монен сказал: „Хоть бы он от этого подох". Кроме нас троих в Бюро, в это время в этой комнате никого не было. Из других комнат о том, что говорится в одной, ничего услыхать нельзя.

На первом же свидании с Жоливе последний передал мне, что, будучи у Леруа и высказывая ему сочувствие по поводу его болезни, сказал ему, что в таком виде его не узнали бы агенты из посольства, которые, вероятно, не знают о его болезни. На это Леруа сказал, что им это отлично известно, что по этому поводу, говоря о нем, были даже сказаны следующие слова, и тут же дословно повторил приведенную выше фразу.

Задаваясь теперь вопросом, кто может быть в сношениях с Бурцевым, приходится совершенно исключить служащих в самом консульстве, несмотря на указания агентуры, что корреспондент Бурцева является будто бы служащим в консульстве. Никто из служащих консульства в помещение Заграничной агентуры в отсутствие чинов последней не входил. Если кто-нибудь из них изредка и заходит, то только по какому-либо служебному делу и обращается за справками ко мне или к кому-нибудь из чинов канцелярии. Доступа к делам и переписке эти лица, безусловно, не имеют. То же самое можно сказать и о чинах дипломатической канцелярии посольства. К делам Заграничной агентуры имеют касательство кроме меня Сушков, Мельников и Бобров. Биттер-Монена приходится исключить как лицо, незнакомое с русским языком».

Таковы были догадки Красильникова, и нужно сказать, он был одно время недалеко от искомого, но затем решил, что в его агентуре нет и не может быть осведомителей, работавших для Бурцева. Осведомитель же существовал. И с его помощью одним ударом Бурцев выбил из строя почти 40 процентов секретных сотрудников.

Понять беспокойство Красильникова можно, если вспомнить и о том, что осенью 1913 года была выведена из здания русского посольства в Париже и расформирована бывшая на личной связи с Красильниковым и его помощниками агентура, а на ее месте создано совершенно отдельное «частное детективное бюро Бинта и Самбена» и только эти двое имели теперь связь с «шефом».

Особую роль среди вскрытых Бурцевым провокаторов играл «Бернар», выдавший себя за его «секретаря». Николай Николаевич Верецкий, бывший студент столичного университета, состоял осведомителем петербургского охранного отделения под кличкою «Осипов». Проживая в Париже и скрывая свою принадлежность к охранке, в декабре 1912 года он предложил свои услуги Заграничной агентуре. При этом назвался сначала Андреем Ивановичем Ниловым, а потом Федором Ивановичем Клячко. Был принят в число секретных сотрудников Заграничной агентуры под кличкой «Bernard» на

жалованье в 200 франков, которое через два месяца было повышено до 500 франков.

Сведения Верецкого, по отзыву имевшего с ним сношения Эргардта, были «правдивы и ценны». Обстоятельные доклады Верецкого касались главным образом социал-революционеров и самого Бурцева, у которого он, по официальному выражению, «занимал прочное положение», благодаря чему Верецкий был в курсе дел, которые возбуждались против разных лиц по обвинению в предательстве. Но в декабре 1913 года Верецкий был отозван в Россию.

Из числа разоблаченных Бурцевым в 1913 году нужно отметить Житомирского, который тогда же из-за возникших подозрений временно вынужден был отойти от дел охранки, а окончательно был раскрыт следствием лишь в 1917 году.

Яков Абрамович Житомирский, мещанин из Ростова-на-Дону, врач по профессии, в годы Первой мировой войны — волонтер на французском фронте, действовал среди социал-демократов, затем большевиков, имея партийную кличку «Отцов». В 1907—1911 годах был близок к большевистскому центру, исполняя его различные поручения по организации транспорта, заграничных сношений и тому подобному. Одновременно в течение целых 15 лет состоял секретным сотрудником русской политической полиции под кличкой «Andre», а затем «Daudet». Был заагентурен, по-видимому, Гартингом в Берлине в 1902 году, когда последний заведовал берлинским отделением Заграничной агентуры. От Департамента полиции Житомирский получал до войны немалое содержание — 2000 франков в месяц.

Он освещал деятельность ЦК социал-демократической партии, давая подробные отчеты о его пленарных заседаниях, партийных конференциях, в организации которых принимал участие, о технических поручениях, дававшихся отдельным членам партии, в том числе и ему самому. Донесения Гартинга из Парижа в 1903 году о донском комитете РСДРП были скорее всего основаны на сообщениях Житомирского. Якову Абрамовичу принадлежат также подробные отчеты о социал-демократических съездах, например о брюссельском съезде 1903 года, изложенные в донесении Гартинга Департаменту

полиции 4 января 1904 года. Он же, очевидно, был тем сотрудником, который пытался в 1907 году устроить съезд социал-демократов в Копенгагене, а не в Лондоне, ибо наружное наблюдение в Копенгагене было легко осуществимо. Съезд, однако, состоялся в Лондоне. При этом Житомирский доносил и на самого себя. Так, в списке 36 кандидатов в члены «Лиги социал-демократов» 1903 года со стороны ленинцев упоминается и имя Якова Житомирского. Это делалось на случай, если бы документ попал в руки революционеров.

Во время войны Житомирский следил за революционной пропагандой в русском экспедиционном корпусе, к которому был прикомандирован как врач. Отчислился со службы в полиции в мае 1917 года, когда уже пала монархия и старому агенту угрожало расконспирирование.

Люстих, последний начальник секретного сотрудника Житомирского, на допросе показал:

«Сотрудник, известный мне под кличкой „Додэ“, есть действительно доктор Житомирский, получавший большое вознаграждение, потому что он старый сотрудник, находящийся на службе не менее 8 лет, вероятно даже больше. Первоначально же оклады были выше теперешних. Он начал давать сведения, еще будучи студентом Берлинского университета. Последнее время состоит на военной службе, регулярного жалованья не получал; время от времени ему выдавались различные суммы, от 700 до 2000 фр. Этим объясняются скачки в денежных отчетах».

Отвечая следствию в 1917 году на вопрос, что побудило его стать секретным сотрудником охранного отделения, Житомирский отвечал, что никаких объяснений дать не желает и сам вопрос считает излишним. Впрочем, уличаемый показаниями начальства, Житомирский не отрицал факта своей службы в полиции.

Для проверки информации, поступавшей от Красильникова, Департамент полиции и охранные отделения царской империи регулярно посылали за границу своих секретных сотрудников. Этим занимались Центральный отряд Петербургского охранного отделения,

Московское охранное отделение, Особый отдел Департамента полиции, Дворцовая охрана и другие охранные отделения. По результатам их деятельности начальник Особого отдела Департамента полиции жандармский генерал А. М. Еремин составлял обширные доклады, многое в которых не совпадало с депешами Красильникова. Лишь после революции выяснилось, что сведения, доставлявшиеся Красильниковым, были точные.

ШПИОНАЖ

Реорганизация Заграничной агентуры в связи с началом Первой мировой войны. — Шпионаж, контрразведка, диверсии. — Показания Бинта. — Показания Самбена. — Наблюдение за вражескими шпионами для военной разведки. — Данные немецкой контрразведки. — Аресты революционеров европейскими спецслужбами — Переезд заграничной агентуры в Бордо. — О возвращении политэмигрантов в Россию. — Армейская мобилизация агентуры. — Бюджет провокаторов в 1917 году. — Ликвидация Заграничной агентуры.

Вспыхнувшая летом 1914 года Первая мировая война заставила руководителей русской Заграничной агентуры частично изменить направление своей работы. Департамент полиции потребовал от Красильникова не только достоверных данных о русских политэмигрантах, но и сведений разведывательного и контрразведывательного характера.

Красильников реорганизовал Заграничную агентуру, направив ее на шпионаж, контрразведку и доставку секретных сведений из европейских стран, отрезанных от России фронтом. Этим Красильников поручил заниматься двум своим новым помощникам — ротмистру Б. Лиховскому, направленному в Швейцарию, и бывшему чиновнику варшавского охранного отделения А. Литвину, принявшему руководство секретной агентурой в Англии.

Документы, отражающие контрразведывательную деятельность заграничной агентуры, не сохранились. В записках Сватикова, донесении Литвина Красильникову и в исповеди Б. Долина имеются сведения только о переговорах Литвина и провокатора-разведчика Долина с военным атташе немецкого посольства в Берне полковником

фон Бисмарком, касающиеся организации диверсионных актов на военных предприятиях и военно-морском флоте России. В числе других документов, как-либо характеризующих контрразведывательную деятельность Заграничной агентуры, имеется следующее показание заведующего розыскным бюро Бинта:

«С момента объявления войны на меня была возложена специальная миссия — организовать доставку сведений, шпионаж и контршпионаж при помощи швейцарцев, говорящих по-немецки, которых я должен был направлять со специальными поручениями в Германию и Австрию. Я дал подробнейшие сведения о лагере около Гамбурга, где немцы обучали около восьмисот молодых финляндцев (фамилии многих из них я сообщил), которые предназначались для формирования офицерских кадров в случае финляндского восстания против России, которое немцы хотели поднять; все мои доклады давали очень полные указания о положении в срединных империях военного и транспортного дела, организации тыла, народных настроениях, цен на продукты и т.д. В Скандинавии, главным образом в Стокгольме, и в Берлине было также организовано собирание нужных сведений и контршпионаж при помощи преданных агентов из шведов и датчан; вся эта организация в Скандинавии работала очень хорошо под управлением г-на Самбена...»

В показаниях Бинта о «случае финляндского восстания» речь шла о егерях-добровольцах, из которых финляндская буржуазно-националистическая партия «активного сопротивления» с помощью немцев организовала вооруженные отряды для предполагавшегося восстания против России. С начала 1918 года эти егерские отряды были использованы финляндской буржуазией и германским военным командованием для удушения революции в Финляндии.

В свою очередь Самбен, заместитель Бинта по розыскному бюро, сообщил, что ему было поручено собрать сведения о немецкой деятельности в Швеции и Финляндии, имеющие целью поднять сепаратистское восстание против России; о немецком шпионаже в Стокгольме и на русско-шведской границе (Торнео—Хапаранда) и, наконец, о незаконной торговле русскими кредитными рублями, производившейся через Торнео при содействии некоторых русских чиновников:

«Благодаря своим связям я мог представить много докладов по всем этим вопросам, и наконец я пригласил в Стокгольме очень обстоятельного человека, говорившего по-шведски, который сумел привлечь к этому делу нескольких лиц, оказавших нам большие услуги, состоявшие главным образом в разоблачении нескольких германских шпионов...»

Приведенные документы не дают достаточных оснований для того, чтобы судить о плодотворной деятельности Заграничной агентуры в разведке и контрразведке. Как правило, больших самостоятельных шагов заграничная агентура в этой части и не предпринимала, ограничиваясь наружным и отчасти внутренним наблюдением за деятельностью австро-германских разведчиков, а в тех случаях, когда эти наблюдения давали какой-либо эффект, «дело» передавалось для оперативной реализации военной разведке.

Немецкая контрразведка в свою очередь была неплохо информирована о деятельности Красильникова и его агентуры, так как имела там своего человека — опытного шпиона барона фон Штакельберга, подлинное лицо которого удалось установить только летом 1917 года, когда заграничная агентура в результате Февральской буржуазно-демократической революции уже была ликвидирована.

Несмотря на крупные недостатки в работе и постоянные провалы, заграничная агентура Департамента полиции за все время своего существования сумела активно и результативно противостоять революционному социал-демократическому движению. Многие крупные деятели большевистской партии и других организаций по доносам заграничных провокаторов неоднократно арестовывались французской, германской, русской и другими спецслужбами.

Война доставила Заграничной агентуре новые хлопоты. Красильников и его помощники переезжали с посольством в Бордо, а архив был перенесен на частную квартиру на той же парижской улице Гренель, где помещалось посольство.

В эти тревожные дни эмигранты ожидали политической амнистии или хотя бы разрешения прибыть на родину, чтобы сражаться за нее. Однако их надежды не оправдались.

Русский посол во Франции Извольский известил Красильникова о правительственной телеграмме из России от 1 сентября 1914 года, которая гласила: «Министр внутренних дел не находит возможным выдавать русским эмигрантам разрешения на возвращение в Россию для вступления в ряды войск. Эти эмигранты могут, однако, добровольно возвратиться в Россию, подвергаясь всем последствиям своих деяний, и уже в России просить о зачислении в армию». Таким образом, перед эмигрантами стояла перспектива — подавать прошение о помиловании или же пройти через тюрьму, суд, ссылку и так далее. Судьба Бурцева и Носаря-Хрусталева показала впоследствии, что происходило с политэмигрантами, возвращавшимися в Россию.

Между тем армейский призыв в начале 1915 года коснулся всех русских, живших за границей, в том числе и секретных сотрудников Красильникова, который телеграфировал директору Департамента полиции об отношении к воинской повинности своих сотрудников. «Из них, — сообщал Красильников, — „Додэ“, „Матиссэ“, „Серж“ и „Дасс“ на службе во французских войсках». Эти агенты действительно продолжали работать, числясь на французской службе.

«Подлежат призыву, — докладывал далее Красильников, — „Лебук“, „Гретхен“ и „Орлик“; последний для этого едет в Россию, оставляя семью за границею. „Мартэн“ имеет отсрочку по образованию до 1916 г., „Пьер“ — отставной офицер, „Россини“ и „Ней“ — ратники ополчения второго разряда. „Ниэль“ и „Сименс“ — дезертиры. „Скосс“ имеет льготу первого разряда по семейному положению. Остальные сотрудники подлежат наказанию по суду как бежавшие из ссылки. Отъезд или поступление во французские войска „Лебука“, „Гретхена“ и „Скосса“, особенно двух последних, крайне нежелательны, ибо прекратится освещение эсеровских националистических групп. Заменить их некем. Ходатайствую об освобождении их от призыва. Прошу телеграфного распоряжения».

На предложение начальства зачислить сотрудников в нестроевые части Красильников отвечал:

«Зачисление в нестроевые признанных медицинским осмотром годными в строй невыполнимо. Ходатайство о том, не имея данных на успех, несомненно, сопряжено с риском провала. Русские, принятые в войска, отсылаются на фронт или в Марокко. С отъездом Скосса и Гретхена Париж останется без серьезной агентуры. Остальные находятся в других государствах, не могут быть переведены без ущерба делу. Прошу распоряжения».

Так как «Лебук» был в Швейцарии, «Россини» в Италии, «Ней», «Ниэль» и «Сименс» — в Англии, то вопрос шел лишь о «Скоссе» и «Гретхен». Поэтому генералу Аверьянову от имени министра внутренних дел было послано отношение, что «в числе лиц, обязанных в силу последовавшего распоряжения военного ведомства прибыть из-за границы в Россию для отбытия воинской повинности, числятся Кокопинский и Деметрашвили» («Гретхен» и «Скосс»).

«Означенные лица, — писал министр внутренних дел, — в настоящее время состоят при исполнении возложенных на них Министерством внутренних дел весьма важных поручений совершенно секретного характера и без ущерба для дела не могут явиться к исполнению воинской повинности из-за границы, где ныне находятся». Начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба удовлетворил ходатайство Департамента полиции за «Скосса» и «Гретхена».

Секретные сотрудники «Орлик» и «Лебук» уехали в Россию для отбывания воинской повинности. 12 марта Красильников телеграфировал о них: «Как сотрудники оба преданы делу, заслуживают доверия, оба намерены продолжать сотрудничать, если позволят условия службы и получат на то соответствующие указания».

Таким образом, охранка преграждала путь эмигрантам в армию и одновременно, выгораживая одних своих сотрудников от военной службы, других посылала в русскую и французскую армии для внутреннего освещения сослуживцев.

В 1917 году на содержание одних только провокаторов в России было ассигновано 332 226 рублей, на заграничных же секретных сотрудников было выделено 240 тысяч франков. В момент революции 27 февраля 1917 года в Заграничной агентуре работало 32 секретных сотрудника: 30 мужчин и 2 женщины. Из них 27 человек числились по общему списку, а пятеро находились в специальном распоряжении Красильникова.

Деятельность Заграничной агентуры продолжалась до 1917 года. Ее цели в Европе были вполне очевидны: проникать в революционные группы и пытаться их обезвредить, перехватывать оружие и взрывчатку, переправляемые в Россию, влиять на европейское общественное мнение, вызывая симпатии к имперскому правительству.

Узнав об отречении Николая II, Красильников распустил сотрудников, запер и опечатал в присутствии русского посла в Париже А. П. Извольского помещение канцелярии и архива Заграничной агентуры. Явившиеся через некоторое время сюда для официального ее закрытия члены так называемой комиссии Временного правительства, интересовавшиеся главным образом содержанием архива агентуры, нашли его, к своему удивлению, в полном порядке. Вскоре, правда, выяснилось, что Красильников часть наиболее конфиденциальных бумаг все же изъял. Однако от сотрудничества с Чрезвычайной комиссией он не отказался, дав ей подробнейшие показания, хотя, естественно, принудить к этому его никто не мог. Удалось вернуть и некоторые из вывезенных Красильниковым архивных документов.

Часть 7
ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

НАЧАЛЬНИКИ III ОТДЕЛЕНИЯ

С 1826 года: Бенкендорф Александр Христофорович, генерал, первый начальник III Отделения, с именем которого связывают возникновение в стране режима подавления свободомыслия. Была введена цензура. Выезд за границу стал возможен только по личному разрешению либо царя, либо начальника III Отделения. Даже университеты не могли выписать из-за границы какую-либо литературу без цензурного досмотра.

С 1844 года: Орлов Алексей Федорович, генерал, участник подавления восстания декабристов, среди которых был его брат М. Ф. Орлов, но он от него не отрекся. В качестве начальника III Отделения разрешил выезд за границу А. И. Герцену. Был специальным послом царя в Германии, Турции, Австрии, Франции. Во время переговоров в Париже в 1856 году проявил дипломатические способности и добился для России минимальных уступок. С 1856 года председатель Кабинета министров.

С 1856 года: Долгоруков Василий Андреевич, генерал, руководил следствием по делу петрашевцев, когда 22 человека, в том числе Ф. М. Достоевский, были затем приговорены к расстрелу. Военный министр с 1852 года, после поражения в Крымской кампании с этой должности снят, назначен начальником III Отделения. После покушения на царя Д. В. Каракозова уволен с этой должности.

С 1866 года: Шувалов Петр Андреевич, генерал. Вначале царь Александр II ему всецело доверял, называя Петром IV. Затем Шувалов стал послом в Лондоне, где

сделал ряд вредных для России политических уступок, что привело к снижению военных успехов в русско-турецкой войне 1877—1878 годов и к фактическому дипломатическому поражению России на последующих мирных переговорах. За это Шувалов был уволен.

С 1874 года: Потапов Александр Львович, генерал, участник Крымской кампании, наказной атаман Войска Донского. Будучи командующим войсками Виленского военного округа, старался ограничить репрессии против поляков.

С 1876 года: Мезенцов Николай Владимирович, генерал, начальник штаба корпуса жандармов с 1864 года. Убит революционерами.

С 1878 года: Дрентельн Александр Романович, генерал, долгое время служил в III Отделении. Революционеры покушались на его жизнь, но неудачно. При либеральном министре внутренних дел М. Т. Лорис-Меликове Дрентельн был уволен.

С 1880 года: Черевин Петр Алексеевич, генерал, последний начальник III Отделения. После его упразднения и передачи корпуса жандармов в Министерство внутренних дел стал товарищем министра в МВД. С 1883 года состоял при особе императора Александра III.

МИНИСТРЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1802—1807: Кочубей Виктор Павлович, председатель Кабинета министров с 1827 года. Сторонник умеренных реформ, член Негласного комитета.

1807—1810: Куракин Алексей Борисович, брат дипломата А. Б. Куракина. Впоследствии был губернатором Украины — на государственной должности, введенной после упразднения гетманства.

1810—1819: Козодавлев Осип Петрович. Будучи сиротой, получил образование за казенный счет, причем за рубежом. Служил в различных ведомствах, в том числе в Российской Академии наук советником у Е. Р. Воронцовой-Дашковой.

Июнь—ноябрь 1819: А. Н. Голицын

1819—1823: Кочубей Виктор Павлович, см. выше.

Апрель—август 1823: Б. Б. Кампенгаузен

1823—1828: В. С. Ланской.

1828—1831: Закревский Арсений Андреевич, генерал. Подавлял «холерные бунты». Был реакционен даже для правительства Николая I, и через три года его уволили в отставку. Вновь о Закревском вспомнили, когда в 1848 году началась революция во Франции; тогда, как бы для профилактики, его поставили губернатором Москвы.

1831—1839: Блудов Дмитрий Николаевич. Бывший участник литературного общества «Арзамас», куда входил также и А. С. Пушкин. С 1837 года министр юсти-

ции, с 1861 года председатель Совета министров; под его руководством составлено Уложение о наказаниях.

1839—1841: Строганов Александр Григорьевич, внук А. С. Строганова, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки. Генерал Отечественной войны, был губернатором в пяти губерниях.

1841—1852: Перовский Лев Алексеевич, генерал, президент Академии художеств, министр внутренних дел с 1841 года, министр уделов с 1852 года. Сторонник постепенной отмены крепостного права. При нем подушная подать удельных крестьян была заменена поземельным сбором.

1852—1855: Бибиков Дмитрий Гаврилович, генерал, участник Отечественной войны, в Бородинском сражении лишился руки. Был губернатором в Саратове, Киеве, Москве. Проводил политику насильственной русификации Украины, поощрял гонения на евреев и раскольников.

1855—1861: Ланской Сергей Степанович, был среди участников тайных обществ, затем отошел от них. Был губернатором в нескольких губерниях, министр внутренних дел с 1855 года. Поддерживал реформы 60-х годов.

1861—1868: Валуев Петр Александрович, министр внутренних дел с 1861 года, министр государственных имуществ с 1872 года, председатель Совета министров с 1877 года; руководил подготовкой и проведением земской и цензурной реформ 60-х годов. Либеральные взгляды, выразившиеся при работе в комиссии по подготовке несостоявшейся конституции 1881 года, уживались в нем с пропагандой необходимости публичных казней.

1868—1878: Тимашев Александр Егорович, генерал, начальник штаба корпуса жандармов, министр почт и телеграфов с 1867 года, министр внутренних дел с 1868 года. При нем усилилась роль III Отделения.

1878—1880: Маков Лев Саввич, министр внутренних дел с 1878 года, министр почт и телеграфов с 1880 года (ведомство выделилось из МВД, но в 1882 году вновь вошло в МВД, где министром был уже Д. А. Толстой).

В 1883 году Маков покончил с собой в связи с произведенной им растратой.

1880—1881: Лорис-Меликов Михаил Тариелович, генерал, считался либералом, руководил подготовкой несостоявшейся конституции 1881 года. Министр внутренних дел с 1879 года, политику уступок сочетал с жесткими репрессиями, что привело к покушению на него. После убийства царя Александра II ушел в отставку и жил за рубежом.

1881—1882: Игнатьев Николай Павлович, сын председателя Совета министров П. Н. Игнатьева. Длительное время работал на дипломатической службе, но его недолюбливал А. М. Горчаков. Министр государственных имуществ с 1878 года, министр внутренних дел с 1881 года. За высказанное мнение о желательности созыва земского собора был уволен.

1882—1889: Толстой Дмитрий Андреевич, обер-прокурор Синода с 1864 года, одновременно с 1866 года министр народного просвещения, министр внутренних дел с 1882 года. Проводил политику контрреформ. В области просвещения осуществлял принцип: для детей дворян — гимназии и университеты, для средних классов — уездные 4—5-классные училища, для крестьян и низших классов — народные 1—2-классные школы.

1889—1895: Дурново Иван Николаевич, министр внутренних дел с 1889 года, председатель Комитета министров с 1895 года. Проводил земскую, городскую и судебную контрреформы. Ввел черту оседлости для еврейского населения.

1895—1899: Горемыкин Иван Логгинович, до назначения на пост министра внутренних дел (в 1895 году) считался либералом, но служба в МВД сделала его консерватором. Для противодействия радикальной I Думе им заменили либерального С. Ю. Витте на посту председателя Совета министров. Но «Его высокобезразличие» с задачей не справился и сам был заменен.

1899—1902: Сипягин Дмитрий Сергеевич, окончил Петербургский университет, юрист, губернатор в Риге,

Москве, министр внутренних дел с 1900 года. Проводил политику насильственной русификации национальных меньшинств, жестоко подавлял антиправительственные выступления, убит эсерами.

1902—1904: Плеве Вячеслав Константинович, государственный секретарь с 1894 года, министр с 1902 года. Сторонник жесткого курса, ему принадлежат слова: «Чтобы победить революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Убит эсерами.

1904—1905: Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, генерал, министр внутренних дел с 1904 года. Накануне революции пытался примирить противоборствующие силы, заявлял: «Управление Россией должно зиждиться на доверии к обществу». После расстрела 9 января, к чему он не был причастен, подал в отставку.

Январь—октябрь 1905: Булыгин Александр Григорьевич, министр внутренних дел в 1905 года. Разработал закон по выборам в I Государственную думу. Согласно этому закону, крестьяне выбирали 43% всех депутатов Думы, дворяне — 33%, горожане (без рабочих и евреев) — 24%. В это время С. Ю. Витте вел в США переговоры о мире с Японией, американцы, как посредники на переговорах, настояли допустить евреев к выборам. Рабочие были допущены к выборам позже.

1905—1906: Дурново Петр Николаевич. Будучи начальником Департамента полиции, вызывал раздражение царя Александра III, но как брат председателя Комитета министров пошел на повышение. Жестоко подавлял революцию, на него покушались эсеры, но безуспешно для них. Выступал против войны с Германией.

1906—1911: Столыпин Петр Аркадьевич, министр внутренних дел и председатель Совета министров с 1906 года. Сторонник формулы «успокоение, устроение, реформа», он начал с жестких мер по подавлению революции, заслужив прозвище «вешатель», а затем стал проводить радикальную крестьянскую реформу, создавая класс крестьян-собственников. Осуществил разгоны I и II Государственных дум. Убит эсерами.

1911—1912: Макаров Александр Александрович, государственный секретарь с 1909 года, министр внутренних дел с 1911 года, министр юстиции с 1915 года; при обсуждении в Государственной думе запроса о Ленском расстреле, где погибло 270 рабочих, сказал: «Так было, так будет».

1912—1915: Маклаков Николай Алексеевич, брат одного из лидеров кадетской партии В. А. Маклакова, сторонник неограниченной самодержавной власти, министр внутренних дел с 1912 года. В декабре 1916 года предлагал царю Николаю II разогнать IV Государственную думу. Маклаков два года тормозил дело о Ленском расстреле, затем объявленного виновником ротмистра Н. В. Терещенкова отправили на фронт, где тот был убит.

Июнь—сентябрь 1915: Щербатов Николай Борисович, помещик, соучредитель Союза земских собственников.

1915—1916: Хвостов Алексей Николаевич, племянник министра юстиции А. А. Хвостова, протеже Г. Е. Распутина. Вел интриги против других членов Совета министров: добился увольнения А. В. Кривошеина, затем И. Л. Горемыкина, пытался организовать покушение на Б. В. Штюрмера, но не смог и сам был уволен.

Март—июнь 1916: Штюрмер Борис Владимирович. Окончил Санкт-Петербургский университет, юрист. Служил в министерствах: юстиции, императорского двора, внутренних дел; был губернатором в Новгороде, Ярославле. По настоянию Г. Е. Распутина в 1916 году назначен одновременно председателем Совета министров, министром иностранных и внутренних дел. Умер в заключении в Петропавловской крепости летом 1917 года.

Июнь—сентябрь 1916: Хвостов Александр Алексеевич, министр юстиции с 1914 года, министр внутренних дел с 1916 г. Был сторонником заключения в тюрьму В. А. Сухомлинова. Будучи протеже Г. Е. Распутина, ста-

рался наладить взаимодействие с IV Государственной думой, за что Распутин добился его увольнения.

1916—1917: Протопопов Александр Дмитриевич, был товарищем председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко, поддерживая его в критике царя и правительства. Но когда Г. Е. Распутин предложил Протопопову в сентябре 1916 года стать министром внутренних дел, он сразу перешел в лагерь царя. Потом он объяснял это своим трудным детством, когда давал уроки по 50 копеек за час. На званом приеме Родзянко демонстративно отказался подать руку Протопопову.

МИНИСТРЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА в 1917 году

С марта: Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925). Князь, помещик, юрист. Председатель Всероссийского земского союза, затем Объединенного союза земств и городов («земгор»), занимавшийся главным образом благотворительностью, помощью голодающим и т. п. В годы Первой мировой войны «земгор» осуществлял медицинскую помощь в тылу, организовывал госпитали, санитарные поезда и др. Член партии кадетов, депутат I Государственной думы. Министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства первых двух составов.

С июля: Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943). Дворянин по происхождению, ставший профессиональным революционером, одним из лидеров партии эсеров, в годы революции 1905 года был членом Петросовета, арестован, сослан, бежал за границу (где защитил диссертацию на ученую степень доктора философии). В революцию 1917 года — член Исполкома Петросовета. Министр внутренних дел во Временном правительстве третьего состава.

С сентября: Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959). Профессиональный политический деятель, меньшевик, депутат II Государственной думы, в момент ее разгона был сослан вместе со всей фракцией меньшевиков на каторгу в Сибирь. В 1917 году — член Исполкома Петросовета. Министр почт и телеграфов во втором составе Временного правительства, министр внутренних дел в его четвертом составе. В начале сентября 1917 года

В. И. Ленин послал открытое письмо Чернову и Церетели, предлагая себя и нескольких других большевиков в министры наряду с эсерами и меньшевиками. Тогда Ленин еще считал, что революцию можно совершить мирным путем. Но Чернов и Церетели предпочли отмолчаться.

ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

1880—1881: И. О. Велио;

1881—1884: В. К. Плеве;

1884—1893: П. Н. Дурново;

1893—1895: Н. И. Петров;

1895—1896: Н. И. Сабуров;

1896—1897: А. Ф. Добржинский;

1897—1902: С. Э. Зволянский;

1902—февраль 1905: А. А. Лопухин;

февраль 1905—июнь 1905: С. Г. Ковалевский;

июнь 1905—ноябрь 1905: Н. П. Гарин;

ноябрь 1905—1906: Э. И. Вуич;

1906—1909: М. И. Трусевич;

1909—1911: Н. П. Зуев;

1911—1914: С. П. Белецкий;

1914—сентябрь 1915: В. А. Брюн де Сент Ипполит;

сентябрь 1915—ноябрь 1915: Р. Г. Моллов;

ноябрь 1915—февраль 1916: К. Д. Кафафов;

февраль 1916—сентябрь 1916: Е. К. Климович;

сентябрь 1916—февраль 1917: А. Т. Васильев.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ ВНУТРЕННЕГО (АГЕНТУРНОГО) НАБЛЮДЕНИЯ

Имя составителя и время издания неизвестны. Некоторые особенности дела, в котором инструкция хранится, дают основание говорить, что в ее разработке принимал участие Рачковский и выпущена она до 1911 года.

§ 1. На обязанности лица, ведающего политическим розыском, лежит прежде всего приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры, — единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность.

На приобретение и сбережение внутренней агентуры должны быть направлены все усилия лица, ведающего розыском.

Наружное наблюдение является лишь вспомогательным и притом весьма дорогим средством для разработки агентурных сведений и для прикрытия конспиративности агентурного источника.

§ 2. Для успешной работы в деле политического розыска и руководства внутренней агентурой лица, ведающие розыском, должны знать программы революционных партий, быть знакомы с историей революционного движения, положением сего движения в данный момент и следить за революционной литературой

§ 3. Лица, заведывающие агентурой, должны руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних. Обыкновенно сотрудник выдающийся — интеллигентный и занимающий видное положение в партии — стремится подчинить своему авторитету лицо, ведущее с ним сношения, и оказывать давление на систему розыска. Если для сохранения отношений возможно оставлять его в убеждении, что такое его значение имеет место, то в действительности всякое безотчетное увлечение сотрудниками приводит к отрицательным результатам. Лицо, ведающее агентурой, должно составлять себе план расследования и стремиться извлечь из агентуры все данные для его осуществления. Поэтому, никогда не открывая своих карт перед сотрудником, надлежит давать ему поручения, вытекающие из плана розыска. При этом следует с особенным вниманием относиться к выяснению или закреплению в памяти таких фактов, которые могли бы быть впоследствии использованы как судебные улики и подтверждены доказательствами, лежащими вне соприкосновения с сотрудником. Эти задачи розыска (в общих чертах) могут быть указаны сотруднику, дабы и он приучился к собиранию данных, пригодных для судебного расследования и прикрытия агентуры.

§ 4. Лица, ведающие розыском, должны твердо помнить, что «сотрудничество» от «провокаторства» отделяется весьма тонкой чертой, которую очень легко перейти. Они должны знать, что в умении не переходить эту черту и состоит искусство ведения успешного политического розыска. Достигается это только безусловно честным отношением к делу и пониманием целей розыска, а не погоней за открытием и арестом отдельных средств пропаганды (типография, склады оружия, взрывчатые вещества и проч.).

Лица, ведающие розыском, должны проникнуться сознанием, что лучшим показателем успешной и плодотворной их деятельности будет то, что в местности, вверенной их надзору, совсем не будет ни типографии, ни бомб, ни складов литературы, ни агитации, ни пропаганды. Последние результаты будут достигнуты, если они при серьезной осведомленности о революционной деятельности и умении систематически и планомерно пользоваться этими знаниями смогут достигнуть того, что революционеры вынуждены будут прекратить в данной местности свою преступную работу.

§ 5. Секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они и дают сведения) или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, так как только тогда сведения их будут ценны. Лица, не состоящие в революционных организациях и не соприкасающиеся с ними, особенно различные местные «старожилы», принадлежащие иногда к крайним правым партиям, зачастую не только не бывают полезны в деле политического розыска, но даже и вредны, так как заставляют неопытных и неосведомленных лиц, ведающих розыском, направлять таковой в ложную сторону и совершенно непроизводительно тратить силы и средства. Изложенное отнюдь не значит, что сведениями таких лиц надлежит пренебрегать, — не следует лишь на последних возлагать больших надежд и считать таких лиц «секретными сотрудниками», а сведения их «агентурными». В деле розыска нельзя пренебрегать никакими сведениями, но нужно научиться давать им надлежащую оценку и не считать их без проверки (дающего сведения лица и самых сведений) достоверными.

§ 6. Секретные сотрудники должны быть постоянными и получать определенное жалованье (помесячно), а не за отдельные сообщения, так как только при имении постоянной агентуры можно быть в курсе деятельности революционных организаций и только постоянная агентура может относиться с интересом к делу розыска.

В сотруднике, начавшем работу по материальным соображениям, надлежит по возможности создавать и поддерживать интерес к розыску как орудию борьбы с государственным и общественным врагом — революционным движением. Особенно ценны в этом отношении сотрудники, взявшие на себя эту роль по побуждениям отвлеченного характера.

При удачных ликвидациях, являющихся результатом сведений и разработки, постоянного сотрудника следует поощрить денежной наградой.

§ 7. Сведения приходящих, требующих платы за каждое отдельное указание на то или другое революционное предприятие (штучники), конечно, должны быть использованы в интересах дела, в особенности сведения о предполагаемых экспроприациях, совершаемых часто лицами, не имеющими никакого отношения к революционным организациям, но к таковым сведениям нужно относиться с большой осторожностью и тщательно проверять их всеми способами. Зачастую сведения эти бывают провокаторскими, а иногда просто «дутыми». При этом всегда надлежит стремиться использовать лицо, дающее отдельные сведения, в целях учреждения при его посредстве систематической агентуры.

§ 8. Состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокаторством», т.е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли. Хотя для сохранения своего положения в организациях им приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, но они должны на каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой, и уклоняться во всяком случае от участия в предприятиях, угрожающих серьезною опасностью. В то же время лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное преступление, т.е. предупредить его с сохранением интересов сотрудника. В каждом отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска принятие на себя сотрудником возлагаемого на него революционерами поручения или лучше под благовидным предлогом уклониться от его исполнения. При сем необходимо помнить, что все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности, почему не следует «срывать» дело розыска только ради обнаружения какой-либо подпольной типографии или мертволежащего на сохранении склада оружия, помня, что изъятие подобных предметов только тогда приобретает особо важное значение, если они послужат к изобличению более или

менее видных революционных деятелей и уничтожению организации.

§ 9. Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций и по возможности по несколько в одной и той же организации. Лицо, ведающее розыском, не должно упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение секретного сотрудника. Каждое лицо, подающее надежду, надлежит расположить к себе и использовать в целях агентуры, причем нужно помнить, что дело приобретения секретных сотрудников очень щекотливое и требует много терпения и осторожности. Малейшая неосторожность или форсировка часто вызывает решительный отпор.

§ 10. Секретные сотрудники приобретаются различными способами. Для приобретения их необходимо постоянное общение и собеседование лица, ведающего розыском, или опытных, подчиненных ему лиц с арестованными по политическим преступлениям. Ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т.п.), лицо, ведающее розыском, склоняет их путем убеждения на свою сторону и тем обращает их из революционеров в лиц, преданных правительству. Этот сорт сотрудников нужно признать наилучшим. Помимо бесед с лицами, уже привлеченными к дознаниям, удается приобретать сотрудников и из лиц, еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском, в случае получения посторонним путем сведений о возможности приобретения такого рода сотрудника.

Независимо от сего, при существовании у лица, ведающего агентурой, хороших отношений с офицерами корпуса жандармов и чинами судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, возможно получать от них для обращения в сотрудники обвиняемых, дающих чистосердечные показания, причем необходимо принять меры к тому, чтобы показания эти не оглашались. Если таковые даны словесно и не

могут иметь серьезного значения для дела, то желательно входить в соглашение с допрашивавшимся о незанесении таких показаний в протокол, дабы с большей безопасностью создать нового сотрудника.

§ 11. Кроме того, можно использовать тех лиц, которые, будучи убеждены в бесполезности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах, и хотя не изменяют коренным образом убеждений, но ради денег берутся просто продавать своих товарищей.

§ 12. Сотрудники, находящиеся в низах организации, могут быть путем постоянной совместной работы с лицом, ведающим розыском, а равно арестами более сильных работников, окружающих его, проведены выше.

§ 13. Вновь принятого сотрудника всегда следует незаметно для него основательно выверить наблюдением и постараться поставить под перекрестную агентуру.

§ 14. Лицо, ведающее политическим розыском, должно осмотрительно относиться к приезжим заявителям, разъезжающим по охранным отделениям и жандармским управлениям с единственной целью выманивать деньги. Такие лица (в большинстве случаев из провалившихся сотрудников), зачастую довольно развитые, развязные, будучи осведомлены о личном составе некоторых охранных отделений или управлений и знакомы с деятельностью некоторых революционеров, вводят в заблуждение даже опытных лиц, давая им заявления о готовящихся террористических актах и других выдающихся преступлениях, и тем заставляют вести розыск в ложном направлении. Личность каждого такого заявителя и его нравственные и служебные качества надлежит немедленно проверить путем сношения по телеграфу с начальником подлежащего управления или отделения, прежде чем предпринимать что-либо по его указанию.

§ 15. Самое прочное, хотя и не всегда перспективное, положение сотрудника есть то, когда он находится в организации в роли пособника и посредника в конспиративных делах, т.е. когда его деятельность ограничивается сферой участия в замыслах или приготовлениях к преступлению, что фактически неуловимо формальным

дознанием и следствием и дает возможность оставлять на свободе сотрудника и близких к нему.

§ 16. Секретные сотрудники ни в коем случае не могут посвящаться в сведения, даваемые другими сотрудниками. С особою осторожностью следует относиться вообще к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, а также деятельностью и личным составом розыскного учреждения. При сношениях с сотрудником нужно получать от него все необходимое и по возможности не разоблачать перед ним ничего. В противном случае лицо, ведущее агентуру, быстро окажется в руках сотрудника, из коих очень многие склонны вести двойную игру, а в случае разрыва отношений с ними розыскному делу и лицам, ведущим его, будет всегда угрожать крайняя опасность.

§ 17. Никто, кроме лица, заведывающего розыском, и лица, могущего его заменить, не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников.

Фамилию сотрудника знает только лицо, ведающее розыском, остальные же чины учреждения, ведающего розыском, имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке наружного наблюдения, если он вошел в сферу последнего.

§ 18. Секретные сотрудники ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собою «провал» обоих и даже убийство одного из них.

§ 19. Сведения, даваемые секретными сотрудниками, должны храниться с соблюдением особой осторожности и в строгой тайне.

§ 20. Сведения, полученные от секретных сотрудников, обязательно проверяются, если к тому представляется возможность, наружным наблюдением.

§ 21. Заведывающему агентурой рекомендуется ставить надежных сотрудников к себе в отношения, исключающие всякую официальность и сухость, имея в виду,

что роль сотрудника обыкновенно нравственно очень тяжела и что «свидания» часто бывают в жизни сотрудника единственными моментами, когда он может отвести душу и не чувствовать угрызений совести. Только при соблюдении этого условия можно рассчитывать иметь преданных людей.

§ 22. Никогда не следует заставлять сотрудника форсированно добывать сведения, так как это часто вызывает провалы. После ликвидации необходимо дать сотруднику возможность на время прекратить активные сношения с товарищами.

§ 23. Никогда не следует арестовывать всех окружающих сотрудника лиц, оставляя его одного на свободе, но надлежит оставлять около него несколько лиц, более близких и менее вредных, или дать ему возможность заранее уехать по делам партии, или в крайнем случае арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улик. О предстоящем аресте сотрудника всегда нужно войти с ним в соглашение. Арест сотрудника допустим лишь в случаях неустранимой необходимости.

§ 24. Производство обысков и арестов по агентурным сведениям нужно совершать с большой осторожностью и осмотрительностью, дабы не «провалить» секретного сотрудника, почему предварительно ликвидации надлежит тщательно предусмотреть все то, что может повлиять на целость агентуры, и отвести последнюю от возможности подозрения.

§ 25. В ликвидационных записках никогда не следует помещать конспиративных кличек сотрудников, а также указывать вообще на лицо, давшее сведения, а употреблять для этого выражение «по имеющимся негласным сведениям». Агентурные сведения, известные лишь одному секретному сотруднику или очень тесному кругу лиц, помещать в такие записки не надлежит вовсе.

Ликвидацию следует начинать с тех мест и лиц, где могут быть серьезные вещественные доказательства или «техника», так как таковое как поличное дает возможность привлекать по обвинению в участии в

революционном сообществе лиц, даже застигнутых без вещественных доказательств на их квартирах, и дает возможность прикрыть агентуру. Лучше всего удается прикрыть агентуру, если начинать ликвидацию с ареста установленной наблюдением сходки хотя бы некоторых из подлежащих ликвидации наиболее видных лиц, т.к. такой прием придает ликвидации вид случайности. Для взятия типографий или мастерских бомб хорошо начинать с задержания на улице, под благовидным предлогом, кого-либо из проживающих в намеченной квартире лиц, чем и объясняется последующий обыск квартиры.

§ 26. Вознаграждение сотрудника находится в прямой зависимости от ценности даваемых им сведений и положения, занимаемого им в организации.

§ 27. Секретные сотрудники, если они не живут на партийные средства, обязательно должны иметь какой-либо легальный заработок, так как неимение такового немедленно возбуждает в организации подозрение относительно источника средств к существованию. Устраиваться на службу сотруднику следует рекомендовать самому, без посредства лица, ведающего розыском, т.к. посредничество это, хотя бы и через промежуточных лиц, рано или поздно неминуемо ведет к провалу сотрудника. При наличности скудного легального заработка секретного сотрудника надлежит обращать самое серьезное внимание на то, чтобы он не давал повода заметить другим, что он живет выше своих средств. В особенности следует обращать внимание на несоответствие легальному заработку платья, обуви и т.п.

§ 28. Во время ареста жалованье сотруднику должно быть обязательно сохранено и по возможности даже увеличено. Провалившихся сотрудников следует стараться устраивать на месте (кроме службы в розыскных учреждениях) и первое время поддерживать их материально.

§ 29. Расставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем не ставить его в такое положение, чтобы он мог в дальнейшем эксплуатировать лицо, ведающее розыском, неприемлемыми требованиями.

§ 30. Свидания с секретными сотрудниками должны происходить на особых («конспиративных») квартирах. Невыяснившемуся секретному сотруднику не следует показывать «конспиративную» квартиру; лучше иметь для таковых особую квартиру или номер в гостинице или же назначать свидания с такими лицами в ресторанах и т.п. местах.

§ 31. Конспиративная квартира не должна помещаться в таких местах, где удобно установить за ней наблюдение (соседство трактира, сада, мелочной лавочки, стоянки извозчиков, трамвайного павильона, общественного заведения и т.п.). Она должна иметь обязательно два выхода, не находиться во дворе, быть по возможности ближе к канцелярии и в такой части города, где живет поменьше революционных деятелей.

§ 32. Конспиративных квартир для свиданий с сотрудниками нужно иметь по возможности больше и на одной и той же квартире назначать свидания в разные дни и часы сотрудникам разных партий, чтобы предупредить не только весьма вредные последствия, но и самую возможность встречи двух сотрудников.

§ 33. Чтобы предупредить возможность встречи двух сотрудников, из коих один пришел в назначенный час, а другой по какому-либо экстренному делу, квартира должна быть устроена так, чтобы сошедшихся всегда можно было изолировать друг от друга.

§ 34. Наилучшей конспиративной квартирой может служить квартира безусловно верного семейного лица, служившего в охранном отделении или в жандармском управлении на должности, по которой его мало знали в городе, живущего на покое, в отставке, без прислуги и не имеющего никакого другого отношения к розыскному учреждению.

§ 35. Обыкновенно же конспиративная квартира устраивается у лиц, служащих в отделении или управлении, пользующихся особым доверием, которые не занимают показных должностей (которых меньше знают) и которых никто из служащих, известных в городе и в особенности в форменном платье, не посещает.

§ 36. Следует принять за правило запирать на ключ комнату, в которой происходит свидание с секретным сотрудником или в которой он находится один. У зеркала или окна сотрудника никогда сажать не следует. Не следует также иметь в комнате, посещаемой сотрудником, никаких бумаг, записок и т.п. документов, относящихся к деятельности отделения или управления. Вообще в целях предупреждения различных неудач не следует пренебрегать никакими предосторожностями, до мелочных включительно.

§ 37. Самое ничтожное сведение о подозрении в провале конспиративной квартиры должно служить основанием к немедленной ее перемене.

§ 38. На каждого секретного сотрудника заводится особая тетрадь (книжка), куда заносятся все получаемые от него сведения. В конце тетради должен быть алфавит, в который заносятся все имена, упоминаемые сотрудником, со ссылкой на страницу тетради, на которой имеются о них сведения. В этот же алфавит заносятся и установки лиц со ссылками на первоначальное имя или революционную кличку.

§ 39. Со всех алфавитов пишутся листки, которые нанизываются на дугу (общий архив) или регистратор всех лиц, проходивших по внутреннему и наружному наблюдению. На каждое лицо может быть несколько листков по различным кличкам и установке, но со ссылкой на другие листки, например «Мортимер» (кличка в организации Самуила Рысса), Регистр. С. Р. т. 1. См. Николаев Иван Петров (нелегальный паспорт Рысса). — См. Рысс Самуил Янкелев — действительная фамилия Николаева («Мортимера»). См. «Самоня» — (имя Рысса в семейном кругу). См. «Берлинский» (кличка наблюдения Рысса) и т.п.

Таким образом, имея отдельный лист на каждую из кличек со ссылкой на остальные, всегда можно по каждому из них найти нужное лицо. На этих листках, кроме кличек и установок и ссылки на регистратор агентуры или № сотрудника, который дает сведения о данном лице, ничего не пишется.

§ 40. Все сведения об одном лице, поступающие от различных сотрудников, заносятся из книжек на особый лист, на котором сосредоточиваются решительно все агентурные сведения о данном лице. (Форма приложена к инструкции.)

Все листки со сведениями о членах одной и той же организации нанизываются на отдельный регистратор, на который и делается ссылка в листке, находящемся на дуге. (Напр., «Рег. С. Р. т. 2».)

§ 41. О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, следует незамедлительно сообщать в Департамент полиции, а также во все розыскные учреждения и жандармские управления.

ДОКЛАД ЗАВЕДУЮЩЕГО ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРОЙ А. А. КРАСИЛЬНИКОВА ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ Н. П. ЗУЕВУ от 11/24 июня 1910 года

Вследствие предписания от 5 января с.г. за № 104121, имею честь представить вашему превосходительству доклад о постановке в настоящее время заграничной агентурой наружного наблюдения и о причинах, вызвавших затруднение в осуществлении оного.

До августа месяца 1908 г. наружное наблюдение за границей за русскими эмигрантами и пришлым революционным элементом осуществлялось в Париже и других местностях Европы по возможности согласно преподанной Департаментом полиции инструкции о «ведении наружного наблюдения», препровожденной при циркуляре 1902 г. за № 6899 и применительно к указаниям, данным в периодических записках Департамента за № 83 и 86 — 1904 г.

Измена наблюдательного агента Заграничной агентуры Леруа в связи с предшествовавшими с революционерами сношениями сына наблюдательного агента Леблана, ознакомившего революционеров с практикою филеров, нанесла весьма существенный вред осуществлению Заграничной агентурой наружного наблюдения.

Вопреки данной подписке о сохранении в тайне служебных секретов, Леруа, при участии Савинкова, не замедлил войти в сношения с Бурцевым, которого и посвятил во все ему, Леруа, известное как о наблюдательном и личном составе агентуры, так и о способах осуществления ею наружного наблюдения.

Большинство агентов Заграничной агентуры, перешедших на службу из парижской полицейской префектуры, не было в лицо известно революционерам и могли поэтому с успехом вести за ними наблюдение. Леруа их всех поочередно показал Бурцеву и его сотрудникам, вследствие чего работа наблюдательных агентов из нормальной сделалась весьма трудной.

Осуществление неотступного и регулярного наблюдения в Париже вследствие большого движения и многочисленности разнообразных способов сообщений, а подземной железной дороги в особенности, представляется и вообще-то весьма нелегким, когда же Леруа открыл революционерам всю технику и приемы наблюдения, то вести таковое неотступно стало почти совершенно невозможно и часто приводило к открытым столкновениям с наблюдаемыми.

Стремясь научить революционеров лучше парализовать действия русской полиции, Леруа было составлено нечто вроде руководства для революционеров, в коем рекомендовались самые практические способы к избавлению от слежки. К этому указателю прилагался детальный список имеющихся в Париже пассажей, тупиков, частных дворов с выходами на разные улицы и перечень общественных зданий и учреждений со свободным входом и несколькими выходами на разные улицы.

Подробное ознакомление революционеров с практикующимися приемами наружного наблюдения незамедлило также отозваться на избрании ими местожительства в Париже. Они стали постепенно переселяться из кварталов с густо населенными улицами на мало застроенные окраины города, где применение наблюдения представляет большие затруднения. Большинство русских революционеров жило (Савинков, Бурцев, Бакай) и живет (Аргунов, Кузьмин, Чернов, Ракитников и др.) в условиях, не допускающих установки наблюдения близ их домов.

Леруа сообщил имена, приметы и адреса своих бывших сослуживцев по Заграничной агентуре и самые подробные сведения о прошлом и интимной их жизни, причем он даже передал и фотографии некоторых из них.

После разоблачений Леруа Бурцев поручил ему сформирование «революционной полиции», в состав коей вошли русские молодые выходцы-революционеры и несколько французских социалистов и анархистов.

Сорганизованная «революционная полиция» имела задачей фактически установить существование «русской политической полиции», выяснить лиц, с ней соприкасающихся, воспрепятствовать ее деятельности и удостоверить сношения ее с французской полицией.

Преследуя эти цели, Леруа и его помощниками было учреждено систематическое, неотступное наблюдение не только за зданием имперского посольства в Париже, где помещалась канцелярия Заграничной агентуры, но даже за частной квартирой г. Гишара, заведующего полицейской бригадой, специально ведающей наблюдением за анархистами, и заподозренного революционерами в сношениях с русской полицией.

В силу этих осложнений, делавших почти невозможным как наружное наблюдение по месту жительства, так и при передвижениях наблюдаемых по городу, и в виду того, что наблюдение на Северном вокзале не достигало цели, ибо отъезжающие в Россию могли свободно пользоваться окружной дорогой для пересадки за город на соответствующие поезда, то Заграничной агентурой был организован надзор на пограничной с Францией бельгийской станции Эркелин, где наблюдательные агенты обходили вместе с таможенными чинами прибывающие из Франции поезда.

Однако после присылки в Париж партии петербургских и московских филеров и этот способ наблюдения стал известен революционерам благодаря измене Луриха и Баркова.

В результате всего изложенного создались те крайне трудные условия, в которых приходится ныне агентуре осуществлять наружное наблюдение, причем, кроме того, оно вообще затрудняется еще и тем обстоятельством, что в Париже, как и всюду за границей, русские эмигранты и революционеры именуются в партии только кличками, а проживают под чужими именами, которые обыкновенно агентуре неизвестны, тогда как по месту жительства, конечно, не знают их партийных кличек, в результате чего, если не имеется налицо достаточно характерных примет, постоянно возможны ошибки в личностях наблюдаемых.

Способы осуществления наблюдения практикуются в настоящее время следующие:

1. Наем в гостиницах и частных квартирах комнат, расположенных против или около жилых помещений, занимаемых революционерами, или подъездов домов, ими обитаемых.

2. В отдельных случаях, требующих особо тщательного наблюдения, филеры агентуры прибегают к найму закрытых извозчиков и автомобилей, благодаря чему имеют возможность проследить входы и выходы из данного дома.

3. Когда тому представляется возможность, наблюдательные агенты входят в сношения с привратником домов, в коих живут наблюдаемые, и за плату получают от них нужные сведения о жильцах; способ этот часто устраняет надобность в постоянном, безотлучном нахождении агента на улице у дома наблюдаемого.

4. При получении агентурных сведений о предстоящем отъезде кого-либо из наблюдаемых филеры сконцентрировываются таким способом в местности их жительства, чтобы отъезжающий, направляясь на один из вокзалов, не мог миновать контроля наблюдения.

5. При благоприятных условиях применяется тщательная, но крайне осторожная проследка наблюдаемого по городу и филирование его при отъезде и в пути.

6. В исключительных случаях Заграничная агентура обращается к содействию полицейской префектуры, которая и предоставляет в ее распоряжение нужное число агентов.

7. Ввиду трудности осуществления наблюдения в Париже за отъезжающими я намерен, если окажется возможным, возобновить практиковавшийся ранее контроль на пограничных станциях, из коих важнейшей является бельгийская Эркелин, и для сношения по этому поводу с властями поименованной станции я только ожидаю разрешения моего ходатайства о скорейшем награждении начальника этой станции Эрнеста Прео, который был представлен к пожалованию орденом св. Станислава 3-й ст. еще в январе 1909 г. (письмо от 28 января, 10 февраля 1909 г. за № 81).

Озабочиваясь более нормальной и успешной постановкой деятельности наружного наблюдения и в то же время убедившись по примерам инцидентов с Озанном и Демайлем в опасности давать каждому из числящихся на службе в агентуре филеров фактические данные считать себя на службе у русского правительства, а следовательно, и возможность в случае чего шантажировать агентуру, я совершенно изменил существовавшие до сих пор порядки: в здании посольства была нечто вроде сборной филеров, которые являлись туда ежедневно и группами просиживали в очень тесном помещении, отведенном Заграничной агентуре. Туда же на различные имена адресовывались все рапорты по наблюдению.

Такое хождение агентов не могло не быть заметным даже для публики, посещающей консульство, и весьма понятно, что оно возбуждало неудовольствие посольства, положение которого в данном случае нельзя не признать действительно деликатным.

Вместе с тем, свободно являясь ежедневно в посольство, адресуя туда свои доклады, у агентов не только складывалось понятие, но и имелись все доказательства, что они служат непосредственно посольству и чуть ли не входят в состав оного, причем при малости помещения заграничной агентуры они прекрасно могли видеть и слышать все, что там делалось.

Признавая такой порядок, безусловно, вредным, а нежелательную для имперского посольства видимость существования в его здании заграничной агентуры совершенно для существа дела не нужной, я не только не допускаю более филеров с докладами в здание посольства, но и строго запрещаю им туда являться, а всю свою корреспонденцию агенты направляют теперь не на официальный адрес агентуры, а конспиративный. Точно так же и вся секретная корреспонденция теперь получается по особым конспиративным адресам вне посольства. Заведующий наблюдением ежедневно знакомится и докладывает мне содержание донесений наблюдательных агентов, а затем при личных свиданиях с ними в условленных местах, вне помещения агентуры, получает от них лично дополнительные сведения, дает им все нужные инструкции и передает им мои приказания.

Руководствуясь вышеизложенными соображениями, я задаюсь целью все дело мало-помалу обставить таким образом, чтобы впоследствии филеры совершенно не могли считать себя на службе у имперского посольства или русского правительства, а только на службе у частного лица, занимающегося розыском, или, так сказать, частной полицией, каковых предприятий в Париже имеется не мало, и как на пример можно указать на частную полицию бывшего начальника французской тайной полиции Горона, а также, что сама полицейская префектура поручает иногда одному известному мне частному розыскному бюро, пользующемуся ее доверием, те расследования и наблюдения, которыми префектуре почему-либо заняться неудобно.

В данном случае таким якобы предпринимателем должен явиться заведующий личным составом наружного наблюдения, который будет ведать филерами от своего имени в качестве частного лица, что нисколько, конечно, не изменит хода самой службы наблюдения, ибо оно по существу своему будет по-прежнему руководиться и направляться заведывающим заграничной агентурой, но только в качестве постороннего лица, пользующегося услугами розыскного бюро, хозяином-предпринимателем которой будет являться заведующий наружным наблюдением.

Само собою разумеется, что филеры по роду поручаемого им наблюдения будут понимать и знать, для кого именно они работают, но, даже зная, что они работают для русского правительства, они, однако, не будут иметь ни права считать, ни основания и возможности доказывать, что они состоят у русского правительства или его посольства непосредственно на службе.

Даже при нападениях в парламенте на русскую политическую полицию не отрицалось право русского правительства осведомляться о происходящем среди русских эмигрантов и революционеров, и главная атака велась только против существования во Франции собственной у русского правительства политической полиции. При предполагаемой же мною постановке дела подобное обвинение сделается беспочвенным и, следовательно, исчезнет основание для каких-либо по этому предмету со стороны агентов угроз и вымогательств.

Намечаемая реорганизация наружного наблюдения, конечно, может быть осуществлена лишь постепенно, по мере обновления личного состава, в пополнении какового уже ощущается надобность, но ввиду необходимости подыскать людей, вполне отвечающих действительным требованиям службы, заслуживающих достаточного доверия, я до сих пор еще не имел возможности пополнить число наблюдательных агентов, и мною принимаются все меры к тому, чтобы для этой цели найти людей опытных и на которых можно было бы в достаточной мере положиться.

ДОКЛАД ЗАВЕДУЮЩЕГО ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРОЙ А. А. КРАСИЛЬНИКОВА ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ С. П. БЕЛЕЦКОМУ 1911 год

Агенты наружного наблюдения, отлично осведомленные о том положении, в которое поставлена агентура, далеко не являются людьми, верными своему долгу, способными сохранить служебную тайну; наоборот, большинство из них, за малым исключением, к числу которых следует отнести главным образом англичан, готовы эксплуатировать в личных интересах не только все то, что им могло сделаться известно, но и самый факт нахождения их на службе у русского правительства.

Или, как они выражаются, для придачи этому более компрометирующего значения — на службе у русского посольства.

В результате получается совершенно ненормальное положение: агенты наружного наблюдения находятся на службе Департамента полиции, хорошо Департаментом оплачиваются, а между тем, в силу существующих условий, приходится с ними считаться, постоянно имея в виду, что каждый из них не только может, но и вполне способен при первом случае поднять шум, вызвать инцидент, который поставит Заграничную агентуру в затруднительное положение.

Пока агент исполняет свои обязанности добросовестно, все идет хорошо, но когда он от этого уклоняется и приходится с него взыскивать, в особенности же

в случаях увольнения, тогда «волк показывает зубы» и начинается всякого рода шантаж или прямая измена.

Принимая во внимание, что агентов много и всякое попустительство по отношению к одному служит отвратительным примером для других, то безусловная дисциплина необходима в столь важном и ответственном деле. Заведующему Заграничной агентурой необходимо строго преследовать всякое от нее уклонение, но, с другой стороны, ему постоянно приходится считаться с риском вызвать неприятную историю в случае неповиновения или мести провинившегося агента, являющегося, как и все его товарищи, носителем служебных тайн и личным участником нелегальной деятельности заграничной агентуры. Когда же такие инциденты начинаются, то положение становится тем тяжелее и неприятнее, что приходится идти на компромиссы, вместо того чтобы ответить виновному по достоинству.

При вступлении моем в заведывание Заграничной агентурой мне пришлось вести переговоры с бывшим агентом Озанном, угрожавшим разоблачениями и требовавшим уплаты ему 5000 франков. После многих перипетий и при содействии некоторых чинов префектуры удалось привести Озанна к согласию удовольствоваться 3500 фр., которые и были Департаментом ему уплачены. После этого начались требования бывшего агента Демайля, тоже угрожавшего разоблачениями. Департаментом было уплачено ему 750 фр.

Чтобы насколько возможно обезопасить себя от повторения подобных инцидентов, мною, с разрешения Департамента, при увольнении агентов выдавалась им индемнизация (возмещение ущерба, компенсация. — *Ред.*) в размере трехмесячного оклада жалованья, но, однако, и это вознаграждение не мешало некоторым агентам в той или другой степени стараться вредить делу, которому они прежде служили.

Лучшим примером, яркой иллюстрацией всего того, что я имею честь докладывать выше, является дело с Леоне, который, будучи уволен за самое недобросовестное исполнение служебных обязанностей и всякие неблаговидные поступки, тем не менее все же получил вознаграждение в 750 фр., выдав расписку в полном удовлетворении. Этот же Леоне через год заявляет о

своем желании быть вновь принятым на службу; сначала просит, затем требует, наконец угрожает и, в конце концов, идет к Бурцеву, который при помощи его поднимает против Заграничной агентуры целый поход. При этом оказалось, что Леоне за все время своей службы тщательно отмечал себе все, что могло представлять интерес, сохранил некоторые письма, другие сфотографировал, утаил доверенные ему фотографии, одним словом, все время систематически готовился к будущей измене.

Когда же момент этой измены наступил, то этот итальянец, ни разу не ступавший на французскую территорию, никогда меня не видавший и не получавший от меня ни слова, заявляет всюду и везде, что он состоит на службе у русского посольства в Париже и что я был его начальником, и это несмотря на то, что взятая с него, при выдаче ему 750 фр. вознаграждения, подписка, собственноручно им написанная на французском и итальянском языках, гласит, что он «состоит на службе в справочном бюро Биттер-Монена, от которого и получил полное удовлетворение». Ясно, что наименование себя агентом русского посольства в Париже было для Леоне необходимо, чтобы придать важность своим разоблачениям, ибо кому, кроме Бурцева, могла бы быть интересна деятельность частного справочного или даже розыскного бюро, тогда как обвинение русского посольства в розыскной деятельности, в содержании агентов для наблюдения за эмигрантами являлось делом громким, имеющим уже политическое значение, а потому могущим найти поддержку и среди французских социалистов как повод к выступлению против правительства. Необходимо при этом отметить и тот факт, что Леоне встретил поддержку и содействие со стороны бывших агентов заграничной агентуры, которых он разыскал в Париже.

Несмотря на то что эти бывшие агенты, получившие при увольнении особое вознаграждение по 750 фр., отлично знали выступление Леоне, один из них — Геннекен — помогал ему деньгами, без которых он бы не прожил в Париже, другой — Робайль, — кроме денежной помощи, еще сообщил ему все неизвестные Леоне, а известные ему, Робайлю, имена и адреса агентов наблюдения; эти адреса Леоне тотчас же сообщил Бурцеву.

После Леоне другой агент, уволенный за надувательство, за посылаемые им ложные донесения, тогда как он находился у своей жены — далеко от места наблюдения — Жоливе, — тоже обратился к Бурцеву и предложил ему продать какие-то документы и сделать разоблачения, и дело не состоялось только потому, что у Бурцева не было денег. А между тем Жоливе, бывший агент парижской полицейской префектуры, был мне отлично рекомендован: при расчете с ним, несмотря на изобличение его в обмане, ему, кроме полного расчета, выдано было еще вознаграждение в размере месячного оклада содержания.

К сожалению, должен доложить, что все эти примеры не есть исключение и что повторения подобных инцидентов можно ожидать постоянно по тому или другому поводу; более того, мне отлично известно, что многие агенты тщательно записывают все то, что делают сами, и то, что поручается их товарищам, службою коих они постоянно интересуются. Цель такого интереса и этих записей понятна сама собою — создать себе материал для использования в будущем.

Принимая во внимание все изложенное, нельзя не прийти к заключению, что является необходимым такому положению вещей положить конец, а это достигнется только тогда, когда наблюдение будет осуществляться вполне легально.

Когда в 1901 году во Франции был издан закон, воспрещающий заниматься воспитанием юношества монашеским орденам, то последние тотчас же преобразовали свои учебные заведения, после чего продолжали по-прежнему свое преподавание, но только под личиной школ, содержимых частными лицами или обществами.

Нечто подобное было бы необходимо предпринять для дальнейшего осуществления во Франции наружного наблюдения, создав для этого легально функционирующий орган, который бы не подлежал шантажу, основанному лишь на том, что наблюдение это ведется нелегально.

В донесении от 11/24 июня 1910 г. я уже имел честь докладывать о необходимости поставить дело наружного наблюдения таким образом, чтобы филеры не могли

считать себя на службе у русского имперского посольства, и что мною принимаются к тому все меры.

Прекратив допуск агентов в здание посольства, запретив посылку по его адресу донесений наблюдения и вообще всякой конспиративной корреспонденции и объявив, наконец, всем филерам путем предъявления им письменного разъяснения, что имперское посольство как дипломатическое учреждение полицейским делом и розыском не занимается и никаких агентов не содержит, я вместе с тем старался все обставить таким образом, как будто агенты находятся на службе у Биттер-Монена, частного лица.

Однако, несмотря на то, что вся «видимость» была за эту версию, все же агенты наблюдения при каждом нужном для них случае заявляли, что они находятся на службе в русском посольстве.

Инцидент с Леоне показывает, что одна «видимость» совершенно недостаточна и что необходимо по самому существу дела все поставить таким образом, чтобы подобного рода заявления противоречили самой очевидности, которую в случае надобности можно было бы установить документально.

Эта же цель может быть достигнута только совершенной ликвидацией всего состава наружного наблюдения во Франции и Италии, которому было бы объявлено, что ввиду инцидентов последнего времени и повторяющихся случаев измен Заграничная агентура прекращает окончательно свое существование, что никого не удивит, ибо филеры сами понимают, что дальше такое положение продолжаться не может.

Эта ликвидация с соблюдением всех формальностей — выдачею увольняемым агентам их документов, получением от них расписок в полном удовлетворении и т.п. — составила бы первый пункт той программы, которую необходимо было бы ныне выполнить, чтобы достичь указанной выше цели.

Второй же пункт состоял бы после этого в организации, с соблюдением всех требований французского закона, частного розыскного бюро, которое, как многие другие подобные предприятия, уже существующие в Париже и во Франции вообще, могло бы заниматься розыскной деятельностью и наблюдениями вполне легально.

Бывший начальник парижской сыскной полиции Горон, выйдя в отставку, открыл розыскное бюро, существующее до сих пор, и зарабатывает большие деньги. Заведывавший когда-то наблюдением при Заграничной агентуре Альфред Девернин тоже занимается ныне частным розыском, и никто не будет удивлен, если теперь, после окончательной ликвидации, старший агент Бинт объявит другим филерам, что, чувствуя себя еще в силах работать и сделав за 32 года своей службы кой-какие сбережения, он намерен тоже открыть розыскное бюро по примеру Горона, Девернина и других.

При этом Бинт предложит некоторым из агентов и только лучшим из них пойти к нему на службу, выработает с ними условия и заключит с каждым из них договор найма, который будет зарегистрирован согласно закону.

Выполнив затем все требующиеся законом формальности, Бинт устроится в нанятом для его бюро помещении, начнет свою частную деятельность, делая, по примеру других частных полицейских бюро, соответствующие рекламные объявления в некоторых газетах с указанием адреса бюро, телефона и т.д. приблизительно такого содержания: «Генрих Бинт, бывший инспектор сыскной полиции. Дознание, розыск, частные наблюдения».

Если на такое объявление кто-нибудь отзовется, то Бинт не будет отказываться первое время от исполнения предложенных ему посторонних дел, так как возможно, что некоторые обращения частных лиц в его бюро будут делаться с целью проверки, действительно ли он занимается общим розыском в коммерческих интересах.

Главная же и, в сущности, исключительная деятельность розыскного бюро Бинта будет состоять в осуществлении тех наблюдений, которые будут мною ему указываться.

Характер этих наблюдений не удивит агентов потому, что Бинт уже при соглашении с ними объяснит, что, открывая свое бюро, он рассчитывает исполнять поручения Департамента полиции, что во внимание к его 32-летней службе и заслуженному им доверию Департамент предпочтительно будет обращаться к нему, чем к кому бы то ни было другому.

Если же впоследствии даже было бы установлено, что бюро Бинта главным образом наблюдает за русскими эмигрантами, то никто не сможет ему в этом воспрепятствовать, равно как и доказать, что наблюдение это ведется по поручению Департамента полиции, так как никаких следов сношений с Департаментом в делах бюро не будет.

В случае же каких-либо агрессивных действий со стороны контрреволюционной полиции, перед которой ныне приказано отступать агентам заграничной агентуры из боязни инцидента, могущих вызвать нежелательное осложнение, то агенты розыскного бюро Бинта этой боязни иметь уже не будут и смогут дать насильникам отпор, открыто заявляя о своей службе у частного лица и сами обвиняя их в самоуправстве. Конечно, допустимо, что впоследствии и среди агентов Бинта тоже могут оказаться изменники, но измена их не будет иметь того значения и, при невозможности воспользоваться для создания политического инцидента, не представит ни для кого интереса, кроме как разве для...*

На что главным образом следует в данном случае обратить внимание, это на то неприятное положение, которое создает французскому правительству каждый инцидент, указывающий на существование во Франции русской политической полиции. При повторении таких инцидентов французское правительство может, в конце концов, действительно оказаться вынужденным заявить о желательности прекращения во Франции деятельности полиции, находящейся на службе у русского посольства.

Когда произошел инцидент Леоне и Фантана и я был вызван утром по телефону в Министерство внутренних дел, новый директор «Сюрете Женераль» г-н Пюжале, расспрашивая меня о подробностях происшедшего, просил сказать, что ему доложить министру, который требует по этому делу экстренный доклад, имея в виду возможность интерпелляции (особый вид запроса депутатов парламента правительству или отдельному министру, ответ на который может быть подвергнут обсуждению в парламенте. — *Ред.*) социалистов палаты. Передав

---

* Так в подлиннике.

суть дела, я предъявил г-ну Пюжале выданную Леоне при увольнении от службы собственноручную расписку, в коей он признавал, что состоял на службе агентом у частного предпринимателя Биттер-Монена, и при этом я сказал г-ну Пюжале, что расписка эта опровергает заявление Леоне, что он состоял агентом русского посольства в Париже. Правительство в случае интерпелляции может утверждать, что все дело сводится к личной ссоре двух агентов частного розыскного бюро. Директору «Сюрете Женераль» очень понравилась эта мысль, и он сказал, что именно в этом смысле сделает доклад министру. В дальнейшем разговоре по этому поводу директор «Сюрете Женераль» высказал, что вообще раз вопрос касается деятельности частного розыскного бюро, то правительству никаких объяснений давать не приходится и достаточно ему об этом заявить, чтобы инцидент оказался исчерпанным. С другой стороны, когда появился в газете «Matin» разговор редактора этой газеты с агентом Фонтана, заявившим, что он состоит на службе у частного лица г. Биттер-Монена и к русскому посольству никакого отношения не имеет, то заявление это вызвало неудовольствие Бурцева и депутатов Жореса и Дюма, усмотревших в нем «ловкий полицейский маневр», могущий помешать им использовать инцидент Леоне—Фантана как доказательство существования во Франции русской полиции.

Раз же розыскное бюро будет учреждено с выполнением всех формальностей и требований закона и все будет удостоверяться зарегистрированными актами, то, если социалисты и утверждали бы, что все это есть «только маневр» и бюро Бинта субсидируется, даже содержится русским Департаментом полиции, утверждения эти останутся чисто голословными, тогда как французское правительство сможет ответить на них доказательно, заявляя, что не имеет возможности воспрепятствовать действию правильно организованного частного предприятия, как и права доискиваться, кто именно является его клиентами.

В качестве директора-владельца розыскного бюро я полагал бы более подходящим избрать Генриха Бинта, вместо нынешнего заведующего наружным наблюдением Биттер-Монена, имя которого приобрело за послед-

нее время слишком большую известность вследствие упорной против него кампании Бурцева. 32-летняя служба Бинта в Заграничной агентуре с самого начала ее организации дает основание отнестись с доверием как к личной его честности и порядочности, так и к его розыскному опыту, созданному многолетней практикой не только во Франции, но и в других государствах Европы: Германии, Италии и Австрии. Кроме того, по натуре своей, несколько тщеславной, Бинт наиболее подходит к предстоящей ему роли.

Имея в виду в будущем всякие случайности, я полагал бы необходимым приобщить к Бинту помощника, который являлся бы в общем их предприятии равноправным с ним компаньоном, причем между ними заключен бы был формальный компанейский договор, устанавливающий, что, учреждая совместно розыскное бюро, в случае смерти одного из них весь актив их общего предприятия, как-то: обстановка бюро и деньги, могущие оказаться в кассе налицо, переходят в собственность другого. Контракт о найме квартиры под бюро должен быть заключен на имя обоих компаньонов.

В качестве компаньона Бинта я полагал бы избрать старшего, последнего по времени службы Альберта Самбена, на порядочность, скромность и честность которого тоже вполне можно положиться. Самбен, как и Бинт, был бы посвящен во всю суть дела и находился бы в сношениях со мною, тогда как все остальные служащие бюро не должны знать об этих сношениях. Один из компаньонов обязательно должен жить в помещении бюро.

Из числа 38 филеров, французов и итальянцев, состоящих ныне на службе, я полагал бы удержать в качестве агентов частного розыскного бюро одиннадцать французов и одного итальянца, так что общий состав бюро, вместе с Бинтом и Самбеном, будет равняться 14 человекам. Такое сокращение состава наблюдения, хотя бы на первое время, является необходимым главным образом для того, чтобы отбросить весь мало-мальски ненадежный элемент, а также чтобы придать более вероятности факту учреждения розыскного бюро частным человеком, который, конечно, не мог бы сразу брать себе значительное число служащих. По мере надобности

и нахождения соответственных людей состав этот может быть впоследствии увеличен.

Кроме того, я имею в виду использовать еще и нижеследующее обстоятельство:

В настоящее время, вследствие реорганизации парижской полицейской префектуры новым префектом полиции, многие из членов префектуры, выслужившие уже право на пенсию и недовольные новыми порядками, выходят теперь в отставку. Большинство из них, не намереваясь поступать на постоянную частную службу, не прочь тем не менее при случае увеличивать свои средства дополнительными заработками, и я имею в виду, что, по мере надобности, розыскное бюро будет использовывать их для ведения временных наблюдений или исполнения других поручений.

Список агентов, намеченных в состав розыскного бюро, с указанием получаемого ими в настоящее время содержания:

Бинт Генрих — директор бюро (800 фр.),
Самбен Альберт — помощник директора (400 фр.).
В качестве агентов французы:
Дюрен Генрих — 300 фр.,
Фонтэн (Гамар) Поль — 300 фр.,
Казаюс Жорж — 250 фр.,
Рим (он же Муссонэ) Жорж — 250 фр.,
Делангль Шарль — 250 фр.,
Готтлиб Жорж — 250 фр.,
Фежер Луи — 250 фр.,
Лоран Бернар — 250 фр.,
Пушо Август — 250 фр.,
Ружо Франсуа — 250 фр.,
Друша Берта — 200 фр.,
Инвернизи Евгений, итальянец — 200 фр.;
всего 4300 фр.

Список агентов, предположенных к увольнению, с указанием получаемого ими ныне содержания:

французы:
Фохт Морис — 300 фр.,
Бартес — 250 фр.,
Бониоль — 250 фр.,

Бертольд — 250 фр.,
Шарле — 250 фр.,
Дюссосуа — 250 фр.,
Годар — 250 фр.,
Фантана — 250 фр.,
Генри — 250 фр.,
Левек — 250 фр.,
Рио — 250 фр.,
Совар — 250 фр.,
г-жа Ришар — 250 фр.,
г-жа Тиерселен — 200 фр.;
итальянцы:
Фрументо — 250 фр.,
Розерои — 250 фр.,
Отт-Гиец — 150 фр.,
Туннингер, австриец — 265 фр.;
всего 4365 фр.

Помещение для бюро в четыре комнаты я полагал бы необходимым нанять в одном из людных центров Парижа и в таком доме, где другие конторы или коммерческие предприятия посещаются посторонней публикой. Думаю, что подходящее помещение может быть найдено за цену 3000—2500 фр. в год. При расчете с агентами с каждого из них будет взята подписка в том, что, состоя на службе у г. Биттер-Монена, содержателя частного розыскного бюро, ныне ликвидировавшего свое дело, он от него весь расчет и полное удовлетворение получил. Ничего нет невозможного в том, что некоторые из уволенных агентов по получении всего, что им следует, обратятся потом к Бурцеву, но это будут те, которые рано или поздно все равно нашли бы к нему дорогу, а в данном случае сообщения их, в общем мало интересные, будут относиться уже к «прошлому», так как волей-неволей им придется сообщить о происшедшей окончательной ликвидации.

Ввиду необходимости как при ликвидации прежнего состава наблюдения, так и при учреждении и организации частного розыскного бюро соблюсти все требования закона и соответственно редактировать расписки и указанные выше разного рода акты придется поручить всю эту сторону дела юристу, и я полагал бы пригласить для

этой цели адвоката Жеро Каройона, уже выступавшего по делам Заграничной агентуры.

Организация наблюдения на новых началах столь же необходима в Италии, как и во Франции, инцидент с Леоне служит тому лучшим доказательством, но определенный доклад по этому предмету я буду иметь возможность представить только после поездки моей в Рим, где вопрос этот придется предварительно обсудить с местными властями.

Наблюдение в Англии функционирует правильно, без всяких инцидентов и осложнений, и я полагал бы никаких изменений в организацию оного не вводить.

Заведующий наблюдением Поуелль ведет дело умело, агенты-англичане по природе своей отличаются порядочностью и заслуживают доверия.

Что же касается Германии, то там, а именно в Берлине, имеются только двое старослужащих агентов: Нейхауз и Вольтц, хорошо известные и местным властям как состоящие на службе в русской полиции, и так как их только двое, то не представляется надобности вносить какие-либо изменения в их служебное положение.

СПРАВКА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРЫ

(Составлена Департаментом полиции Министерства внутренних дел 16 февраля 1916 года)

После обнаружения в 1909 г. во Франции деятельности заведывающего Заграничной агентурой Гартинга и заявления во французском парламенте председателя Совета министров Клемансо об отсутствии во Франции иностранной полиции возник вопрос о возможности дальнейшего существования за границей секретного заграничного бюро.

Вследствие сего было решено после необходимых перемен в личном составе служащих в секретном бюро деятельность последнего не прерывать. Но подобное неофициальное положение нашего розыскного бюро за границей в связи со случаями разоблачения его деятельности со стороны агентов наружного наблюдения при крайней чувствительности французской полиции ко всяким инцидентам, могущим поднять вопрос о продолжении деятельности означенного бюро во Франции, создало не только чрезвычайно трудное положение для осуществления возложенной на бюро розыскной деятельности, но могло вынудить французское правительство к заявлению о желательности прекращения во Франции всякой деятельности русской полиции.

Для выхода из этого положения и в целях сохранения для нас возможности вести за границей политический розыск признано необходимым преобразовать постановку русского заграничного розыскного бюро на

таких началах, когда при возникновении вопроса о деятельности нашей политической полиции французскому правительству не придется давать объяснений по вопросу о воспрепятствовании действию организованного и субсидируемого Департаментом предприятия.

В этих целях Департаментом полиции в конце 1913 г. русское заграничное бюро по политическому розыску было преобразовано на следующих основаниях:

1. В Париже организовано на средства Департамента с соблюдением всех требований французского закона частное розыскное бюро «Бинт и Самбен», которое, подобно другим существующим частным предприятиям, занимается розыскной деятельностью вполне легально.

2. Деятельность этого частного бюро подчиняется статскому советнику Красильникову, являющемуся в действительности заведующим всем секретным политическим розыском за границей, организованным Министерством внутренних дел.

3. В качестве директора-владельца частного розыскного бюро назначен Генрих Бинт, а в качестве его помощника — Альберт Самбен, бывшие агенты наружного наблюдения.

4. В личный состав служащих частного розыскного бюро, за увеличением всего прежнего состава наружного наблюдения, включено 18 из уволенных агентов, считая в том числе Бинта и Самбена.

5. Из личного состава служащих в частном бюро в сношениях со статским советником Красильниковым находятся только Бинт и Самбен, остальные служащие не должны знать о существовании этих сношений.

6. Заведующий Заграничной агентурой именуется в переписке: «Командированным Министерством внутренних дел за границу для сношения с местными властями и российскими посольствами и консульствами», причем положение его в Париже легализировано как представителя от Министерства внутренних дел.

7. В непосредственном распоряжении заведующего Заграничной агентурой находятся агенты для охраны пребывающих за границей высокопоставленных лиц.

8. Сношения с секретной агентурой и руководством последней производятся при посредстве командированных в распоряжение заведующего заграничной агентурой лиц.

9. Для исполнения разного рода отдельных поручений по сношениям с чинами французской полиции по текущим делам назначен бывший заведующий наружным наблюдением Биттер-Монен.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

Заведующий Заграничной агентурой чиновник особых поручений при Министре внутренних дел статский советник Александр Александрович Красильников.

Командированные в его распоряжение:

а) отдельного корпуса жандармов ротмистр Люстих,

б) отдельного корпуса жандармов ротмистр Лиховский,

в) губернский секретарь Литвин.

ЧИНЫ КАНЦЕЛЯРИИ

1. Титулярный советник Мельников.
2. Губернский секретарь Бобров.
3. Губернский секретарь Волховский.
4. Г. Чашников.

СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА

1. «Шарни».
2. «Американец».
3. «Матиссе».
4. «Ратмир».
5. «Космополит».
6. «Серж».
7. «Дасс».
8. «Пьер».
9. «Скосс».
10. «Гретхен».
11. «Поль».
12. «Мартен».
13. «Лебук».
14. «Шарпантье».
15. «Россини».
16. «Женераль».
17. «Луи».
18. «Гишон».

19. «Вебер».
20. «Ниэль».
21. «Ней».
22. «Сименс».
23. «Франсуа».
24. «Орлик».
25. «Шарль».

НАРУЖНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Во Франции осуществляется частным розыскным бюро «Бинт и Самбен».

A. В Лондоне — 4 агента.

B. В Италии — 5 агентов.

АГЕНТЫ ОХРАННОЙ КОМАНДЫ

4 агента.

СОДЕРЖАНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРЫ

Сметный годовой отпуск — 687 613 фр. (258 642 руб.).
Израсходовано в 1914 г. 595 651 фр.

ДОНЕСЕНИЕ СЕКРЕТНОГО СОТРУДНИКА А. ЛИТВИНА ЗАВЕДУЮЩЕМУ ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРОЙ А. А. КРАСИЛЬНИКОВУ от 1 июня 1915 года

Доношу, что 11—12 мая текущего года лично я и секретный сотрудник «Шарль» явились в германское посольство в Берне, где были приняты военным атташе посольства полковником фон Бисмарком с целью переговоров по известному делу.

Последнему мы заметили, что в ноябре месяце прошлого года были командированы в Россию и были связаны по делу с константинопольским послом, с майором Ляфертом, полковником Шеллендорфом и Люднером. Возложенное на нас поручение мы выполнили, по независящим от нас обстоятельствам, лишь в ночь на 1(14) апреля месяца текущего года, но что независимо от сего дела мы завязали сношения с Охтенским заводом, в котором нам удалось произвести известный взрыв, происшедший 6(19) апреля с. г.

За все время нашего отсутствия мы вышеупомянутым лицам посылали с разных мест нахождения нашего в России письма и телеграммы по данным нам адресам, но не знаем, были ли получены наши письма и телеграммы.

Вслед за совершением взрыва моста нами было послано в Бухарест специальное лицо, которое нами было лично уполномочено подробно переговорить с полковником Шеллендорфом и Люднером в Бухаресте, но лицо это провалилось и задержано на границе. Вследствие этого случая, из боязни личного задержания, мы пробрались в Финляндию, откуда через Англию и

Францию добрались до Швейцарии как пункта, более удобного для дальнейших переговоров.

В подтверждение всего вышеизложенного мы представили французские газеты с описанием взрыва моста в России, имеющего стратегическое значение, и вырезки из газет об охтенском взрыве. Мы объяснили, что, вероятно, по цензурным условиям о взрыве моста сообщено в русских газетах не было, так как это произошло далеко от центра России, а сообщение о взрыве мастерской завода объяснили тем, что это произошло в столице, так сказать, на виду у всех, и что поэтому скрывать это происшествие было невозможно, и что для оправдания этого факта нужно было издать правительственное сообщение, которое указало в происшествии как причину несчастный случай.

Во время рассказа немецкому полковнику фон Бисмарку о взрыве мастерской в Охтенском заводе я заметил его удивление и тонкую ироническую улыбку, не сходившую с его лица за все время нашего повествования об этой мастерской. Для меня стало ясным, что об этом происшествии у него имеется какое-нибудь совершенно определенное понятие и что нашим словам он не верит.

Психологические мои догадки подтвердило дальнейшее поведение Бисмарка, который, не интересуясь вовсе взрывом мастерской, быстро перешел к расспросам о мосте. Показывались газеты с заметками о взрыве; говорилось, что со всех мест России посылались телеграммы по данным нам адресам; указывалось на массу препятствий, какие пришлось преодолеть, пока удалось совершить взрыв моста; упоминалось, что в первоначальной организации этого дела произошел провал взрывчатых веществ, которые были захвачены полицией, вследствие чего само совершение взрыва моста пришлось оттянуть до более удобного момента, которым и воспользовались 1(14) апреля с. г., и т.д.

После этих объяснений, по-видимому, создалось более или менее благоприятное впечатление, вернее, не чисто деловое, официальное, так как он сказал, что, к сожалению, майора Ляферта уже нет в Константинополе, откуда он переведен. Куда переведен, не сказал. Спрашивать было неудобно. После всего этого он нам

обещал немедленно послать телеграмму в Берлин за указаниями, высказав предположения, что о нас последуют запросы и в Константинополь, но что ответ о нас последует, вероятно, дней через пять.

Для сношения с нами я дал ему адрес до востребования в гор. Цюрихе на имя Тибо. При этом просил посылать только простые письма, так как у меня нет паспорта и эта фамилия вымышленная. Адрес этот я собственноручно записал карандашом (измененным почерком) в записную книжку упомянутого немецкого полковника, который, вынув книжку из кармана, попросил записать меня свой адрес. Я пояснил, что живу в Цюрихе, но что буду там через 3—4 дня, а что теперь я еду в Женеву, где должен буду иметь свидание с некоторыми товарищами, которых думаю пригласить с собою в будущем на дела. В этот момент полковник Бисмарк заметил мне: «Сколько уже лиц являлось по делу этой Охты», — и махнул при этом рукой, усмехнувшись. Мы сделали удивленное лицо и ответили, что очень хотели бы видеть этих лиц.

На основании вышеизложенного у меня сложилось убеждение, что у немцев по делу взрыва на Охтенском заводе имеется какое-нибудь, как я уже говорил об этом, совершенно определенное понятие, а именно:

1) либо им известно, что это происшествие действительно несчастный случай;

2) либо, что это дело рук их агентов, хорошо им известных.

При таких обстоятельствах мы расстались. Не получая никакого ответа в течение 9 дней, я решил еще раз повидаться с Бисмарком и поторопить последнего с ответом исходя из тех соображений, что Бисмарк в разговоре может о чем-нибудь проболтаться, что может оказаться полезным для наших соображений общих. Отсутствие ответа из Берлина я начал истолковывать тем, что немцы через свою агентуру наводят справки относительно взрыва моста в России. Во второй раз мы сначала спросили его по телефону, не получено ли им каких-либо известий для нас. Узнав, что у него ничего для нас не имеется, попросили его назначить нам время для личных переговоров, так как мы хотим оставить ему наш новый адрес. После некоторого колебания он согласил-

ся нас принять, и мы были приняты вторично 16(29) мая с.г., в субботу, в 5 ч пополудни, в той же самой комнате посольства, но в присутствии какого-то господина, который занимался в той же комнате какими-то чертежами. Судя по внешности и манерам, господин этот производил впечатление военного. В наш разговор он не вмешивался.

При этом вторичном свидании фон Бисмарк любезно объяснил, что его роль в данном случае сводится только к посредничеству, что он своевременно сообщил в Берлин обо всем по телеграфу и что неполучение ответа, вероятно, задерживается массой работы и рассылкой нужных людей, поэтому нам надлежит терпеливо ждать. Если же нам нужны деньги, то он еще раз протелеграфирует в Берлин и испросит указаний.

В ответ на это мы ему возразили, что деньги нам пока совершенно не нужны и что этот вопрос нас меньше всего интересует. Следуемые нам деньги мы сможем получить впоследствии, так как мы взялись за исполнение их поручений не по материальным расчетам, а из побуждений политического характера как революционеры. Ввиду этого мы настаиваем на скорейшем свидании с кем-либо из их среды с целью продолжения других дел и установления связей на этот предмет. Все это делается потому, что средства сообщения теперь затруднительны, время идет, а каждый день ожидания только тормозит дело.

Разговор этот произвел на полковника Бисмарка очень выгодное впечатление, и он сказал, что вновь обо всем телеграфирует в Берлин.

При таких обстоятельствах мы расстались вторично. Ввиду неопределенного положения я уехал, сказав «Шарлю», чтобы последний дальнейшие отношения вел самостоятельно и лишь в крайнем случае в добывании агентурных сведений обращался за помощью к нам — в моем лице — и ни в коем случае не соглашался ехать для переговоров, если таковые последуют, в Австрию или Германию.

Я думаю, что немцы, несомненно, наводят справки по делу взрыва моста и что после этих справок к нам могут отнестись в лучшем случае как к шантажистам, а в худшем — вплоть до самых неприятных последствий,

но в интересах розыскного дела, преследуя исключительно надежды добыть хоть какие-нибудь полезные сведения, при таком положении можно было бы рискнуть доказывать немцам, что их агентура и сведения не верны или они просто не осведомлены, так как взрыв мастерской Охтенского завода произведен только благодаря нам, и что в доказательство этого мы можем, находясь в Швейцарии, непосредственно связать немцев с нашим товарищем-революционером, служащим в конторе Охтенского завода, который устроил взрыв в заводе и может организовать еще лучшие взрывы и дать немцам полное объяснение всего, что их может интересовать там.

Исполнение такой ссылки немцам можно было бы осуществить помещением в контору Охтенского завода какого-либо агента полиции, который нами мог бы быть указан как наш товарищ-революционер.

Такой вымысел дал бы возможность обнаружить немецких агентов, находящихся в России, если бы таковые обратились к указанному нами им лицу.

ИЗ ИСПОВЕДИ Б. ДОЛИНА

...Приблизительно в октябре 1914 года в Цюрихе ко мне обратился один знакомый, выходец из России, с просьбой познакомить его брата с кем-нибудь из русских революционеров; он обратился ко мне, так как лично у него в этой среде нет никаких связей. Он просил меня самого также переговорить с братом о деле, сущности которого он лично совсем не знал. Он указал, что брат проживает в Милане и, будучи занят торговыми делами, в Цюрих приехать не может. Он предложил ехать в Милан за его счет.

Я поехал, не зная ясно сути дела и полагая, что оно носит коммерческий характер. В Милане я по указанному адресу встретил господина, проживавшего в гостинице (не помню какой) под именем Бернштейн. Назвавшись братом моего цюрихского знакомого, он рассказал мне, что уже несколько лет как он покинул Россию, поселился в Турции, натурализовался там и постоянно проживает в Константинополе.

Эта встреча произошла незадолго до объявления русско-турецкой войны.

Бернштейн заявил, что в Константинополе он сошелся с деятелями младотурецкого комитета, который будто бы командировал его за границу с миссией войти в сношения с группой русских революционеров, которая согласилась бы по определенным указаниям совершать в России разные террористические акты, направленные к дезорганизации русской военной мощи. Группа, которая возьмется за выполнение этих планов, должна будет действовать совершенно самостоятельно как в смысле выполнения предуказанных заданий, так и в смысле добывания технических средств и нахождения пособников.

Первым пробным делом должен был явиться взрыв железнодорожного моста через реку Енисей. На мой вопрос, какое это отношение имеет к войне, Бернштейн ответил, что этот взрыв должен затруднить перевозку военных грузов из Японии в Россию. Бернштейн предложил мне взяться за это дело, т.е. организовать группу, поехать в Россию и т.д.

Я попросил несколько дней на размышление и на переговоры с подходящими людьми, в случае если бы я решил принять предложение.

Вернувшись в Цюрих, я телеграфно вызвал из Парижа в Швейцарию ротмистра Эдгардта, который тогда был помощником начальника русской политической полиции в Париже Красильникова, и спустя несколько дней мы встретились в Женеве.

Изложив ему суть дела, я спросил об его мнении. Эдгардт мне ответил буквально следующее:

— Если этот тип не безусловный жулик, то дело чрезвычайно серьезное. Ни я, ни мой начальник в Париже Красильников не сможет сам решить этот вопрос. Запросим инструкций из России. Пока же постарайтесь под благовидным предлогом оттягивать окончательный ответ Бернштейну, дабы он не делал каких-нибудь поисков в этом направлении.

Спустя несколько дней получился ответ из России, предписывавший мне переговоры с Бернштейном продолжать, и, в случае надобности в людях или в поездках, приказывалось оказывать содействие людьми, служившими в парижской русской полиции.

Бернштейн к тому времени переехал из Милана в Рим, куда направились к нему я и Эдгардт. В Риме Бернштейн лично подтвердил Эдгардту все вышеизложенное и потребовал, чтобы до поездки в Россию я и Эдгардт, выдававший себя за моего товарища по организации нужной группы, поехали вместе с ним, Бернштейном, в Константинополь, где он нас представит лицам, командировавшим его в Италию.

За это время Турция успела объявить войну России, и на вопрос Эдгардта, как сможем мы, русские, проникнуть в Турцию, Бернштейн нас заверил, что с этой стороны никаких препятствий не встретится.

Условившись с Бернштейном и выяснив, что именно ему нужно, Эдгардт вызвал из Парижа телеграммой своего подчиненного Литвина, чиновника Департамента полиции, до сих пор мне неизвестного господина, лет 40, весьма жадного к деньгам, как оказалось потом, человека малоинтеллигентного, но не глупого, более способного, по-моему, к уголовному сыску, чем к политическому, который должен был вместе с нами и Бернштейном ехать в Константинополь, а сам Эдгардт отправился обратно в Париж, заверив Бернштейна, что едет также в Россию, но только северным путем.

Доехав через Бриндизи до Салоник, где Бернштейн должен был достать нам документы для выезда в Константинополь, мы, т.е. я и Литвин, решили дальше не ехать, так как Бернштейн нужных документов нам не добыл. Уступая усиленным просьбам Бернштейна, мы все-таки согласились проехать до Бухареста, откуда он сам отправился в Константинополь. Мы же остались ждать результатов его поездки.

По дороге нам из расспросов Бернштейна, который, кстати, оплачивал все расходы по поездкам, стало ясно, что он если не врет из каких-нибудь неизвестных нам побуждений, то действует не от имени младотурецкого комитета и даже не от имени турецкого правительства, а является немецким агентом.

Через три дня после отъезда Бернштейна из Бухареста, в ноябре 1914 г., туда приехал из Константинополя господин, который назвал себя сотрудником немецкой газеты «Local Anzeiger» по фамилии Людner, и, переговорив с нами о предложении, сделанном Бернштейном нам, потребовал, чтобы мы с ним поехали в Константинополь. Посоветовавшись между собой, я и Литвин решили, что нам обоим туда ездить нельзя, и с Людnером поехал я один.

Ко времени отъезда Людner принес мне паспорт, выданный немецким посольством на имя Ронэ Ральфа, взамен русского паспорта на то же самое имя, который я ему отдал и который я сам получил от Эдгардта, причем Людner мне заявил, что я свой паспорт получу обратно в Бухаресте, у военного атташе немецкого посольства майора фон Шеллендорфа.

В Константинополе я пробыл всего несколько дней и убедился, что Людner, помимо своей журнальной деятельности, находится на службе у немецкого военного атташе в Константинополе фон Лаферта, с которым Людner в свое время сносился по телефону и к которому очень часто ездил на квартиру. Фон Лаферт лично не счел нужным видеться со мной, очевидно, вполне доверяя Людnеру. Таким образом, моя поездка в Константинополь ничего нового не внесла, оказалась излишней, и я оттуда вскоре уехал обратно в Бухарест, получив от Людnера деньги на расходы по предполагавшемуся предприятию в сумме около 6000 фр.

В Бухаресте я обменял свой немецкий паспорт на русский и вместе с Литвином поехал в Россию через Унгени, я — под именем Ральфа, а Литвин — под своим именем. Приехали мы в Петроград в начале декабря 1914 г. Литвин сделал подробный письменный доклад бывшему директору Департамента полиции Брюн де Сент-Ипполиту, а также вместе с вице-директором того же департамента Васильевым был принят генералом Джунковским, бывшим тогда товарищем министра внутренних дел.

Обсудив подробно создавшееся положение, перечисленные лица решили пустить спустя некоторое время заметку в иностранной печати приблизительно следующего содержания: «Неизвестными злоумышленниками был взорван железнодорожный мост, имеющий некоторое стратегическое значение. Разрушения невелики. Расследование производится».

Местонахождение моста не было указано. Это было около 1-го мая 1915 г. напечатано в газетах «Journal», «Matin» и др.

Возникновение мысли о целесообразности подобной заметки я ставлю в связь с фактом взрыва на Обуховском заводе, а также с некоторыми действительными попытками со стороны неизвестных взрывать железнодорожные мосты в царстве Польском.

Из разговоров с вышеупомянутыми начальствующими лицами у меня сложилось твердое убеждение, что они, безусловно, заинтересованы в том, чтобы подобные явления устранялись во что бы то ни стало.

Общий план был следующий: создать у немцев впечатление, что они имеют в нашем лице дело с хорошо сорганизовавшейся и безусловно им преданной группой, которой они могут вполне доверять.

Весной 1915 г. я и Литвин разновременно опять уехали за границу: он — в Париж, я — в Цюрих. Достав упомянутую выше заметку, напечатанную во многих французских газетах, я и Литвин поехали к военному атташе немецкого посольства в Берне фон Бисмарку.

Прочитав заметку, фон Бисмарк попросил нас подождать несколько дней, пока он снесется по данному поводу с Берлином. Очевидно, из Берлина ответ получился вполне удовлетворительный, так как при нашем вторичном посещении его он нам передал, что для дальнейших переговоров с нами едет из Берлина специально командированный человек. Таковой действительно приехал. Первое свидание с приехавшим состоялось на квартире у Бисмарка приблизительно в мае 1915 г. Приезжий отрекомендовался американским гражданином Джиакомини. На самом же деле в нем как по выправке, так и по произношению легко было узнать немецкого офицера. По почтительному обращению с ним майора Бисмарка можно было заключить, что он занимает видное место.

Джиакомини привез с собой целый список русских фабрик и заводов, которые ему было бы приятно уничтожить. Помимо этого списка, как первоочередную задачу он выставляет покушение (хотя бы и безрезультатное) на жизнь бывшего министра Сазонова, которого они с Бисмарком считали злейшим врагом немцев, и разрушение некоторых угольных копей в Донецком бассейне.

Джиакомини, сносно говоривший по-русски, сказал нам, что он собирается выехать в Россию, где будет руководить нашей дальнейшей работой. Литвин тут же дал ему адрес: Невский, 55 и назвал какую-то фамилию, которую я теперь не помню.

Расставшись с Джиакомини, Литвин немедленно протелеграфировал в Петроград, в Департамент полиции, данный им Джиакомини адрес и фамилию, прося немедленно посадить там филера под такой кличкой.

Вернувшись в Париж, мы спросили Департамент полиции, как нам быть дальше. В ответ получилась телеграмма о том, чтобы в Россию выехал один только я.

Приехав в Петроград, я обратился к бывшему вице-директору Департамента полиции Васильеву, который

меня и ознакомил с тем, что им было предпринято по этому делу.

Они под указанной Литвиным фамилией и по данному адресу посадили филера, устроили наружное наблюдение, сообщили подробные приметы Джиакомини начальникам пограничных пунктов с указанием такого на границе не задерживать, но иметь над ним неусыпное наблюдение. Из разговора с Васильевым я вынес впечатление, что он этим делом очень интересуется и, безусловно, будет рад, если удастся таким образом раскрыть несомненно существующую в России немецкую агентуру.

Ожидания наши были напрасны. Джиакомини в Россию упорно не приезжал. Прождав все сроки и еще несколько дней сверх того, мы запросили по телеграфу фон Бисмарка о причине неприезда Джиакомини. Была отправлена следующая телеграмма на французском языке: «Беспокоюсь отсутствием отца. Телеграфируйте, как быть дальше. Ральф». Для ответа были даны фамилия и адрес, данные для свидания Литвиным (Невский, 55). В ответ пришла следующая телеграмма: «Выехал. Не ждите. Дело продолжайте. Ральф».

Спустя дней пять после получения этой телеграммы произошел следующий неожиданный случай: какой-то чиновник Министерства иностранных дел, впоследствии оказавшийся душевнобольным (фамилии не помню — кажется, Шаскольский), ворвался в кабинет товарища министра иностранных дел Ператова, замахнулся на него топором и едва его не убил, но был вовремя удержан.

Этот непредвиденный нами случай мы использовали следующим образом. Нами была отправлена Бисмарку телеграмма: «Подряд взят. Пришлите управляющего в Стокгольм». Впоследствии выяснилось, что ответная телеграмма пропала в пути, но я все же выехал в Стокгольм. Здесь в германском посольстве узнал, что меня уже ждут. Вместо Джиакомини приехал другой, который мне и заявил, что Джиакомини поехать в Россию не мог по непредвиденным обстоятельствам (эти обстоятельства мне до сих пор неизвестны), что работой нашей они довольны и что нужно было бы приняться за более серьезные дела, мобилизовать для этого все силы.

Этим более серьезным делом оказалось следующее: ввиду того, что, как известно немцам, еще в 1905 г. в

Черноморском флоте было революционное движение, выразившееся в памятном мятеже на броненосце «Князь Потемкин», ввиду того, что во флоте сохранился антиправительственный дух, желательным является, подняв мятеж матросов, внушить им увести судна «Мария» и «Пантелеймон» в Турцию. Мне был предоставлен целый план обеспечения личной свободы и материального благосостояния для тех офицеров и матросов, которые приняли бы участие в акте, а также указания, как поступить с сопротивляющимися, причем из этой последней категории офицеров надо бросать в воду, а матросов только связывать.

Было также предложено организовать отдельную группу, которую надлежало отправить в Архангельский порт и на Мурманскую жел. дор. В Архангельске важно было возможно больше мешать правильному сообщению пароходов, курсирующих между Архангельском, Англией и Америкой.

Замечу кстати, что это происходило в период зарождения военно-промышленных комитетов, которые были для немцев очевидной угрозой. В частности, рекомендовалось в Архангельске устраивать пожары на территории порта и по возможности портить прибывающие туда пароходы, не останавливаясь и перед взрывами таковых.

Что касается Мурманской жел. дор., то рекомендовалось всячески препятствовать постройке ее. Способы: устраивать забастовки рабочих и в крайнем случае портить механические материалы.

Приняв изложенное к сведению, я уехал в Стокгольм и на дорогу получил 30 000 фр., которые вручил вице-директору Департамента полиции Васильеву. Ездил я под именем купца Ральфа.

За весь период моего последнего пребывания в России, после свидания с Джиакомини, с мая по сентябрь 1915 г. Васильевым в курс дела был введен заведующий контрразведкой подполковник Федоров, проживавший в Петрограде.

Приехав в Петроград, я сделал Васильеву подробный доклад о своей поездке, и, обсудив с ним положение, мы пришли к тому заключению, что в ближайшем будущем ничего делать не нужно. В этом наше решение одобрено и бывшим директором Департамента полиции Брюн де Сент-Ипполитом.

Осенью 1915 г. в середине октября я выехал в Цюрих. Перед отъездом я еще раз побывал у Васильева, который уже тогда собирался выходить в отставку. Добавляю здесь, что полковник Федоров одобрил каждый наш шаг и не предпринимал сам ничего самостоятельно. Васильев посоветовал мне в дальнейшем держаться следующей тактики: самому к немецким агентам не показываться, а если кто-нибудь из них обратится ко мне, то сказать, что вследствие сильного провала в России ничего теперь сделать не удалось и что обстоятельства работы в России теперь таковы, что навряд ли можно ожидать каких-нибудь положительных результатов, причем просил в случае возникновения каких-нибудь новых предложений со стороны немцев, не принимая их, категорически от них не отказываться и о каждом отдельном предложении извещать его.

В январе 1916 г. в Цюрих приехал опять тот же Бернштейн и сказал мне, что для них представляется в данный момент очень важным прекратить производство взрывчатых веществ на Шостенском и Тульском патронных заводах. Я, руководствуясь данной инструкцией, дал уклончивый ответ, который в общих чертах сводился к тому, что в ближайшее время, по выяснении положения дел, в России ничего предпринять нельзя, а что я постараюсь навести справки. Это оттягивание шло приблизительно до марта 1916 г. В марте я получил приглашение приехать в Берн для личных переговоров по очень важному делу. Приехав туда, я был у Бисмарка, и он сказал мне, между прочим, следующее:

«У русских одно преимущество перед нами на Черном море — это „Мария“. Постарайтесь убрать ее. Тогда наши силы будут равны, а при равенстве сил мы победим. Если нельзя окончательно ее уничтожить, то хоть постарайтесь выбить ее из строя на несколько месяцев».

Затем он передал, что сейчас со мной будет говорить их посол, но чтобы я не подал виду, что знаю, с кем говорю.

Когда пришел этот незнакомый мне господин, посол, то он завел разговор об общем положении в России, в коем показал довольно большую осведомленность в разных оттенках русских общественных настроений. Поговорив со мной около получаса и, очевидно, оставшись

доволен моими ответами, он спросил меня, не соглашусь ли я поехать в Россию для организации в широком масштабе революционной повстанческой пропаганды среди рабочих и крестьян.

В программу входили рабочие и аграрные беспорядки с самым широким саботажем, а также с лозунгом: «Долой войну!» Между прочим, в разговоре он выразился, что люди различных идейных мировоззрений во время этой войны во многом неожиданно сошлись и разошлись. Указал на Бурцева и Кропоткина — людей различных взглядов, однако сошедшихся отношением к войне.

На мой запрос — как быть? — петроградский Департамент полиции ответил мне через Красильникова следующее: «Оба предложения принять. О „Марии" условно, о пропаганде безусловно». Мне предписывалось выехать в Россию.

Уезжая в Россию, я условился с немцами, что через два месяца встречусь с ними в Стокгольме. По приезде в Россию через Швецию под именем Ральфа, приблизительно в мае 1916 г., я отправился, согласно указанию Красильникова, к Броецкому, тогда делопроизводителю Департамента полиции.

Броецкий сказал мне, что Департамент полиции вряд ли может вплотную заняться этим делом, а потому я буду передан в распоряжение военных властей.

В таком ожидании проходили недели и недели, но ничего не было сделано. Броецкий уехал в отпуск и познакомил меня со своим заместителем — его фамилии я не знаю. С военными властями я сведен не был, и когда начал приближаться срок свидания в Стокгольме, я стал просить паспорт, мне сначала обещали, а за несколько дней до самой поездки мне было заявлено, что паспорта дать не могут ввиду того, что каждый паспорт, выдаваемый на поездку за границу, проходит через специальное контрольное бюро, назначенное властями, а те отказались выдать мне паспорт на основании каких-то особых, имеющихся у них сведений обо мне. На вопрос, подозревает ли меня Департамент полиции в чем-нибудь неблаговидном, мне ответили: «Безусловно нет».

Таким образом, связи с немцами были чисто автоматически порваны, и, видя, что мне делать здесь больше нечего, я заявил, что хочу уехать из Петрограда.

Уехал я в Одессу, куда прибыл в конце июля 1916 г., и стал жить под своим собственным именем ввиду предстоящего призыва моего возраста.

В сентябре по мобилизации был принят в солдаты как ратник второго разряда. Служил в N-й дружине в Одессе, затем был неожиданно переведен в Харьков. За все время службы находился под надзором — сперва тайным, потом явным. Причины надзора не знаю. Но с переводом в Харьков надзор был снят. Из газет узнал о взрыве «Марии», а вслед за тем о пожаре в архангельском порту. Прочитав эти сведения в газетах, я написал письмо опять назначенному на должность директора Департамента полиции Васильеву о том, что своевременно как устно, так и письменно было мною обращено внимание. Ответа не последовало никакого. Проверены ли были мои указания и почему власти закрыли глаза на показанную мною опасность, не знаю. 25-го февраля я был освобожден от военной службы по болезни. Разновременно получил от немцев тысяч 50 фр. Все деньги передавал Департаменту полиции, в лице Красильникова (тысяч 15) и Васильева (тысяч 35), а они уже давали мне на расходы, впрочем в недостаточной мере. Приходилось тратить из собственных средств...

Список использованной литературы

Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1991.

Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918.

Бах А. Н. Записки народовольца. М., 1931.

Брачев В. С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.

Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М., 1989.

Былое. Пг., 1900—1926.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания 1849—1911 гг. М., 1991.

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991.

Голос минувшего. М., 1918—1923.

Джанибекян В. Провокаторы. М., 2000.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М.; Л., 1934.

Заварзин П. П. Жандармы и революционеры. Париж, 1930.

Заварзин П. П. Работа тайной полиции. Париж, 1924.

История сыска в России: В 2 кн. Минск, 1996.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996.

Кантор Р. М. В погоне за Нечаевым. Л., 1925.

Кошель П. А. История российского терроризма. М., 1995.

Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991.

Лопухин А. А. Из служебного опыта: Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.

Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649—1917. М., 1998.

Меньщиков Л. П. Охрана и революция. Ч. 1—3. М., 1925—1932.

Меньщиков Л. П. Русский политический сыск за границей. Париж, 1914.

Николаевский Б. И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991.

Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826—1880 гг.). М., 1982.

Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Лондон, 1998.

Райкс Г. Большое ухо Парижа: Французская полиция: История и современность. М., 1981.

Романовы. Исторические портреты. Книга вторая. Екатерина II — Николай II. М., 1997.

Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997.

Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границей. Ростов-на-Дону, 1921.

Сватиков С. Г. Заграничная агентура Департамента полиции: Записка С. Сватикова и документы Заграничной агентуры. М., 1941.

Сокольский Ю. М. Цари и министры (популярные очерки). Спб., 1998.

Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991.

Троцкий И. М. III Отделение при Николае I. Л., 1990.

Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1927.

Тихомиров Л. А. Заговорщики и полиция. М., 1930.

Фосдик Р. Организация полиции в Европе. Пг., 1917.

Черняк Е. Б. Судебная петля: Секретная история политических процессов на Западе. М., 1991.

Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и Вольная печать. М., 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Андрей Балабуха. Экскурсия в цветной туман 3

ЧАСТЬ 1. III ОТДЕЛЕНИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

«Не в нравах российских сей умысел...» 11
Первые ласточки 21
Шпионы королей и короли шпионов 28
«Нельзя ничего оставлять без внимания...» 38
Литераторы, дипломаты и прочие агенты 46
«Шпионство усилилось до наглости...» 64
«Добыть и доставить!» 70
«Я постиг этих господ...» 82
«Где такого взять?» 91
«Не откажите для пользы родины помочь...» 99

ЧАСТЬ 2. НАСЛЕДНИКИ III ОТДЕЛЕНИЯ

Брат № 729 111
Смерть, полезная для России 127

ЧАСТЬ 3. КОРЫСТОЛЮБИВЫЙ РЫЦАРЬ ПРОВОКАЦИИ

Полицейский-провидец 137
General RUSSO 144
Погром в Женеве 151
«Почему я перестал быть революционером...» 154
Щедроты по отчетам 157
Патриоты двух стра н 163
«Правительства с ним считаются...» 170
Любитель агентурного дела 176
«Долой папу!» 187
Прерванный полет 201
Мирная работа мастера сыска 206
«Завтра будут христосоваться...» 209
«Обо всем знает, во все входит...» 216

ЧАСТЬ 4. НЕ ТОТ ГЕРОЙ

«Слишком светский человек...» 221
Пустая скорлупа 229
Нестандартные решения 241
«Будь у нас те деньги!» 249
Японский шифр французского изготовления 256
Старый способ для новых дел 267
Палка о двух концах 273
Особое влечение к масонам 285

ЧАСТЬ 5. «ЗВЕЗДА» ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРЫ

Контракт провокатора 297
Полицейская лаборатория для террористов 309
Берлинская агентура 322

ЧАСТЬ 6. ЧАСТНЫЕ БЮРО

Распродажа 335
Клички 346
Разоблачения 372
Противостояние 392
Шпионаж 409

ЧАСТЬ 7. ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Начальники III отделения 415
Министры внутренних дел российской империи 417
Министры внутренних дел временного правительства в 1917 году 423
Директора департамента полиции 425
Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения 426
Доклад заведующего Заграничной агентурой А. А. Красильникова директору Департамента полиции Н. П. Зуеву от 11/24 июня 1910 года 438
Доклад заведующего Заграничной агентурой А. А. Красильникова директору департамента полиции С. П. Белецкому 1911 год 445
Справка об организации Заграничной агентуры 457
Донесение секретного сотрудника А. Литвина заведующему Заграничной агентурой А. А. Красильникову от 1 июня 1915 года 461
Из исповеди Б. Долина 466
Список использованной литературы 476